S 16/64
Z 2

2007055486

S 16/64

Одвеш 3

О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

О

ПРЕПОДАВАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА.

СОЧИНЕНІЕ

Ѳедора Буслаева,

СТАРШАГО УЧИТЕЛЯ 3-Й МОСКОВСКОЙ, РЕАЛЬНОЙ ГИМНАЗІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1844.

Печатать позволяется.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 20 го Марта, 1844 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

введеніе 1
матеріялы для Руской Граммашики 14
членораздѣльные звуки 15
звуки гласные 16
звуки полусогласные 26
звуки согласные 38
приставки и окончанія 49
сложныя слова 60
образованіе нарѣчій 69
производство мѣстоименій 78
мѣстоименныя нарѣчія 85
склоненіе 87
спряженіе 89
значеніе и раздѣленіе мѣстоименій 92
исторія рускихъ мѣстоименій 95
о родахъ именъ существительныхъ 104
степени сравненія 134
синтаксическія замѣтки 141
имя ..... —
глаголъ 149

Стран.

предлогъ 159
союзъ 162
матеріялы для Руской Стилистики 164
ономашика 170
народный языкъ 191
1. шавтологія 192
2. описаніе 195
3. эллипсисъ 196
4. эпитеты 198
5. періодъ 202
6. сравненіе 205
7. Фразеологія 207
исторія народнаго языка 209
архаизмы 228
1. ономашика 230
2. изобразительныя выраженія 235
3. бытъ воинскій 237
4. бытъ юридическій. Лѣтопись. Старина 241
5. бытъ религіозный. Отечество. Честь 243
6. бытъ семейный и общественный 248
7. языческій взглядъ на природу физическую. Языческая Символика. Миѳологія, поэзія, игры 254
8. Христіянскій взглядъ на природу физическую. Христіянская Символика. Краснорѣчіе 279
9. зодчество, ваяніе, живопись, музыка 284
10. предложеніе, пословица, періодъ, рѣчь 291
исторія архаизмовъ 303
стихіи чужеземныя 309
1. грецизмы въ церковномъ языкѣ 316
2. время 317
3. науки и искусства 320
4. алфавиты 323
5. варваризмы въ лѣтописяхъ 325
6. варваризмы въ народномъ языкѣ 327

Стран.

7. исторія варваризмовъ отъ Петра Великаго 328
провинціализмы 338
1. въ Вологодской губерніи 344
2. въ Архангельской губерніи 347
3. по Волхову, въ окрестностяхъ Полоцка, Смоленска и пр. 349
4. въ Ярославской губерніи 352
5. въ Костромской губерніи 363
6. въ Тверской губерніи 354
7. въ Владимирской губерніи 356
8. въ Тульской губерніи 357
9. въ Рязанской губерніи 358
10. въ Сибири 359
11. въ Малороссіи 370
заключеніе. 373

МАТЕРІАЛЫ

для

РУССКОЙ ГРАММАТИКИ И СТИЛИСТИКИ.

Въ настоящее время наука объ языкѣ достигла высокой степени совершенства. Одни филологи изслѣдуютъ вдругъ по нѣскольку языковъ древнихъ и новыхъ, азіятскихъ и европейскихъ, и сравниваютъ ихъ между собою; другіе берутъ какой либо одинъ языкъ, проходятъ его по всѣмъ нарѣчіямъ, и послѣдовательно ведутъ его исторію отъ самыхъ древнихъ памятниковъ его литературы до позднѣйшихъ временъ; третьи подводятъ всѣ частныя видоизмѣненія грамматическихъ формъ къ общимъ философскимъ законамъ. Первый способъ изученія называется *сравнительнымъ*, второй—*историческимъ*, третій—*философскимъ*. Такимъ образомъ

БИБЛІОТЕКА

Филологія разработывается теперь и въ ширину т. е. сравнительно, и въ длину—исторически, и въ глубину—философски. Эти три способа взаимными силами подкрѣпляютъ другъ друга. Такъ историческій обыкновенно идетъ рука объ руку съ сравнительнымъ; притомъ историческій есть уже вмѣстѣ и сравнительный, ибо предполагаетъ сравненіе формъ языка въ различныхъ періодахъ времени; а сравнительный вмѣстѣ и историческій, ибо сравниваетъ языки различныхъ временъ. Оба они служатъ матеріальной основой способу философскому, который съ своей стороны освѣщаетъ идеею и совокупляетъ стройнымъ единствомъ многоразличные и разрозненные факты изученія историческаго и сравнительнаго. Теперь лучшая сравнительная Грамматика Ф. Боппа; Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen 1833—1842 г.; лучшая историческая Я. Гримма: Deutsche Grammatik, въ четырехъ частяхъ: послѣдняя часть вышла въ 1837 г., третье изданіе первой въ 1840 г.; лучшая философская К. Ф. Беккера: Organism der Sprache, второе изданіе, 1841 г.

Состоя въ тѣсной связи со всѣми Славянскими нарѣчіями и преимущественно съ церковнымъ, Русскій языкъ необходимо долженъ изучаться сравнительно; Славянское народописаніе, составленное Шафарикомъ, и переведенное на Русскій языкъ Проф. Бодянскимъ въ 1843 г., предлагаетъ матеріалы для сравнительной Грамматики Славянскихъ нарѣчій;

Грамматика Боппа связываетъ Славянскій языкъ съ Индо-европейскими. Обоюдное содѣйствіе языка Русскаго и Церковно-Славянскаго въ теченіи всей исторіи нашей Словесности, и въ слѣдствіе того, измѣненіе формъ того и другаго, вмѣняютъ въ обязанность изученіе нашего языка историческое. Для исторіи Церковно-Славянскаго классическое сочиненіе Іос. Добровскаго: Institutiones Linguae Slavicae dialecti veteris, 1822 г., переведенное Проф. Погодинымъ и Шевыревымъ въ 1833—1834 г.; для исторіи Русскаго языка Грамматики не имѣемъ. Лучшее сочиненіе въ области Славянской Филологіи, соединяющее въ себѣ историческое изученіе съ сравнительнымъ, Іос. Юнгманна: Slownik Cěsco-Německy, Словарь Чешско-Нѣмецкій, въ пяти частяхъ, 1835—1889 г.; дополненіемъ къ нему можетъ служить Польскій Словарь Линде, въ шести частяхъ.

Хотя общая философская Грамматика легко примѣняется ко всякому языку, однако безъ сравнительнаго и историческаго запасу будетъ она у насъ весьма шатка и несостоятельна. Изслѣдователь Русскаго языка долженъ имѣть въ виду послѣдніе, непреложные результаты ея, но не поддаваться остроумнымъ сближеніямъ и систематическимъ натяжкамъ. Главнѣйшія заслуги Философіи языка состоятъ: 1) въ опредѣленіи языка органическимъ, живымъ и цѣлымъ произведеніемъ духа человѣческаго; 2) въ признаніи тѣснѣйшей, неразрывной связи между этимологіею и синтаксисомъ;

3) въ точнѣйшемъ опредѣленіи частей рѣчи, и
4) въ систематической обработкѣ синтаксиса.

I. Мысль объ организмѣ языка принадлежитъ В. Гумбольдту, который преимущественно развилъ оную въ предисловіи къ своему сочиненію: Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Iava, 1836. Беккеръ проводитъ ее черезъ всю Грамматику. Прежде думали, что языкъ составился какимъ то безжизненнымъ, механическимъ наборомъ звуковъ, начиная отъ буквъ и складовъ до предложеній; предполагали, что прежде всего человѣкъ изобрѣлъ отдѣльные звуки, потомъ отдѣльныя слова, далѣе началъ ихъ измѣнять, склоняя или спрягая, и наконецъ изъ словъ составилъ предложеніе. Этому-то мнѣнію о мертвенномъ составѣ языка противополагается теорія о живомъ организмѣ онаго. Человѣкъ говоритъ, ибо мыслитъ; мысль выражается не отдѣльнымъ звукомъ, но цѣлымъ рядомъ словъ: слѣдовательно, предложеніе есть основная форма рѣчи.

2. Какъ понятіе есть сжатое сужденіе, такъ и во всякомъ имени или глаголѣ основою лежитъ предложеніе, напр. источникъ — то, что истекаетъ; дѣло — то, что сдѣлано, дѣлается; крыло — то, чѣмъ покрывается; идетъ, говоритъ — подразумѣвается: кто нибудь. Опредѣленіе также вышло изъ предложенія: прилежный ученикъ — изъ: ученикъ прилеженъ; слѣдовательно, прилагательное внѣ предложенія не можетъ быть объяснено. Дополненіе есть необходимая синтаксическая принадлежность

глагола и прилагательнаго, напр. Богъ сотворилъ небо и землю, душа наклонно къ добру; слѣдовательно, падежъ и предлогъ объясняются только въ предложеніи. Существительныя, произшедшія отъ глаголовъ и прилагательныхъ — относительныхъ, требуютъ тоже дополненія; такъ изъ предыдущихъ предложеній образовываются: сотвореніе неба и земли, наклонность къ добру. Выраженія: восходъ солнца, посѣвъ пшеницы, густота лѣса — вышли изъ предложеній: солнце восходитъ, пшеница посѣяна, лѣсъ густъ. Такимъ образомъ синтаксисъ есть основа всему построенію языка; этимологія же только приспособляетъ слова различными измѣненіями и формами къ составленію предложенія. Какъ слово есть часть предложенія, такъ и этимологія входитъ въ синтаксисъ, какъ его часть. Части рѣчи суть не иное что, какъ различныя формы мысли. Подлежащее и сказуемое могутъ выражаться различными формами: подлежащее — существительнымъ, прилагательнымъ, мѣстоименіемъ, глаголомъ и пр., однако всегда въ видѣ именительнаго падежа; сказуемое — глаголомъ, прилагательнымъ, существительнымъ и пр., однако всегда въ видѣ глагола. Равнымъ образомъ обстоятельство можетъ быть выражено, или въ формѣ нарѣчія — вчера, сюда, или существительнаго въ падежѣ или съ предлогомъ — ночью, въ городъ, или дѣепричастія — говоря, — однако всегда въ видѣ нарѣчія. Дополненіе выражается или падежемъ, или предлогомъ: то и другое есть внѣшняя форма до-

полненія. Опредѣленіе бываетъ или въ видѣ прилагательнаго — суконный кафтанъ, или существительнаго въ именит. над. — рѣка Днѣпръ, или въ косвенномъ — кровать слоновыхъ костей, или съ предлогомъ — кафтанъ изъ рудожелтаго сукна: однако всѣ эти формы употребляются въ видѣ прилагательнаго. Смотря по своему служенію въ предложеніи — когда, тогда, гдѣ, здѣсь — могутъ быть и союзами и нарѣчіями. Слѣдовательно, всѣ части рѣчи и измѣненія ихъ получаютъ свой смыслъ по мѣсту, занимаемому ими въ предложеніи. Впрочемъ кромѣ того имѣютъ онѣ и свое собственное неизмѣнное значеніе, какъ отдѣльныя формы. Опредѣленіе этихъ формъ составляетъ ученіе о категоріяхъ частей рѣчи.

3. Между частями рѣчи съ перваго взгляду замѣчается слѣдующее весьма важное различіе: именъ существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ несмѣтное множество, число же мѣстоименій, предлоговъ, союзовъ весьма ограниченно. Нарѣчій коренныхъ также не много, а производныхъ можно образовать столько же, сколько именъ и глаголовъ. Имена числительныя хотя могутъ восходить до безконечности, но отличаются отъ прочихъ частей рѣчи тѣмъ, что вращаются повтореніемъ не многихъ основныхъ названій. Слѣдовательно, разнообразіе мыслей выражается именами существительными, прилагательными и глаголами; собраніе ихъ составляетъ Словари. Прочія же части рѣчи всѣ исчисляются въ Граммапикѣ, за исключеніемъ про-

изводныхъ нарѣчій и разнообразныхъ повтореній въ образованіи именъ числительныхъ. Въ Словарѣ содержится вещество языка; Грамматика этому веществу даетъ образъ и смыслъ; достояніе Словаря — только одни неподвижныя названія предметовъ: Грамматика опредѣляетъ ихъ общее значеніе и указываетъ на живое вращеніе ихъ въ языкѣ. Такъ какъ число мѣстоименій, предлоговъ, союзовъ, основныхъ нарѣчій и числительныхъ ограничено, а употребленіе ихъ въ языкѣ необходимо ежеминутно, то очевидно, что сіи части рѣчи должны выражать въ себѣ какія либо *общія* отношенія, примѣняемыя ко всякому содержанію разговора или рѣчи. А такъ какъ общее для всякой рѣчи не можетъ выразить того, что хотимъ сказать *опредѣленно* о какомъ-либо извѣстномъ предметѣ, то ясно, что для изображенія точной, опредѣленной мысли должны мы употреблять существительныя, прилагательныя и глаголы: ибо только сіи части рѣчи выражаютъ все разнообразное содержаніе мысли, а потому могутъ быть названы *знаменательными* (Begriffswörter), въ противоположность остальнымъ, кои назовемъ *служебными* (Formwörter). 1.) Служебныя части рѣчи соотвѣтствуютъ флексіи, приставкамъ и окончаніямъ знаменательныхъ; предлогъ соотвѣтствуетъ падежу: въ Кіевѣ по церковнослав. Кіевѣ, въ Кіевъ—Кіеву; два, двѣ—двойственному числу: два крыла—крилѣ; личное мѣсто-

1) Эти термины беру изъ Ломоносовой Грамматики.

именіе—личному окончанію глагола: знаю, знаешь и я зналъ, ты зналъ; союзъ—иногда наклоненію: да будешъ и будь. Два предложенія могутъ соединяться или окончаніемъ — дѣла-ющій, или мѣстоименіемъ — который дѣлаетъ, или союзомъ. Глаголы вспомогательные относятся также къ служебнымъ частямъ рѣчи, ибо и они соотвѣтствуютъ флексіямъ и образующимъ слогамъ: сдѣлаю и буду дѣлать. Знаменательныя части рѣчи выражаютъ предметъ рѣчи, служебныя—личность говорящаго, способъ представленія этого предмета. Такъ какъ самодѣятельность говорящаго отпечатлѣвается и на именахъ и глаголахъ флексіями, то и въ этомъ отношеніи сходство между флексіями и частями рѣчи служебными.

4. Такъ какъ синтаксисъ болѣе, чѣмъ этимологія, подлежитъ анализу логическому, потому бо́льшую и существеннѣйшую пользу принесла философская Грамматика синтаксису. По системѣ Беккеровой обработанъ теперь синтаксисъ Греческаго и Латинскаго языка. Кромѣ Беккера, для синтаксиса должно указать на сочиненіе Герлинга: Die Syntax der deutschen Sprache, двѣ части 1830 — 1832 года.

Односторонность философской Грамматики состоитъ въ томъ, что она видитъ въ языкѣ только одну логику, опуская изъ виду всю полноту и многосторонность народной жизни. По этому-то несравненно глубже историческій взглядъ Гримма на языкъ. Гриммъ полагаетъ Филологію краеуголь-

нымъ камнемъ не только Исторіи, но и Правовѣденію и Миѳологіи, въ чемъ всякъ убѣдится изъ его Deutsche Rechtsalterthümer и Deutsche Mythologie. Только историческая Грамматика можетъ познакомить съ внутренними силами и богатствомъ языка. Сравнительный способъ надеженъ единственно тогда, когда исторически исчерпаны всѣ сокровища языка; такъ главный недостатокъ Филологическихъ наблюденій Павскаго (1841—1842 г. 3 части) состоитъ въ томъ, что сравненіе Русскихъ формъ съ языками чуждыми не скрѣплено исторіею Славянскаго языка; отъ того недостаетъ и сравненія съ Славянскими нарѣчіями.

Держась методы Гриммовой, предлагаю нѣсколько матеріаловъ для исторической Русской Грамматики. Надѣюсь, что меня не осудятъ за то, что разсматриваю Русскій языкъ въ тѣсной связи съ Славянскими нарѣчіями: Нѣмецкая Грамматика Гримма обнимаетъ всѣ Нѣмецкія нарѣчія. Главнѣйшіе памятники литературы, коими я пользовался:

1. Остромирово Евангеліе 1056—1057 года, изданное Востоковымъ съ грамматическими объясненіями 1843. Для грамматики этого памятника: Разсужденіе Востокова о Славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ Грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ, въ Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. 1820, XVII. Остромирово Евангеліе есть древнѣйшій церковнославянскій памятникъ, писанный Кирилловскими буквами.

2. Кеппена Собраніе Словенскихъ памятниковъ, 1827, содержитъ въ себѣ спапьи Фрейзингенской рукописи, относящейся къ X вѣку (957 — 994). Съ Граммашикою и Словаремъ.

3. Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache, издан. Шафарикомъ и Палацкимъ 1840; содержашъ въ себѣ: Судъ Любуши, отрывокъ Евангелія отъ Іоанна (оба IX или X в.), Глоссы Mater Verborum 1202 г. Образцовое филологическое изданіе, съ Граммашикою и Словаремъ.

4. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, К. Калайдовича, 1824. Классическое, лучшее у насъ филологическое сочиненіе; кромѣ отрывковъ изъ произведеній Іоанна Ексарха (жившаго въ концѣ IX и началѣ X в.), содержитъ любопытнѣйшія приложенія: при отрывка изъ повѣсти о раззореніи Трои, переведенной по повелѣнію Болгарскаго Князя Симеона пресвитеромъ Григоріемъ; о составленіи Словенскаго Алфавита, сочиненіе монаха Храбра; о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суевѣріяхъ, и др.

5. Русскія достопамятности, двѣ части, 1815 — 1843; въ нихъ Русская Правда и памятники литературы XI в. и позднѣйшіе, съ филологическими примѣчаніями.

6. Лѣтопись Несторова по Лаврентьевскому списку, изд. Тимковскимъ 1824. Несторъ жилъ въ XI въ началѣ XII в.; рукопись 1380 г.

7. Памятники Россійской Словесности XII в., изданные К. Калайдовичемъ, 1821; между ними со-

чиненія Кирилла Туровскаго, слово Даніила Заточника и др.

8. Слово о полку Игоревѣ.

9. Краледворская Рукопись, четвертое изданіе Ганки, 1843. Хотя эта Чешская рукопись относится къ XIII в. (около 1280—1290), однако содержитъ поэмы, носящія на себѣ слѣды гораздо большей древности и воспѣвающія языческій бытъ Славянъ.

10. Новогородскія лѣтописи, изд. Археограф. Коммисіею, въ третьемъ томѣ Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, 1841.

11. Кіевская и Вольнская лѣтописи, изд. Археограф. Коммисіею ibid., во второмъ томѣ, подъ именемъ Ипатьевской лѣтописи, 1843.

12. Псковская лѣтопись, изд. Погодинымъ, 1837, съ историческими и филологическими замѣчаніями.

13. Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. К. Калайдовичемъ, съ присовокупленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, 1818. Драгоцѣннѣйшій памятникъ для исторіи Русскаго языка до Петра Великаго.

14. Приводимые Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ къ И. Г. Р. отрывки изъ древнихъ рукописей.

15. Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума, составленное Востоковымъ, 1842, содержитъ отрывки изъ рукописей различныхъ временъ.

Знаю, что остается еще необозримое количество матеріаловъ для исторической Русской Грам-

машики; чувствую и то, что я не могъ и вышеисчисленными памятниками воспользоваться вполнѣ, во первыхъ уже и потому, что не имѣлъ въ виду изслѣдовать всѣ части Граммашики; покрайней мѣрѣ по силамъ своимъ пытался дать историческую основу Русскому языковѣдению.

Въ присоединеніи Стилистики къ Граммашикѣ не вижу никакого неудобства: ибо и нѣкоторыя Граммашическія статьи, по своему отношенію къ древностямъ, къ быту народному и литературѣ, разширяютъ уже область Граммашики, такъ напр. статья о родахъ, о словахъ сложныхъ. Отъ Словаря и Синтаксиса Стилистика восходитъ къ построенію цѣлой рѣчи, оратор скаго слова, поэтическаго описанія и пр. Въ словесномъ произведеніи каждая часть проникнута общею мыслію цѣлаго; провести же эту общую мысль отъ отдѣльнаго слова и предложенія черезъ цѣлую рѣчь и прозаическую и поэтическую, и связать единою жизнію всѣ разрозненныя части ея можно только тогда, когда совокупимъ тѣсною связью Граммашику съ Стилистикой.

Кто знаетъ, какъ труденъ въ Филологіи исторической путь, тотъ вѣрно не осудитъ меня въ недостаткѣ стройной системы и полноты. Я и самъ очень хорошо вижу, что предложенные мною немногіе матеріалы—только зародышъ того, чему быть слѣдуетъ. Исторія Рускаго языка ожидаетъ такихъ же необъятныхъ трудовъ, какіе положилъ

Карамзинъ на созданіе Исторіи Государства Россійскаго.

Впрочемъ, чтобы совершенно отклонить отъ себя нападки на то, почему избрано для обработки то, а не другое, и почему между нѣкоторыми статьями нѣтъ систематическаго перехода, — долженъ признаться я въ скромномъ, но чрезвычайно лестномъ для меня стремленіи выполнить завѣщаніе Ломоносова. Въ 1825 году обнародована была собственноручная его записка слѣдующаго содержанія 1):

Филологическія изслѣдованія и показанія къ дополненію Грамматики надлежащія.

1. О сходствѣ и перемѣнахъ языковъ.
2. О сродныхъ языкахъ Россійскому.
3. О Словенскомъ церковномъ языкѣ.
4. О простонародныхъ словахъ.
5. О преимуществахъ Россійскаго языка.
6. О чистотѣ Р. я.
7. О красотѣ Р. я.
8. О синонимахъ.
9. О новыхъ Россійскихъ рѣченіяхъ.
10. О чтеніи книгъ старинныхъ....
11. О Лексиконѣ.
12. О переводахъ.

Въ этихъ двѣнадцати пунктахъ заключается оправданіе, почему я, не думая о нововведеніяхъ, осмѣлился расширить предѣлы Грамматики, и для

---

1) Московскій Телеграфъ No XIX.

чего ввелъ въ науку статьи объ архаизмахъ, народномъ языкѣ, провинціализмахъ и варваризмахъ.

Пока у насъ не будетъ полной сравнительно-исторической Грамматики, до тѣхъ поръ слѣдовательно не будетъ и краткаго извлеченія изъ оной для Гимназій. Предложенными мной матеріалами можно пользоваться съ учениками только при чтеніи писателей древней и новой литературы Русской. Въ послѣдствіи, какъ результатъ чтенія, можно предложить имъ нѣкоторыя статьи въ систематическомъ порядкѣ, согласуясь съ силами и знаніями учащихся.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ.

Обращаю вниманіе: на членораздѣльные звуки, какъ важнѣйшій и основной въ этимологіи предметъ; на образованіе словъ, т. е. на приставки и окончанія, слова сложныя, нарѣчія; на мѣстоименія въ связи съ склоненіями и спряженіями; на роды именъ существительныхъ и степени сравненія прилагательныхъ. О глаголахъ говорю въ синтаксической части, ибо глаголъ есть среднее, основное звено предложенія; туда же отношу статьи о союзахъ и предлогахъ. Впрочемъ должно замѣтить, что я не счелъ нужнымъ полагать строгаго разграниченія этимологіи отъ синтаксиса: потому и въ этимологической части найдется много синтаксическаго.

ЧЛЕНОРАЗДѢЛЬНЫЕ ЗВУКИ.

Членораздѣльностью слово существенно отличается отъ музыкальныхъ звуковъ и звѣринаго крика 1). Согласные звуки необходимо сопровождаются движеніемъ воздуха, который по отверстію, гдѣ проходитъ, и по мѣсту, гдѣ образуетъ звукъ, опредѣляетъ различные согласные звуки. Такимъ образомъ составляется слогъ. Въ немъ собственно одинъ звукъ, а не два, или нѣсколько, какъ казалось бы по обыкновенному нашему способу написанія. Раздѣленіе простаго слога на звукъ согласный и гласный, какъ на части самостоятельныя, есть только искусственное. Въ природѣ же согласный и гласный такъ опредѣляютъ другъ друга, что составляютъ для слуха нераздѣльное единство. Для выраженія на письмѣ такого естественнаго свойства было бы правильнѣе изображать гласный не самостоятельно буквою, а видоизмѣненіемъ согласной, какъ это и существуетъ во многихъ азіятскихъ азбукахъ. Собственно говоря, и гласные не могутъ произноситься одни. Образующее ихъ движеніе воздуха должно встрѣтить слышимое препятствіе и къ чему-либо приразиться: отсюда необходимость при нихъ или яснаго согласнаго звука, или же придыханія, которое и означается на письмѣ во многихъ языкахъ при начальной гласной

1) W. Humboldt, Ueber die Kawi-Sprache, 1836, I, LXXXIV.

буквѣ. Это придыханіе мало помалу можетъ отвердѣть до горланныхъ согласныхъ, и различныя степени этого отвержденія выражаются въ языкѣ особыми буквами. Переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ образуетъ звуки полусогласные, раздѣляющіеся на плавные и придыханія. Безконечно разнообразное сліяніе согласныхъ и полусогласныхъ съ гласными, проникнутое внутреннею живительною силою, раждаетъ благозвучіе языка 1). Гласные текучи, согласные тверды. Согласные можно назвать костями и плотью языка, гласные же — тѣмъ, что орошаетъ и живитъ твердыя части, кровью и дыханіемъ. Изъ согласныхъ тѣло, изъ гласныхъ душа 2); согласные даютъ образъ, гласные цвѣтъ; безъ гласныхъ въ языкѣ не было бы свѣта и тѣни, безъ согласныхъ—матеріи, на которую ложилась бы свѣтло-тѣнь. На гласныхъ основывается нѣжность и мягкость, на согласныхъ сила языка.

ЗВУКИ ГЛАСНЫЕ.

Основные и первоначальные гласные звуки суть *и*, *а*, *у*; *а* самый полный гласный звукъ, и припомъ

1) Grimm, Deutsche Grammatik 1840, I, стр. 30 и 31.

2) Припомнишь сужденіе нашихъ предковъ: „согласная писмена якоже *плоть* есть, немощно ими рещи что безприкладу книмъ писмене гласнаго . . . но стоятъ якоже без *души*. Вся же согласная наричутся *плоть* и столпъ і число, и вся же гласная нарицаются *душа* и число.“ Алфавитъ, въ Описаніи Румянц. Музеума, стр. 5.

самый простой и легчайшій; онъ того господствуетъ онъ въ первыхъ словахъ дитяти: папа, мама, баба; въ ряду гласныхъ онъ занимаетъ средину; *и*, *у* — крайности, гдѣ гласные переходятъ къ согласнымъ: *и* есть верхняя ступень лѣствицы гласныхъ и переходитъ въ придыханіе, *у* основаніе оной, переходитъ въ *в*; *е* есть серединный звукъ между *а* и *и*; *о* серединный между *а* и *у*. Формамъ съ звуками *и*, *а*, *у* часто соотвѣтствуютъ формы съ *е*, *о*. Такъ готскіе *а*, *і* переходятъ въ нѣмецкомъ языкѣ въ *е*: готск. giba, нѣм. ich gebe; готск. falta, нѣм. ich falte 1); греческимъ, ε, *о* иногда соотвѣтствуютъ латинск. *і*, *и*: ἐν in, ἔντος intus, ἄνεμος animus, πλέχω plico; греческимъ окончаніямъ — ός, — ον, — ων соотвѣтствуютъ латинск. — us, — um, ταῦρος taurus, ἄντρον antrum 2). Романскія frare, mare, pare, образовавшіяся изъ лат. fratrem, matrem, patrem, переходятъ во французскія frère, mère, père 3). Что *е*, *о* происходятъ и отъ сліянія главныхъ гласныхъ, т. е. *е* изъ *аи*, *ої*, изъ *ау*, очевидно изъ французскихъ *аі*, *аи*, произносящихся теперь какъ *е*, *о*. Греческому двогласному *αι* соотвѣтствуетъ Лат. *ае*: λαιὸς laevus, σκαιὸς scaevus; да и въ латинск. языкѣ *аі* предшествовало двогласному *ае*:

---

1) Bopp, Vergleichende Grammatik, 3, 4. Grimm, Deutsche Gram. I. 39.

2) Schneider, Ausführliche Gram. d. latein. Spr. 1810, I, 13 u 27.

3) Raynouard, Choix des poésies originales des troubadours, 1816, I, 30.

aidilis, quaistor, quairatis — изъ надписи на гробѣ Сципіона 1). Сличимъ лат. per, fero, sterilis, rectus съ готск. faír, baíra, staírô, raíhts 2). Равномѣрно *ai* измѣняется въ *o*: такъ лат. ausculum, ausculari перешли въ osculum, osculari; простыя слова fauces, haurio въ сложныхъ измѣняются въ suffoco, dehorio. Такъ лат. aurum, auris, claustrum въ итальянск. oro, франц. or, нѣм. Ohr, фр. oreille, нѣм. Kloster 3). Первобытность иныхъ формъ языка опредѣляется именно тѣмъ, что въ нихъ присутствуютъ коренные звуки *u*, *a*, *y*; въ формахъ позднѣйшихъ этимъ звукамъ соотвѣтствуютъ производные *e*, *o*. Въ нѣкоторыхъ языкахъ вовсе нѣтъ *e*, *o*, какъ напр. въ древне-арабскомъ, который вмѣсто оныхъ употребляетъ двоегласные *ai*, *au* 4). Въ русскомъ языкѣ остатокъ древнѣйшаго *a* виденъ въ предлогахъ пра, па: прадѣдъ, прапрадъ, правнукъ; паозерье, память (помяну), паволока. Наше пра- одинаково съ санскр. предлогомъ pra (vor); впослѣдствіи измѣнилось въ пре (преумный): отъ него происходитъ числит. первый: слич. лат. primus, греч. πρῶτος, санскр. prathamas 5). Переходъ отъ *i* къ *e* составляетъ *ь*: отсюда соотвѣтствіе между лат. nidus, nix и нашими гнѣздо, снѣгъ. И въ русскомъ языкѣ

---

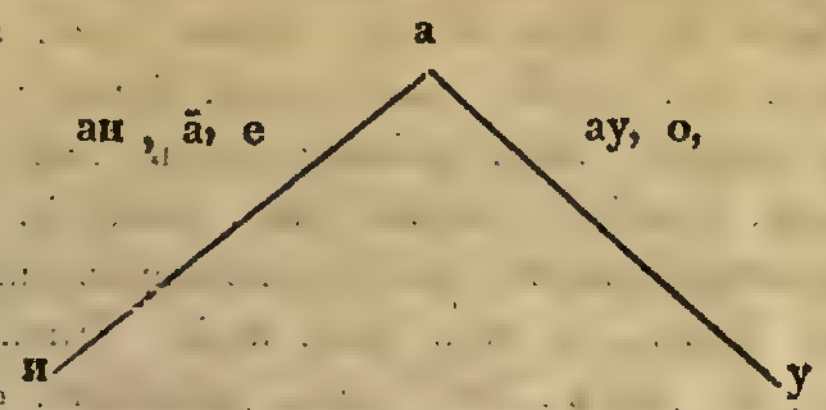
1) Schneider, Ausf. Gr. I, 51.
2) Grimm, D. Gr. I, 52.
3) Schneider, I, 58 — 60.
4) Gesenius, Hebräische Gram. 1842. 21.
5) Bopp, Verg. Gr. 392, 458.

звуки *о*, *е* являются производными, несамостоятельными: слич. Цс. гласъ, класъ, храмъ, нравъ съ р. голосъ, колосъ, хоромы, норовъ; Цс. вѣпръ, брегъ съ р. вѣтеръ, берегъ. Потому эти звуки бываютъ у насъ соединительными: пут-е-шествіе, вод-о-падъ; и бѣглыми: ош-е-цъ отца, ов-е-цъ овца; з-о-ву звать, ок-о-пъ окно.

Слѣдовательно лѣствица гласныхъ звуковъ можетъ быть представлена такъ:

(с, х, дж.) и
е
а
о
у (в, б. . .)

или, если примемъ *а* центромъ.



Особенность гласныхъ состоитъ въ долготѣ и краткости, въ повышеніи и пониженіи; измѣненіе основныхъ гласныхъ въ прочіе бываетъ во многихъ языкахъ не качественное, а количественное 1). Это можно объяснить русскимъ произношеніемъ: *я* безъ

1) Боппъ въ Jahrbücher für wissenschaftl. Kritik 1828, стр. 281.

ударенія произносится какъ *е*, напр. въ словѣ ягнёнокъ; о безъ ударенія какъ а, напр. хорошо́. Потому въ языкахъ существуютъ гласные краткіе, каковы наши ъ, ь, й, и длинные, напр. греч. ω, η. Согласная можетъ быть произнесена только съ гласной: потому бъ бь, ръ рь, дъ дь и проч. суть ничто иное, какъ соединеніе согласныхъ съ самыми краткими гласными, съ твердымъ ъ, или съ мягкимъ ь.

Звуки *ъ*, *ь* первоначально соотвѣтствуютъ кореннымъ *у*, *и* 1): вълкъ, влъкъ гр. λύκος, гот. wulfs (отсюда позднѣйшее нѣм. wolf), лат. lupus; блъха, лат. pulex (нѣм. уже floh); пълнъ гот. fulls (нѣм. уже voll); вештъхъ лат. vetus, тънък др. нѣм. dunni, льнъ лат. linum, гонъзу гот. ganisan (sanari), стъгна гот. staigs (platea), дългъ гот. dulgs (debitum), стъкло гот. stikls, мъзда гот. mizdô, греч. μισθός. Также въ окончаніяхъ: сын-ъ гот. sun-us, мед-ъ англ. сак. med-u, льн-ъ лат. lin-um; слав. супинумъ на-тъ, лат. na-tum; огн-ь лат. ignis, гость лат. host-is, камен-ь лит. ákmen-is. Славянск. окончаніе именъ на-ъ соотвѣтствуетъ латинскому na-us, а на-ь лат. na-is. Слич. греч. δίδωμ-ι съ Цс. дам-ь, ἐστ-ί есть, древнѣйш. ест-и; Цс. творишь-и р. твориш-ь, Цс. твориш-и р. твориш-ь.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ чешской письменности IX и X вѣка, въ Судѣ Любуши и въ

---

1) Grimm, D. Gr. I, 33, и его же предисловіе къ Сербской Грамматикѣ Караджича, стр. XXXVI.

отрывкѣ Евангелія отъ Іоанна, ъ и ь замѣняются буквою e: sesypausi съсыпавши, deski дьскы, okence окьньце, zreno зьрно, mleuu мълвлю. Попадается и *i* вм. ь: iskati искапь, neuiesti невѣсть, jesti есть 1) Въ чешскихъ глоссахъ Mater verborum (1202 г.) *i* вм. ъ и ь: dilh (debitum) дългъ, chirbet (dorsum) хрьбетъ, zirbi сьрбы, wilk (lupus) вълкъ 2). Въ Фрейзингенской рукописи, памятникѣ корутанской письменности X в., ъ замѣняется буквою u: pulti плъти, nu нъ, no (нѫ); ь буквами e, i: vuez и vuiz вьсь, весь; zelom сьлом и zil сьлъ, zegresil сьгрѣшилъ и zigreachu сьгрѣахѫ 3). Что же касается до древнѣйшаго памятника Цс. письменности, ш. е. Остромирова Евангелія (XI в.); то въ немъ ъ, ь соотвѣтствуютъ нашимъ о, е 4); въ образованіи словъ: влъкъ, пръгъ, сльза, врьхъ, съхъ, дьбрь, двьрь, пьрхъ, мьчта, гърдъ; въ производныхъ слогахъ: въ имен. ед. сущ. и прил. муж., въ коихъ нынѣ употребляемые о, е для другихъ падежей выпускаются: дьнь, ѫгълъ, отьцъ, крашъкъ, шяжькъ; въ твор. ед. сущ. муж. и ср.: словъмь, огньмь; въ предложн. множ. сущ. муж. и женск., оканчивающихся на ь: дьньхъ, печальхъ. Надобно замѣтить,

---

1) Шафарика и Палацкаго Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache 1840, стр. 68 и слѣд.

2) Ibid. стр. 209 и слѣд.

3) Кеппена собраніе Словенск. памятниковъ 1827, стр. 43

4) Труды Общ. Люб. Рос. Сл. 1820, часть XVII, Востокова разсужденіе о Славянскомъ языкѣ.

что ѣ о, е, кои употреблялись въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ въ коренныхъ, такъ и въ производныхъ слогахъ, — остались неизмѣнными во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Древнѣйшіе ъ, ь начали замѣняться у Русскихъ производными о, е съ XIII в., и притомъ сперва только во флексіяхъ: словомъ вм. словъмь, огнемь вм. огньмь; а потомъ уже и въ самыхъ корняхъ: торгъ вм. търгъ, волкъ вм. вълкъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что ъ, ь первоначально имѣли болѣе явственный звукъ 1), ибо полногласіе сообразняетъ свойство древнѣйшихъ формъ языка: такъ въ старину дѣля вм. для, комонь (съ плавною м) вм. конь, порохъ вм. прахъ, слич. санскр. paraga. Parata вм. Прутъ, Danapris вм. Днѣпръ 2); Поноть вм. Понтъ; харатья вм. хартія (Несторъ по Лавр. списку стр. 4, 25). Въ полногласіи русскомъ при плавныхъ отъ вставки бѣглыхъ о, е, замѣчается нѣкоторое правильное отношеніе къ другимъ языкамъ и къ славянскимъ нарѣчіямъ: нѣм. Berg. Цс. брегъ и р. берегъ, нѣм. Bart. Цс. брада и р. борода, нѣм. Milch Цс. млеко и р. молоко, лат. curtus нѣм.

---

1) Въ древнихъ Стихираряхъ (XIV и XV в.) „знаменія или крюковыя ноты поставлены и надъ полугласными ъ, ь, и надъ *и* краткимъ, изъ чего видно, что сіи буквы въ старину слышимы были въ произношеніи, а въ пѣньѣ протягивались также какъ у Французовъ *e muet.*“ Восток. въ описан. Румянц. муз. 650.
2) Максимовича Исторія Русской Словесности.

kurz Цс. крап-кій и р. корот-кій, нѣм. Helm. (чешское также helm) Цс. шлемъ и р. шеломъ, нѣм. Gold Цс. злато и р. золото: т. е. въ нѣм. и лат. гласная стоитъ передъ плавною, въ Цс. послѣ плавной, а въ р. по обѣ стороны оной. Слич. переходъ Цс. *a* въ польское *o*, и удвоенное въ русскомъ: гласъ glos голосъ, слама sloma солома, прагъ prog порогъ, брада broda борода 1). Уже въ XI в. попадаются вставочные гласные: напр. въ Остромир. Еванг. Володимиръ вм. Владимиръ.

Острое, придыхательное *и*, присоединяясь къ другимъ гласнымъ, или облекая ихъ, даетъ имъ свое качество: потому въ *я*, *ю*, *ѣ*, *е*, чувствуется присутствіе остраго придыханія *и*, что очевидно изъ самаго начертанія сихъ буквъ: ꙗ, ю, ѥ, составленныхъ изъ *і* съ другими гласными. Измѣненіе дебелыхъ *а*, *у* на тонкіе *я*, *ю* можно объяснить присоединеніемъ придыханія *і* къ дебелымъ *а*, *у* 2): слич. уродъ и юродивый, оуноша Несп. по Лав. сп. 23 и юнопа; унъ Пск. лѣт. стр. 44. и юнъ; угъ въ Новогор. лѣт. 83 и югъ; удолъ Ипатьевск. 172., удолье Пск. лѣт. 82. и юдоль, узы и со-юзъ: въ послѣднемъ примѣрѣ къ *у* присоединилось придыханіе *і* для того, чтобы

---

1) Добровскаго Etymologikon 1813, стр. 78; и Грам. яз. Слов. I, 44.

2) Юнгманъ, въ Словарѣ Чешскомъ подъ буквою *а*, объясняетъ придыханіемъ измѣненіе *а* въ *я*. Того же мнѣнія и Линде въ предисловіи къ Польскому Словарю.

отдѣлишь *о* отъ *у*, кои непріятно звучали бы: соузъ. Для этой же цѣли вмѣсто придыханія *і* употребляется плавная *н*: снузници въ Ипат. 191 вм. союзници. Такъ какъ звукъ *а* не терпится славянскимъ языкомъ въ началѣ слова 1): то и смягчается въ *я* черезъ придыханіе *і*: азъ переходитъ въ язъ, агнецъ (agnus) въ ягня, apfel въ яблонь. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что въ Реймскомъ Евангеліи (можетъ быть XI вѣка) стоитъ гласная съ придыханіемъ шамъ, гдѣ въ Остромировомъ тонкая, составная съ *і*: въ Реймск. ѥсть, ѥ, ѥмоу, въ Остром. ѥсть, ѥ, ѥмоу 2). Придыханіе г измѣняется въ *і*, напр. изъ Георгій образовалось Юрій черезъ старинное Гюрги, попадающееся напр. въ Новг. лѣт. стр. 35, въ Ипатьевск. стр. 36.; равномѣрно и *і* измѣняется въ *г*, напр. вм. Январь еще въ Новгор. лѣт. стр. 45 употребляется Генварь 3). Лат. j переходитъ во франц. языкѣ въ звукъ *ж*, въ итальянск. въ *дж*, въ испанск. въ *х*. Слич. Іуда и жидъ. Приставное *і* при согласныхъ: икъ въ малорус. вм. къ. Тако какъ *ь* есть видоизмѣненіе звука *и*, то и онъ имѣетъ значеніе

---

1) Линде въ предисловіи къ Польскому Словарю.

2) Rozbor staročeske literatury 1842, стр. 209 и слѣд.

3) Припомнимъ наивное толкованіе Сумарокова: „Генварь (вм. Январь) выдумали старинные подъячіе, находя въ литерѣ г, когда она какъ лат. h произносится, нѣкое величество и пышность. Соч. X, 41.

придыханія 1). Какъ всѣ гласные черезъ присоединеніе *і* становящся тонкими; такъ и само *и* отъ содѣйствія себѣ противоположнаго ъ измѣняется въ дебелое ы, начертаніе коего было прежде ѣі.

Вообще гласные звуки столь текучи и измѣнчивы, что каждый можетъ перейти во всѣ остальные. Такъ *о* переходитъ: 1) въ *а*, не имѣя на себѣ ударенія, особенно въ нарѣчіи великорусскомъ и бѣлорусскомъ; въ образованіи словъ: поить напаять, клонить клаяться; надобно отличать измѣненіе *а* въ о: напр. предлоговъ па-, пра-, раз-въ по-, про-, роз. 2) въ *е*: Цс. езеро, елень, единъ р. озеро, олень, одинъ: измѣненіе Цс. *е* въ р. *о* весьма употребительно было уже въ XIII в. Сличитъ измѣненіе *е* въ *о* черезъ ё: веду вёлъ водъ (за-водъ), везу вёзъ возъ. слич. наше пепелъ съ попелъ, употребляющимся болѣе у западныхъ Славянъ; однако попелъ попадается и въ нашей письменности напр. въ Ипатьевск. спр. 206. По Добровскому происходитъ отъ *по* и *плати* т. е. пылать. Слич. польнь (сходное съ лат. и греч. polium, πολιον) и чешск. пелунь, или въ рукописи XVII в. въ Румянц. музеѣ: „горестнь пелыне оуподобна“ описаніе Востокова спр. 2. 3) въ *і*, въ малорусскомъ нарѣчіи: кинь конь, пидошва подошва: этимъ объясняется измѣненіе города Roma въ Римъ: 4) въ *у*: супругъ вм. сопругъ, сугробъ вм. согробъ, судороги

---

1) Этимъ соглашаю я догадку Павскаго съ мнѣніями Гримма, Юнгмана и Линде.

вм. содороги (содрогаться); попадается уже въ Русской Правдѣ: сусѣдне, Русск. Достоп. часть II, стр. 117, вм. сосѣдне; и въ чешской старинной письменности, напр. въ глоссахъ Mater verborum: Zumrak (сумракъ вм. сомракъ) crepusculum; въ Краледворской рукописи (XIII в.): susiede 56, sumrki 68. 5) ы переходитъ въ о: крышь крою, Цс. кый р. кой.

Звукъ *і* переходитъ: 1) въ *е*: сій сей, чій чей; 2) въ *о*: пію напоити, гнію гноити; 3) въ *ѣ*: змій змѣй, зіять зѣвать. Опличить переходъ *ѣ* въ *и* въ малорусскомъ: свѣтъ свитъ, гнѣздо гниздо (nidus), бѣлый билый (Чешск. bjly); отсюда въ южнорусскихъ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ *ѣ* вм. *и*, напр. въ Ипатьевск. 214 городы моѣ.

Я переходитъ въ *ѣ*: ясти, ядъ, ядро, яства и ѣсть, ѣда, нѣдро. Нашему *ѣ* соотвѣтствуетъ Польское *ia*, ш. е. *я*.

Звуки *у*, *ы* сродны между собою: духъ (от) дыхъ; слухъ слышать.

Вставка и измѣненіе гласныхъ имѣютъ значеніе въ образованіи видовъ и залоговъ глагола: *сидѣть*, *сѣсть*, *сяду*, *садить* (и сущ. *садъ*); *лежать*, (по)*ложить*; *велѣть*, *волить*; зрѣть, (при)*зирать*; звать, (при)*зывать*, и проч.

ЗВУКИ ПОЛУСОГЛАСНЫЕ: ПРИДЫХАНІЯ И ПЛАВНЫЕ.

Еще старинные латинскіе Грамматики признавали въ языкѣ существованіе полугласныхъ (se-

mivocales), къ коимъ относили: f, l, m, n, r, s, x; звуки же j, v называли они гласными, принявшими характеръ согласныхъ 1). Въ санскритск. Грамматикѣ л, р, считаются гласными и согласными; м, н придыханіями и согласными. Носовыя гласныя ѫ, ѧ содержатъ въ себѣ вмѣстѣ съ гласнымъ звуки н. м. Придыханія и плавные, становясь болѣе твердыми и неизмѣнными, переходятъ въ собственно согласные: потому звуки в, г, х, с, л, м, н, р суть вмѣстѣ и согласные и полусогласные.

В, какъ придыханіе, соотвѣтствуетъ эолической дигаммѣ F. Она исчезла, или замѣнившись другими звуками, или вовсе уничтожившись 2): въ дорическомъ діалектѣ перешла въ β, γ: βία, vis, Fίς, позднѣе ἴς; γῦνος вм. Foῖνος, vinum, позднѣе οῖνος; частію перешла въ υ и образовала двоегласные αυ, ευ, и пр.: ναῦς вм. νάFς, navis, βοῦς вм. βόFς, bŏvs, bōs, bovis; или въ тонкое придыханіе: Fίς, vis, ἴς; ἰδεῖν, Fιδεῖν, videre; ὄFις, ovis, ὄις; или же въ густое: vesperus, ἕσπερος: а въ нѣкоторыхъ словахъ и вовсе уничтожилась: νέος, νέFος, novus, гот. niwis, р. новый; πλέω р. плыву. В ставится 1) въ началѣ слова: воспа, вотчина, востpый; особенно въ малорусскомъ нарѣчіи: вухо, вичи, винъ, вивця (ухо, очи, онъ, овца) 3), 2) въ срединѣ: плы—в—у плыть,

1) Schneider, lat. Gr. I. 215.

2) Kühner, Ausführl. Gram. d. griech. Spr. 1835 I, 21.

3) Шафарика Славянское народописаніе, перев. Бодянскаго 1843, стр. 25.

жи-в-у жишь; у Несшор. по Лавр. сп. 18: Семевонъ, 3) на концѣ, какъ образующее окончаніе и какъ флексія: посѣ-въ, шов-ъ, кро-въ отъ посѣю, шью, крою; слич. кр-овь, свекр-овь съ древними кры, свекры, напр. въ глоссахъ Mat. verb. cri, zvecri; слич. род. мн. споло-въ: въ послѣднемъ случаѣ *в* соотвѣтствуетъ краткому -й: двере-й, слич. рубле-въ древнее и народное вм. рубле-й; также флексіямъ -хъ,-ъ: добры-хъ; палаш-ъ. В выпускается: 1) передъ гласнымъ у: дань нооу Несш. по Лавр. сп. 10, вм. нову. 2) Послѣ согласнаго б: обидѣшь вм. обвидѣшь, ободъ вм. обводъ, обычай вм. обвычай, облако вм. обблако. Какъ черезъ придыхательные *я*, *ю* и пр. гласные переходятъ къ согласнымъ, такъ черезъ *в* согласные къ гласнымъ: 1) звуку *в* соотвѣтствуетъ придыханіе *й*: древнесербскія 1): Николавь вм. Николай, правовь вѣровь вм. правой вѣрой, правою вѣрою; точно такжe изъ домови, домовь образовалось домой, изъ доловь долой. Потому вставное *в* и въ срединѣ слова можетъ замѣняться краткимъ *й*, которое обыкновенно сливается съ слѣдующею гласною, составляя мягкій звукъ; такъ для благозвучія вм. даашь, одѣшь: даваш, одѣваш, или даяши, одѣяши, подаяніе, одѣяніе 2). 2) *в* сродно съ *у*: и въ русскомъ, какъ въ лат. краткое *у* произносится какъ в: завтра вм. заут-

---

1) Споменици, собраніе памятниковъ древнесербской письменности.

2) Павскаго Филолог. Наблюденія I, 89.

ра; и наоборотъ *в* переходитъ въ *у*: у Несторъ. оунукъ вм. внукъ; въ Новг. Лѣт. 44, 45 упорникъ вм. вторникъ; въ Ипат. 36 у весельи вм. въ веселыи. Таковое употребленіе въ нашихъ лѣтописяхъ объясняется нарѣчіями: такъ Несторова лѣтопись и Ипатьевскій списокъ относятся къ нарѣчію малорусскому, въ коемъ *в* переходитъ въ *у*: учора, а *у* въ *в*: вже, вмираю; Новогородская же лѣтопись къ новогородскому подрѣчью, въ коемъ также *у* вм. *в*: у городи, и *в* вм. *у*: вже. Въ нарѣчіи бѣлорусскомъ также: у лесѣ вм. въ лѣсѣ, въ мѣнѣ вм. у меня 1). Слоги ов, ев измѣняются въ *у*, *ю*, а не въ *оу*, *еу*, для того чтобы сохранить тоже продолженіе времени одного только слога, для избѣжанія неблагозвучія, и потому что въ русскомъ двоегласныхъ нѣтъ. Въ этомъ случаѣ *о*, *е* сокращаются въ ъ, ь: первое сливается съ твердымъ *у*, второе, присоединяясь къ у, образуетъ мягкій звукъ *ю*: лик-ов-ать лик-у-ю, пл-ев-ать пл-ю-ю 2). Что же касается до измѣненія *ы* въ *ов* то оное надобно отличать отъ измѣненія *ов* въ

---

1) Шафарика Славянск. народопис. переводъ Бодянскаго стр. 23.

2) Такъ какъ стеченіе звуковъ — евну, — овну, напр. Григорь-евну, Иван-овну у насъ весьма употребительно: то нельзя принять догадки Павскаго (Фил. Набл. I, 86), будто ов, ев передъ н измѣняются въ у, ю тогда, когда сходятся двѣ или три буквы трудныя для произношенія. Мы могли бы сказать и совну, плевну какъ говоримъ овна, овну.

у 1): ибо *ы* собственно измѣняется не въ *ов*, а въ одно *о*: кры-шь кро-ю: а къ этому кро- прибавляется придыханіе *в*: кро-въ, или вставляется для благозвучія: покро-в-енъ; сличишь ши-шь шь-ю шо-въ; а крышь, шишь измѣняются въ крой, шей точно также, какъ кый, чій въ кой, чей. — Соотвѣтствіе придыханія *в* съ плавными явствуетъ изъ перехода его въ *л*: свобода слобода; въ малорус. вовкъ вм. волкъ. Равномѣрно *л* переходитъ въ *в*, напр. въ малорус. и сербск. нарѣчіи: пришовъ, бивъ вм. пришолъ, билъ. Черезъ *в* плавная *л* переходитъ въ гласную: шакъ въ сербск. вукъ образовалось изъ волкъ или влкъ: а *у* сродно съ *в*. Трудно рѣшить, опускается ли *в* въ нашемъ словѣ ласточка, ласповица (apud fere omnes Slavos, по замѣчанію Юнгмана), или прибавляется оное въ чешскомъ: власповице (Юнгманъ гадательно предполагаетъ корень: власш): покрайней мѣрѣ любопытно замѣтишь, что въ IX в., именно въ Судѣ Любуши попадается уже ulastouica (власповица), стихъ 27.; также и въ глоссахъ Mater verborum: wlaztovice, hirundo.

Звуки х, г (h, греч. густое придыханіе), с (з) присшавляются какъ придыханія, и переходятъ одно въ другое и въ прочія придыханія. Слич. нѣм. über (гот. ufar, др. н. ubar) съ гр. ὑπέρ и лат. super. Придыханіе г можетъ прибавляться: напр.

---

1) Не соглашаюсь съ Павскимъ, I, 86.

г-нѣздо Nest nidus, г-рабить rauben rapere 1); въ парѣч. бѣлорусск. г-ецо вм. эцо, въ малорусск. г-остpый вм. остpый; въ лужицк. рѣчи: hokno, huzda: можетъ и отбрасываться: въ древнихъ Русск. спихотв. осударь вм. государь, въ Псковск. лѣт. 158, 164: осподарь вм. господарь; въ лужицк. рѣчи ladki (гладкій), nězdo (Nest, гнѣздо). Переходъ h въ s: ἕξ sex, ἑπτα septem седмь, ἑ se, ἑός ὅς suus, ἕρπω serpo, ἕζομαι (первонач. ἕδω, отъ откуда ἕδος) sedeo сидѣть, ἡμι semi, ἵστημι (первонач. ἱστάω, ἱστῶ) sisto, ὕπνος somnus спать сонъ 2); ὁ, ἡ санскр. sas, sâ. гот. sa, sô, р. сей, сія; Цс. чесо вм. чего. Переходъ h въ v, f, (эолич. дигамма): herba φέρβω φορβὴ, ἑσπέρα vespera вечеръ, ἑνετὸς venetus, ἑστία vesta, русск. ево вм. его, малорусскому гостpый соотвѣтствуетъ наше востpый. Звуку x соотвѣтствуютъ h, s: χιών χειμών hiems санскр. hima (снѣгъ) р. зима; хмурить смурый; впослѣдствіи x отвердилось въ h, k: καρπάλιμος, ἁρπάλιμος, и въ окончаніи прошедшаго: πεπάιδευ-κα вм. πεπάιδευ-χα. 3). Слич. въ нарѣчіи сербскомъ, нелюбящемъ звука x: женикъ вм. женихъ, орагъ вм. орѣхъ, прагъ вм. прахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что приставка нѣкоторыхъ придыханій придавала особенный смыслъ слову, такъ напр. мы отличаемъ смыслъ слова востpый отъ остpый; можетъ быть перво-

---

1) Линде въ предисловіи къ Польскому Словарю.

2) Шнейдера Лат. Гр. I, 196 и слѣд.

3) Кюнера Греч. Гр. I, 20.

начально была сродна съ предлогомъ: покрайней мѣрѣ это замѣтно въ приставкѣ с: др. нѣм. s-mal (parvus) р. малый: s могло имѣть значеніе латинскаго ex въ ex-iguus; с-нѣгъ, гот. s-náivs, др. верхн. нѣм. sn-êo, лит. s-négas; гр. νίψ, лат. nix; мошрѣть и с-мошрѣть, коликій и с-колько 1). Придыхательные звуки въ окончаніяхъ: ду-хъ ду-шь, спѣ-хъ спѣ-шь, смѣ-хъ смѣ-юсь: здѣсь х соотвѣтствуетъ окончаніямъ — въ, — й: посѣ-въ, бой, зной: сличимъ сербскія смѣ-й, грѣ-й вм. смѣ-хъ, грѣ-хъ 2); отсюда соотвѣтствіе между флексіями добры-хъ и сынове-й. Во флексіяхъ переходъ х въ с и обратно: Цс. прі҃асъ вм. прі҃ахъ, прі҃сомъ вм. прі҃хомъ, ядѣсомъ вм. ядѣхомъ, и наоборотъ ахъ (Лат. ego) вм. азъ 3); слич. ихъ съ лат. iis, насъ (лат. nos, санскр. nas) древнѣйшая форма вм. нахъ 4). Х среди слова для благозвучія между двумя гласными: зна-х-арь, ба-х-арь отъ корней зна, ба, съ окончаніемъ — арь 5). С въ образующихъ слогахъ: коло кол-ес-о, чудо чуд-ес-а, нѣбо неб-ес-а, санскр. nabha-s, лат. nube-s; древ-ес-а, шѣл-ес-а.

Древнія буквы ѫ, ѧ соотвѣтствуютъ гласной съ носовымъ звукомъ (н, м). Въ Остромировомъ

---

1) Гриммъ, въ Нѣм. Гр. II, стр. 701, объясняетъ это предлогами as, is, us, сродными въ ar, ir. ur.
2) Шафарика Слав. народоп. 52.
3) Шафарика Слав. народоп.
4) Добровскаго Etymologikon, 28.
5) Павскаго Фил. наб. I, 90.

Евангеліи 1) ѧ, ѧ спояшть именно шамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ слав. нарѣчіяхъ гласная съ носовымъ звукомъ, какъ напр. польскія: ą, ę, ią, ię. Юсъ (ѫ) соотвѣтствуетъ польскимъ ą, ę: 1) въ словахъ: зѫбъ ząb, голѫбь gołąb, гѫба gęba, рѫка ręka: слич. лат. columba, лит. ranka (рука); гѫсь нѣм. Gans, санск. hansa, ѫт-ка нѣм. Ent-e; уголъ angulus, и съ придыханіемъ Winkel, узелъ, вензель 2). 2) винит. женск. вѣрѫ wiarę, силѫ silę, рѫкѫ rękę: отсюда сродство нашего винит. на — у, — ю съ санскр. на — âm, лат. на — am и пр.: вдов-ѫ, санскр. vidáv-am, лат. vidu-am 3) Твор. женск. вѣроѭ wiarą, силоѭ silą, рѫкоѭ ręką; слич. сербскія женомъ (женою), рукомъ (рукою), душомъ (душою), землемъ (землею): отсюда очевидно сродство окончаній твор. женск. на — ю съ муж. на — мъ: рук-ою человѣк-омъ, земл-ею цар-емъ. 4) 1-е лице ед. наст. и буд.: идѫ idę, пишу piszę: этимъ объясняется сродство нашихъ глаголовъ на — у, — ю съ древнѣйшими формами да-мь, вѣ-мь, ес-мь, съ Греческими глаголами на — μι, и т. д. 5) 3-е лицо множ. тѣхъ же временъ: идѫтъ idą, пишѫтъ piszą: слогъ — nti составляетъ

---

1) Разсужденіе Востокова въ Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. 1820, XVII, стр. 42 и слѣд.

2) Припомнимъ мнѣніе Тредьяковскаго въ Трехъ разсужденіяхъ:.... „по примѣру Славенопольскаго Вензелъ за Словенскій узолъ; Венсъ за усъ; Венгры за угры. 1773 г. стр. 25.

отличительный характеръ 3 лица множ., и замѣчательно, что изъ этого образующаго слога — nti въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, какъ въ польскомъ, сохранилось только носовое *н*, а въ нѣкоторыхъ, какъ въ русскомъ, *н* утратилось, а сохранилось ть: пиш-у-ть; въ древнѣйшей же формѣ цс. удержалось все — nti въ окончаніи — ѫть. Сличимъ наше сутъ, польск. są, нѣм. sind, лат. sunt, санскр. santi; везутъ, лат. vehunt, санскр. vahanti. 6) въ причастіи: идѫще idąc, пишѫще piszący: отсюда сродство нашего съ окончаніемъ лат. причастій — ans, — ens: amans, legens. — Буква ѧ составится въ Остромировомъ Евангеліи шамъ, гдѣ у поляковъ ią, ię: 1) въ словахъ: ѧ пи iąc: отсюда объясняется изъявит.: ем-лю. пѧть pięc, санскр. pañcan, лит. penki, гр. πέντε, эол. πέμπε, гот. fimf (оттуда нѣм. fünf), лат. quinque; свѧтый święty, лат. sanctus. 2) въ окончаніяхъ именъ средн. рода: имѧ, imię, жребѧ żrzebię, шелѧ cielę: отсюда объясняется вставка — ен —: им-ен-и, жереб-ен-окъ, шел-ен-окъ. 3) Мѣстоименія: мѧ mię, шѧ cię, сѧ się: отсюда м-ен-я. 4) 3-е лицо множ. наст. и буд.: шворѧть tworzą, хвалѧть chwalą. 5) Причастія: любѧ lubiąc, сѣдѧ siedząc. Два послѣдніе случая объяснены выше, при буквѣ ѫ. — Носовые звуки составляютъ признаки древнѣйшихъ формъ языка. Въ Фрейзингенской рукописи (X в.) они очевидны 1); poronso (порѧчѧ), sunt (сѧть), mogoncka

1) Кеппена Собран. Словенск. памятн. стр. 44.

(могжща), vuerun (вѣрѫ); въ Судѣ Любуши plamen вм. пламѧ. Въ Польскомъ нарѣчіи носовые звуки удержались; равномѣрно и въ вымершемъ древанскомъ или полабскомъ: runka рука, dumb дубъ, disant десять, pjunta пять, sjunta святой 1). Въ русскомъ нарѣчіи они вовсе упрашились, за исключеніемъ весьма немногихъ словъ, напр. енпотъ вм эпотъ, пламень вм. пламѧ. Потерявъ носовой звукъ, цс. ѫ, ѧ перешли у насъ въ у, я; измѣненіе же носоваго звука въ ѵ замѣчается и въ другихъ языкахъ: такъ напр. Греч. λέγουσι вм. λέγονσι, изъ λέγοντι. Впрочемъ во многихъ производныхъ слогахъ н, м, указываютъ на свое происхожденіе отъ носовыхъ гласныхъ: мѧть м-н-у, пѧть п-н-у, грѧпуть гр-ем-ѣть 2), и друг. Но даже и въ флексіяхъ русскій языкъ уничтожаетъ иногда послѣдніе слѣды носоваго звука: такъ въ Древн. Русск. стихотвор. съ того время, 236, вм. времени; пламемъ, 223, вм. пламенемъ; знамя за знамемъ идетъ, 322, вм. за знаменемъ.

Плавные м, н, переходятъ другъ въ друга: слич. лат. окончанія — am, — um съ греч. — αν, — ην, — ον; Николай и Миколай; меня и санск. mama. н присшавляется: отъ н-его, н-ей, за н-имъ; с-нѣсти съѣсть, по-н-ять понять, н-ѣдра ядро; н-упрь, н-ушръ, лат. uterus, р. ушроба, чешск. уже въ Судѣ Любуши: utr, стихъ 36: utr Visegrade (ушрь

---

1) Шафарика Славянск. народоп. 103.

2) Павскаго Филол. набл. I, 87.

Вышеградѣ, въ Вышеградѣ). Сиузници въ Ипатьевск. 191 вм. союзници. Слич. греч. π-ν-ο съ слав. пію; нѣм. Name, лат. nomen (слич. omen), и наше имя 1). Въ окончаніяхъ: камень, ячмень вм. древн. камы, ячмы: слич. Глоссы Mat. Verb: cami, iecmi.

Послѣ губныхъ в, б, п, ф, м прибавляется *л* вмѣсто умягчающаго ј (й, ь) 2), содержащагося въ мягкихъ ь, е, я, ю: прав-ить прав-л-ю, люб-ить люб-л-енъ, воп-ить воп-л-ь, шраф-ить шраф-л-ю, зем-ной зем-л-я. Вставкою *л* славянскія нарѣчія югозападныя отличаются отъ западныхъ: капля капѣ, жеравль жеравъ, вопль вепъ, явлю евимъ, куплю купимъ, ловленъ ловенъ, оставленъ оставенъ. Впрочемъ и поруски говорится корабь, озем, наземь вм. о землю, на землю. Что звуки вль, мль и друг. суть ничто иное, какъ смягченіе звуковъ в, м: видно напр. изъ формъ Цс. сокращеннаго прош. дѣеприч. оставль, преломль; рождь, обрашшь, вкушъ: ш. е. какъ д, ш, с смягчаются въ-ждь,-шшь,-шъ; такъ и в, м въ-вль,-мль. Сличишь нѣкоторыя прилагательныя, образовавшіяся смягченіемъ окончанія существительныхъ: Святополкъ Святополчь, Іаковъ Іаковль, Авраамль, Ярославль. Л приставляется вначалѣ: польск. ledwa вм. едва; выпускается: бояринъ болярипъ; непрепят-

---

1) Гриммъ. въ Нѣм. Грам. II, стр. 701 и 702, видишъ въ приставномъ *н* значеніе предложное.

2) Соглашаю мнѣніе Шафарика, Слав. Народоп. стр. 7, и Гримма съ гипотезою Павскаго.

ствуетъ черезъ себя одному звуку оказывать вліяніе на другой: слать шлю, мыслить мышленіе: ю, е измѣняютъ с въ ш черезъ л; переходитъ въ о: сербск. био, дао вм. бил, дал; слич. франц. beau изъ bel, biel, beal; château изъ chastel, chastiel, chastealx 1). Измѣненіе *al* въ *au* указываетъ, что l первоначально измѣнилось въ *u* (*v*), какъ въ нарѣчіи малорусск. пысавъ вм. писалъ. Въ образующихъ окончаніяхъ *л* соотвѣтствуетъ звукамъ в, р, й: пои-ло пои-во, даше-ль Лат. dato-r, пріяше-ль, ходаша-й 2).

Отъ другихъ плавныхъ р отличается тѣмъ, что можетъ имѣть при себѣ придыханіе или густое, h, какъ въ греческомъ языкѣ, или s, какъ въ польскомъ нарѣчіи: rzecz (ржеч вм. рѣчь), przy (пржи вм. при). Звукъ рж соотвѣтствуетъ нашему рь. Р переходитъ въ *л*: peregrinus piligrim pilgrim, прорубь пролубь 3), Февраль вм. Февраръ: въ древнихъ памятникахъ, напр. въ Новог. Лѣт. 2 попадается еще: мѣсяця Феураря: въ старину лыцарь вм. рыцарь; слич. простонародныя калидоръ, секлетарь. Въ глоссахъ mat. ver. velbblud вм. верблюдъ. Р переходитъ въ с: honor honos, festus feriae, carmen casmen, etrusci etruria 4). Составляетъ

---

1) Diez, Gram. d. romanischen Sprachen 1836 I. 244.

2) Павскаго Филол. набл. 1, 95 и 96.

3) Сумарокова сочиненія X. 24: „Февраль и пролубь были прежде Февраръ и прорубь, какъ перепелъ сталъ пелепелъ.“

4) Krüger, Gram. d. lat, Spr. 1842. 31.

образующее окончаніе существительныхъ: да-ръ да-шь, вѣш-ръ вѣ-ши вм. вѣя-ши, вих-рь вих-ашь, вих-нушь: въ Древн. Русск. стихотв. 87: а и буйны вѣтры не вихнушъ на ее; прилагательныхъ: доб-ръ доба (пора), бод-ръ бд-ѣшь буд-ишь, щед-ръ щад-ѣши, хит-ръ хит-ишь, ост-ръ остъ 1). Во флексіи, именно въ склоненіи: маш-ери, дщ-ерь отъ имен. маши, дщи—есть остатокъ древнѣйшихъ полныхъ формъ: слич. mater, Mutter; θυγάτηρ, гот. daúhtar, Tochter, санск. duhitr; слич. также наше братъ, чешское bratr и санск. brâtr.

Плавные л, р, удобно переставляются: хракъ въ Новог. Лѣт. 110 вм. харкъ (харкать), Berg и брегъ, Gold и злато, ладонь изъ долонь, длань; ἕλκω влеку, алкать лак-омый, armus рамо, Arbeit работа: въ послѣднихъ для того, чтобы избѣжать въ началѣ слова нетерпимое нами *а*. Слич. nervus νεῦρον, Proserpina Περσεφόνη.

Полусогласные, вмѣстѣ съ гласными, составляютъ въ словахъ часть болѣе текучую измѣняемую, потому употребляются въ приставкахъ, въ образующихъ окончаніяхъ и во флексіяхъ. Собственные же согласные составляютъ ядро словъ, твердую, неизмѣнную часть оныхъ, и потому по преимуществу употребляются въ корняхъ.

ЗВУКИ СОГЛАСНЫЕ

Собственно согласнымъ принадлежитъ самая опредѣленная членораздѣльность. Дыханіе отвер-

1) Добровскаго Гр. Яз. Сл. 1 384 и 385.

ждается подъ вліяніемъ шѣхъ органовъ, къ которымъ приражается, отсюда согласные горланные: г, к, х; губные: б, п, ф; язычные: д, т, ѳ; зубные: з, с, ш, ж, ц, ч, щ. Какъ горлани, самому внутреннему органу противополагается органъ внѣшній, губы; такъ и горланнымъ звукамъ противополагаются губные: шѣ и другіе надѣлены большею членораздѣльностью. Язычные же и зубные, какъ посреди стоящіе, болѣе текучи и менѣе членораздѣльны: именно потому язычные могутъ нести службу полусогласныхъ, т. е. могутъ вставляться, входить въ образующіе слоги и во флексіи и т. п. 1) Согласные звуки бываютъ 1) одноименные.

б п ф
г к х
д т ѳ
з с ш

т. е. б п ф губные, г к х горланные и проч., и 2) односпепенные:

б г д з
п к т с
ф х ѳ ш

т. е. б г д з тонкіе, п к т с густые, ф х ѳ ш придыхательные; къ послѣднимъ относятся: ж з, придыхательные отъ г д; ч ц придыхательные отъ к т; придых. щ сложено изъ шт или сч; какъ ф, ѳ, происходятъ отъ п, т, съ густымъ при-

---

1) Becker, Organism der Sprache.

дыханіемъ или съ h: греч. π῾, τ῾, лат. ph, th; такъ ш отъ x съ придых. s, или отъ s съ придых. h: слич. фр. ch, нѣм. sch; ж есть смягченное придыханіемъ г или д; ч смягченное к или т. Это смягченіе можно объяснить вліяніемъ мягкихъ е, ю, я, въ составѣ коихъ содержится j, соотвѣтствующая придыханію ѕ. Въ отношеніи придыхательныхъ греческій языкъ относится къ славянскому точно такъ, какъ придыхательные ф, θ, къ ж, ч, ш, щ, ч, коими у насъ восполняется недостатокъ греческихъ. Θ-у замѣняетъ намъ ш: театръ, теорема; Φ переходитъ въ б: faba бобъ, или въ п: Fasten постъ, Стефанъ Степанъ; или въ хв: forêt, forestum хворостъ, слич. малорусскія хварштухъ, хвасоля; въ Новог. Лѣт. стр. 33 и друг. Тферь и Тьхверь вм. Тверь.

На переходѣ одноименныхъ другъ въ друга опредѣляется степень сродства между индоевропейскими языками. Славянскій языкъ стоитъ на одной степени съ санскритскимъ, греческимъ и латинскимъ, а по придыхательнымъ ближе къ санскритскому и зендскому, чѣмъ къ греческому и латинскому; готскій стоитъ степенью ниже; древневерхненѣмецкій степенью ниже готскаго.

Для основательнаго производства словъ чрезвычайно важна слѣдующая таблица 1):

---

1) По Гримму, Deutsche Gram. 1, 584, съ дополненіями Бопна, Verg. Gram. 80

Греч.	P.	B.	F.	T.	D.	TH.	K.	G.	CH.
Гоцск.	F.	P.	B.	TH.	T.	D.	—	K.	G.
Двн.	B(v).	F.	P.	D.	Z.	T.	G.	CH.	K.

I. P. F. B, V. пять, сан. pañćan, πέμπε, г. fimf, двн. vinf. полный, сан. pûrna, πλέος, plenus, г. fulls, двн. vol. шпаха, πτέρον, altn. fiödhur, двн. vëdar. спать, сан. svapa, ὕπνος, altn. sve*f*n, alts. suë*b*han. ra*p*ina, англос. rea*f*, двн. rou*b*, гра*б*ить.

II. B. P. F. κάνναβις, cannabis, altn. han*p*r. конопель, двн. hana*f*.

III. PH. B. P. корни вспомог. глагола: гр. φυ-, Лат. fu-, бу-(бу-ду, бы-ть), сан. bhu-. frater, братъ, сан. brâtr, г. brôthar, двн. pruoder. νεφέλη, небеса, сан. na*bh*as, ne*b*ula, г. ni*b*ls? двн. nëpal. Наши не сполнъ на первомъ планѣ, ибо Ф чуждо Славянамъ.

IV. T. TH. D. ты, tu, г. thu, двн. dû. тонокъ, tenuis, tener. altn. thunnr, двн. dunni. тяну, τείνειν, tendere, г. thanjan, двн. denen. три, сан. trayas, τρεῖς, tres, г. threis, двн. dri (отсюда drei). бра*т*ъ, сан. brâ*t*r, fra*t*er, г. brô*th*ar, двн. pruo*d*er (отсюда bru*d*er).

V. D. T. Z. два, сан. dvau, δύο, duo, г. tvai, двн. zuei (z*w*ei). десница, сан. dakśinâ, dextra, г. taihsvô, двн. zësa*w*a. сидѣть, ἕδος, se*d*es, se*d*ere, г. si*t*an, двн. sizan (sitzen). видѣть, εἰδειν, εἰδέναι, vi*d*ere, г. vi*t*an, двн. *w*izan. вода, сан. u*d*a, ὕδωρ, un*d*a, г. *v*atô, двн. wazar (wasser).

VI. TH. D. T. θυγάτηρ, дочерь, дщи, г. *d*auhtar, двн. *t*ohtar (*t*ochter). θύρα, дверь, сан. *d*vâr, г. *d*aur, двн. tor (thür): наши на второй степени за неимѣніемъ ѳ.

VII. K. H, G. H, G. конопель, κάνναβις, altn. hanpr, двн. hanaf. око, сан. akša, ὄχος, oculus, г. augô, двн. auga (auge). δέκα, г. taihun, двн. zëhn (zehn); наше десять къ сан. daśan.

VIII. G. K. CH. gelu, gelidus, г. kalds, двн. chalt, хладъ, съ перестановкой гласной, какъ bart и брада. jugum, иго, г. juk, двн. joch. Но по большой части въ этомъ случаѣ у насъ придыхательные: granum, altn. korn, двн. chorn, зерно. γυνὴ, altn. kona, двн. chona, жена. ἐγω, г. ik, двн. ih (ich), азъ, сродное съ зендскимъ azêm, образовавшимся изъ санскр. ahaṁ.

IX. CH, H. G. K, χὴν, сан. hansa, гусь, г. gans, двн. kans. hostis (peregrinus), гость, г. gasts, двн. kast.

Согласные, составляя самую твердую часть языка, всѣхъ менѣе подвержены измѣненію. Одноименные б и п, г и к, д и т, з и с собственно одинъ и тотъ же звукъ, что видно изъ произношенія на концѣ слога (Auslaut): тонкіе б, г, д, з произносятся какъ густые п, к, т, с: коропъ, друкъ, претъ, восъ. Сличить столбъ и столпъ. Звукъ тонкій передъ густымъ измѣняется въ соотвѣтствующій себѣ густой: коропка, лотка, свяска: исключеніе составляетъ мягкій вм. мяккій отъ корня мяк (мякнуть). И наоборотъ густой передъ тонкимъ въ соотвѣтствующій себѣ тонкій: здѣлать. Въ слѣдствіе произношенія и въ правописаніи удержались: пчела вм. древняго бчела (въ Изборн. Святосл. 1073 г.), по

малорусски бчола; свадьба (а не свашьба 1), свадебный отъ сватать; гдѣ вм. древняго кдѣ, здѣсь вм. древняго сдѣ. Таковое измѣненіе звуковъ называется уподобленіемъ (assimilation), и притомъ уподобленіемъ неполнымъ, какъ лат. scrib-o, scrip-tum, scrip-si; reg-o, rec-tum, rec-si (rexi). Полнаго же уподобленія, какъ въ лат. su*pp*ono вм. su*bp*ono, oc*c*umbo вм. ob*c*umbo, a*ss*iduus вм. a*ds*iduus, у насъ нѣтъ, ибо мы не терпимъ удвоенія согласныхъ. Такъ въ древности слово Русь вм. Россія, которое до сихъ поръ болѣе чуждо намъ, чѣмъ видно изъ прилаг. Русскій, взявшаго перевѣсъ надъ прилаг. Россійскій; такъ въ памятникахъ старинной нашей письменности постоянно суботa вм. суббота 2). — Переходъ одностепенныхъ одного въ другой, какъ напр. к въ п: вопреки воспре*т*ити, пау*к*ъ пау*т*ина, Евдо*к*ія Овдо*т*ья, блес*к*ъ, блес*т*ѣть, искать ис*т*ецъ,—особенно очевидѣнъ въ греч. діалектахъ 3): π въ κ въ іоническомъ: κῶς, ὁκος, κοῦ, κοῖος вм. πῶς, ὁπως, ποῦ, ποῖος. κ вм. τ въ дорическомъ: πόκα вм. πάτε. δ вм. γ въ дорическомъ δᾶ вм. γῆ: отсюда Δημήτηρ. φ вм. θ: аттическ. φλᾶν (ударять), θλᾶν. Сличишь λύκος, волкъ съ lupus, Wolf: греч., и слав. *k* соотвѣтствуетъ лат. *n* и нѣм. *ph*; а в придыханіе 4). На

---

1) Сочиненія Пушкина XI, 214.

2) Павскій по справедливости доказываетъ правописаніе суботa вм. суббота въ Фил. набл. I, стр. 112.

3) Буттмана Греч. Грам. § 16. Кюнеръ.

4) Grimm, Reinhart Fuchs XXIV, XXV.

переходѣ одноименныхъ одного въ другой основывается образованіе многихъ Французскихъ словъ изъ латинскихъ: abeille apicula, ravir rapere, chèvre capra, livre liber, prouver probare, courbe curvus, oeuf ovum. Сличишь переходъ губныхъ п, м: въ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ pátřit, patřyć; въ юговосточныхъ мотрѣть, смотрѣть съ придыханіемъ с; въ народѣ говорится мапри вм. смотри. мпица вм. пшица, мчела вм. пчела, въ Костр. губ. Труд. Общ. Люб. Р. С. 1820, XX, 137, 142; Дюрди вм. Гюрги, Георгій.

Язычные д, т, отличаются отъ прочихъ согласныхъ тѣмъ, что вставляются. Но ихъ вставка существенно отличается отъ вставки гласныхъ и придыханій, имѣя цѣлію рѣзкое разграниченіе между звуками, подобно б: о-бъ этомъ, объ немъ, греч. μεσημβρία отъ μέσος ἡμερα: и потому бываетъ между гласными: pro-d-esse, pro-d-ire, re-d-ire; между плавными: eigen-t-lich, gelegen-t-lich, ἀν-δ-ρός род. отъ ἀνήρ; между плавнымъ и гласнымъ, ин-д-ивѣть отъ иней. Между зубными с, з, и плавнымъ р, какъ въ чешскихъ: s-t-ředa (среда), s-t-říbro (сребро), и въ нашихъ: с-т-рѣча (срѣтать), с-т-рамъ; раз-д-рѣшить въ старинной письменности; между гласнымъ и придыхательнымъ: при-т-чина, про-т-чій 1).

---

1) Опытъ новаго Рос. правописанія 1773, стр. 15: многіе, подражая простому выговору, вносятъ несправедливо въ реченія лишнія буквы, напр. струбъ, притчина, стравъ, здравъ и проч.

Славянскія нарѣчія западныя отличаются отъ юго-восточныхъ вставкою д передъ л: садло сало, мыдло мыло, модлитися молитися; а юговосточныя отъ западныхъ опущеніемъ д, ш, передъ плавными л, н: а) палъ падлъ, велъ ведлъ, шелъ шедлъ, кралъ, крадлъ, счелъ счедлъ, цвѣлъ квѣдлъ; б) вяну вадну, свѣну свѣдну 1). Д выпускается также передъ плавнымъ м, и зубнымъ с: вѣмь, вѣси—корень вѣд, ямь, яси—коренья д; д, ш, передъ ш мѣняются въ с: влас-шь отъ влад, вес-ши отъ вед, крас-шь отъ крад, цвѣс-ши отъ цвѣшь, плес-шь отъ плеш. Греч. οἶδα и οἶσθα. Отъ древняго глагола иши нынѣшній съ удвоеніемъ ишши, отъ котораго уже идши: обѣ эти формы составляютъ исключеніе противъ закона объ измѣненіи д, ш, въ с передъ ш. Весьма многія образующія окончанія содержатъ въ себѣ звуки д, ш: широ-шта, puri-tas, сан. bahu-tâ (множество), Blü-te, lag-d; перна-ш, косма-ш, πλεκ-τός, horta-tus, timi-dus; глагола-ши, взя-шь, нес-шь, облас-шь. Сличишь флексіи: дишя дишяши, шеля шеляша съ χάρις, χάριτος, σῶμα σώματος, aetas aetatis, salus salutis.

Смягчаясь звукомъ ь (j, й), д переходитъ въ жд, ж; ш въ шш (щ), ч: санскр. madhja (средина), лат. medius, гоѳск. midis 2), иллирійск. медю, Цс. между, русск. межю. межа; сербск. ношь, мошь, Цс. нощь, мощь, русск. ночь, мочь. Кромѣ жд, д, умягчается въ зд: ѣзда отъ ѣд-у, громоздишь отъ громада,

---

1) Шафарика Слав. Народ. 7.

2) Pott, Etymologische Vorschungen 1833, 105.

гнѣздо и nidus 1). Какъ жд переходитъ въ ж, такъ и зд. въ з: на этомъ основывается возможность перехода д въ з. Сличимъ чешскія nauze, meze, wozen съ иллирскими: нудя, медя, родѣнъ; съ Цс. нужда, между, вожденъ, рожденъ; съ русск. нужа, межа, вожень, рожень (рожество). Что во всѣхъ измѣненіяхъ сихъ д умягчается, видно изъ иллирской рѣчи, въ коей, кромѣ нудя, (нужда), нудѣнъ (нуженъ), говорится и нуя, нуѣнъ. А въ древнесербскомъ нарѣчіи д замѣнялось горшаннымъ г. мегю (межю, между), посагено (посажено, посаждено) 2). Такимъ образомъ д сближается съ г черезъ ж, з, кои суть придыхательные вмѣстѣ и для д, и для г. Равномѣрно и т сближается съ к черезъ ч, ц, въ которые измѣняются и ш, и к. Скоро произнесенное ш съ мягкою и (й, ь) есть именно ц: лат. tutius и ш. п. искони произносилось tucius, что явствуетъ изъ древнѣйшихъ латинскихъ памятниковъ, въ коихъ слогъ ti передъ гласною писался ci 3). Ц относится къ т точно такъ какъ з къ д: какъ сербскія нудя, медя измѣняются почески въ nauze, meze; такъ сербскія ноть, моть почески въ noc, moc. Итакъ касательно язычныхъ и ихъ придыхательныхъ вотъ въ какомъ отношеніи

---

1) Это мнѣніе Павскаго; впрочемъ Гриммъ (D. Gr. II, 212) признаетъ для лат. древнѣйшее nisdus: этому sd соотвѣтствуетъ нѣмецкое st: nest, nisten.

2) Споменици, сборникъ древней сербской письменности.

3) Крюгера Лат. Грам. 11.

ніи стоятъ нарѣчія русское и церковнославянское къ сербскому и чешскому:

Сербск. д, ш.
ЦС. жд, шш (щ).
Русск. ж, ч.
Чешск. з, ц.

Горшанные г, к, х измѣняются въ придыхательные ж, ч, ш и въ з, ц, с: то есть:

г въ ж, з.
к въ ч, ц.
х въ ш, с.

Звуки одноименные: г, к, х; ж, ч, ш; з, ц, с; односпепенные: г, ж, з; к, ч, ц; х, ш, с: *княгиня, князья, княжна*; *льг* (*льгота, легкій*), *льзя, лжае* (сравн. спец.); *ликъ, лице, личный*. Нарѣчіе церковнослав. отличается отъ русск. шѣмъ, что въ русскомъ переходъ г, к, х въ з, ц, с менѣе употребителенъ, чѣмъ въ церковнославянскомъ, въ коемъ замѣчается правильное и полное измѣненіе горшанныхъ въ придыхательные, а именно въ склоненіи: богъ, боже, бози; внукъ внуче, внуци; духъ, душе, дуси, и проч. Слич. склоненія малорусскія: нози (ногѣ), дивци (дѣвкѣ), сваси (свахѣ), и бѣлорусскія: дарозѣ (дорогѣ), лузѣ (лугѣ), руцѣ (рукѣ). Въ русскомъ г, к, х измѣняются въ ж, ч, ш, отъ вліянія мягкаго звука: другъ дружепъ, скука скученъ, спрахъ спрашенъ; з, ц, с въ ж, ч, ш: мазашь мажу, овца овечка, писашь пишу; а переходъ г, к, х въ з, ц, с гораздо рѣже: другъ друзья, лугъ во лузьяхъ, ликъ

лице, прухнушь прусишь. Къ остаткамъ древнихъ цс. формъ должно отнести теперь употребляющіеся глаголы 1): досязать (сягать), осязать (сягать), воздвизать (двигать), порицать (реку) созерцать (зракъ) съ сущес. зерцало, проницать (никну) съ нарѣч. ницъ. Сличивъ лат. ca (ка), co (ко), cu (ку) и ci (ци), ce (це); итальянскіе: ca (ка), co (ко), cu (ку), и ci (чи), ce (че); французскіе: ga (га), go (го), и gi (жи), ge (же). Составители и образователи азбукъ были того же мнѣнія, что ж, ц, ч суть ничто иное, какъ г, к, смягченные тонкими гласными. Называются же они придыхательными потому, что въ тонкихъ гласныхъ содержится придыханіе j.

Трактатъ о звукахъ, будучи краеугольнымъ камнемъ всей этимологіи, долженъ въ своихъ результатахъ служить основаніемъ многимъ отдѣльнымъ статьямъ, кои легко могутъ быть выведены изъ предложеннаго выше, а именно:

1. Признаки нарѣчій славянскихъ западныхъ и юговосточныхъ.

2. Отличіе рѣчи русской отъ церковнославянской; отличіе нарѣчія русскаго отъ малорусскаго, бѣлорусскаго и проч.

3. Полногласіе, какъ отличительный признакъ древнѣйшихъ формъ славянскаго языка.

4. Носовые звуки, другой отличительный древнѣйшій признакъ славянскаго языка.

---

1) Павскаго Филолог. наблюд. 1. 61.

5. Построеніе слоговъ.

6. Склоненіе. Сродство между славянскими и латинскими склоненіями. Соотвѣтствіе между различными флексіями одного и того же падежа, напр. —хъ,—съ,—й и проч.

7. Спряженіе. Сродство славянскихъ спряженій съ латинскими, греческими и проч.

8. Образующія окончанія, и т. д.

Предлагаю нѣсколько матеріаловъ для послѣдней статьи. Преимущественно обращаю вниманіе на часть историческую, ибо въ словахъ болѣе или менѣе отжившихъ, слѣд. нѣсколько чуждыхъ намъ, легче отличать составныя части, употребляющіяся и теперь. При томъ сравненіе неизвѣстнаго съ извѣстнымъ и измѣреніе перваго послѣднимъ будутъ прекрасною гимнастикою для наблюдательности.

ПРИСТАВКИ И ОКОНЧАНІЯ.

Корни семитическихъ языковъ измѣняются *внутри*, корни индоевропейскихъ языковъ измѣняются *внѣ*, или лучше сказать корни семитическіе *измѣняются*, корни индоевропейскіе *наращаются* 1). Всѣ грамматическія формы языковъ семитическихъ основываются на перемѣнѣ внутреннихъ гласныхъ корня, которые, въ этихъ языкахъ, при постоянной пребываемости однихъ и тѣхъ же согласныхъ корня, подвержены непрестанному измѣненію. Напротивъ того корни языковъ индоевропейскихъ

1) Bopp, Verg. Gram. 107 и слѣд.

представляютъ собою неизмѣнное, сомкнутое зерно слова, окруженное другими посторонними слогами, на измѣненіи коихъ и основываются всѣ грамматическія формы. Слѣд. вся организація слова въ этихъ языкахъ лежитъ на приставкахъ и окончаніяхъ.

Въ образованіи словъ между приставкою и окончаніемъ замѣчается нѣкоторое сочувствіе: ш. е. какъ предлогъ, находясь передъ именемъ, измѣняетъ его падежъ; такъ и приставка растягиваетъ окончаніе слова, напр. масперъ съ приставкою под измѣняется въ под-маспер-ье. Славянскія существительныя съ приставками могутъ вести свою исторію отъ временъ Плинія, Птоломея и Амміана Марцеллина, которые упоминаютъ Pathissus, Partiskon, Parthiscus, ш. е. Пописсье, городъ, урочище на Тисѣ: па есть древнѣйшая форма предлога по; par вм. ра—ошибка 1).

1) Па—, по—: Новог. Лѣт. 143 на Паозерьи. 28 извременившъше погодье вѣтра. 151 побережье. — Инапьевск. 10 Посулье. 30 Подесьнье. 51 Подолье. 132 Посемье. 169 Попизье. 124 Побожье. 206 по Полѣсью. 227 отъ Поморія. — Пск. Лѣт. 154 порашье (раннее утро). 2) за—: Русск. Правда: о задушьи (на поминъ души, Руск. Досп. II, 217). Несп. по Лавр. сп. 12: изъ заморья. Новог. Лѣт. 48 изъ заморія. 73 въ Загородьи. 73 на Зоволочье. 114 Заполіе.-Пск. лѣт. 33, 37 и проч. Запсковье. 46 За-

---

1) Шафарика Slowanskė starožitnosti 1836 стр. 207.

лѣсье. 91 изъ зарубежья. 181 Застенье. 196 Задвинье. 3) на-: Новог. Лѣт. 148 въ навечеріе.—Пск Лѣт. 33 изъ палѣсья. 4) без-: Ипатьевск. 19 без головіе и безмѣстье. Пск. Лѣт. 198 бездождіе. 5) вз-:. Новог. Лѣт. 16 на възводье. 6) межи-(между): Ипатьевск. 167 Межибожье. 7) об-: Новог. Лѣт. 78 по Обонѣжью, Ипат. 112 ободверье (что около дверей) 8) отъ-: Пск. Лѣт. 152 отъпепелье. 9) перед-: Ипатьевск. 63 передъгородье. 10) под-Ипатьевск. 181 подъгорье. Пск. Лѣт. 201 подгоріе. При именахъ лицъ, для означенія помощника: Конюшихинъ 6: поддружье (на свадьбѣ впорой по дружкѣ). Древн. Русск. Стих. 227: податаманье (помощникъ, впорой по атаманѣ). 11) при-: Пск. Лѣт. 89 у примостья. 12) роз-, раз-: Новог. Лѣт. 79 розмиріе.-Пск. Лѣт. 22 разратье. 13) су-: Пск. Лѣт. 24 Сумежье. 14) у-: Новг. Лѣт. 5 въ уденье (варіантъ: въ полъдни).—Пск. Лѣт. 82 удолье; слич. Ипатьевск. 172: удолъ. Др. Рус. Стих. 114: усолье. 15) полу-: Несп. по Лавр. сп. 2 къ полуночью. 4 на полунощье.-Пск. Лѣт. 103 ползобенье (половина зобницы, хлѣбной мѣры: корень зоб, посербски, зн. овесъ). 16) не —: Ипатьевск. 106 непогодье. 208 въ нелюбьи. 211 нелюбовье. — Пск. Лѣт. 17 немирье. 222 — 223 опъ несовѣшія.

Этому удлиненному образованію словъ противополагается усѣченное, съ слѣдующими окончаніями: 1) — ь: въ Несп. по Лавр. сп. собирательныя названія народовъ: 2 Русь, Чудь, Весь, Любь. 3 Серебь (Сербы). 6 Черемись, Ямь, Корсь. — Новог.

Лѣт. также собирательныя: 48 а Борисовѣ чадѣ (челяди) показаша путь. 54 Таль (талей, заложниковъ) Пльсковскую пустиша. — Ипатьевск. 213 простую чадь. 214 досадила мь погань си (досадили мнѣ эти поганые). Вообще нарицательныя: Новг. Лѣт. 1 лодь опришуша ошъ берега, вм. лодью. 6 бысть въспань велика, вм. возстаніе. 11 Ипфоншъ поби Святую Софію свиньцемъ, всю прямь. 15 дорогъвь вм. дороговизна. 64 на усть Невы, вм. на устье. Ипатьевск. 40 на усть Медвѣдѣци. Кар. ИГР. X пр. 118: на усть Терки. — Пск. Лѣт: 165 ярь свяна, т. е. яровой хлѣбъ. 195 на пособь. 202, 203 поводь (вода): веснѣ была вода велика въ рѣкахъ, и не памятятъ люди таковой поводи. Древн. Русск. Стихотв. 206 до люби я молодца пожалую, любь вм. любовь. 354 а ты волчья сыть, т. е. волкъ тебя сѣсть: слич. Новог. Лѣт. 17: ту ихъ досыти (варіантъ: много) паде. 131 первую заступь заступовали (въ шахматной игрѣ). 207 заводь: и поѣхалъ къ морю синему, „ что на теплы, тихи заводи. 2) — ъ: въ Несторъ по Лавр. сп. 4. Сѣверъ, собирательное, вм. Сѣверяне. Въ Древн. Русск. Стихотв. шипъ, шопъ, наукъ: 354 не слыхалъ ты шипу змѣинаго. 353 и заслышалъ соловей разбойникъ „того ли шопу копиинаго. 46 письмо ему въ наукъ пошло. Сложные съ предлогами: уразъ, изголовъ: Ипатьевск: 172 бѣ уразъ великъ въ полкахъ его. Др. Рус. Ст. 84 выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина, „ съ того уразу молодецкаго. 116 въ тѣхъ устьяхъ Тоболь-

скихъ на изголовѣ становились. 3)— а, — ка, вмѣсто нынѣшняго удлиненнаго: Пск. Лѣт: 163 нелюбкы. Др. Рус. Сп. 157 на твои щаски Княженецкія. 254 а творки творилъ не по маленькимъ. Самое уже употребленіе этихъ словъ во множ. числѣ показываетъ, что они выражаютъ понятія менѣе отвлеченныя, чѣмъ нелюбье, любовь, счастье. 4) — а, въ именахъ отглагольныхъ названія лицъ общ. рода: nepozeda (непосѣда) turbidus, turbulentus, seditiosus, inquietus въ гл. Mat. Verb. nestida (нестыда) impudicus, tertius (digitus) ibid. Въ Новог. Лѣт. меченоша, 42: Василья меченошю Ярославля. Др. Рус. Сп. 17 мѣхоноша. Таковое сложеніе съ отглагольнымъ — ноша весьма древнее, ибо Люциферъ въ глоссахъ Mat. Verb. переводится zuetlonose (свѣтлоноше). 5) — а собств. именъ собирательн.: Сѣвера въ Кенигсб. сп. 12 вм. Сѣверъ или Сѣверяне. Мурома, Мордва, Печера, Литва, Земѣгола, Сѣмгола.

Образующія окончанія прилагательныхъ гораздо опредѣленнѣе и числомъ и своимъ значеніемъ. Они могутъ быть подведены къ тремъ отдѣламъ: 1) окончанія мѣстоименныя, 2) падежныя и 3) окончанія причастій. Такъ переходъ существительнаго въ прилагательное можетъ быть двоякій; а) или къ существительному корню прибавляется мѣстоименіе, напр. й, я, е: отъ сущ. дѣва дѣвый, напр. у Несп. по Лавр. сп. 88: въ имя рожьшая тя машере, приснодѣвыя Богородица. Если же прилагательное усѣкается, то остается голый корень существительнаго: въ Повѣсти о разореніи Трои,

переводъ Григорія для Симеона Болгарскаго: густобрадъ, рѣдобрадъ, велеокъ, велеустъ, бѣлорукъ. (Калайдовича Іоаннъ Екс. Болг. стр. 181, 183). Въ Русск. Правдѣ: злоправъ (Рус. Досп. II, 180). Пск. лѣт. 143 злосердъ. Или б) къ существ. прибавляется *въ*, соотвѣтствующій окончанію родит. падежа, напр. Борисъ Борисовъ, Глѣбъ Глѣбовъ. Эти усѣченныя прилагательныя въ старину могли удлиняться: Пов. лѣт. 48 Князь пусти къ нимъ жены, Борисовую, Глѣбовую, Мишную. Ипатьевск. 156 Княгини же Романовая. 159 Княгиню Романовую. 201 Княгини Миндовговая. 202 Великая Княгинѣ Василковая. Пск. лѣт. 167 Княгину Борисовую. Сличить Новг. лѣт. 29 Преставися Княгыни Всеволожая. 54 Преставися Княгыни Ярославляя. Ипатьевск. 3 Княгини Всеволожая. Древн. Рус. ст. 153 честна вдова Чесовая жена, т. е. жена Чеса.—Образующее окончаніе — къ, напр. въ словѣ дерзокъ (въ старину и дерзъ безъ—къ, Калайд. Іоаннъ Екс. Болг. 181, Ипатьевск. 164), и т. п., можетъ быть признано корнемъ мѣстоименія вопросительнаго, означающаго вмѣстѣ и качество: въ именахъ существительныхъ это окончаніе иногда соотвѣтствуетъ окончанію причастія—щій: Ипатьевск. мирникъ, мирящій. Пск. 215 многимъ досадникъ. Кар. ИГР. X пр. 82 о землѣ великой печальникъ (заботливъ). Кар. ИГР. XI пр. 56 и посаженикъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣніе отъ Новогородскихъ посадниковъ: здѣсь прич. страд. съ означеніемъ качества окончаніемъ -къ, въ формѣ существитель-

наго. Слич. въ Пск. лѣт. 41: невѣрникъ, отличающееся отъ прилаг. невѣрный тѣмъ, что означаетъ понятіе болѣе дѣятельнаго.—Образующее окончаніе -тъ, съ одной стороны сродно съ мѣстоименіемъ указательнымъ тъ, та, то, а съ другой стороны, вмѣстѣ съ окончаніемъ-нъ, сродно съ окончаніями причастія страд. на-тый,-ный. Такъ прилагательныя: отчаянный, искусный, окаянный, прелестный и т. п. суть ничто иное, какъ причастія, что очевидно въ старинныхъ памятникахъ нашей письменности, напр. въ молитвахъ Кирилла Туровскаго: тіи бо бѣша всѣми отчаеми (отвергнуты), ты же пріятъ я. неискусну (не искушену) отъ злыхъ помыслъ. всѣми человѣки окаянъ (поносимъ) быхъ. удобъ прелестное (прельщаемое) человѣческое естество. Сродство окончаній — тъ и — нъ видно изъ существительныхъ, имѣющихъ окончанія—та и—на: широта и ширина, высота и вышина, глубота и глубина 1). — Прилагательныя на — лъ сродны съ причастіями прошедшими дѣйств. залога, а нѣкоторыя и ясно происходятъ отъ нихъ: жилъ жилой, былъ былой, гнилъ гнилой. При этомъ переходѣ замѣчается въ прилагательномъ сокращеніе: такъ отъ глагола таять прил. талый, напр. въ

---

1) Смотр. Боппа Über den Einfluss der Pronomina auf die Wortbildung. 1832. Онъ почитаетъ окончаніе — ta, находящееся въ санскр. и друг. языкахъ, признакомъ существ. женск. рода, подлежащихъ дѣйствію и отвлеченныхъ.

Иск. лѣт. 163 палъ снѣгъ на малую землю. Слич. прилагательныя свѣтлый, теплый и т. п. съ глаголами свѣтишь, топишь. Это же окончаніе въ существительныхъ: дѣ-ло отъ дѣять, весло отъ вести, крыло отъ крыть 1): подобно тому какъ отъ копать копы—по. Слич. въ чешскихъ Псалтиряхъ XIV в. (въ Виттенберск. и Подебрадск.): spal (dormitor), ssal (lactens, Säugling); въ Ипат. 126 ударита братья въ било. Причастіе настоящее на—щій переходитъ въ прилагательное съ окончаніемъ—чій: въ Др. Руск. стих. 70 зыбучія болоты напрокучили. 88 могучія плечи расходился. 93 и наѣхалъ Дунай бродучій слѣдъ. 249 вскочилъ въ полдрева стоячаго. Въ старину часто и причастія вм.—щій оканчивались на—чій напр. въ Ипатьевск. 76: бѣжачего; у Кошихина 17: будучимъ (вм. будущимъ). Какъ пресловутый есть прич. страдат., такъ пресловущій дѣйствительное, напр. въ Иск. лѣт. 211: пресловущій градъ Псковъ. Причастія, черезъ прилагательныя, перешли въ существительныя: стряпчій, кравчій или крайчій, пѣвчій, книгочій и сокращенное книгчій, всѣ склоняются, какъ прилагат.

Но такъ какъ въ языкѣ всякая форма стремится рѣзко отдѣлить себя отъ прочихъ, то нѣкоторыя окончанія прилагательныхъ столь отличны своимъ образованіемъ, что не могутъ быть разсматриваемы въ связи съ мѣстоимсніями, или

---

1) И въ нѣмецкихъ нарѣчіяхъ окончаніе il означаетъ орудіе, Гримма D. Gr. II, 397.

причастіями. Каковы — р, — скъ, — стъ, — ватъ, — вшъ и ш. п.

Окончаніе — скъ попадается 1) уже у Тацита въ названіяхъ народовъ: arav-isci, nar-isci; у Аврел. Викітора собст. имя attal — iscus. Въ готскомъ у Ульфилы: mann — isks (humanus), слич. человѣч-ескій, judáiv — isks (judaeus), слич. Іудей-скій. Въ древневерхненѣмецкомъ êvangel-isc (evangelicus), евангель-скій; samaritân-isc, самарянан-скій. Въ англосакс. engl-isc (anglicus), англій-скій; graec-isc (graecus), грече-скій; jude-isc (judaeus). Древнс. islend-skr (islandicus), исланд-скій. Въ средненѣм. heim-isch (domesticus), wel-sch (peregrinus, italicus, gallicus). Въ нынѣшн. нѣм. arab-isch, deut-sch, engl-isch, heidn-isch и проч. Можетъ быть, вліяніе нѣмецкихъ нарѣчій на образованіе нѣкоторыхъ словъ въ романскихъ языкахъ, какъ напр. франц. arab-esque, gigant-esque, grot-esqne и проч. Въ Литовск. lêtuw-iszkas литов-ской. Съ этимъ окончаніемъ многія прилагательныя наши или потеряли прежній объемъ своего употребленія, напр. у Нестора по Лавр. сп. 14: бысть бо дѣтескъ вельми. иося Игоря дѣтьска. Или вовсе утратились, наприм. Нестор. по Лавр. сп. 10 дѣвческъ полъ. Такъ нынѣшнее существительное войско образовалось отъ стариннаго прилагательнаго войскій, которое встрѣчается: въ Русск. Правдѣ: войскои конь (а не свойскій), въ Годунов. Кормч. воиньскій конь (Руск. Дост. II, 50); въ Новог. лѣт. 60 По-

1) Grimm, Deutsche Gram. II, 375 и слѣд.

романа подвоискаго; въ Ипатьевск. 40 подвойскѣи и биричѣ; въ Пск. лѣт. 117 грамоты подувойскаго. 124 соцкихъ или подвойскихъ. 154 невойскъ (т. е. невоинствешный). 166 со множествомъ войскымъ; въ Древн. Руск. стих. 422 войской кругъ.

Окончаніе — стъ также обще у насъ съ другими языками. Слич. лат. agr-estis, silv-estris, греч. превосх. степень μέγιστος: рогастый magnis cornibus, отличается отъ рогатый cornutus, corniger; недристый sinum latum habens, рѣчистъ eloquens 1). Въ Повѣсти о разор. Трои: бровистъ. пръсистъ. плечистъ (Кал. I. E. Б. 181, 182). Ипат. 123 бѣ бо рѣка ша твердо текущи, бережиста. Слѣд. — стъ означаетъ избышокъ, чѣмъ и отличается отъ — нъ, означающаго принадлежность, свойство: напр. Руск. Правд. мужатая жена (Русск. Дост. II, 151). Глос. Mat. Verb. zaiecc vssati (заецъ ушатый), lepores auritos; въ Соф. Вр. II, 417 а другой (пушкѣ) имя ушатая. Новог. Лѣт. 102 звѣзда хвостата. Ипат. 202: явися звѣзда на востоцѣ хвостатая. 202 си же звѣзда нарѣчается власатая. Пск. Лѣт. 180 Андрей Волосатый. Сличить окончанія наши съ латинск: alatus крылатъ, cornutus рогатъ, barbatus брадатъ, crinitus власатъ, pennatus перпатъ. Слич. санскр. окончаніе — wat, напр. bola-wat (stärkebegabt) 2), съ нашими — вишъ, у Нестора

1) Добровскаго Instit. linguae slavicae 329.

2) Pott, Etymol. Forschungen I, 92.

по Лавр. сп. 24 имовітъ, неимовитъ; и — ватъ напр. въ Пск. Лѣт; 39, 123 звѣзда хвостовата; въ Др. Рр. ст. 250 жиловатъ.

Въ связи съ этими прилагательными окончаніями стоятъ многія существительныя, каковы напр. на — сть, ство, — ище 1) и друг. Обращаю вниманіе на послѣднее окончаніе, въ смыслѣ пространства, теперь гораздо менѣе употребительное, чѣмъ прежде. Пест. по Лавр. сп. 74: дали града стрѣлище едино, т. е. пространство, сколько пролетаетъ стрѣла. Новг. Лѣт. 35 на томъ побѣдищи, т. е. мѣсто, гдѣ побѣда, сраженіе. Ипат. 73, 74 ста на полчищи на ночь, т. е. мѣсто гдѣ полкъ, сраженіе. Пск. Лѣт. собств. имена: 116, 117 Полонище, 200 Овсище. Особенно любопытно употребленіе слова день съ окончаніемъ—ище для означенія пространства, которое можно пройти въ продолженіи дня: Новог. Лѣт. 99 только за днище Галича не доходиша. Ипат. 40 и тако изъидоша Новгородци противу ему три днищь (варіантъ: днища), а иніи всѣми силами устрѣтоша и̂ днище отъ Новагорода. Кар. ИГР. X пр. 39 (1595 года) за Омь рѣкою, ходомъ днища съ два. XI пр. 30 выше Чатъ три днища.... отъ Калмаковъ въ дву днищахъ. XI пр. 90 отъ Тарковъ до Таркаловъ полднища. Это слово надобно отличать отъ „днина," напр. въ Ипатьевск: 131 и тако бишася крѣпко ту днину до вечера. Такъ какъ — ище

1) Павскаго Филол. Набл. II, 138.

означаетъ и орудіе, но нѣкоторыя слова съ симъ окончаніемъ имѣютъ смыслъ и мѣста, и орудія, напр. побоище; слич. въ Древ. Рус. Стих. 399 одно было побоище „ большая рогатина.

СЛОЖНЫЯ СЛОВА.

Grimm, Deutsche Gram. II, 405 — 985.

Сложеніе (compositio) есть совокупленіе двухъ понятныхъ словъ. Если соединяется болѣе двухъ словъ, то именуются пресложными 1) (decomposita). Могутъ слагаться имена съ именами, имена съ глаголами, частицы съ именами и глаголами, частицы съ частицами, но никогда глаголы съ глаголами.

Отличіе сложенія отъ производства: а) то и другое состоитъ изъ двухъ частей; но въ производствѣ первая часть главная и яснѣйшая, вторая сама по себѣ темна; удареніе стоитъ обыкновенно на первой части, а вторая можетъ быть и изъ одной согласной. Въ сложеніи вторая часть важнѣйшая, первая же служитъ только опредѣленіемъ послѣдней: та и другая понятны. б) когда отнимается производная приставка, часто остается непонятный корень, напр. стра-хъ. Если производство въ древнѣйшую эпоху своего начала состояло, какъ и сложеніе, изъ частей равно понятныхъ, то законы производства древнѣе законовъ сложенія. Въ

---

1) Этотъ терминъ заимствую у Іоан. Екс. Болг. стр. 169.

этомъ отношеніи сложныя слова подобны *чувствительнымъ*, яснымъ производнымъ. г) между корнемъ и производною приставкою не можетъ быть флексіи (исключенія весьма рѣдки): сложеніе же основывается на флексіи перваго слова.

Строго надобно отличать сложеніе *собственное* отъ *несобственнаго*. Формальный признакъ собственнаго сложенія состоитъ въ томъ, что первое слово соединяется со вторымъ *слагающею гласною*, отличною отъ всякой иной флексіи. Эта гласная ясна въ сложныхъ словахъ славянскихъ, греческихъ, латинскихъ, готскихъ, древненѣмецкихъ: но въ новомъ нѣмецкомъ уже пропадаетъ. Тогда то выступаетъ не собственное сложеніе, прилагающее первое слово ко второму флексіею, падежнымъ окончаніемъ, напр. Tageslicht, Donnerstag суть ничто иное какъ Licht des Tages (lux diei), Tag des Donnergotts (dies Jovis). Слѣд. чтобы узнать собственное сложеніе, надобно обратить вниманіе на то, можно ли привесши въ конструкцію первое слово со вторымъ. Сложеніе съ частицами отличается тѣмъ, что не терпитъ слагающей гласной, вѣроятно, потому что частицы въ отношеніи къ именамъ и глаголамъ легко приводятся въ конструкцію, какъ отдѣльныя части.

Изъ новѣйшихъ языковъ нѣмецкій всѣхъ богаче сложными словами: потому то Нѣмцы обладаютъ многими живыми поэтическими выраженіями, которыя вовсе непереводимы на другіе языки. За

но сіи послѣдніе превосходятъ нѣмецк. словами простыми и средствами производными. Производство даетъ слову отвлеченный смыслъ, сложеніе совокупляетъ два спеціальныхъ понятія, которыя остаются оба живыми и ощутительными въ нашемъ воображеніи. Сложеніе изящно тогда, когда группируетъ въ одинъ образъ два понятія, не изящно же, когда одно понятіе раздѣляетъ на два слова. Въ нѣмецкой прозѣ ужь слишкомъ много сложныхъ словъ, въ поэзіи другихъ народовъ ихъ слишкомъ мало.

Послѣ нѣмецкихъ нарѣчій славянскія самыя обильныя сложными словами. Въ древнѣйшей исторіи сложныхъ словъ славянскихъ надобно отличать два періода: языческій и христіянскій. Въ первомъ исконное славянское сложеніе, во второмъ, черезъ переводъ Библіи, отъ Грековъ къ намъ перенесенное. Первое намъ родственно по народности, освященной многими столѣтіями; второе—по молитвѣ и чувству благоговѣнія.

1. Періодъ языческій. Божества языческія древнеславянскія называются уже сложными словами: Сирибогъ, изъ сири, что значитъ по Юнгманну повѣтріе, luft 1), и богъ, слич. Сл. о Полк. Игор. се вѣтри, Сирибожи внуци. Дажьбогъ или Даждьбогъ, изъ даждь и богъ, по объясненію нашихъ лѣтописцевъ, значитъ солнце: Ипатьевск. 5: и по семъ царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же нари-

1) Чешск. Словарь IV, 349.

чопъ Дажьбогъ. ibid. солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ. Отъ этихъ словъ образовались и прилагательныя Стрибожій, Даждьбожій, попадающіяся въ Словѣ о Полк. Игор. Въ глоссахъ Mater verb: Radihost, Mercurius a mercibus est dictus. Sytiwrat, (слич. санскр. satyavrata) Saturnum pagani illum esse aiunt, qui primus ab Olimpo venit, arma Jovis fugiens. Suatouyt (Святовитъ), Ares, pellum, Mauors: одни производятъ это слово: свѣто-видъ; другіе: свято-витъ, святой Витъ 1). Belboh, Beal ydolum: какъ персидскій Аримань противополагается Ормузду, такъ и Бѣлбогу — Чернобогъ. — Какъ имена боговъ, такъ и людей, слова сложныя: въ языческой поэмѣ, въ Судѣ Любуши; staglau Стяглавъ 22. zutozlau Святославъ 40. lutobor Люботборъ 42. ratibor 44. radouan Радованъ 46. jarosir Ярожиръ 47. strezibor 48. samorod 49. Наши языческіе Князья носили сложныя имена: Святославъ, Ярополкъ, Владимиръ. Древнѣйшія названія городовъ слова сложныя: въ Судѣ Любуши Вышеградъ стр. 31; у насъ Новгородъ, Царьградъ. У Іоанн. Екс. Болг. (IX — X в.) Доброславь, Родославь, Добромиръ, Драгомиръ. Уже Несторъ обратилъ вниманіе на слова сложныя: припомнимъ его наивное производство: Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане *переяславу* отрок-ошъ. Лавр. стр. 87. Наши сложныя имена теряются въ незапамятной дали вѣ-

1) Смотр. Чешск. Словарь Юнгмана.

ковъ; очень многія въ названіяхъ лицъ сходны съ готскими, гальскими. 1) и др. Такъ уже въ комментаріяхъ Цезаря попадается имя Viridomar, во второмъ словѣ котораго, точно также какъ въ готскихъ Witimir, Britmar, звучитъ подобное нашему — миръ. Слич. слав. Радигостъ съ готск. и гальск: Wisogast, Hadugast, Radagais и т. д. Замѣчательно, что у Готовъ нѣтъ сложныхъ словъ съ — славъ. Со введеніемъ Христіянства хотя и вошли къ намъ Христіянскія имена, однако въ народѣ былъ постоянный обычай, кромѣ крестнаго имени, давать и языческое, называвшееся мірскимъ: въ крещеніи Іосифъ. а мирьскы Остромиръ, въ Остром. Ев. имя ему въ святомъ крещеньи Георгій, а мирьскіи Игорь, Ипатьевск. 58. и бысть имя ему въ крещеньи Борисъ, а мирьское Святославъ, ibid. 93. нарекоша имя ему Роспиславъ, а въ крещеньи Иванъ, ibid. 107. Но особенно любопытно, что мірское или языческое имя называется еще княжимъ: и нарекоша имя ему въ крещеньи Андрѣянъ, а княжее Святославъ, Ипат. 119. Этотъ обычай продолжался еще и въ XVII в. Слич. въ Алфавитѣ, рукп. XVII в: прежде оубо Словяне еще суще погани и неимѣху книгъ поне-же не разумѣяху писанія. и того ради и дѣшемъ своимъ даяху имяна якоже сутъ сія. богданъ. баженъ. второй. претьякъ и прочая подобная симъ яже нынѣ прозвища имянуются. Восток. Оп. Рум. Муз. 2.

---

1) Вельтмана Древнія Славян. собственныя имена въ IV книгѣ Очерковъ Россіи.

Для исторіи нарицательныхъ сложныхъ именъ любопытны въ Судѣ Любуши: strebropenu сребропѣну (воду) 11. zlatopescu златопещаную (глину) 15. strebronosne среброносная Мжа рѣка 49. praudodatne правдодатныя доски, законы 60, и др. Замѣчательно, что всѣ эти сложныя слова суть прилагательныя, и многія изъ нихъ, какъ украшающіе, поэтическіе эпитеты.

2 Періодъ отъ временъ перевода Св. Писанія. Сюда относятся славянскія сложныя, переведенныя съ сложныхъ греческихъ: богоносецъ θεοφόρος, богородица θεοτόκος, свѣтодавецъ φωτοδότης, сребролюбіе φιλαργυρία, вѣнценосецъ στεφανοφόρος, единоборецъ μονομαχος, единосущный ὁμοούσιος, всесиленъ παντοδύναμος, всеблагій πανάγαθος, вседержитель παντοκράτωρ, самолюбецъ φίλαυτος, самовидецъ αὐτόπτης, иноплеменникъ ἀλλόφυλος, слич. множество словъ сложныхъ съ благо—, переводъ греч. εὐ, 1) и проч. Сложныя слова грецизмы отличаются отъ сложныхъ коренно-славянскихъ тѣмъ, что первыя означаютъ понятія отвлеченныя, необходимыя для религіи и философіи, послѣднія же — живыя поэтическія представленія.

Слагающею или соединительною гласною въ славянскомъ *o*, *e*, въ греческомъ *o*, въ латинскомъ *i*, въ нѣмецкихъ древнихъ нарѣчіяхъ *a*, *o*, *e*. Отношеніе синтаксическое между частями сложнаго слова зависитъ отъ смысла оныхъ: такъ одно и то-

1) Добровскаго Instit. linguae Slav. 456 и слѣд.

же слово само — , сложенное съ — видецъ, самовидецъ, есть опредѣленіе: самъ видитъ; а сложенное съ—любецъ, самолюбецъ, есть дополненіе: любитъ самого себя. Сложеніе можетъ быть: 1) опредѣлительное, когда первая часть опредѣленіе второй: долготерпѣніе μακροθυμία т. е. долгое терпѣніе, Стародубъ, или вторая опредѣленіе первой: Волоколамскъ, въ Новог. лѣт. 17: на Ламьскѣмъ волоцѣ. 2) дополнительное, когда первая часть дополненіе второй: сребролюбіе-любишь серебро, или вторая дополненіе первой, какъ греч. φιλαργυρία. 3) обстоятельственное, когда нарѣчіе, или какое обстоятельство присовокупляется къ имени, глаголу: многосвѣтлый πολύφωτος, противоборствовать, междоусобіе. Эти синтаксическія отношенія въ сложныхъ словахъ могутъ столько же видоизмѣняться, сколько и въ предложеніи: а) родит. предмета дѣйствующаго, или родит. подлежащаго: Листопадъ (постаринному вм. Ноябрь). Въ спатьѣ о книг. истин. и лож. (Калайд. Іоан. Екс. Болг. 211): воронограй. курокликъ. мышепискъ. стенощелкъ. т. е. листья падаютъ, вороны граютъ (кричатъ повороньи) и т. д. Слич. Слов. о Полк. Игор: врани граяхуть. б) дательн. отношенія къ лицу: Богомилъ (собств. имя), огнепоклонникъ, т. е. милъ богу, покланяется огню. в) творит. лица дѣйствующаго: Богданъ θεοδότος, въ Др. Р. Сп. 408 богоданная матушка т. е. данный, — ая богомъ. г) творит. орудія: окомигъ (Калайд. І. Е. Б. 211), паровозъ, пароходъ, рукопись, очевидецъ, т. е. мигаетъ окомъ, писана рукою или

отъ руки. д) движеніе и пребываніе въ пространствѣ: мореходъ, водолазъ, путешественникъ, ухозвонъ (Кал. ibid), т. е. ходитъ по морю. лазитъ въ воду, звенитъ въ ухѣ. е) время: зимородокъ (alcedo), лѣторасль, т. е. зимой родитъ, лѣтомъ выростаетъ. Такимъ образомъ всякое сложное слово разрѣшается предложеніемъ; а такъ какъ въ предложеніи бываетъ только одинъ глаголъ, то и не можетъ слагаться глаголъ съ глаголомъ.

Къ несобственному сложенію относятся сложныя слова безъ соединительной гласной, напр. Царьградъ (и Цареградъ), жаръ-птица, братъсестръ въ Остром. Ев. л. 228, хлѣбъ-соль; собств. имя Мьстьбогъ Ипат. 156. Сюда же относятся сложныя изъ цѣлыхъ выраженій: собств. им. въ Ипат. 163 Держиславъ. 168 Толигнѣвичь. 179 Молибожичь. 181 Завихвостъ. 194 Данило посла Костянтина, рекомаго Положишила. 200 Желиславъ. Въ Пск. Лѣт: 42 Байборода. 217 Ѳедоръ Умойсягрязью. 266 Умылбородинъ, Келарь Тернигоревъ и т. п. Въ старинныхъ сложныхъ словахъ надобно отличать такое сложеніе изъ цѣлаго выраженія, какъ напр. Дажьбогъ, отъ соединенія двухъ словъ безъ слагающей гласной, какъ Стрибогъ. Трудно рѣшить, къ первому или ко второму должны относиться: Творимиръ (Ипат. 100), Владимиръ, Казимиръ, Роспиславъ и т. п. Слич. греческія съ повелительнымъ наклоненіемъ, ἀγέ — λαος и ἄγεσί — λαος, ἀρχέ — λαος и ἀρχεσί — λαος. Такимъ образомъ древнѣйшій періодъ сложенія предлагаетъ намъ вмѣстѣ съ собственнымъ сло-

женіемъ: Ярополкъ, Святославъ, и несобственное. Какъ въ нѣмецкомъ языкѣ древнѣйшее собственное сложеніе перешло въ несобственное, падежное: шакъ и въ нашихъ древнихъ памятникахъ попадается сложеніе несобственное, искусственное: напр. въ Новог. Лѣт. 24, Пск. 173 кровипролитіе вм. кровопролитіе: это уже есть разложеніе сложнаго слова, равно какъ и пролитіе крови, Пск. 113. Слич. Новг. Лѣт: 84 богумерзское служеніе. Ипат. 170, 185 брашучадіе, брашучадо. Пск. 175 не учалъ добрахотѣти.

Въ составныхъ числительныхъ сложеніе несобственное: двѣнадцать — два на десять, придцать — придесять, пятьдесятъ — пять десятковъ: десятъ род. множ.: слѣдовательно въ старину и въ народномъ языкѣ, напр. въ Др. Русск. Стих., правильно употребляются: 32, 412, по пятидесять. 87, за придесять вм. по пятидесяти, за придесятью; шакже и въ Остромир. Еван. осмидесѧтъ, пѧтиꙗдесѧтъ. Замѣчательно сложеніе чешскихъ числительныхъ порядочныхъ jedenmecitma 21, dvamecitma 22, и пр. до 30, т. е. единъ между десятма, два между десятма: это есть остатокъ старинной славянской формы, попадающейся весьма рѣдко, напр. вмѣсто 24 въ Черноризцѣ Храбрѣ: четыры междедесятма 1). Сложеніе съ пол: онполъ, обонполъ, въ Нов. лѣт. на другыи полъ

1) Бодянскій въ Ж. М. Н. П. 1843. Іюнь. Добровскаго Inst. linguae slav. 339.

Днѣпра. 3, 4 погорѣ онъполъ; въ Тульск. г. оба пола (кругомъ). Слич. полпора, полшрепья. Сложеніе числительныхъ съ пол— въ спарину было весьма употребительно: полпяшьдесяшъ 45, полсемьдесяшъ 65, полдевяносшо 85; полшесшой $5\frac{1}{2}$, полосьмой $7\frac{1}{2}$ и проч. 1) Слич. въ Новог. лѣш. 19 полъпяшадесяшъ лѣшъ; 104 полъдругынадцашы недѣли.

ОБРАЗОВАНІЕ НАРѢЧІЙ.

Производсшво нарѣчій шѣмъ замѣчашельно, что въ немъ очевидно, какъ флексія перешла въ образующее окончаніе. Большая часшь нарѣчій ничшо иное, какъ имена, осшавшіяся неизмѣнными въ какомъ либо одномъ косвенномъ падежѣ. Если бы мы исшорически дознались, что первоначально всѣ эши имена, шеперь превращившіяся въ нарѣчія, легко могли склоняшься; шо нарѣчія можно бы было признашь древнѣйшими именами. По крайней мѣрѣ справедливо можемъ заключишь, что: 1) въ нарѣчіяхъ сохранились многіе непоняшные для насъ корни. 2) наши мѣсшоименныя нарѣчія, вмѣсшѣ съ мѣсшоименіями, сродны съ нарѣчіями и мѣсшоименіями древнѣйшихъ индоевропейскихъ языковъ. 3) корни многихъ словъ въ чисшошѣ являюшся въ образованіи нарѣчій. 4) сложныя нарѣчія иногда шакъ исковер-

---

1) Такъ назыв. Русская книга въ Берлинск. библіошекѣ, смошр. Сшроева Описаніе памяшник. Славянорусск Лишерашуры, 1841.

канно и тѣсно соединяютъ понятныя намъ слова, что въ сложеніи мы ихъ не узнаемъ. 5) иныя наръчія удерживаютъ древнѣйшія формы окончаній, напр. двойств. числа, мѣстнаго падежа. 6) по крайней мѣрѣ въ отношеніи склоненія и сложенія съ приставками мы должны приписать наръчіямъ большую древность: другія слова мы можемъ по своей волѣ склоняшь и сопставлять съ предлогами, наръчія же просклонялись уже прежде насъ; то что совершается еще и теперь съ именами, давно уже совершилось съ наръчіями. Такимъ образомъ менѣе подлежа нашему самоуправству, наръчія сохранили народный, живой характеръ: напр. намедни, впѣпоры, вечóръ, ночесь, лѣтось, вчерась, наполы, навзничь, вразрѣзъ, вобрѣзъ, взахлестъ, ничкомъ и т. п. Значеніе наръчій опредѣляется синтаксическимъ отношеніемъ ихъ къ предложенію: ибо всѣ они стоятъ въ какомъ-либо падежѣ, за исключеніемъ немногихъ, носящихъ на себѣ признакъ глагола, напр. знать, чать (Ломоносовъ: каковъ то, молвилъ, лукъ? „въ дождѣ чать повредился), почти или почитай, лишь и пр. Отглагольныя наръчія, какъ напр. ливмя, стоймя, и др. хотя и соотвѣтствуютъ нѣсколько дѣепричастіямъ лья, стоя, однако причисляются къ падежному образованію, означая твориш. падежъ. Гораздо болѣе отличаются наръчія, происшедшія отъ прилагательныхъ: но такъ какъ и они употребляются одиноко, безъ своего существительнаго, и слѣд. потеряли синтаксическій смыслъ при-

лагательныхъ, но и ихъ можно разсматривать заодно съ нарѣчіями, происшедшими отъ существительныхъ, за исключеніемъ степеней сравненія.

Образованіе нарѣчій по падежамъ:

Родит. падежъ: однова вм. однажды, изъ древняго „одного“ или „единого“, попадающагося уже въ Русской Правдѣ (Рус. Достоп. II, 2); слич. въ Никон. Лѣт: Ѳеодора же Никитича съ братьею и съ племянникомъ, со К. Ив. Борис. Черкасскимъ, приводиша не одиново (не однова, не единожды) ко пытькѣ. И. Г. Р. XI. и пр. 149. долу, низу, верху, вчера род. отъ долъ, низъ, верхъ, вечеръ. въ греч. ὁμοῦ (simul) род. отъ ὁμός, ἀγχοῦ (prope) отъ потерянаго ἄγχος; ἑσπέρας, προικός отъ προίξ, слич. съ нѣм. abends, vergebens. лат. militiae domique, вѣроятно и heri род. отъ потерянаго слова.

Дат. падежъ: кромѣ отъ сущ. крома: Несп. по Лавр. сп. 29: а сама отъиде кромѣ. 40: и рече Святославъ, кромѣ зря, т. е. въ сторону. Воскр. сп. II, 17 стояше бо кромѣ полъковъ, т. е. вић. долѣй, домой 1), древнія доловь, домовь, домови. греч: ἄλλῃ (aliter), κοινῇ (communiter); дат. множ. παντάπασι (prorsus); κομιδῇ (cura).

Винит. падежъ: прилагательные нарѣчія на о, каковы лѣпо, долго, мало (по Гримму, III, 126) и

---

1) Едвали справедливъ Пухмайеръ, почитая домой род. множ. вм. домовъ, смотр. его Lehrgebäude d. russ. Spr. 197.

др. сущ. винит. средн. рода. между, прошиву, выну винит. отъ межда, пропива, выпа, по Добровскому; впрочемъ Востоковъ, въ Славянской Хрестоматіи Пешицкаго, стр. 255, почитаетъ *выну* сложнымъ изъ предлога *въ* и прилагат. женск. род. пад. ед. числа *ину*, сокращеннаго изъ *едину*, и сравниваетъ съ краинск. veden, vednu. вечóръ вин. отъ вечеръ. греч. καλόν (pulchre), μακρόν (longe), ταχύ (cito); ἀρχήν, τὴν ἀρχήν (ab initio, olim), λίαν, λίην (valde) вин. отъ неупотребительнаго существ. имени. лат: multum, parum (вм. parvum), verum, ceterum, facile, impune, вин. мн. женск. foras (hinaus), какъ foris (draussen) дат. мн. отъ потерянаго прилаг. forus. сущ. domum. Фран. peu, moult (древнее, теперь замѣненное существ. beaucoup), tard, loin, haut, bas; toujours (вм. tous jours).

Твор. падежъ: прилагат. худымъ: а худымъ вѣдь свои думушки думаютъ, Др. Рус. сш. 355. Отъ прилагат. старинныя существительныя въ твор. падежѣ: пѣшкомъ, нагишомъ. Отъ древнихъ существит. точію (отъ точь, слич. точь въ точь), дыбомъ. Отглагольныя сущест. въ видѣ нарѣчій: живьемъ: а и хочетъ Дуная живьемъ справить, Др. Р. сш. 91, ш. е. живаго. Слич. отглагольныя споймя, ливмя, волочмя, и др. съ вельми отъ вель, кольми отъ коль: кольми паче, весьма отъ весь, полма (на полы, пополамъ); также наши съ чешскими: лешомъ лепмо, споймя споймо, тайкомъ таймо, даромъ дармо, искрадомъ (Пск. лѣт. 227, 258 вм. украдкою) крадмо: сродны съ лат. окончаніями: гар-

tim, furtim, statim, и проч. лат. твориш. падежи: primo, secundo, raro, vero (какъ др. нѣм. giwisso вм. gewiss), continuo.

Мѣстн. падежъ: горѣ отъ гора, долѣ отъ долъ, внѣ отъ виниш. вонъ; слич. въ Новог. лѣт. 12 всю извъну украси, ш. е. наружность церкви.

Нарѣчія сложныя съ предлогами: въ: Несп. по Лавр. сп. 37 вборзѣ всѣде на конѣ, и во множ. числѣ въ Нов. лѣт. 44 поиде въбързѣхъ. Др. Рус. сш. 84 вскраснѣ хорошо не ухожено. Ibid. 126 и вспрѣчю ей изъ Кіева грозенъ посолъ. по: Ипат. 220 поскуду (ш. е. помалу), ibid. 205 поправу, полѣву (ш. е. сторону или руку), Пск. лѣт. 150 порану, ibid. 174, поразну. изъ: Пск. лѣт. 114 искрѣпка, припомнишь выраженія: искрасна-желтый, изжелпа-бѣлый и ш. п. на: Пск. лѣт. 31 наборзѣ, вм. вдругъ. за: Др. Р. сш. 106: они думушку думали заединое, вм. заодно. о: опричь, образовавшееся изъ опрочь (Пск. лѣт. 150) измѣненіемъ о въ и, въ Ипат. 78, проче серебра, проче камени дорогого, вм. кромѣ: происходишъ отъ прокъ, что значишъ осшапокъ: въ Руск. Правдѣ: а прока ему желѣши; а прокъ вдѣлъ (дѣлежъ), Рус. Досш. II, 39, 49. Несп. по Лав. 31 а прокъ ихъ осшави плаши дань. Разложеніе нарѣчій, сосшавныхъ съ предлогами, любопышно потому, что указываешъ на многія замѣчашельныя сшаринныя и народныя формы: около: коло корень ныпѣшнихъ кол-ес-о, (одно) колка, приставка въ словѣ коловращный. вкращь, Цс

Форма падежа. вновь, вплавь, вплоть, впредь, вскачь, вспарь — слич. съ существит. краткими любь, сыпь, поводь. вопреки измѣняется въ перек. въ нарѣч. поперекъ (а не поперегъ, какъ часто печатаютъ, ибо поперечникъ), и въ приставку преко: прекословить. наизусть, съ старинным словомъ усть: напр. въ Новог. лѣт. 64 на усть Невы; нѣкоторые неправильно печатаютъ наизустъ, полагая усть род. множ., зависящимъ отъ из; но изъ двухъ предлоговъ всегда управляетъ первый, а не второй.

Сложныя нарѣчія иногда такъ искажаются, что въ теперешнемъ ихъ видѣ никакъ не дознаешься, что они такое. Такъ сложное *онымидни* (на этихъ дняхъ, недавно) 1) у Сербовъ измѣнилось въ онамадне, nuper, superioribus diebus, у Чеховъ ondy, ondyno, nuper, neulich; у насъ въ Вологодск., Яросл. Губ. (Тр. Общ. Люб. Р. С. 1822 I, 1820 XX): онамеднись; потомъ начинаетъ портиться или первое слово: намедни, или второе: анамедь (Тверск. Губ. Труд. Общ. Л. Р. С. 1820, XX), онамнясь, анамнясь (въ Волог., Костром., Тверск. ibid. 1822, I, 1820, XX). Это нарѣчіе надобно отличать отъ анагодни (онагодни), измѣнившагося въ анагдась, надысь, надыся (въ Курск. Губ. ibid. 1822, II). — Теперь, чешск. teprw, teprwa, польск. dopiero, происходитъ, по Юнгману IV, 575, отъ пора, что не совсѣмъ вѣроятно: ибо первобытная форма, частію

---

1) Рейфъ производитъ отъ единств. числа: онамъ дни. Слов. I, 241.

сохранившаяся въ чешск. и польск. была поперво: Ипат. 104: поперво великъ полкъ назадѣ идешь; въ Арханг. Губ. употребляется и понынѣ. Слѣд. старинное впапоры, и употребляющіяся нынѣ впупоры, впѣпоры, и даже впапоры (на пр. въ Вологодск. губ. Труд. Общ. Л. Р. С. 1822, I) не имѣютъ связи съ теперь 1).—Вдругорядь, вдругоридь, сокрашившееся изъ другый рядъ, или въ другой рядъ, Новг. лѣт. 112, Иск. лѣт. 152.

Кромѣ степеней сравненія нарѣчія выражаютъ высшую степень повтореніемъ одного и того же корня: маломальски, ночь ноченски, скоро на скоро мелко на мелко; въ Др. Руск. стих. 6 позднимъ поздно. 15 доселева не слыхомъ не слыхать, „и доселева видомъ не видать. 182 рано ранешинько. Замѣчательна поговорка, выражающая степень: не много не мало: Др. Рус. ст. 126 брать съ него дани, невыплаты, „не много не мало за двѣнадцать лѣтъ, ibid. 52, 115.—Сравнит. нарѣчіе гораздо происходитъ отъ прилаг. гораздый, которое теперь значитъ умный, искусный, а прежде значило хорошій, прекрасный, напр. въ Новогор. лѣт. 57 о церкви: горазда бо бяше и лѣпа. Какъ нарѣчія най-, еле- приставляются для означенія степени, такъ и предлоги, которые тогда получаютъ значеніе нарѣчій, напр, въ повѣсти о разор. Трои: над-

---

1) Это мнѣніе обстоятельно объяснено въ сочиненіи Дашкова: О легчайшемъ способѣ возражать на критики.

румяпъ, надърусъ, просѣдъ, добра бровма паруco. (Калайд. I. E. Б. 181—183).

Отрицаніе принадлежитъ нарѣчію 1). Во всякомъ противорѣчіи есть уже и отрицаніе себѣ противоположнаго, напр. хорошо и худо, молодъ и старъ, гора и долина, любовь и ненависть. Иногда эта противоположность выражается отрицаніемъ: не хорошо, не молодъ, нелюбье. Но противоположность высказываетъ всегда болѣе, чѣмъ отрицаніе: не любезенъ-слабѣе, чѣмъ противенъ, и ночь-болѣе, чѣмъ недень, ибо между любезнымъ и противнымъ есть средина равнодушія, а между днемъ и ночью сумерки, и это-то середнишое состояніе выражается отрицаніемъ, а не противоположеніемъ. Всякая противоположность содержитъ въ себѣ отрицаніе, но не во всякомъ отрицаніи противоположность. Какимъ же образомъ языкъ выражаетъ отрицаніе? Часпи противоположенія равносильны другъ другу, потому противоположное можетъ выражаться особеннымъ словомъ. Въ иномъ отношеніи споитъ отрицаніе къ своему положительному, оно подчиняется ему. Положительное — главное, отрицательное — его исключеніе. Всякое отрицаніе выходитъ изъ начала положительнаго, и его предполагаетъ. Положительное самостоятельно, отрицательное необходимо относится къ положительному, и ничего новаго не выражаетъ, а только

---

1) Гримма Deutsche Gram. III, 708 и слѣд.

видоизмѣненіе положительнаго. Это видоизмѣненіе выражается приставкою отрицательной частицы.

Отрицаніе можетъ выражаться или гласнымъ, или согласнымъ звукомъ: гласнымъ, какъ напр. греч. οὐ; согласнымъ: въ слав., нѣм. и лат. n; въ греч. м. лат. nôn образовалось изъ ne ûnum, ne ûn (съ отпадшимъ окончаніемъ средняго рода): слич. древнѣйшія формы у Нонія Марцелл. (ed. Spangenb. 143): noenum, и у Лукрец. 3, 200. 4, 716: nenu, вѣроятно вм. nênum, noenum. Точно такимъ образомъ и нѣм. nein образовалось изъ ni ein. Какъ у насъ къ глаголу есмь, еси, есть прибавляется и: нѣсмь, нѣси, нѣсть, откуда нѣтъ: такъ и лат. nolo, nescio съ ne, или negotium, negligo съ nec, вм. necotium, necligo; nemo изъ nehomo. Нѣм. nicht произошло отъ готскаго сложнаго слова nivaíhts (nihil; res nihili).

Отрицаніе можетъ усиливаться, или а) удвоеніемъ, составляющимъ характеръ славянскаго отрицанія: напр. Пс. 75, 6 не обрѣтоша ничтоже, Острожск.; не обрѣтоше ничесоже, Венец.; nihil invenerunt; въ исправленномъ же: ничтоже обрѣтоша; или б) прибавленіемъ къ отрицанію изобразительнаго, живописнаго выраженія: напр. никрошечки, нинаволосъ, не видать нигзи, низгиночки. Новог. Лѣт. 69: и скота не оставиша ни рога, вм. ничего. Въ греч. отрицаніе усиливается словомъ γρύ (объясняютъ: sordes, quae sunt sub ungue, res vilissima): οὐδὲ γρὺ ἀποκρίνεσθαι, ни слова не отвѣ-

тишь. Подобное же изобразительное описаніе въ лат. nihil, nil, изъ nihilum вм. nehilum, a hilum, по Фесту значитъ: quod grano fabae adhaeret: что соотвѣтствуетъ нашему: ни зерна, ни маковаго зерна, и древн. нѣм: niht eine bône. Романскіе языки такимъ же поэтическимъ прибавленіемъ образовали свое отрицаніе. Франц. pas есть passum: первоначально имѣло смыслъ болѣе изобразительный, но, впослѣдствіи, частымъ употребленіемъ перешло въ отрицаніе вовсе отвлеченное: il ne dit pas, или даже и безъ отрицательной частицы: pas si bête, pas un mot. Равномѣрно и rien есть измѣнившійся вин. rem, ren (Rayn. I, 429); оно также стало употребляться безъ отрицат. частицы: rien du tout. Слич. нѣм. nicht, готски vaihts вещь, какъ и фр. rien. И point теперь употребляется и одно: point du tout; между тѣмъ означаетъ punctum. Точно также перешло въ отрицаніе и personne.

Съ большей подробностью предлагаю статью о мѣстоименіи, какъ средоточіи, и краеугольномъ камнѣ многихъ грамматическихъ формъ.

ПРОИЗВОДСТВО МѢСТОИМЕНІЙ.

Мѣстоименія, такъ какъ и окончанія, суффиксы и флексія, по большой части состоятъ изъ звуковъ плавныхъ и текучихъ 1), именно: изъ гласныхъ: и (онъ, его, они); изъ придыхательныхъ съ

1) Becker, Organism der Sprache 1841, стр. 202.

гласными: азъ, я (ia), язъ, ю (iy), сей, ихъ, ἐγώ, ego, je, ich; изъ плавныхъ съ гласными: онъ, er, самъ; язычныхъ: шъ, шой, τό, id, der.

1 Лице. Азъ, язъ, одинаково съ зендскимъ azĕm 1): придыхательной z соотвѣтствуетъ h: санскр. aham, отъ коего эолич. ἐγών, гр. ἐγώ, лат. ego; санскр. форма первобытнѣе, ибо *a* древнѣе звуковъ e, o. Русск. я отъ язъ, которое приняло звукъ *я* потому, что славянскій языкъ не любитъ въ началѣ слова звука a. Нѣмецкое ich отъ готск. ik, сроднаго съ ego; фр. je образовалось изъ древнѣйшей формы jeo, jo, кои произошли отъ ego черезъ eo, io 2). А придыхательная ж соотвѣтствуетъ придыхательнымъ i, г. — Прочіе падежи единств. и множ. числа образуются буквами м, н. Меня соотвѣтствуетъ древнѣйшему мѧ 3) съ носовымъ звукомъ ѧ, коимъ объясняется вставка -ен- въ м-ен-я; слич. польск. mję, санскр. mama, готск. meina, греч. μου, и проч. Замѣчательны падежи род. и предл. мн. насъ, въ коемъ къ коренной н придается придыхательная с вмѣсто х (нахъ) 4): это окончаніе есть древнѣйшее, одинаковое съ санскр.

---

1) Bopp, Vergleichende Grammatik, 467.

2) Ampère, Histoire de la littérature française au moyen age, 1841, 101. Diez, Grammatik der romanischen Sprachen, 1838, II, стр. 84.

3) Востоковъ въ Труд. общ. люб. Рос. слов. 1820, ч. XVII, стр. 42 и слѣд.

4) Добровскаго Etymologikon 1813, стр. 28 и 33.

nas, лат. nos. Во многихъ индоевропейскихъ языкахъ множеств. число 1 го лица отличается корнемъ отъ единственнаго. Это объясняется тѣмъ, что я собственно не способно къ принятію на себя множественнаго числа: ибо только одно я, и понятіе *мы* содержитъ въ себѣ не только меня, но и множество другихъ недѣлимыхъ различнаго рода 1): отсюда возможность перехода 1-го лица во 2-е, и 2-го въ 1-е. Этимъ объясняется, почему двойств. число 1 лица ва, вѣ, образуется звукомъ в, выражающимъ 2 лице.

2 Лице образуется звуками т, в. Т переходитъ въ одноименные th и д, и въ придыхательную s, отсюда готск. thu, нѣм. du, греч. συ. Окончаніе (т)-ебѣ, лат. (t)-ibi сродно съ нарѣчіями лат. ibi (мѣстный падежъ отъ is) ubi, съ окончаніемъ дат. падежа—ови: сынови: ибо звуку б соотвѣтствуетъ в—напр. санскр. tava—тебя, а вмѣсто тебѣ употреблялось и тобѣ (слѣд. еще ближе къ окончанію—ови), отъ коего тобою. О множ. васъ, санскр. vas, лат. vos тоже, что и о словѣ насъ.

Образованіе возвратнаго ся, себя тоже, что тя, тебя. Придыхательному с соотвѣтствуетъ h: отсюда греч. σὺ.

---

1) Bopp, Verg. Gr. стр. 472. Слич. въ рѣчи Боппа: ueber einige Demonstrativstämme etc. 1830, стр. 9:—bemerkt haben, dass es nämlich von dem ich kein plural gebe, und dass in dem Begriffe Wir meine Person nur unter mehreren ausser mir liegenden Personen mitbegriffen sei.

3 Лице. Для именит. ед. и мн. онъ, они, краткое ошъ указательнаго оный, и сродное съ числительнымъ лат. unus (древнѣйшее на гробѣ Сципіона oinos), гр. ἕν, εἷος (первопачально вѣроятно οἶνος), готск. ains. Всѣ эти слова происходятъ отъ санскр. указательнаго ена ênа 1): этотъ санскр. корень въ славянск. языкѣ удерживаетъ тоже значеніе, какъ и въ санскр.; а въ другихъ языкахъ измѣняется въ понятіе одинъ. Переходъ указанія къ единичности весьма естественъ, ибо указаніе есть не иное что, какъ опредѣленіе предмета, исключеніе его изъ всѣхъ остальныхъ, обособленіе его, какъ одного, на который обращается вниманіе. Сличить переходъ слав. єдинъ въ нѣм. jeder.—Остальные падежи образовались отъ древняго мѣстоименія и, я, е. Замѣчательно, что какъ въ славянскомъ, такъ въ санскр. 2) и лат. i есть корень мѣстоименія 3 лица и глагола идти: и-ти, is, ire. Лат. ei муж. род. переходитъ въ ей женск.; iis въ ихъ 3): ибо S и X — равныя придыханія. Тотъ дат. множ. имъ сходенъ съ готск. im; род. женск. ся соотвѣтств. готск. ija, женск. винит., тотъ дат. ед. муж. и сред. соотвѣтствуетъ древненѣм. и древнесакс. тоже дат. ед. муж. и средн. imu 4).

---

1) Bopp, Vergl. Gram. стр. 429.

2) Bopp, Vergl. Gram. 106.

3) Добровскаго Etymologikon, 28.

4) Grimm, Deutsche Gramm. 1822, I, 780.

Вопросительныя мѣстоименія начинаются щелкой горшанной, указательныя—язычной. Это весьма естественно. Изъ всѣхъ звуковъ человѣческаго голоса способнѣйшій къ выраженію вопроса въ началѣ слова есть звукъ К, самый полный согласный, какой только можетъ быть произнесенъ горломъ. Звукъ гласный слишкомъ неопредѣленъ, а губной не ровняется силою съ горшаннымъ. Хотя Т можетъ быть произнесенъ съ такою же силою, какъ и К; но онъ заключаетъ въ себѣ нѣчто твердое, и не вырывается изъ горла, какъ К, а твердо выговаривается: и потому онъ болѣе способенъ къ спокойному, положительному, указывающему отвѣту. К спрашиваетъ, ищетъ, зоветъ; Т указываетъ, находитъ, отвѣчаетъ 1).

Вопросительное К: кой, кто, какой: санскр. kas (quis), лит. kas (quis). Въ латинск. qu вм. ku: quis, qualis, quantus. Въ греч. іоническій діалектъ К вм. П: κόσος, κοῖος. Лат. qu въ готск. смягчается до hu: huas (quis), др. нѣм. huer, изъ коего образовалось нынѣшнее нѣм. wer, черезъ опущеніе h.—Который, πότερος (вм. κότερος), происходятъ отъ санскр. katara-s, сравнит. степени отъ kas (quis): кто изъ двухъ. Образовательная форма tara, въ ka-tara-s и въ другихъ сравнительныхъ, происходитъ отъ корня *tr*, означающаго переходить, переступать, сродна съ лат. trans, terminus (als das Ueberschrittene), и въ-

1) Grimm, Deutsche Gram. 1831. III, 1.

роятно въ tra въ глаголахъ in-tra-re, pene-tra-re 1). Съ этой же образующей формой лат. uter, neuter, alter, готск. hua-thar, кто изъ двухъ, отъ huas, и наше вторый.—Сколько: с приставное придыханіе къ коликій; образующая форма -олик,—елик общца у этого слова съ словами ш-оликій, в-еликій: она сложена изъ ол-и-к, ел-и-к, что видно изъ словъ к-оль, сш-оль, б-оль-ше, в-елій, еле. Слич. санскр. balin сильно, πολὺ, лат. valde, нѣм. viel.

Отъ умягченія звукъ к переходитъ въ придыхательный ч: к-ого, ч-его; к-ой, ч-ей, ибо тонкому е соотвѣтствуетъ ч, а твердому о—к.

Какъ 2 лице смѣшиваетъ звуки ш и с, такъ и указательное мѣстоименіе. Нашимъ шъ (тошъ) и сей въ санскр. и готск. соотвѣтствуетъ одно мѣстоименіе, содержащее оба наши корня ш и с въ своемъ неправильномъ измѣненіи: санкр. ед. им. муж. syas, sya, женск. syâ, средн. tyat, tyad; готск. ед. им. муж. sa, женск. so, средн. thata; сюда же должно отнести и греч. ὁ, ἡ, το: ибо густому придыханію соотвѣтствуетъ s. — Этотъ, можетъ быть, вмѣстѣ съ этакой, экой, происходятъ отъ тотъ, такой, кой, съ приставкою э. Впрочемъ не худо замѣтить, что и въ санскр. есть etad (istud). Нѣм. der, dieser удерживаютъ d, однопменный звукъ съ t. Нѣм. jener относится къ онъ, оный.

Овый, овъ, позендски ava—этотъ. Отсюда и греч. αὐ въ αὐ-τός, αὖ-θι.

1) Bopp, Verg. Gram. 389.

Замѣчательно соединеніе вопросит. корня съ указательнымъ, к съ ш, въ словахъ к-шо, шакой.

Притяжательныя происходятъ отъ личныхъ и возвратнаго измѣненіемъ существительной формы на прилагательную. М-ой, тв-ой (первобытная тема 2 лица tva, въ санскр.), св-ой (тема возвр. по санскр. sva); слич. греч σφός, лат. tuus, suus, гдѣ первому и соотвѣтствуетъ наше в. Притяжательныя образуются изъ род. падежа: такъ лат. meus, tuus, suus изъ mei, tui, sui; неговъ изъ него, ихный отъ ихъ, которое употребляется и притяжательно, какъ и его; провинціальное ейный, отъ ея; нашъ, вашъ отъ насъ, васъ; а измѣненіе въ придыхательную ш (или ж, ч) означаетъ въ нашемъ языкѣ переходъ отъ существительнаго къ прилагательному.

Самъ, означающее не только ipse, но и solus, сродно съ готск. sams unus и sama, samô idem; съ лат. semel, similis, simul; съ греч. ὁμός, ἅμα; и съ санскр. samas (gleich, ähnlich): слич. гр. σύν, лат. cum.

Весь, всякъ, сербск. свак. санскр. visva, перс. ves довольно и bes много, греч. πᾶς; точно такъ какъ лат. ille переходитъ въ нѣм. alles, готск. alls omnis, древненѣм. alles (anders), греч. ἄλλος 1); такъ и наше весь переходитъ въ чешск. въ wšak-doch, tamen. Отъ мѣстоименія весь 2) Юнг-

1) Bopp: Vergl. Gram. 550.
2) Slownik česko-něm. V. 75.

манъ производитъ существительное весь — деревня. Весьма отъ весь, какъ вельми отъ вель.

Каждый изъ кыйждо, къждо, кождо, съ приставкою прилагат. окончанія й къ образоват. частицѣ ждо, которая измѣняется въ жде: тожде (тождество — тожество): а звуку жд соотвѣтствуетъ ж : слѣд. жде=же. Можетъ быть сюда же относится — жды въ числительныхъ дважды, прижды. Союзъ *же* сроденъ съ греч. γε, γὰρ 1).

Безличныя: нѣм. man, вмѣстѣ съ niemand jemand, отъ Mann; фр. on (древне om) отъ hom, homo ; слич. лат. nemo отъ nehomo 2).

МѢСТОИМЕННЫЯ НАРѢЧІЯ.

Нарѣчія мѣста, времени, качества образуются изъ мѣстоименій и особыхъ корней, означающихъ мѣсто или время, и стоящихъ въ сродствѣ съ мѣстоименіями.

Нарѣчія мѣста: вопросительныя: г-дѣ (к-дѣ), ку-да; указательныя: з-дѣ-сь (с-дѣ); ту-да, сю-да; съ мѣстоим. весь: всю-ду; съ числит. оба: обою-ду; съ мѣст. ин, и съ частицами не, нѣ; ин-дѣ, не-г-дѣ, нѣ-ку-да. Частица нѣ, можетъ быть, соотвѣтствуетъ нѣм. je, изъ коей она образовалась приставкою и 3): je-mand, нѣ-кто. D означаетъ отношеніе къ мѣсту. Во всей чистотѣ является

---

1) Bopp, Vergl. Gram. 581.

2) Grimm, Deutche Gram. III, 6 и 7.

3) Павскаго Фил. Набл.

этотъ корень въ сложеніи съ предлогами на, по, за, пре: на-дъ, по-дъ, за-дъ, пре-дъ 1). Въ нарѣчіяхъ же этотъ корень склоняется: да (ку-да) род, или вин. падежъ, за родит. говоритъ народное от-ку-*дава*; ду (*всю*-ду) мѣстный падежъ; дѣ (г-дѣ) также мѣстный или дательный: потому кончится на ѣ; сюда должно прибавить употребляющееся въ Украйнѣ кудою, въ коемъ — дою твор. падежъ 2); ду (обою-ду) двойственное число род. и мѣстн. пад. Д употребляется и въ сравнительной степени, измѣняясь въ жде: пре-жде, по Добровскому 3), сравн. степень отъ пре-дъ. Это Д сродно съ греч. θεν, θι въ πόθεν, πόθι, съ лат. de въ inde, unde, съ нѣм. da; и, можетъ быть, съ корнемъ указательнымъ Т.

Вопросит. ка-мо, указат. та-мо, та-мъ, ся-мъ, съ мѣст. ов: ова-мо. М можетъ быть объяснено 4) дательнымъ и мѣстнымъ падеж., какъ напр. то-му, о то-мъ.

Нарѣчія времени; вопросит: ко-г-да, указат. то-г-да, съ мѣст. е, ин, вес: е-г-да, ино-г-да, все-г-да. Частицѣ да соотвѣтствуютъ лат. — do въ quando и греч. τε вм πότε, τότε, ὅτε, ἄλλοτε. Наши нарѣчія совершенно сходны съ санскр: kadâ, tadâ, sadâ, и съ лит. kadà, tadà. И у насъ народъ про-

---

1) Юнгм. Чешск. Слов. I. 323.

2) Шимкевича Корнесловъ I. 60.

3) Гр. яз. Сл. I. 491.

4) Bopp, Vergl. Gram. 595,

износишъ када, шада. *Дх* Боппъ 1) объясняетъ сокращеніемъ санскр. divâ (днемъ), какъ noło изъ nevolo.

Нарѣчія качества ш-а-къ, с-я-къ, к-а-къ, я-ко (і-а-ко). Качество выражается звукомъ К; потому онъ образуетъ прилагательныя, для означенія качества: выс-о-къ, глуб-о-къ, шир-о-къ, вели-къ. Точно также узательное ш въ: косма-шъ, имени-шъ.

СКЛОНЕНІЕ.

Мѣстоименіе и, я, е, присшавляясь къ другимъ мѣстоименіямъ, дѣлаетъ ихъ болѣе опредѣлительными: шакъ *оный*, какъ указательное, опредѣлительнѣе личнаго *онъ*; *самый* опредѣлительнѣе краткаго *самъ*. Потому въ церковнослав. прилагательныя усѣченныя, соотвѣтствующія греческ. прилагательнымъ безчленнымъ, могутъ назватьсяя неопредѣленными, а полныя, соотвѣтствующія греческимъ съ членомъ, — опредѣленными. Марк. 8, 22 приведоша к нему слѣпа τυφλὸν. а 23 ем за руку слѣпаго τοῦ τυφλοῦ 2).

Имена прилагательныя и мѣстоименія, кромѣ 1-го и 2-го лица, склоняются мѣстоименіемъ и, я, е; его, ея, ему и проч. напр.

с-*ей* (с-ій),	с-і-*я*,	с-і-*е*.
е-*его*,	с-*ея*,	с-*его*.
с-*ему*,	с-*ей*,	с-*ему*. и проч.

1) Стр. 613.
2) Добровскаго Гр. яз. Слав. III. 16.

ч-е-*й* (ч-і*й*),	чь-*я*,	чь-*е*.
чь-*его*,	чь-*ея*,	чь-*его*.
чь-*имъ*,	чь-*ею*,	чь-*имъ*.
о чь-*емъ*.	о чь-*ей*,	о чь-*емъ*.

Винит. женск. сам-*ое* (какъ ее), и сам-у-*ю* (какъ *ю*)

син-і-*й*,	син-я-*я*,	син-е-*е*.
син-*яго*,	син-*ія*,	син-*яго*.
син-*ему*,	син-*ей*,	син-*ему*.
син-*имъ*,	син-*ею*,	син-*имъ*.
о син-*емъ*,	о син-*ей*,	о син-*емъ*.

Множественное число.

с-і-*и*,	чь-*и*,	син-і-*е*, син-і-*я*.
с-*ихъ*,	чь-*ихъ*,	син-*ихъ*.
с-*имъ*,	чь-*имъ*,	син-*имъ*.
с-*ими*,	чь-*ими*,	син-*ими*.
о с-*ихъ*,	о чь-*ихъ*,	о син-*ихъ* 1).

Если слово оканчивается на-*ый* вм. -*ій*, то мягкія измѣняются въ шверды: добр-*аго*, добр-*ому*, добр-*ыми*. На склоненіи по мѣстоименію и, я, е основывается окончаніе имен. множ. именъ прилагательныхъ для муж. рода на е вм. древняго и: добры-*е* (добры-и), для женскаго и средняго на я: добры-*я*; равномѣрно и употребленіе ѣ въ мѣстоименіяхъ: ч-ѣмъ, к-ѣмъ, ш-ѣмъ, вс-ѣмъ (вм.-имъ: *и* перехо-

1) Слѣды мѣстоименій замѣтны и въ склоненіи существительныхъ: вод-*ою*, земл-*ею*, цар-*емъ*, цар-*ямъ*, цар-*ями*, о цар-*яхъ*. У І. Екс. Болг. род. ед. человѣковъ, женина, естество отъ сущ. человѣкъ, жена, естество.

дишъ въ ѣ); ш-ѣ, ш-ѣхъ, шѣ-ми, вс-ѣ, вс-ѣмъ, о вс-ѣхъ и проч. (вм.-и,-ихъ,-имъ). Въ мѣстоименіи этотъ: эт-*и*, эт-*ихъ*, эт-*имъ* и пр. сохранилось правильное, первобытное склоненіе.

Такимъ образомъ наши склоненія образованіемъ своимъ нисколько не противорѣчатъ склоненіямъ нѣмецкимъ и французскимъ. У насъ мѣстоименіе входитъ въ составъ слова на концѣ онаго: во франц. и нѣмецк. склоненіяхъ мѣстоименія (члены) отпадаютъ отъ слова и ставятся отдѣльно передъ онымъ. У насъ мѣстоименія измѣняются флексіею, у французовъ приставкою предлоговъ: de la, à la: а предлогъ и флексія падежа въ этомъ случаѣ одно и тоже.

СПРЯЖЕНІЕ.

Мѣстоименія столько же необходимы и въ спряженіи, составляя личную флексію. Въ личныхъ окончаніяхъ глагола содержатся корни мѣстоименій.

1 Лице. Характеромъ 1 лица единств. и множ. числа звукъ М, корень мѣстоименія 1 лица: единств. ес-мь (древн. ес-ми), лат. es-mi, готск. im, лат. su-m, греч. εἰ-μί, ἐμ-μί (вѣроятно изъ ἐσ-μί), санскр. as-mi; множ. ес-мы, лат. su-mus, гр. ἐσ-μεν, ἐσ-μες, санскр. as-mas; да-мы, лат. da-mus, гр. δίδο-μες, санск. dad-mas. Двойственное же число 1 лица вмѣсто М имѣетъ В, что зависитъ, какъ сказано выше, отъ перехода 1 лица во 2-е во множ. или двойств. числѣ: напр. нѣм. wir. Окончаніе двойственнаго

измѣняется по родамъ: — ва муж., — вѣ женск.: ес-ва, ес-вѣ. Да-де-ва, лит. duda-va, санскр. dad-vas. Окончаніе 1 лица единств. на ми есть первобытное: оно сохранилось въ греческ. глаголахъ на — μι: δίδωμ-ι, ἵστημ-ι, въ лат. inqua-m, daba-m, place-m вовсе упрашилось; въ нашемъ ес-ми оно сохранилось вполнѣ, а въ другихъ древнѣйшихъ глаголахъ только вполовину, замѣнившись мягкою ь: я-мь, вѣ-мь, да-мь: корни этихъ глаголовъ яд —, вѣд —, дад — сохранились въ санскр. полнѣйшихъ формахъ 1 лица: ad-mi, vêd-mi, dadâ-mi. Къ древнѣйшимъ же формамъ относятся сложные глаголы снѣ-мь и има-мь. Конечное і вовсе потеряло слѣды въ настоящихъ: да-мъ, ѣ-мъ: сюда относятся и польская форма на — m: dziala-m, czyta-m. Слѣдовательно у насъ три формы 1 лица съ М: — ми, — мь, — мъ. Въ глаголахъ съ 1 лицемъ на — у, — ю первоначально видно было присутствіе личнаго корня: ибо 1 лице вм. у, ю оканчивалось на носовое ѫ: идѫ, пишѫ, по польски idę, piszę 1). Замѣчательно, что глаголы древненѣмецкіе имѣютъ окончаніе 1 лица одинаковое съ нашимъ: waltu (impero), sizu (sedeo), lizu (lego) и проч. — Окончаніе прошедшаго Х нельзя считать мѣстоименнымъ, производя отъ нѣм. ich или лат. ego: ибо это Х присутствуетъ и въ остальныхъ лицахъ, измѣненное въ С и Ш: несо-*хъ*, несо-*с-те*, несо-*ша*:

---

2) Востокова въ Труд. Общ. Люб. Рос. Слов. 1820, ч. XVII, стр. 42 и слѣд.

скорѣе можно сравнить это окончаніе-хъ съ греческимъ-σα, напр. въ ἔλυ-σα 1).

2 Лице. Для единств. числа С, соотвѣтствующее корню 2 лица Т, напр. греч. συ; для двойств. и множ. Т. Еси, лит. es-si, готск. is, лат. es, греч. ἐσ-σί, изъ коего потомъ εἶς, санскр, asi; да-си, санскр. dadâ-si; я-си, санскр. at-si; вѣ-си, санскр. vêt-si; снѣ-си. Прочіе глаголы -си измѣнили въ -ши; піе-ши, живе-ши. Позднѣйшая форма сокращаетъ и въ ь: живе-шь. Въ лат. dedi-sti, steti-s і сохранилось Т во 2 лицѣ ед. числа; равномѣрно и въ греческихъ ἦσθα, οἶσθα: но вообще 2 лицо ед. греч. глаголовъ кончится на С; δίδω-ς, ἔχει-ς. Двойств. число 2 лица: споита (-шѣ), греч. ἵστα-τον, санскр. оканчивается на-tas. Множ. 2 лица: ес-ше, лат. es-tis, гр. ἐσ-τέ, санскр. as-tha, s-tha.

3 Лице образуется корнемъ указательнаго мѣстоименія Т. Ес-шь, лит. es-ti, лат. es-t, гр. ἐσ-τί, санскр. as-ti. Какъ въ 1 лицѣ нашихъ глаголовъ мы замѣнили три формы:-ми,-мь,-мъ: такъ въ 3 замѣчается тотъ же порядокъ: первобытная форма-ши: санскр. as-ti, греч. ἐσ-τί; потомъ-ши сократилось въ -шь: ес-шь; наконецъ потерялся слѣдъ звука и: лат. es-t. Древнѣйшіе глаголы: яс-шь (вм. яд-шь), санскр. at-ti; вѣс-шь (вм. вѣд-шь), санскр. vêt-ti; дас-шь (вм. дад-шь), санскр. dadâ-ti. Нынѣшняя форма утратила и ь: ѣс-шъ, дас-шъ.—Двойственное число: ес-ша, гр. ἐσ-τόν, санскр. (a)s-tas.—

---

1) Вопр, предисловіе ко второму отдѣлу Сравн. Грам.

Множ. число въ 3 лицѣ отличается отъ единственаго вставкою Н передъ Т: это Н теперь не слышно въ нашихъ глаголахъ, но въ древнѣйшую пору въ нихъ присутствовало, что видно изъ окончаній -ѫть, -ѧть съ носовыми ѫ, ѧ: сличимъ древнѣйшія идѫть, пишѫть, творѧть, хвалѧть съ польскими: idą, piszą, tworzą, chwalą. И такъ древнеслав. сѫть (сантъ), нѣм. sind, лат. sunt, греч. (s)εντί, санскр. santi. Теперь мягкое окончаніе ь отвердѣло въ ъ: творятъ, идутъ.

ЗНАЧЕНІЕ И РАЗДѢЛЕНІЕ МѢСТОИМЕНІЙ.

Самый общій родъ, подъ коимъ стоятъ всѣ существительныя, есть бытіе или нѣчто: первое происходитъ отъ глагола быть, второе мѣстоименіе. Отсюда самое общее предложеніе будетъ: нѣчто есть: оно же и самое неопредѣленное. Всѣ существительныя являются ближайшимъ и частнѣйшимъ опредѣленіемъ мѣстоименія нѣчто; всѣ глаголы—опредѣленія глагола быть. Потому всякій предметъ намъ неизвѣстный или не хорошо нами разсмотрѣнный мы называемъ нѣчто; потому всякое дѣйствіе, напр. ходитъ, дѣлаетъ, предполагаетъ уже въ себѣ и глаголъ есть: отнюдь въ будущемъ времени, или въ прошедшемъ описательномъ глаголъ вспомогательный быть соединяется съ другими глаголами: буду ходить, будешь дѣлать, есмь сотворилъ, есть создалъ. Какъ глаголъ вспомогательный, кромѣ связи, имѣетъ значеніе бытія; такъ

и мѣстоименія, кромѣ понятія флексіи въ именахъ и глаголахъ, имѣютъ и свое собственное, самостоятельное значеніе.

Мѣстоименія съ одной стороны обозначаютъ предметъ или свойство — вообще 1): нѣчто, онъ, это — предметъ вообще; такой-то, нѣкоторый — свойство вообще; съ другой стороны выражаютъ личное отношеніе говорящаго къ предмету: отсюда необходимость личныхъ мѣстоименій. Говорящій или не знаетъ предмета, свойства, количества, и спрашиваетъ объ оныхъ: кто, что, какой, который, сколько? Или оставляетъ свое невѣдѣніе безъ вопроса: нѣчто, какой-то, нѣкоторый. Или является равнодушенъ къ предмету рѣчи: что нибудь, какой нибудь — т. е. для него все равно, то или другое, тотъ или другой. Или отрицаетъ: никто, никакой, никоторый. Или указываетъ, и притомъ на ближайшее отъ него: сей, на отдаленнѣйшее: тотъ. Или сильнѣе опредѣляетъ указанное: этотъ самый, я самъ. Или связываетъ два предложенія: не знаю, что завтра будетъ.

Въ рѣчи каждое слово, какъ живою душею, проникнуто личностью говорящаго: потому мѣсто-

---

1) Беккеръ видитъ въ мѣстоименіяхъ только одну форму для склоненій и спряженій, разсматривая мѣстоименія, какъ отпадшія окончанія именъ и глаголовъ: потому и не признаетъ въ нихъ производства, какъ во флексіяхъ, смотр. Organism der Sprache стр. 200 и слѣд. Я гораздо шире распространяю значеніе мѣстоименій.

имена являются спутниками именъ и глаголовъ въ склоненіи и спряженіи. Какъ личное окончаніе глагола оживляетъ дѣйствіе, придавая ему двигательную силу лицемъ дѣйствующимъ: такъ и членъ или падежное окончаніе придаетъ всякому имени личное воззрѣніе говорящаго, который или не опредѣляетъ предмета и придаетъ ему членъ неопредѣленный, или указываетъ на оный и ясно опредѣляетъ, придавая членъ опредѣленный. Мѣстоименіе, какъ знаменатель склоненія, соединяется въ своемъ служеніи съ предлогомъ; а, какъ связь предложеній съ союзомъ. Опредѣлительныя самый, весь выражаютъ степень сравненія: самый покорный, всепокорный. Всѣ нарѣчія суть не иное что, какъ ближайшее и частнѣйшее опредѣленіе мѣстоименныхъ нарѣчій гдѣ, когда, какъ и проч. Къ мѣстоименію, какъ къ средоточію, сходятся всѣ части рѣчи, и пользуются его служеніемъ.

Основныя и первобытныя мѣстоименія суть личныя. Такъ какъ рѣчь началась разговоромъ между двоими, то необходимо было означить лице говорящее, лице слушающее и предметъ разговора. Разговоръ между лицами идетъ вопросами и отвѣтами: отсюда самый естественный переходъ отъ мѣстоименій личныхъ къ вопросительнымъ и указательнымъ. Живое разговорное начало удержалось и въ связи предложенія придаточнаго съ главнымъ мѣстоименіями то — что, тотъ — кто, такой — какой, изъ коихъ первыя указательныя, послѣднія вопросительныя. Какъ вопросъ стоитъ въ за-

висимости отъ отвѣта, такъ и придаточное предложеніе отъ главнаго. Потому-то мѣстоименія вопросительныя и относительныя однаковы.

Числа и роды обозначаются или окончаніями или членами, т. е. мѣстоименіями. Поелику въ разговорѣ между двумя лицами постоянно содержится отношеніе между двоими: потому въ древнѣйшихъ языкахъ присутствуетъ двойственное число. Слѣдовательно понятіе чиселъ непосредственно соединяется со 2 и 3 лицемъ мѣстоименій: ибо говорящій съ слушающимъ составляетъ пару, а все остальное, подлежащее разговору, является во множествѣ 1). Какъ числительныя одинъ (un, ein, санск. ana), другой, переходятъ въ мѣстоименія; такъ и число означается или числительными, или членами и флексіею, находящимися въ связи съ мѣстоименіями.

Участіе членовъ или мѣстоименій въ различіи родовъ очевидно. Впрочемъ надо замѣтить, что источникъ родовыхъ понятій содержится не въ мѣстоименіяхъ, а въ самыхъ существительныхъ: мѣстоименіе только даетъ форму того или другаго рода.

ИСТОРІЯ РУССКИХЪ МѢСТОИМЕНІЙ.

Для исторіи славянскихъ мѣстоименій мы имѣемъ начала въ Граммашикѣ Добровскаго: чѣмъ вѣроятно всякій и пользуется. Для исторіи же рус-

1) Wilh. v. Humboldt, Ueber den Dual 1828.

скихъ мѣстоименій предлагаю малый эпизодъ о мѣстоименіяхъ Древнихъ русскихъ стихотвореній, съ нѣкоторыми прибавленіями.

Мѣстоименное окончаніе въ полномъ прилагательномъ удлиняется: *-іихъ*, *-ыихъ*, *-іимъ*, *-ыимъ*, вм. -ихъ, -ыхъ, -имъ, -ымъ: по высокіимъ горамъ 303. краснымъ золотомъ 293. по пятдесятъ гребцовъ—воровскіихъ казаковъ 318 1). Сличишь древнеславянскія окончанія прилагательныхъ на -ааго, -ууму, также въ Остромировомъ Евангеліи (отъ Матѳея XXV. 8, отъ Марка XVI. 13): мѫдрымъ. прочимъ. Въ Ипат. 205: иныихъ князій. 224: съ прочіими рѣчьми.

Родит. падежъ мѣстоименій женскаго рода ед. числа имѣетъ правильную продолженную форму, какъ въ церковнославянскомъ языкѣ: своея вм. своей, шыя, шоя, вм. шой: ради корысти своея 109. со шыя горы со высокія 210. изъ шоя Карелы богатыя. — Здѣсь и мѣстоименія и прилагательныя правильно оканчиваются по мѣстоимению *ея*. Въ параллель съ этой Цс. формой идетъ русская для винит. единств. женск. шое вм. шу: на шое княгиню новобрачную 97. Форма шое совер-

---

1) Въ древн. стихотв. это удлиненіе вѣроятно для стихотворнаго ладу, ибо въ Стихираряхъ даже позднѣйшихъ столѣтій удерживаются древнѣйшія -ааго, -ыихъ, -имъ, и др. для продолженія нотъ, смотр. Румянц. Муз. Востокова, 650.

шенно правильна, ибо подходитъ подъ общій законъ склоненій, ш. е. склоняется по винит. женск. *ее*.

Краткая форма личныхъ мѣстоименій 1 и 2 лица, и возвратнаго, сходная съ Цс. мя вм. меня, тѣ (ти), те вм. тебѣ, се вм. себѣ: не кому у тя помолишися 70. али тѣ Никитѣ мало можется 330. а самъ се молодецъ размышляетъ 308. благослови мя отче 400.

Въ склоненій 3 лица любопытно опущеніе благозвучной приставки н, ш. е. на его вм. на него, на се вм. на нее и ш. д.: а и черезъ его только шопоръ подать 170. а и буйны вѣтры не вихнутъ на ее 87. что много трудовъ за ихъ положилъ 176. Въ противоположность этому употребленіе притяж. его съ н: въ него мѣсто, Ипат. 226.

Нѣкій, точно такъ какъ ничто, раздѣляется предлогомъ на приставку и корень: нѣ въ кое время пригожуся тебѣ 217. еще нѣ въ кое время пригожуся я вамъ всѣмъ 307. Слич. въ Хлѣбн. и Ерм. рук. нѣвкосмъ мѣстѣ, Ипат. 217.

Указательное тотъ, та, то, подобно греческому члену въ древнюю пору, употребляется какъ указаніе и какъ членъ: и сѣлъ на палаты бѣлокаменны, „на *тѣ* на палаты царскія, „къ *тому* царю Индѣйскому и на *то* окошечко косящатое 49. безъ бою, безъ драки великія, „и безъ *того* кроволитія напраснаго 244. мало время позамѣшкавши „несутъ Тугарина Змѣевича „ на *той* доскѣ красна золота 188. Эти мѣстоименія здѣсь вовсе не указываютъ

на такіе предметы, о коихъ было уже сказано, ибо прежде о нихъ не говорилось ни слова.

Окончанія -апъ, -епъ, прибавляемыя къ существительнымъ и прилагательнымъ, означаютъ подобное же опредѣленіе, соотвѣтствующее члену: схватилъ его медвѣдь-апъ 400. какъ будетъ лѣтній-епъ день въ половинѣ дня 327. Это окончаніе можно объяснить-или сокращеніемъ частицы *то*, очень часто приставляемой у насъ къ концу словъ; или новоболгарскимъ членомъ: подданницы*тъ*, десят*ата* часть, на врем*ято*, дѣтинскі*атъ* возрастъ. Сличить у Нестора: сдѣлаша градок-*ось*, по Лавр. сп. 13 стр. и пойду въ град-ось 30. холм-опъ. опрок-опъ, тамъ же, стр. 48, 87.

Мѣстоименіе 3 лица ставится вмѣсто съ тѣмъ словомъ, которое оно должно бы замѣнить: а впапоры Волхъ онъ догадливъ былъ 47. доселева Рязань она селомъ слыла 345. она тѣмъ узда дорога 33. а впапоры Терентьище „онъ жены своей слушался 15. которы молодцы они поглавнѣе, „срѣзали чембуры шелковые 144. Таковое употребленіе личнаго онъ слѣдуетъ отличать отъ стоящаго съ приложеніемъ, напр. только я Владиміръ князь холостъ хожу 86,—ибо во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ *онъ* употребляется какъ личная прибавка къ сказуемому. Подобное же употребленіе мѣстоименія въ нѣкоторыхъ американскихъ языкахъ, напр. Иванъ онъ любитъ Петра 1). Слич. Пск. Лѣт. 198 и они

1) Mithridates ч. III, отд. III, стр. 397. Becker, Organism der Sprache § 51.

нѣмцы учали бити челомъ Государю. Котош. 2 онъ же Боярищъ пріиде къ Царю. ibid. 52 посольскихъ ихъ Дворянъ верстаютъ на три статьи. Также и притяж. мѣстоим. : ibid. въ домахъ ихъ Боярскихъ учинены приказы. Даніилъ заточн. : образъ твой Государевъ красенъ, Пам. лит. XII в. 233.

Употребленіе относительнаго который сходно съ латинскимъ. Оно ставится вмѣстѣ съ тѣмъ словомъ, къ которому относится: и вздѣвалъ на себя шубу соболиную, „которой шубѣ цѣна три тысячи 59. за рѣку онъ броду не спрашиваетъ, „ которая рѣка цѣла верста пятисотная 23. Такъ какъ и вопросительное и относительное употребленіе мѣстоименія *который* долженствовало произойти отъ одного и того же начала, то ничего нѣтъ страннаго, что нѣкогда относительное который ставилось рядомъ съ своимъ существительнымъ, какъ теперь вопросительное: который часъ? И нынѣ въ дѣловыхъ бумагахъ для бо́льшей ясности при относительномъ который иногда ставится его существительное. Связь этого мѣстоименія съ своимъ существительнымъ такова, что существительное даже и упоминается не въ главномъ предложеніи, а только въ придаточномъ вмѣстѣ съ который: приказалъ казнить и вѣшати, „которые мужики были главные въ Угличи 265 — вм: тѣхъ мужиковъ, которые были — . Потому такое придаточное легко можетъ стоять передъ главнымъ, ибо существительное въ придаточномъ: и которые старцы при церкви живутъ „даетъ

золотой казны не считаючи 174 — вм: старцамъ, которые при церкви живушъ, даетъ —. Иногда въ главномъ стоитъ мѣстоименіе 3 лица: а которые остались люди похужѣе, „на другой сторонѣ въ такуюжъ *они* пещеру убирались 115. Иногда придаточное предложеніе съ мѣстоименіемъ который присовокупляется къ главному союзами *что*, *да*: возьми ты дѣвушку поварешную, „ поварешную, что которая хуже всѣхъ 342. вздѣлъ на себя шубу соболиную, „ да которая шуба въ три тысячи 58. — Пользуясь такой свободой, мѣстоим. который относится у насъ и къ прилагат., отъ существит. происшедшему, становясь съ существит., отъ коего произведено прилагат., напр. Котош. 57 (покупаютъ) также и на товарные деньги, которые товары продаютъ у Архангельскаго города. ibid. 58 дается на церковное строеніе, которые церкви бываютъ разорены.— Мѣстоименіе который столь же древне въ славянскомъ языкѣ, какъ и иже, ибо употребляется въ Остромировомъ Евангеліи: котораго же отъ васъ о҃ц҃ь вѣспроситъ с҃нъ свои хлѣба. еда камень подастъ ему. Луки XI, 11. Оно отличается отъ иже тѣмъ, что до сихъ поръ сохраняетъ въ своемъ значеніи малый остатокъ сравнительной степени, означая избраніе изъ двухъ или нѣсколькихъ: котораго возьметъ за руку, „изъ плеча тому руку выломитъ 254. тамо Татара просто стоятъ; и которыхъ вислоухихъ всѣхъ прибилъ, „ и которыхъ висячихъ всѣхъ оборвалъ 259. А мѣстоименіе

иже, яже еже означаетъ связь 1), ибо состоитъ изъ личнаго мѣстоименія *и, я, е* и союза соединительнаго *же*. *Сейже* употребляется также относительно какъ и *иже*: „и поставн мя среде поля, *се же* бяше полно костей чловѣческихъ“ Iезек. 37, 1. Въ Краледворск. рукописи 14: wlasti nazachodie „wsiechze wlastech luda mnoho ziue: власти на заходѣ (области на западѣ), въ сихъ же властехъ люда (людей) много живетъ.

Возвратное *себя* въ древнихъ стихотвореніяхъ означаетъ отдѣльность, исключенность, сосредоточенность предмета въ себѣ самомъ; потому *по себѣ* значитъ отдѣльно: голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбросаны 292. При глаголахъ это мѣстоименіе выражаетъ отдѣльное, сосредоточенное въ предметѣ дѣйствіе: думаетъ себѣ разумомъ своимъ 96. а самъ се молодецъ размышляетъ 308. а и спалъ шѣ то рѣчи размышляти собою 286. Слич. Ипат. нача собѣ думати 206. тако собѣ во сердци мысля 206. Потому слово *особа* прекрасно выражаетъ понятіе недѣлимаго въ себѣ самомъ сосредоточеннаго и отдѣленнаго отъ всего прочаго. Сличимъ Нестора: по Лавр. сп. поляномъ же жившимъ особѣ 4. Но въ Кенигсб. сп. 7 уже: полянômъ же живущимъ особь. волнамъ вельямъ въставшимъ засобь Лавр. сп. 14. особь вм. особенно напр. въ Новогор. лѣт. 51.—птица особящаяся на здѣ,

---

1) Гумбольдта Ueber die Kawi-Sprache стр. CCXCIII.

Псал. 101, 8. на особицу вм. особливо въ Др. Русск. Спих. 4. быша в нихъ усобицъ Несторъ. 12. Имена, глаголы и прилагательныя, происшедшіе отъ мѣстоименія собѣ, ясно указываютъ, что мѣстоименія выражаютъ не только отношенія или формы, но и понятія 1).

Многіе глаголы принимали возвратное *ся*, котораго нынѣ не терпятъ: выступался шупо сшарой Бермяша Васильевичь 159. изъ шой скамьи богашырскія „выступаешся Иванъ Госпиный сынъ 55. поспоялся Турецкой Царь 311. а и впапоры ему бошлыки не отказывалися 268. заздорилася баба Горынинка 361. она ходишъ лукавишся 416. онъ думался не продумался 343. впапоры доложился о шомъ „большой Есаулъ Спафій Лаврентьевичь 110, 111. скажишеся, какъ васъ по имени зовутъ 187. Многіе изъ этихъ глаголовъ могутъ быть употреблены и теперь. Напротивъ того иные глаголы, нынѣ употребляемые съ возвратнымъ *ся*, не имѣли онаго: лѣвая нога его поскользнула 62. подымавши они Богу молятся 231 — т. е. подымавшись, она плачетъ дѣвица убиваючи 304 — т. е. убиваючись. Особенно любопытно употребленіе такъ называемыхъ общихъ глаголовъ — безъ *ся*: надѣючи на свою родимую матушку 152. — Въ глаголахъ безличныхъ возвратное мѣстоименіе *ся* играетъ едва ли не главную роль: али шѣ Никитъ мало можется 330. со полуночи Никитичу

---

1) Противъ Беккера.

не успется 64. Такъ какъ *ся* должно относиться къ подлежащему, на которое обращается или къ которому относится дѣйствіе; то надобно предположить въ этихъ безличныхъ глаголахъ подразумѣваемое подлежащее, и къ нему то обращается возвратное *ся*, или даже, можно сказать, въ себѣ самомъ его содержитъ. — Страдательный залогъ выражается и формою дѣйствительнаго съ возвратнымъ мѣстоименіемъ: велѣлъ ихъ разослать по кварширамъ, „ до того часу, когда спросятся 119. По Іоан. Екс. Болг. Христосъ распинается, каменіе распадается — страдательн. залога. И греческій страдательный есть не иное что, какъ возвратный: τύπτο-μαι не иное что, какъ τύπτω-με 1). Чтобы отличить возвратный залогъ отъ средняго и страдательнаго, въ русскомъ языкѣ употребляется *себя* вм. *ся*: явился—средній залогъ, явилъ себя—возвратный; назывался — средній и страдательный, называлъ себя—возвратный; напр. одинъ Марко Ефесскій явилъ себя достойнымъ служителемъ Христовымъ Кар. И. Г. Р. V, 289.

Особенности нѣкоторыхъ мѣстоименій. Вмѣсто другъ съ другомъ—другъ съ дружкой: другъ съ дружкой проспитися 248. Всякій вмѣсто каждый, когда при существительномъ есть обособляющее какое либо выраженіе, напр. предлогъ *по*: всякая стрѣла по десяти рублевъ 23. 204. а на всякой тычшкѣ по маковкѣ 355. Въ употребленіи

1) Becker, Organism der Sprache, стр. 88.

не надо смѣшивать всякій и каждый: каждый предполагаетъ—по одиначкѣ, всякій—всѣ. *Свой* съ прилагательнымъ окончаніемъ—скій получаетъ значеніе качества: не за свойской курсъ ты хватаешься 331, т. е. не по твоимъ онъ силамъ и достоинству.

Любопытно, какъ многія древнѣйшія формы мало по малу измѣнялись: шакъ род. жен. шыя, шоя въ шое: Ипат. 213 шое же зимы, слѣд. и прилагат. на—ые или—ое вм.—ыя,—ія: Ипат. 54 изъ рускые земли, ibid. 220 одиное воды. Пск. лѣт. 18 шое жъ осени, 22 шое весны, 221 опъ шое молвы. Никон. лѣт. въ И. Г. Р. X пр. 6: шое жь нощи; И. Г. Р. XI, пр. 36 шо наша большая правда; шое больше у насъ не живетъ. Въ Др. р. сш. 33 шое узды, 227 сверхъ шое рѣки Череги. И па оборопъ винит. жен. на—оя вм.—ую,—ю,—ое: Др. р. сп. 349 нашелъ въ палашахъ у змѣища „свою онъ любимую шешушку, „*тоя* шо Марью Дивовну. И въ прилагат.—ыя,—ія для жен. дат. над.: 349 ко машушкѣ родимыя своей, 96 пріѣхалъ къ церкви соборныя, 50 полешѣлъ ко своей дружинѣ хорабрыя. Предл. пад.: 213 а и самъ въ добычѣ богашырскія, 283 сидючи въ бесѣдѣ смиренныя, 175 и спояшъ на пристани корабельныя.

О РОДАХЪ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

Grimm, D. Gr. III, 344 — 563.

Естественный родъ отличается отъ граммашическаго. Естественный объемлетъ весьма малое

число словъ, въ сравненіи съ остальными, въ которыхъ не обращается вниманія на родовое отличіе, или потому что его дѣйствительно нѣтъ, или потому что обыкновенная наглядность, господствующая въ языкѣ, лишена строгаго естествоиспытательнаго наблюденія. Такъ червь мужескаго роду, а муха женскаго, безо всякаго отношенія къ природѣ; такъ рука женскаго рода, языкъ мужескаго, сердце средняго, душа (die Seele) женскаго, слово (das Wort) средняго, вѣтеръ (der Wind) мужескаго, земля (die Erde) женскаго, вода порус. женскаго, понѣм. (das Wasser) средняго. Для чего же такое примѣненіе природнаго отличія къ предметамъ неодушевленнымъ и представленіямъ?—Въ языкѣ 1) господствуютъ два начала: разумное, основывающееся на чистыхъ идеяхъ, и чувственное, соединяющее наглядныя понятія съ дѣйствительностью. Безъ родовъ можно обойтиться, и многіе языки не имѣютъ ихъ: въ тѣхъ же языкахъ, въ кои родъ проникнулъ, составляетъ онъ необходимую принадлежность, безъ коей невозможно склоненіе. Грамматическій родъ есть ничто иное, какъ созданное фантазіею распространеніе естественнаго рода на всѣ предметы: отсюда многія отвлеченныя и мертвыя выраженія получаютъ жизнь и движеніе. Такъ понятіе дѣйствующее, мощное и самостоятельное

---

1) G. de Humboldt Sur la nature des formes grammaticales et sur le génie de la langue chinoise. 1827, 12, 13.

дѣйствію, слабѣйшее и зависимое — женскимъ или среднимъ: богъ, природа, земля и небо; духъ и душа; вѣтеръ и вѣтвь; союзъ и связка; воронъ и ворона, волкъ и лисица.

Между естественнымъ и грамматическимъ родомъ занимаютъ средину такія слова, кои, не подлежа ни природному отличію, ни случайной игрѣ фантазіи, образовали свой родъ *олицетвореніемъ* (просопопеею), каковы названія боговъ, и обожествленныхъ стихій и явленій природы.

1. Богъ, der Gott, θεος, deus.

2. Дьяволъ, diabolus, der Teufel; бѣсъ, сродное съ нѣм. böse (Grimm, D. Gr. III, 605), лукавый, лѣшій, домовой.

3. Солнце и мѣсяцъ во всѣхъ нѣм. нарѣчіяхъ первоначально женскаго и мужескаго рода, какъ повѣствуетъ ясно преданіе въ Эддѣ: у Мундильфёри были два дѣтища, сынъ Мани (Mond) и дочь Соль (Sonne). Есть литовское преданіе о свадьбѣ солнца и мѣсяца. Впрочемъ въ родѣ солнца различествуютъ даже нѣмецкія древнѣйшія памятники; гр. ἥλιος и лат. sol муж. р., наше солнце сред. отъ уменьшительной приставки — це; муж. родъ мѣсяца подлежитъ меньшимъ исключеніямъ.

4. День (der Tag) существо муж., ночь (die Nacht) — женск., опять согласно съ преданіемъ въ Эддѣ: Нотъ (die Nacht), дочь Нёрви, была за многими замужемъ и наконецъ за Деллингромъ, которому родила сына, именемъ Дагра (dagr, tag),

столь же блистательнаго и свѣтлаго, какъ отецъ, а не темнаго и мрачнаго, какъ мать. Ночь и въ гр. νύξ, и въ лат. пох рода жен.; день же хотя въ лат. dies муж., но переходитъ и въ жен.; а въ гр. ἡμέρα женск.

5. Въ гр., лат., сл., нѣм. земля женск. рода: γῆ и γαῖα, terra, die Erde. По Эддѣ земля дочь той же ночи, отъ другаго мужа.

6. Огонь отъ санскр. Agni, что значитъ и огонь и богъ огня.

7. Нѣм. der Donner (donar, thunar) потому муж. что означаетъ и гремящаго бога и громъ его колесницы въ небѣ; лат. tonitrus муж., tonitru средн., хотя одного корня съ нѣм. donner, но уже не означаетъ Юпитера; лит. perkunas муж., означаетъ и бога и громъ: ему соотвѣтствуетъ слав. перунъ, означающій только бога: употребленіе же его вмѣсто грома есть позднѣйшее, поэтическое, напр. Ломон: перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ.

Таковое миѳологическое олицетвореніе входитъ въ названія многихъ звѣрей, явленій природы, стихій, деревъ и проч.: такъ что трудно отличать постоянно и вездѣ настоящее олицетвореніе отъ грамматическаго рода, исключенія изъ коего во многихъ случаяхъ объясняются миѳологическими представленіями народа.

Поэты, живописцы и ваятели обыкновенно представляютъ въ образѣ женъ всѣ способности душевныя, добродѣтели и пороки, искусства и зна-

означается родомъ мужескимъ; понятіе подлежащее нія, не смотря на то, какого бы рода ни были названія оныхъ, женскаго ли, какъ любовь, ненависть, мужескаго ли, какъ раздоръ, разумъ, средняго ли, напр. смиреніе, покаяніе. Это ведется отъ временъ древнихъ: Римляне таковымъ отвлеченнымъ понятіямъ давали женск. родъ.

При отличіи граммашическаго рода полагается слѣд. начало: муж. родъ означаетъ древнѣйшее, великое, твердое, грубое и быстрое, дѣйствующее, движущееся и производящее; женск. родъ—позднѣйшее, меньшее, нѣжное и тихое, страдательное и воспріемлющее; средній родъ—произведенное, неразвившееся, вещественнообразное, собирательное.

Граммашическій родъ чувственныхъ предметовъ:

1. Царство животныхъ.

Общее названіе животнаго послав. сред. точно также какъ гр. ζῶον, лат. animal, нѣм. das Thier. Послѣднее сродно съ греч. θήρ (муж.), θηρίον (ср.), лат. fera (женск.), слав. звѣрь.

Лат. vulpes одного корня съ lupus и Wolf: лат. p измѣняется въ гр. κ: λύκος; наше волкъ относится къ λύκος точно такъ, какъ нѣм. Wolf и лат. vulpes къ lupus. Лат. названіе животнаго меньшаго и лукаваго vulpes перешло въ нѣм. Wolf, въ названіе животнаго бо́льшаго и кровожаднаго, по-

шому и слабѣйшій женскій родъ переходитъ въ сильнѣйшій мужескій 1). Слич. наши волкъ и лиса. Звѣри меньшаго объема нобольшой части женскаго рода: шакъ мышь, die Maus, впрочемъ греч. μῦς, лат. mus муж. Слич. лат. женск. talpa, фр. taupe и наше муж. кротъ. Вообще млекопитающія животныя подчиняются болѣе естественному роду, чѣмъ грамматическому, отчего и малые звѣрки удерживаютъ муж. родъ.

Нашему жен. птица соотвѣтствуетъ болѣе употребительное у западн. Славянъ муж. птакъ, отъ коего у насъ жен. птаха, пташка, пошка, поточка; въ словѣ птица -ца образующій слогъ; по корню родственно съ греч. πτερόν (и penna, и avis) и нѣм. Feder; гр. ὄρνις общ. р., лат. avis жен., сродное съ гр. οἰωνός, означающимъ уже болѣе хищную птицу; нѣм. der Vogel. Хищныя и большія птицы муж.: орелъ, сродное съ гот. ara, двн. aro, средн. нѣм. ar; соколъ, журавль, коршунъ, ястребъ, воронъ, отличающійся отъ меньшей и не столь благородной: жен. ворона. Нѣм. муж. же: Adler, Falke, Kranich, Geier, Sperber, Habicht, Rabe. Слич. лат. жен. aquila. — Лебедь теперь у насъ муж., у Чеховъ же labut жен.; прежде было общ., что сохранилось въ народномъ языкѣ и донынѣ, въ Др. Р. Сп. 39 бѣлу лебедь рушаютъ (разнимаютъ). Замѣчательно, что это слово, какъ украшающій эпитетъ, придается болѣе женщинамъ, отчего и ласкательныя лебедка,

---

1) Grimm, Reinhart fuchs, 1834, XXIV и слѣд.

лебедушка. Точно такжѣ и въ древнейѣмц. литературѣ женщины сравниваются съ лебедями, собств. имена ихъ слагаютъ съ schwan. Въ Др. Р. Ст. 217 женщина оборачивается въ бѣлую лебедь, изображается колдуньею и называется ерешницею. Съ граммат. родомъ кукушки (малорус. зозуля, чешск, gzegzica, zezhule, въ Словѣ о Полк. Игор. зегзица) согласуется преданіе о превращеніи дѣвушки спроты въ эту птицу 1): отсюда и растеніе кукушкины слезы. Горюющія женщины сравниваются съ кукушками: слич. въ Сл. о Полк. Иг.: Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемь рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви. Въ нѣм. муж. der Guckguck, Kuckkuck, также и въ лат. муж. cuculus, переходящее въ бранное слово. Напротивъ того мущины превращаются въ птицу муж. рода, въ сокола, и сравниваются съ соколомъ: слич. въ Др. Рус. ст. вшапоры учился Волхъ ко премудростямъ: „а и первой премудрости учился „оберпываться яснымъ соколомъ; въ Сл. о Полк. Игор. Игорь соколомъ полетѣ, ibid. Гзакъ говоритъ Кончаку объ Игорѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича (сына Игорева) рострѣляевѣ. Олицетвореніе птицъ и превращеніе людей въ птицъ у Славянъ столь древне, что въ древнѣйшемъ поэтическомъ памятникѣ, въ Судѣ Любуши является говорящая ласточка, вѣроятно оборотень дѣвушка 2): опять согласіе пре-

---

1) Ербена Чешскія народныя пѣсни, I, 178.

2) Шафарика и Палацк. Aelt. Denkm. d. böhm. Spr. 92.

вращенія съ граммашич. родомъ. Слич. въ похвальномъ словѣ Донскому, сравненіе его и жены его Евдокіи: яко златопрьсистый голубь и сладкоглаголивая ластовица. Въ Др. Р. сш. 69 еретница Марина обертывается касаточкой. Нѣм. die Schwalbe; лат. hirundo (жен.) и гр. χελιδων соотвѣтствуютъ также превращенію Прокне. Воробей постоянно муж. рода: στρουθός; passer, der Sperling, le moineau, вѣроятно, потому что эта птица, живущая между людьми, играетъ мужскую ролю въ сказкахъ и басняхъ (thierfabel). Сова женск. рода, die Eule, noctua, γλαύξ; припомнишь символъ мудрости и аттрибутъ Минервы. Пѣвчія пташки въ нѣм. женск. рода: слич. превращеніе Филомелы; полат. luscinia и luscinius; у насъ, согласно съ граммашич. родомъ, соловей имѣетъ другое примѣненіе: соловей разбойникъ въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ; въ Словѣ о Полк. Иг. о поэтѣ: о Бояне, соловію стараго времени.

Какъ у млекопитающихъ малыя дѣти средняго рода, напр. дитя, ушя, жребя, такъ у птицъ яйцо (корень яй, — цо образующее окончаніе) тоже сред. рода: гр. ὠόν, лат. ovum, нѣм. das Ei.

Рыба въ гр., лат., нѣм., франц. муж. рода: ἰχθύς, piscis, der Fisch, le poisson: замѣчательно отклоненіе нашего слова рыба, жен. р., отъ другихъ европейск. языковъ. Рыбы также олицетворяются по своему роду и человѣчески дѣйствуютъ въ преданіяхъ и сказкахъ народныхъ: такъ ёршъ изображается мошенникомъ и проидохою 1), щука

1) Смотр. Русскія народныя сказки, 1841, I, 154.

одарена сверхъестественною силою: отсюда поговорка: по щучьему веленью, по моему прошенью. Названія рыбъ средняго рода не терпятъ.

Общее названіе пресмыкающагося есть гадъ, муж. рода: всякій гадъ движущійся на земли, Кн. Бытія 7, 21; употребляется болѣе во множ. числѣ: онъ есть родовое понятіе и для змѣй, потому въ Др. Р. сп. 223 гады змѣиные. Соотвѣтствуетъ нѣм. муж. р. der Wurm: наше червь какъ и лат. vermis муж. р.; змѣй первоначально муж. р.: змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей сущихъ на земли, Кн. Быт. 3, 1. Отпого съ понятіемъ змѣя соединяется дьявольское, чародѣйское, человѣку враждебное: такъ, въ Др. Р. сп. 45, Волхъ Всеславичь рождается отъ того, что змѣй однажды обвился около чебота его матери. Какъ существо сверхъестественное это пресмыкающееся всегда муж. рода въ нашей старинной поэзіи: налетѣлъ на его змѣй Горынчище, „хочетъ Добрыню огнемъ спалить„, „огнемъ спалить, хоботомъ ушибить, Др. р. сп. 348. Остатокъ этого миѳологическаго представленія сохранился въ дѣтской игрѣ змѣй, муж. р., ибо летаетъ: припомнить въ Др. р. сп. о зміѣ чародѣѣ, 191: поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать. Болѣе низкое понятіе соединяется съ тѣмъ же словомъ въ жен. родѣ. Нѣм. die Schlange имѣло прежде и муж. р.; лат. anguis, serpens общ. р.; vipera и ἔχιδνη жен., фр. serpent муж.

Насѣкомыя ради ихъ слабости и малости по большей части жен. рода, однако также съ исклю-

ченіями. Согласно съ превращеніемъ въ Арахне, за исключеніемъ слав. паукъ, жен. рода: по гр. ἀράχνη, лат. aranea, нѣм, die Spinne, фр. une araignée. Также жен. во всѣхъ языкахъ: муха, μυῖα, musca, die Fliege, la mouche; пчела, μέλισσα, apis, die Biene, une abeille; моль (гот. malò, дрс. mölr), σής, tinea, die Motte, и пр. Хотя нѣм. die ameise и лат. formica жен., однако сл. муравей и гр. μύρμηξ муж.: припомнимъ превращеніе муравьевъ въ людей на островѣ Эгинѣ.

2. *Дерева и растенія.*

Дерево, одного корня съ гр. δόρυ, съ гот. triu, средн. р., равно и дрова, lignum, das holz; нѣм. der baum, муж., ибо выражаетъ понятіе болѣе спеціальное, лат. arbor женск., фр. arbre муж., гр. δένδρον, какъ наше дерево, средн. Къ названію деревъ не примѣняется начало, соблюдаемое въ родахъ царства животныхъ, т. е. бо́льшее и сильнѣйшее муж. р.: какъ нарочно многія высочайшія деревья рода жен.; также у Грековъ и Римлянъ большая часть деревъ рода жен. Причиною тому, можетъ быть, или ограниченная жизненная дѣятельность неподвижныхъ деревъ въ сравненіи съ животными, или народные миѳы, приводящіе въ соотношеніе съ деревами существа женскія. Припомнимъ Дріадъ, нѣм. Holzweibchen, нашихъ Русалокъ, которыя, хотя водятся въ водахъ, однако не покидаютъ и лѣсовъ, расчесывая на деревахъ свои

длинныя косы: впрочемъ нашъ лѣшій, въ пандант домовому, существо мужеское. Припомнишь также изъ Краледворской рукописи старинное славянское вѣрованіе въ священныя дерева и преданіе о томъ, что души усопшихъ летаютъ по деревамъ; слич. Ипат. 184: приходящія цари, и князи и вельможѣ, солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ, *водяше около куста покланятися имъ.*

Языки лат. и греч. предпочитаютъ для деревъ родъ женскій: ilex, quercus, fagus, fraxinus, pinus, abies, tilia, betula; δρῦς, φηγός, πεύκη, ἐλάτη, φίλυρα и пр. Въ слав. и женск. береза, липа, ель, и муж. букъ, кленъ, дубъ: муж. родъ дуба, нѣкоторымъ образомъ, объясняется преимуществомъ его передъ прочими деревьями; въ нѣкоторыхъ производныхъ словахъ значеніе его столь обще, что подходитъ къ родовому понятію дерева: дубье, дубина, дуброва; замѣчательно объясненіе послѣдняго слова въ глос. Mat. verb: Dubraua, silua Jovis quercum significat. Въ старину дубъ стоялъ на межахъ, и за срубку его налагалась большая пеня: аже дубъ потнетъ (посѣчетъ) знаменьный, или межный: по 12 гривнъ продажи. Руск. Правд. смотр. Русск. Достоп. часть II, стр. 57. Нѣм. жен. р. die eiche, die buche, die esche, die fichte, die tanne, die linde, die birke. Во Фр. преимуществуетъ муж. р.: le chêne (casnus), le hêtre, le bouleau, le tilleul, и даже плодовитыя деревья: le pommier и пр. Отношеніе плода, сред. рода, какъ нѣм. das obst (сродн. съ нашимъ овощь),

къ плодовитому дереву весьма правильно въ лат. языкѣ, который женское названіе дерева видоизмѣняетъ въ среднее плода: pomus pomum, malus malum, pirus pirum, cerasus cerasum, prunus prunum, morus morum; правильно въ греч. κέρασος κεράσιον, ἄπιος ἄπιον, μηλέα μῆλον, συκέη (συκῆ) σῦκον, ἄινη (vitis) οἶνος муж. (vinum): слич. наши яблонь яблоко.—Названія жита, травъ, цвѣтовъ и пр. подлежатъ большимъ исключеніямъ. Правильно въ нѣм. средн. рода: das moos, das gras, das kraut, das ried, das rohr, ибо эти растенія, стоя другъ съ дружкой во множествѣ, обозначаются понятіями собирательными. Для травы у насъ всѣ три рода: злакъ, трава, быліе, зелье; отличіе злака отъ травы въ Псалт. 103, 14: прозябаяй траву скотомъ, и злакъ на службу человѣкомъ; зелье же, какъ и коренье, переходитъ въ значеніе отравы, заколдованнаго снадобья, потому означаетъ лѣкарство, а въ старину означало и порохъ: напр. Иск. лѣт. 153: зелей пушечныхъ.

3. Царство ископаемыхъ.

Для означенія мертвеннаго, неподвижнаго вещества, надобно ожидать средняго рода; таковы и дѣйствительно наши: золото, серебро, желѣзо, олово; нѣм: gold, silber, eisen, kupfer, blei, erz; лат: aurum, argentum, ferrum, cuprum, plumbum, aes, rudus. Исключаются гр. муж. рода: χρυσός, ἄργυρος, σίδηρος, χαλκός, μόλυβδος. Камень во всѣхъ языкахъ муж. р., можетъ быть, потому, что имъ бросаютъ и лукаютъ изъ пращи: lapis, λᾶς, der stein; фр.

жен. la pierre, ибо происходитъ отъ жен. лат. petra (πέτρα), означающаго уже массу; по той же причинѣ и лат. saxum ср. р.

4. Вода.

Если вода представляется только веществомъ, то бываетъ ср. р., какъ нѣм. das wasser, ὕδωρ (поэт. ὕδος); слич. какъ вещество ср. р. das feuer. Если же воображается живая, движущаяся сила, то жен., какъ наше вода, лат. aqua. Нашъ морской царь (въ Др. Р. ст. 342) и море, олицетворяемое въ него, не согласуются въ родѣ, хотя большое соотвѣтствіе въ дѣйствіяхъ того и другаго: когда расплясался морской царь, синее море всколебалось, быстры рѣки разливались, топятъ корабли и души напрасныя. Нынѣшнее нѣм. das meer ср., въ старину было жен., фр. la mer, гр. θάλασσα. Раздѣленіе слова see — на жен. для моря и на муж. для озера — есть позднѣйшее и неорганическое. Весьма давно пришлое къ намъ Океанъ представляется у насъ какъ собственное имя, что видно изъ соединенія этого слова съ море: Окіянъ-море; такъ уже въ грамотѣ Ѳеодора къ Елисаветѣ Англійской: и тое Божью дорогу, Окіянъ море, какъ мочно переняти, и унять и затворить. ИГР. X. пр. 54. Иное дѣло съ рѣками и источниками: они искони почитались у Славянъ божеской почестью 1), вмѣстѣ съ деревь-

1) Это вѣрованье обще у Славянъ съ племенами нѣмецкими. Смотр. Гримма Deutsche Mythologie, 1835, стр. 68 и слѣд. Слич. слова Кирилла Туровскаго (XII в.):

ями. Собственныя имена рѣкъ въ гр. и лат. муж. р., въ славянск. и нѣм. по большой части жен., хотя der flusz муж. У древнихъ преимуществуетъ олицетвореніе рѣкъ въ боговъ (слич. напр. Ποταμός): у насъ и Нѣмцевъ въ богинь и женщинъ: живутъ въ нихъ существа женскія, Ундины и Русалки. Впрочемъ и у Грековъ съ Римлянами малыя рѣки и источники предоставлялись Нимфамъ; а у насъ на оборотъ нѣкоторыя старинныя рѣки муж. р. находятся въ связи съ существами мужескими. Знаменитѣйшая изъ славянскихъ рѣкъ, Дунай, спорятъ въ связи съ гибелью Владимирова богатыря Дуная въ этой рѣкѣ, отчего, по народному преданію, и дано ей имя Дунай: смотр. Др. Рус. Стих.; какъ собственное имя мущины, Дунай попадается напр. въ Ипат. 209. Славяне особенно любятъ эту рѣку, можетъ быть, потому, что еще во времена стародавнія они жили при ней. Даже собственное имя Дунай употребляется какъ нарицательное, означая всякую рѣку, что часто встрѣчается въ народной поэзіи; особенно рѣзко это видно въ одной польской пѣснѣ, въ которой Дунай спорятъ во множ. числѣ: „за водами, за быстрыми„ Дунаями глубокими“ 1). Другая старинная славянская рѣка, Волховъ, кажется, также находится въ связи съ муже-

---

уже бо не нарекуются богомъ стихіа, ни солнце, ни огнь, ни источници, ни древеса. Памятн. Рус. Сл. XII в. стр. 19.

1) Za wodami, za bystremi „Dunajami głębokiemi. (Wojc. II, 318).

скимъ именемъ Волхъ (въ Др. Рус. Сп. Волхъ Всеславичь): по крайней мѣрѣ видно, что она образовалась именемъ прилагат.: слич. въ Новог. лѣт. черезъ Волхово, въ варіантѣ: чрезъ волхову рѣку, стр. 6. Женскія названія славянскихъ рѣкъ Греки передѣлывали въ мужескія, согласно съ геніемъ своего языка: такъ изъ Березины образовали Βορυσθένης и названіе побочнаго рукава перенесли на Днѣпръ 1). Наши собственныя имена жен. рода стоятъ въ родовомъ согласованіи съ словомъ рѣка; нѣкоторыя остались прилагательными; теперь напр. говорятъ просто Великая, а прежде Великая рѣка, смотр. Пск. лѣт. 93. Въ Др. Р. сп. 267 олицетворяются Волга сестра и Ильмень (муж.) ея братъ, на стр. 297 рѣка Смородина олицетворяется душей красной дѣвицей. Въ старину былъ обычай кормить море и рѣки, опуская въ нихъ хлѣбъ-соль, въ Др. Р. Сп. 266, 339.

Волна, какъ у насъ, женск. р. полат. unda, пофр. onde, понѣм. die welle. Греки менѣе прочаго олицетворяли волну, употребляя κῦμα ср. р. Снѣгъ у насъ вмѣстѣ съ нѣм. der schnee муж., сродныя же греч. νιφάς, лат. nix и фр. la neige жен. Точно также муж. наше градъ и нѣм. der hagel: а лат. grando и гр. χάλαζα жен.

5. Воздухъ.

По лат. и по фр. aër, air муж., какъ и порус.; гр. ἀήρ и нѣм. die luft жен. Какъ рус. душа жен.

1) Шафарика Slowanskè starožitnosti. 1836. 403.

отъ муж. духъ, такъ и по лат. anima animus; слич. женскія ψυχή, die seele, фр. ame съ муж. der geist, esprit (spiritus): слѣд. душа кажется болѣе нѣжнымъ и слабымъ проявленіемъ духа. Славяне искони олицетворяли душу: такъ въ Краледворской рукописи души летаютъ по деревьямъ.

Вѣтеръ постоянно муж. рода: ἄνεμος, ventus, der wind, le vent. Сѣверъ и Югъ, какъ вѣтры, также муж. рода: Новог. лѣт. 83: въспа угъ вѣтръ, Дѣян. 27, 13: дхнувшу же югу .... У Ломоносова: внимай, какъ югъ пучину давитъ, ibid: такъ сѣверъ укротясь впослѣдни возстенялъ. Въ Иск. лѣт. 202 съ весны были сѣверики вѣтры. Вѣтры постоянно олицетворялись. Въ живописи, съ весьма древнихъ временъ, они представляются дующими лицами или головами, что напоминаетъ преданіе о дующей головѣ Іоанна, которую будто бы носитъ Иродіада въ пустыняхъ небесныхъ 1). Слѣды этого преданія были и у Славянъ: седмь дщерій Иродовыхъ прясцами (лихорадками) баснословаше, сихъ же ни Евангелисты, ни единъ отъ Святыхъ седми именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова (Калайд. въ Іоан. Екс. Болг. 210) По нѣмецкимъ преданіямъ, вѣтры выступаютъ со всѣхъ четырехъ концевъ земли карликами. Греки считали ихъ великанами и братьями (Гез. Θеог. 371). Эолъ, первоначально герой и царь, возведенъ въ

1) Grimm, Deutsche Mythologie, 360.

достоинство божественнаго предводителя вѣтровъ. По русскому повѣрью вѣтры сыновья одной матери; въ Словѣ о Пол. Иг. они стрибоговы внуки; въ одной Русской народной притчѣ вѣтеръ олицетворяется мужикомъ 1). Таково общее согласіе грамматическаго рода въ словѣ вѣтръ съ олицетвореніями.

6. *Небо и звѣзды.*

Наше звѣзда съ лат. stella, и фр. étoile жен. р., а нѣм. der stern съ гр. ἀστήρ муж.; какъ денница согласуется въ родѣ съ звѣздою, такъ и φωσφόρος, ἑωσφόρος съ ἀστήρ, лат. lucifer въ родѣ отступаетъ отъ stella. Выражая неопредѣленное понятіе, ἄστρον и sidus рода ср.

Небо, вмѣстѣ съ лат. coelum, ср. р., хотя есть и муж. coelus, понѣм. же der himmel, погр. οὐρανός и пофр. le ciel муж. р.

7. *Міръ, земля, страна, путь.*

Свѣтъ, міръ, также какъ гр. κόσμος, лат. mundus, фр. le monde, муж. р.; исключается нѣм. die welt, которое происходя отъ двн. wëralt, первоначально означаетъ вѣкъ (seculum). Наши земля и страна, какъ лат. terra, жен.; нѣм. das Land. фр. le pays. Отчина, дѣдина согласны съ землею въ родѣ, отечество ср. р., ибо означаетъ понятіе отвлеченное, потому его не любили употреблять наши предки, замѣняя его словами: Русь, своясн, восвояси, дома, домой.

---

1) Сахарова, Сказанія Русскаго народа 1841. I, 104.

Какъ въ лат. iter ср. отличается отъ via жен., такъ и у насъ путь отъ дороги; нѣм. der weg, фр. le chemin. Тропа, улица, улка, стогна въ родѣ согласны съ дорогою; переулокъ измѣняетъ свой родъ утратою окончанія отъ приставки пере—.

8. Тѣло и части его, части растеній.

Тѣло, σῶμα, corpus, das leib, ср. рода въ противоположность душѣ и духу. Нѣм. das haupt, подобно лат. caput; наше вмѣстѣ съ греч. κεφαλή жен.; наши сердце, око, ухо, какъ нѣм. das herz, das auge, das ohr, ср.; лат cor, oculus, auris ср., муж., жен.; гр. καρδία, ὤψ, οὖς—жен., жен., ср. Исключая славян., языкъ рода женск.: γλῶσσα, lingua (dingua), die zunge, la langue. Зубъ, ὀδούς, dens, der zahn, муж.; исключается фр. la dent. Рука, χείρ, manus, die hand, la main жен. рода, какъ часть меньшая въ сравненіи съ ногою, которая, кромѣ слав., въ прочихъ языкахъ муж.: πούς, pes, der fusz, le pied. Перстъ, палецъ, δάκτυλος, digitus, der finger, le doigt вездѣ муж.; а колѣно, γόνυ, genu, das knie средн. р.

Листъ, кромѣ слав., рода ср.: πέταλον, φύλλον, folium, das blatt.

9. Земледѣліе.

Названія орудій къ обработкѣ полей, какъ древнѣйшаго и необходимѣйшаго упражненія, весьма важны для исторіи языка. Наше плугъ, употребляющееся у всѣхъ славянскихъ племенъ, сходно съ нѣм.

der pflug, тоже распространившимся по всѣмъ нѣм. нарѣчіямъ. Нѣмцы производятъ свое слово отъ pflëgen solere; Славяне 1) свое отъ plegi—deducit, quasi exstirpator; трудно согласишься съ Гриммомъ, чтобы это слово заимствовали Славяне у Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ самымъ орудіемъ. Покрайней мѣрѣ замѣчательно то, что въ обоихъ языкахъ это слово муж. р., что согласуется съ древнѣйшимъ олицетвореніемъ плуга, приписывавшимъ ему голову и хвостъ. Какъ по плугу наше земледѣліе роднится съ нѣмецкимъ, такъ по оралу, ср. р. (рало, радло), съ греч. ἄροτρον отъ ἀρόειν, лат. aratrum отъ arare: слич. орать, лат. rallum, гр. ῥοθεω, нѣм. roden, reuten.

10. Городъ, мѣсто.

Хотя всѣ три рода употребляются въ названіяхъ городовъ и мѣстъ, однако преимуществуетъ жен. въ гр., лат., нѣм., Фр. πόλις, civitas, urbs, arx, villa, die burg, die stadt, la ville. У Славянъ вмѣсто города весьма употребительно мѣсто, ср. р., ἄστυ, oppidum.

Какъ собственныя имена рѣкъ, въ согласіи съ нарицательнымъ, по большой части жен. рода; такъ названія городовъ муж. Притомъ они по большой части имена прилагательныя: такъ Кіевъ еще старинное преданіе производитъ прилагательнымъ отъ существительнаго Кій, отъ коего и перевозъ назы-

---

1) Юнгманна чешск. словарь III, 128.

вался кіевымъ: на перевозъ на кіевъ, Кенигсб. спис. 9. Ярославль, Переяславль, Владимиръ (Владимирь), прилагательныя отъ Ярославъ, Переяславъ, Владимиръ; Смоленскъ, Изборскъ, Полоцкъ тоже съ прилагательнымъ окончаніемъ, вспарину окапчивались и на -о: Смоленско, Полоцко, Изборско, Пск. лѣт. 207, 210, Новог. лѣт. 53, какъ Волхово Новог. лѣт. 6, вм. Волховъ, и Московъ, Москова въ Ипат. вм. Москва. Слич. вмѣсто Архангельскъ въ ИГР. X, пр. 135 Архангельской городъ. Названія средняго рода соотвѣтствуютъ нарицательнымъ, мѣсто, село и ш. п. Изъ именъ жен. рода замѣчательное отклоненіе представляетъ Москва; въ употребленіи съ предлогами видно, что она казалась нашимъ предкамъ чѣмъ то различнымъ отъ иныхъ городовъ: преставися Митрополитъ Кипріанъ *на* Москвѣ, Новог. лѣт. 103. поѣха изо Пскова *на* Москву, Пск. лѣт. 101. пріѣхавъ отъ Великаго Князя *съ* Москвы, ibid. 103. и тотъ зломышленный боляринъ велѣлъ *на* Москвѣ дворы зажигати, Коноших. 2. *на* Москвѣ и *въ* городѣхъ всѣхъ воровъ освобождаютъ на волю ibid. 12. а *на* Москвѣ и *въ* городѣхъ, по всѣмъ монастыремъ и по церквамъ, прикажутъ чинити по царѣ до шти недѣль поминаніе ibid. 16 1). Если бы Москва получила свое имя отъ рѣки, то и жен. родъ ея и такое употреб-

---

1) Во время Фонъ-Визина еще говорили: живу на Москвѣ вм. въ Москвѣ, смотр. IV-ю ч. его сочин. 1830, стр. 62.

леніе съ предлогами объяснились бы сами собой: иное дѣло, если предлоги *на*, *съ* ошносились къ Москвѣ, какъ къ мѣсту высокому. Слич. Иск. лѣт. 111 преставися Князь Симеонъ Кіевскій *на* Кіевѣ: но это весьма рѣдко, и вѣроятно употреблено на образецъ Москвы. Слич. также въ Др. Рус. ст. 104 пошерянъ мой сынъ Царевичь Димитрій „*на* Угличѣ отъ пѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ.

11. Корабль, лодка.

Если языкъ олицетворилъ плугъ существомъ живымъ, то уже еще естественнѣе это оживотвореніе въ кораблѣ, который, подобно плавающему животному ходитъ по волнамъ, и какъ конь переноситъ людей съ берега на берегъ: потому корабль, подобно животному, снабженъ носомъ. У грековъ Ἀργώ (быстрая) женск. рода, ибо ναῦς, νηῦς жен., какъ и лат. navis: этотъ корабль понималъ слова Орфея, и самъ умѣлъ отвѣчать на нихъ (Argon. 245. 259. 489. 1159.). Корабль Фрикса назывался κριός (козелъ) 1). У насъ корабль, муж. р., называется соколомъ и олицетворяется звѣремъ мужескаго рода: „у того было у сокола у корабля „вмѣсто очей было вставлено „по дорогу камню по яхонту, „вмѣсто бровей было прибивано „по черному соболю якутскому, „вмѣсто уса было вопкнуто „два острые ножики булатные, „вмѣсто ушей было вопкнуто „два остра копья мурзамец-

1) Потъ, Etymol. Forschungen, 1836, II, 406.

кія, „и два горностая повѣшены, „и два горностая, два зимніе, „у шого было у сокола у корабля „вмѣсто гривны прибивано“ двѣ лисицы бурнастыя, „вмѣсто хвоста повѣшено „на шомъ было соколѣ кораблѣ „два медвѣдя бѣлые, заморскіе, „носъ, корма попурином у, „бока взведены позвѣрином у.“ Др р. ст. Соловей Будимировичь. Въ нѣмецкихъ старинныхъ поэмахъ съ кораблями говорятъ герои точно также, какъ и съ копями.

Фр. la nef, какъ остатокъ латинскаго, жен. рода; нѣм. же das schiff (skip, отъ skapan, нѣчто произведенное, сосудъ, ein zeug, fahrzeug) ср. р., какъ и наше судно, сродное съ сосудъ, судъ, посудина: слич. Фр. муж. (ибо нѣтъ средн.) vaisseau, означающаго и корабль, и судно, и посуду, отъ лат. ср. vas, vasis (vasum).

Будучи народомъ неприморскимъ, Славяне болѣе употребляли лодки или лодьи, потому въ видовыхъ названіяхъ преимуществуетъ родъ женск.; муж. р. меньше, средняго почти вовсе нѣтъ. Такъ женск. рода: берлинка — на рѣкѣ Паровѣ. брусянка — на Печерѣ. бѣлозерка — на Бѣлѣозерѣ. бѣлянка — на Волгѣ и Дону (ибо такая лодка не смолится). вѣшка — легкая лодочка, гораздо менѣе бота, удобная для переноски, челночекъ однодеревый, въ Камчаткѣ, на Ленѣ. гусянка — на Окѣ и Цнѣ. киржи́ма — плоскодонное судно на Курѣ и Каспійскомъ морѣ. кладная — на Волгѣ. коломенка — родъ большой барки, сдѣланной въ Коломнѣ, на Москвѣ рѣкѣ:

въ Др. Р. Сп. еще Ермакъ разъѣзжаетъ по Сибирскимъ рѣкамъ на коломенкѣ. комыга — въ Вольши и на Западномъ Бугѣ. коренная — на Окѣ и Волгѣ. коробка — родъ порома, или перевознаго судна на Нѣманѣ. лыжва — на Днѣпрѣ и Западн. Бугѣ. мокшанка — на Волгѣ. мокшана — на Мокшѣ. набойная лодка — у которой борта возвышены приколоченными досками, въ Камчаткѣ: въ Др. Р. Сп. въ похожденіяхъ Ермака упоминаются „лодки набойницы.“ обла́са — на Сѣверной Двинѣ. посуда — всякое большее или малое судно, въ коемъ перевозятъ какую нибудь кладь по Волгѣ. разшива — на Волгѣ, большая барка съ палубою и мачтою. садка — большое судно, на коемъ привозятъ дрова въ Петербургъ. ушканка — на Волгѣ и на Окѣ. чайка — маленькая лодка на Дунаѣ. шугалея большая лодка, въ Малороссіи, и пр. Муж. рода: байда́къ — барка, плоскодонное судно, въ Малороссіи. батъ — тополовая лодка, выдолбленная изъ одного дерева, въ Камчаткѣ. бусъ, старинное слово, болѣе во множ. числѣ: въ бусахъ и шнекахъ, Новог. Лѣт. 108. а иныхъ на мори въ бусахъ много побиша Пск. Лѣт. 76, 192. вишни́мъ — на Нѣманѣ. гу́каръ — на Маріинскомъ каналѣ и Бѣломъ морѣ. домшкоу́шъ — на Свири и каналѣ Маріинскомъ. дощани́къ — судно, меньше порома съ настланнымъ поломъ. дубасъ — на Западномъ Бугѣ. елычи́къ (можетъ быть испорченное яличекъ) — въ Камчаткѣ, тоже что вѣшка. жига́нъ — на Печерѣ и Камѣ. межеумокъ — на Волгѣ. мокшанъ — судно для грузныхъ тяжестей съ воз-

вышенною крышею, въ Ярославск. Губ. насадъ — плоскодонное судно, похожее на спругъ; старинное слово: иные въ насадахъ, иные въ ладьяхъ, Пск. Лѣт. 45, 94, 125. па́возокъ — малая лодка, сопровождающая большія, на Волгѣ, Днѣпрѣ и Дону; полубарка, употребляемая на Ленѣ. спругъ — невысокое судно, безъ палубы, на судоходныхъ рѣкахъ: упоминается въ Словѣ о полку Игоревѣ. трешкоу́тъ (голл. trekschuit) родъ яхты на Ладожскомъ каналѣ. учанъ — старинное слово, напр. въ Пск. Лѣт. 122 разъѣзжаютъ на нихъ по Ловаши и Ильменю озеру; Новог. Лѣт. 80.

12. Храмъ, домъ.

Славяне, также какъ и Нѣмцы 1), первоначально покланялись божеству въ священныхъ рощахъ, названіе коихъ доселѣ сохранилось въ чешск. hag (гай) и слав. gai, сродномъ съ нѣм. der hain: оба муж. р., какъ наши лѣсъ и боръ, можетъ быть сродное съ древненѣмецк. названіемъ священной рощи: altn. barr, ags. bearo, ahd. paro 2). Когда же на-

---

1) Lucos at nemora consecrant, говоритъ Тацитъ о Германцахъ Germ. 9. Слич. 39. 40. Въ Краледворской рукописи Славяне оплакиваютъ свои сожженныя святыя рощи. Слич. Helmold. I, 1 о Славянахъ. Также Диттмаръ Мерзебур. 151, 160.

2) Такъ какъ христіянскія церкви ставились часто на ознаменованныхъ язычествомъ мѣстахъ, то не худо припомнить Спасъ на бору; боръ въ центрѣ Москвы; Боровицкія ворота, Боровичи.

чалось зодчество, нѣмецкія племена, на образецъ священныхъ лѣсовъ, стали строить свои храмы, что и дало начало готической архитектурѣ 1).

Обширной церкви, собору, муж. р., противополагается у насъ жен. церковь, первоначально церкы, а въ послѣдствіи съ усиленнымъ женск. окончаніемъ церква, не только въ малорусскомъ нарѣчіи и новогородскомъ подрѣчіи, но почти по всей Россіи употребляемое. Православной церкви противополагается иновѣрная божница, тоже жен. р.: (Исидоръ) повелѣ въ лядскыхъ божницахъ рускымъ попомъ свою службу служити, а въ рускыхъ церквахъ каплапомъ, Новог. Лѣт. 112. Магометанская ропотня, тоже жен., попадается уже у Нестора по Лавр. сп. Чтная въ лѣтописяхъ, сколько и какъ скоро строились наши церкви, можемъ легко судить объ ихъ ограниченной величинѣ. Весьма любопытно измѣненіе жен. рода Святая Софія въ муж. Святый Софей, весьма употребительное въ Псковской лѣтописи, вѣроятно, въ отличіе названія собора отъ собственнаго имени святой жены: напр. у Святого Софея поставя вѣче передъ Святымъ Софеемъ, Пск. лѣт. 111. Слич. ecclesia, фр. жен. église, нѣм. die kirche; а нѣм. der dom, какъ наше соборъ, фр. le dôme, куполъ, муж. р. Храмъ есть общее названіе для большаго зданія, потому хоромы; также муж., какъ нѣм. der tempel и фр. le temple, хотя лат. ср. tem-

---

1) Grimm, Deutsche Mythologie, 1835, 41.

plum. Капище, пребище, по окончанію—ще, означаютъ мѣсто, ср. р., какъ лат. fanum, delubrum.

Изба, въ старину истба, истпа, истьба, истопка; полата (еще у Нестора), гридня, комната, каморка, какъ лат. camera (καμάρα), нѣм. die kammer и фр. la chambre, жен. р., въ противоположность муж. терему. Жен. рода, въ согласіи съ гридницю или палатою, спальня; въ р. Др. стих. 222: въ гридню спальную; столовая, кухня, одного корня и рода съ нѣм. die küche, фр. la cuisine, лат. culina.

13. Оружіе.

Для витязей мечь, подобно змію или огню, казался существомъ одушевленнымъ, которое, вылетая изъ ноженъ, наноситъ врагамъ удары. Это слово у насъ обще съ древне-нѣмецк. нарѣчіями и съ гр. жен. μάχαιρα. Лат. муж. ensis и gladius, отъ котораго фр. тоже муж. le glaive; теперешній нѣм. языкъ въ словѣ das schwert упрашилъ живое представленіе.

Въ противоположность мечу и копью, стрѣла, лат. sagitta, фр. la flèche, жен. р. Хотя теперешнее нѣм. der pfeil муж. р., образовавшееся изъ лат. pilum; однако въ старину и у Нѣмцевъ было жен. strâla, strâle, однозвучное съ нашимъ стрѣла. Остроумно производитъ Гриммъ это слово отъ муж. der strahl лучь; замѣчательно по крайней мѣрѣ то, что и наши лукъ и лучь созвучны. Наше самострѣлъ ясно выражаетъ живой и дѣятельный образъ, тогда какъ нѣм. die armbrust жен. р.: ибо

оно образовалось изъ лат. arbalista, фр. arbalête жен., arcubalista; чужестранные звуки нѣмцы уподобили своимъ arm и brust, кои въ этомъ словѣ вовсе не значатъ ни руки, ни груди. Праща, funda и die schleuder жен. р.; копье, telum, jaculum, spiculum, ср. р., нѣм. der speer муж., прежде было и средн.

Щитъ, clipeus, der schild, le bouclier муж. р. Шлемъ одного рода и корня съ нѣм. der helm, heaume. Шлемъ или шеломъ переходитъ въ значеніе горы: шеломень: точно такъ какъ забрало значитъ и часть шлема и стѣну. Слов. о Полк. Игор.

Въ названіяхъ оружій и военныхъ дѣйствій есть также олицетворенія: туры, павлинъ, свинья: исъ туровъ 1) пушками биша, Пск. лѣт. 182. съ пушками, эъ большими съ павлинами, и со огненными 202. И наѣхаша на полкъ нѣмци и чюдь, и прошибошася свиньею (клиномъ, угломъ) сквозѣ полкъ, Новог. лѣт. 53.

14. Болѣзнь, смерть.

Изъ болѣзней всего болѣе распространены у насъ имена лихорадки: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она называется вѣснуха и вяспуха, какъ въ Волог. и Тверск. Губ.; въ иныхъ, какъ въ Малороссіи, прясця и спясса; въ иныхъ лихоманка, въ Жиздрѣ піошка и дипюха, въ Вологод. Губ.

1) Туры, по объясненію Русской книги въ Берлинск. библіот., schanzkerbe. Строева Описан. пам. Славяно-русск. лит. 1841. Въ Др. р. ст. 259 и копали они ровы глубокіе, „заплетали туры высокіе.

кумоха, въ Малорос. поганка, въ Курск. Губ. варягуша, и пр. Постоянно жен. рода, согласно съ преданіемъ о сестрахъ трясовицахъ, существахъ сверхъестественныхъ, что видно изъ спашьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ: по Молитвенникомъ лживые молитвы, о трясавицахъ 1). Подобно болѣзни, и смерть, лат. mors, представлялась существомъ женскимъ; въ этомъ отношеніи замѣчателенъ у Лужичанъ одинъ обрядъ, при которомъ изгоняютъ смерть, какъ существо одушевленное, и неоднократно повторяютъ: мы выгнали смерть, привели лѣто 2). У грековъ же θάνατος, какъ и братъ ея сонъ, существа мужескія.

Предложенныхъ примѣровъ считаю достаточнымъ, чтобы показать, какъ не одна логика, а совокупность всѣхъ духовныхъ силъ народа, вся жизнь его съ обычаями и повѣріями, выражается въ формахъ языка.

Грамматическій родъ отвлеченныхъ предметовъ подлежитъ иному закону: въ названіяхъ вещественныхъ окончаніе родовое совершенно подлежитъ значенію предмета; въ отвлеченныхъ родъ болѣе зависитъ отъ окончанія. Впрочемъ, такъ какъ, напр. въ лат., слова на — us, — a, — um не потому муж., жен., средн., что такъ оканчиваются, а наоборотъ: такъ оканчиваются, потому что они муж., жен., средн. р. 3): то и въ отвле-

1) Калайдовича Іоаннъ Екс. Болг. 210.

2) Smerć smy wuhnali, ljeśo zaso pšiwedžemy. Смотр. Смолера и Гаупта Лужицкія пѣсни, I, 20 и 21.

3) Поттъ, Etymologische Forschungen II, 1836 408.

ченныхъ названіяхъ роды должны были подлежать какому-либо внутреннему началу, кромѣ внѣшней приставки. Впрочемъ фантазія гораздо равнодушнѣе къ ихъ родамъ, и легко измѣняетъ ихъ по какому-либо евфоническому требованію языка. Можно только сказать, что чѣмъ общѣе отвлеченное понятіе, тѣмъ менѣе подчиняется оно воображенію, и принимаетъ родъ средній, а чѣмъ частнѣе, тѣмъ скорѣе можетъ быть муж. или жен. рода. Такъ жен. творка, счастка понятія менѣе отвлеченныя и общія, чѣмъ твореніе, счастіе. Образованіе словъ для понятій отвлеченныхъ принадлежитъ позднѣйшему, болѣе развитому періоду жизни народной. Какъ божества греческія, напр. Аполлонъ, Зевсъ, въ древнѣйшемъ періодѣ были богами природы физической, солнца, неба, земли, а въ послѣдующемъ богами понятій духовныхъ, искусствъ и наукъ, власти царской и т. п.; такъ и слова въ языкѣ имѣютъ два періода, древнѣйшій вещественный и позднѣйшій нравственный. Олицетвореніе предметовъ духовныхъ принадлежитъ уже этому второму періоду образованности народа, когда развивается въ немъ мыслительность. Въ поэзіи отвлеченное слово олицетворяется уже аллегоріею, иногда еще согласною въ родѣ съ поэтическимъ представленіемъ, какъ напр. въ словѣ о Полк. Игор. въспала обида въ силахъ Дажь-Божа внука; вступилъ (-ла) дѣвою на землю Трояню, въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море, и пр. Слич. въ Краледворской рукописи: bieda wstanet uzsia po

krainach; русск. поговорку: встань бѣда, да не лягъ; въ Пск. лѣт. 180: правда ихъ и крестное цѣлованіе возлетѣла на небо, а кривда въ нихъ нача ходити. Иногда же аллегорическое олицетвореніе вовсе не согласуется съ родомъ, напр. въ прекрасной старинной пѣсни „А и горе горе горевашьице“ олицетвореніе горя: а горе прежде вѣкъ зашелъ.... а горе зашелъ, впереди сидитъ, и пр. Др. Русск. сп. 381 и 382.

Частый переходъ изъ одного рода въ другой зависитъ частію отъ исторіи окончаній и склоненія, какъ напр. пламень, спремень вм. пламя, спремя, частію отъ произвола фантазіи. Такъ греч. μισθός переходитъ въ жен. мзда, лат. nasus, сл. носъ въ жен. die nase; молоко, согласуясь въ родѣ съ лат. lac, отклоняется отъ нѣм. die milch; снѣгъ однородно съ нѣм. der schnee, а не съ лат. nix; лат. penna съ нѣм. die feder, а наше перо съ гр. πτερόν, и т. д. Переходъ муж. въ жен. 1): змѣй змѣя, лучь луча: отъ малыя лучи солнечныя грѣемое распаявшеся, Прем. Солом. 16, 27. паръ пара: пара бо есть силы Божія, Прем. Солом. 7, 25; пара идетъ отъ коней, Ипатьевск. 205. проступокъ проступка: о своей проступкѣ, Пск. лѣт. 167. полетъ полетка, поступокъ поступка: знашь-де полетка соколиная, „видѣшь-де поступка молодецкая, Др. Руск. стих. 172. пошопъ въ Ипат. 92 потопъ. жаръ жара, вкладъ вклада, и пр. Переходъ женскаго въ муж.

---

1) Слич. Труды Общ. Люб. Рос. слов. 1824, V, 177.

лиса лисъ: и рече имъ: шедше рцыте лису тому, Луки 13, 32. Старинное куръ есть коренное, а не измѣнившееся въ родѣ отъ словъ курица, куры. Переходъ женск. и муж. въ средн. для означенія понятія собирательнаго: часть частье: иссѣкли топоры (топорами) въ частье, Пск. лѣт. 144. вой вое: и нача вое свое дѣлити, Новог. Лѣт. I. коренье уголье, каменье, отъ коихъ множ. собирательное коренья, уголья, каменья и пр. Переходъ средн. въ муж.: пламя пламень: еще въ Судѣ Любуши 62: plamen praudozuesten, пламен правдозвѣстен, ignis juris nuntius. стремя стремень: тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, Сл. о Полк. Игор. чрево черевъ: онъ перву ступень ступилъ, по черевъ конь утонулъ, Др. Руск. Стих. 293. Нѣкоторыя слова даже безъ измѣненія окончанія измѣняются по родамъ, или различествуя склоненіемъ, какъ степень степенью жен., а прежде степень степенемъ муж., или даже склоняясь одинаково, какъ въ муж., такъ и въ женск. родѣ, напр. языкъ мой прилпе гортани моему, Пс. 21, 16.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНІЯ.

Grimm, Deutsche Grammatik III, 364—663.

Bopp, Vergleichende Grammatik 388 — 428, 457 — 469.

Качества, выражаемыя прилагательными, могутъ возвышаться по степенямъ. Низшая степень—положительная, высшая—превосходная; иногда положительная можетъ уменьшаться или смяг-

чаться, напр. бѣловать, сѣровать, и особенно въ качествахъ недостаточныхъ: глуповать, просповать; иногда и превосходная можетъ еще подниматься, какъ нѣм. allerschönste; такое нелогическое усиленіе превосходной степени извиняется гиперболою. Между положительной и превосходною неопредѣленное множество степеней, кои всѣ выражаются сравнительною: красивѣе значитъ не только немножко выше красиваго, но даже и почти самый красивый. Хотя у насъ и выражается первая нижайшая ступень сравнительная приставкою по-: покрасивѣе, однако обозначеніе отдѣльныхъ степеней предназначено въ языкѣ только числительнымъ именамъ порядочнымъ. Въ степеняхъ положительной, сравнительной и превосходной замѣчается такая же *трилогія* языка, какъ въ родахъ—муж., жен. и средн., или какъ въ залогахъ—дѣйств., страд. и средн. И какъ въ нѣкоторыхъ языкахъ могутъ отсутствовать сред. или жен. родъ, страд. или средн. залогъ: такъ и въ нѣкоторыхъ языкахъ, напр. въ славянскомъ, нѣтъ формы превосходной степени, или напр. во французскомъ, ни превосходной, ни сравнительной; такіе языки принуждены употреблять описаніе, напр. въ руск. самый для превосходной степени: самый полезный; эту превосх. степень можемъ мы гиперболически увеличивать, измѣняя положительную степень прилагательнаго въ сравнительную: самый нужнѣйшій. Хотя противъ такой будто бы излишней формы возстаютъ нѣкоторые наши Грамматики, но лучшіе наши писа-

шели, употребляя оную, уничтожаютъ всякое сомнѣніе, напр. Карамз. И. Г. Р. I, 177: (Ольга) давала уставы, самые простые и самые нужнѣйшіе.

Образующіе слоги въ степеняхъ сравненія:

1. Санскр. для сравн. tar, s, для превосх. tam, schth: санскр. срав. tar въ нашихъ ко-шор-ый, в-шор-ый; въ гр. πό-τερ-ος, εὐρύ-τερ-ος (latior) отъ εὐρύς (latus); въ лат. uter, dexter, noster; нѣм. gröszer, schöner. Санскр. прев. tam въ лат. in-tim-us, ul-tim-us, санскр. прев. schth въ лат. — issimus, въ нѣм. — st, въ слав. — шій (и можетъ быть увеличивающее окончаніе — ще: домище).

2. Греч. для сравнит. τερ, — ῖων, соотвѣтствующее латинскому — ius, и нашему — яе, — ѣе; для превосх. τατ, вмѣсто санскр. tam, и — ιστος, одинаковое съ нѣм. st. καθαρός (purus), καθαρώτερος (purior), καθαρώτατος (purissimus); въ прилаг., означающихъ направленіе вверхъ, внизъ и т. п. τερ и для полож. степени: ἀνώτερος (superior), κατώτερος (inferior), δεξιτερός (dexter), ἀριστερός (sinister) и проч. ἡδύς (suavis), ἡδίων (suavior), ἥδιστος (suavissimus); κράτυς (fortis), дор. κράσσων, аттич. κρείσσων, превосх. κράτιστος.

3. Латинск. образующій слогъ сравнит. ter, er, превосх. степени tim, im: uter. neuter, alter, noster, vester, exter, dexter, sinister, inferus, superus, nuperus, нарѣч. aliter, breviter, и пр., частицы inter, praeter, subter, super; intimus, ultimus, optimus, simillimus, nigerrimus, minimus, primus, septimus, decimus, нарѣч. viritim, gradatim, statim, sensim, pensim, raptim. —

Сравн. — ior, — ius, превосх. — issimus: facilis, facilior, facilius, sanissimus, maximus (вм. magsimus), proximus (вм. propsimus).

4. Нѣмецк. сравнит. r, превосх. st. welch-er, er-ste; нѣкоторыя существительныя образовались степенями сравненія: die eltern (parentes), die vordern (majores), der herr (hêriro), der fürst (furisto), der jünger (jungiro), der nächste (proximus). Какъ сравнит. и превосх. степ. являются selber и selbst. Слич. у Плавта ipsissimus прев. ст. отъ ipse; фр. même, прежде meismes, mesme отъ превосходной степени medesimo, metipsimus, положит. степень коего есть metipse, испорченное изъ латинск. ipsemet.

5. Славянск. сравн. *тр* и превосх. *тм* сохранились въ немногихъ словахъ: кошорый, вшорый, седмый, слич. septimus, осьмый. Окончаніе тр во всѣхъ языкахъ, кромѣ санскр. и греч., является шолько исключеніемъ для сравнительной степени: въ греч. же и санскр. главнымъ правиломъ. Въ нашемъ двоякомъ окончаніи сравнит. степени видно сродство и съ сравнит. окончаніемъ гр. ῖων, лат. -ior, -ius, и съ превосходной степени окончаніемъ санскр. — schth-, лат.—issimus.

Въ образованіи степеней нѣкоторыхъ прилагательныхъ оказывается древнѣйшая и вмѣстѣ органическая неправильность, которую должно признать формальнымъ преимуществомъ, въ послѣдствіи запершяннымъ другими прилагательными. Объ этой неправильности должно сказать, равно какъ и о

неправильномъ спряженіи и склоненіи (именно мѣстоименій), что она касается такихъ словъ, которыя всѣхъ чаще употребляются, и, будучи непрестанно необходимы въ рѣчи, по большой части становятся вспомогательными для описательныхъ выраженій, замѣняющихъ упраченныя флексіи. Потому въ этихъ словахъ высокая формальная сила и, такъ сказать, удобораспяжимость, отъ чего они становятся способными къ исправленію своего вспомогательнаго служенія. Здѣсь геній языка удачно сочетаваетъ внутреннюю тайну формы словесной со внѣшней ея красотою и удобопримѣнительностью къ употребленію. Такъ неправильность степеней сравненія происходитъ отъ различныхъ корней для трехъ степеней одного и того же прилагательнаго: правильное образованіе оныхъ было бы утомительно однообразно, ибо прилагательныя, неправильно восходящія по степенямъ, весьма часто встрѣчаются въ рѣчи.

Прилагательныя во всѣхъ сродныхъ языкахъ съ неправильными степенями сравненія:

I. Понятіе хорошаго. хорошъ, лучшій; Цс. добрый, уній, уншій; польск. и чешск. лѣпщи (отъ лѣпый); сербск. болій, краинск. большій. гр. ἀγαθός, ἀμείνων, ἄριστος, βελτίων, βέλτιστος и κρείσσων, κράτιστος, λῴων, λῷστος. лат. bonus, melior, optimus. нѣм. gut, besser, beste (старин. basz, гот. batiza). фр. bon, meilleur, старин. mieldre, meillor 1).

1) Diez, Gram. d. romanisch. Spr. 1838, II, 58.

2. Понятіе дурнаго. Цс. злый, горшій. гр. κακός, κακίων, κάκιστος правильно, но вмѣстѣ и χείρων, χείριστος, ἧσσων, ἥκιστος. лат. malus, pejor, pessimus. Фр. mauvais, pire, старин. mal, pire (pejor, piour), pesme.

3. Понятіе великаго. великъ, большій; Цс. болій, вящшій; чешск. wětšj (вѣшши). гр. μέγας, μείζων, μέγιστος. лат. magnus, major, maximus. Фр. grand, (majeur), старин. maire (maior).

4. Понятіе малаго. малый, меньшій; Цс. мшій. гр. μικρός — σμικρός, ἐλάσσων, ἐλάχιστος, μείων, μεῖστος. лат. parvus, minor, minimus. нѣм. minder. Фр. petit, moindre (mineur), старин. mendre (menor).

5. Понятіе многаго. много, больше. гр. πολύς, πλείων, πλεῖστος. лат. multus, plus, plures, plurimus. нѣм. viel, mehr (родственно съ гот. mikils великъ, и μέγας), meist, am meisten. Фр. plus.

6. Понятіе немногаго. гр. ὀλίγος, ὀλίζων, ὀλίγιστος, μείων, μεῖστος. лат. paucus, paucior, paucissimus.

Понятія хорошаго и великаго, великаго и многаго переходятъ одно въ другое: такъ въ однихъ славянскихъ нарѣчіяхъ большій значитъ melior, въ другихъ major. Переходъ прекраснаго въ доброе: гр. βελτίων — ἀμείνων, лѣпшій отъ лѣпый pulcher. Нашему малый родственны лат. malus, нѣм. small (tenuis). Замѣчательно, что французскій языкъ, употребляющій описаніе для степеней сравненія, удерживаетъ особенныя формы для оныхъ въ прилагательныхъ, неправильно восходящихъ по степенямъ.

Въ образованіе порядочныхъ числительныхъ всѣ индоевропейскіе языки допускаютъ форму степеней сравненія. Если тысячный представить самымъ высшимъ, то первый будетъ самымъ нижнимъ; и наоборотъ, если первый разсматриваемъ какъ самый высшій, то тысячный покажется намъ самымъ нижнимъ; въ связи съ этимъ слова, означающіе вверхъ, внизъ и т. п., въ образованіе свое допускаютъ во многихъ языкахъ формы сравнит. и превосх. степени. Замѣчательно, что о порядочныхъ числительныхъ мы и спрашиваемъ словомъ, стоящимъ въ сравнительной степени, именно вопросительнымъ *который*?

1. Лат. primus и нѣм. erst образовались превосходною степенью: m, st; гр. πρῶτος,

2. Вторый, съ сравнит. -тор-какъ ко-тор-ый; гр. тоже сравнит. ἕτερος, изъ лат. alius срав. степень alter (aliter, что видно еще изъ нарѣчія). Какъ съ нашимъ другой одноэвучно другъ, такъ и съ греч. ἕτερος—ἑταῖρος, іон. ἕταρος, слич. ἕτης (propinquus).

3. Третій, tertius, dritte: t превосходн. степ.

4. Четвертый, quartus, τέταρτος, vierte.

5. Пятый, quintus, πέμπτος, fünfte.

6. Шестой, sextus, и пр. санск. шашпас отъ числительнаго количественнаго шаш (шесть).

7. Седьмой, septimus, ἕβδομος (вм. ἕπτομος), съ формою превосходной степени tm.

8. Ос-мой, 9 девя-тый и т. д.

СИНТАКСИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Научное преподаваніе отечественнаго синтаксиса можетъ быть только сравнительное и историческое, на основаніи логическихъ началъ: сравнительное изслѣдованіе опредѣлитъ, въ чемъ состоятъ идіотизмы нашего словосочиненія; историческое же укажетъ ихъ происхожденіе, и вѣковою давностію запечатлѣетъ ихъ необходимость и исконность. Пока у насъ не будетъ полнаго историческаго синтаксиса, до тѣхъ поръ нельзя и рѣшить, что и сколько нужно знать изъ него гимназисту. По крайней мѣрѣ, для соображенія при чтеніи писателей и при задачахъ письменныхъ, предлагаю нѣсколько замѣтокъ.

И М Я.

Grimm, D. Gr, IV, стр. 254 и слѣд.

Существительное даетъ предмету имя, прилагательное обозначаетъ оный свойствомъ. Первоначально, вѣроятно, и существительное произошло отъ названія свойства, но это названіе современемъ стемнѣло и перешло въ общее понятіе, тогда какъ односторонній смыслъ прилагательнаго упорнѣе поддается измѣненію. По той причинѣ удобнѣе переносятся въ языкъ чужестранныя существительныя, нежели прилагательныя, ибо сіи послѣднія требуютъ бо́льшей вразумительности; по тому же прилагательныя и старѣютъ легче, ибо какъ скоро

ихъ значеніе нѣсколько стемняется, употребленіе тотчасъ отбрасываетъ ихъ.

Хотя оба, и прилагат. и существ., происходятъ отъ глагола, однако простое прилагательное, по своему ясному и прозрачному значенію, стоитъ ближе къ корню, чѣмъ простое существительное: и синтаксически признается эта тѣснѣйшая связь прилагательнаго съ глаголомъ. Древнѣйшій періодъ языка менѣе нуждается въ прилагательныхъ, пользуясь вмѣсто оныхъ еще глаголами; одинъ глаголъ выражаетъ тогда то же самое, что въ послѣдствіи замѣняется описаніемъ, состоящимъ изъ прилагательнаго и глагола вспомогательнаго. Впрочемъ отдѣленіе понятія глагольнаго отъ понятія прилагательнаго необходимо и для точности выраженія, ибо прилагательное означаетъ свойство болѣе спокойное, пребывающее; глаголъ же—дѣятельное: слич. viget, valet, pollet и fortis est и пр.

Глаголамъ дана сила непосредственно переходить въ имена черезъ причастіе и неокончательное наклоненіе. Однако, пока въ причастіи преобладаетъ понятіе глагольное, выражаетъ оно дѣйствіе живѣе, чѣмъ прилагательное: потому зеленѣющій, горящій дѣятельнѣе, чѣмъ зеленый, горячій. Въ нѣкоторыхъ именахъ существительныхъ значеніе причастія болѣе и болѣе утрачивается, напр. нѣм. freund, feind, heiland 1). Вмѣсто причастія, или вмѣсто глагольнаго сказуемаго съ лицемъ, встарину употре-

1) Grimm, Deutsche Gram. IV, 255.

блялись существительныя, напр. поминатель злу, и забыватель добру, Молитв. Кирил. Туровск. и о земль великой печальникъ, И. Г. Р. X, пр. 82. посаженикъ былъ тогъ Валитъ на Корельское владѣніе отъ Новогородскилъ посадниковъ, ИГР. XI, пр. 56. Въ первыхъ двухъ примѣрахъ существ. вмѣсто глагола дѣйствительнаго, въ послѣднемъ вмѣсто страдательнаго. Надобно отличать еще описательное употребленіе существительнаго вмѣсто глагола: съ оправы бѣ ему смерть, Ипат. 91; что у него были въ изыманьи, Новг. лѣт. 102, т. е. были имъ взяты въ плѣнъ.

Касательно согласованія замѣчательно употребленіе множ. числа глагола съ существительнымъ собирательнымъ единственнаго числа: въ Остромир. Еванг. народъ же стоя и слышавъ глаголахъ л. 42. (но далѣе 42, отъвѣща ему народъ). молища и весь народъ л. 99. рьци да каменіе се хлѣби бѫдѫть л. 261. У Нестора по Лавр. сп. 6. сѣдять Весь. 18, идуть Русь, а 19, идуть Русь, и иде Русь. 19, рѣша же дружина Игорева. 24, и да не имѣютъ власти Русь зимовати. 29, кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя? 34, а дружина сему смѣяшися начнуть. — Слов. о Полк. Иг. храбрая дружина рыкаютъ.— Новог. Лѣт. 16, приходиша вся чудьская земля Пльскову. 57, и чернь не хотѣша дати числа.—Ипатьевск. 55, ту къ тобѣ дружина твоя вси пріѣдуть. 59, Русь переѣхаша.—Псковск. лѣт. 215, Литва Москвою завладѣли. — Др. Рус. Стих. 149, и весь народъ тому смѣялися. 152, впа-

поры донесли народъ Кіевской. 224, и собираются шушъ православной народъ. 174, вшапоры его дружина хорабрая „купалися во Ерданѣ рѣкѣ. Сличишь: Др. Рус. Стих. 51 гой еси вы, дружина хорабрая. 80, твою дружину хорабрую „мужики Новогородскіе „всѣхъ прибили перерапили „—и въ Пск. лѣт. 32, 150: бяше гость силенъ, т. е. собирательное, вм. было много гостей. Собирательныя пять, шесть, сколько, столько, могутъ употребляться со множ.: подъ первой рогъ несутъ пять человѣкъ, „подъ другой несутъ столько же, Др. Р. Сп. 130. пояша ю седмь (οἱ ἑπτὰ), Марк. 12, 22.

Несогласованіе въ падежахъ: 1) при названіяхъ церквей: заложи церковь камену Святый Петръ, Новог. Лѣт. 112. поставиша церковь камену Святый Стефанъ, Пск. Лѣт. 40, что можетъ быть, впрочемъ, объяснено и древнимъ винит. падежемъ. 2) При названіяхъ рѣкъ: за Омь рѣкою, ходомъ днища съ два, И. Г. Р. X, пр. 39 (1595 года): о таковомъ употребленіи въ Др. Рус. Сп. сказано въ другомъ мѣстѣ 1). Соединеніе собственнаго имени рѣки съ нарицательнымъ весьма часто въ Несторѣ: по Ефрашъ рѣку, Лавр. сп. I. 3) Князь: просити Князь Ивана Бабича, Пск. Лѣт. 139. по Князь Великого велѣнію, ibid. 145. на Князь Григоревыхъ и Ондреевыхъ людей, И. Г. Р. XII, пр. 38.

Употребленіе прилагательнаго вмѣсто существительнаго въ род. падежѣ составляетъ искон-

1) Въ Москвѣ и теперь случается слышать: на Москва рѣкѣ.

ное свойство славянскаго синтаксиса. Еще въ переводѣ Ексарха Іоанна Граммашики Дамаскина родительные падежи отъ человѣкъ, жена, естество означены: человѣковъ, женина, естествово 1). Это правило въ старину даже злоупотреблялось: такъ въ Даміановомъ Апостолѣ „плоды праведными“ вмѣсто плодовъ правды, „слово истинное“ вмѣсто слово истины; въ Драгомир. Кодексѣ Іаков. 4, 4: любы мирскаа вражда Божіа есть, т. е. ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἔχθρα τοῦ θεοῦ ἐστιν: въ исправленномъ текстѣ понятно: любы міра сего вражда богу есть 2). Какъ въ старину неясность была отъ злоупотребленія прилаг. вм. сущестив. въ род.; такъ въ новѣйшее время отъ злоупотребленія родит. существительнаго вмѣсто прилагательнаго, напр. въ 1 томѣ И. Г. Р.: народъ, въ изступленіи ярости, умертвилъ отца и сына (Θеодора и Іоанна), которые были такимъ образомъ первыми и послѣдними мучениками *христіанства* въ языческомъ Кіевѣ: двусмысліе отъ того, что этотъ родительный можно почесть и род. лица дѣйствующаго, т. е. христіянство мучило,—и род. опредѣленія, т. е. христіянскіе мученики. И у другихъ славянскихъ племенъ, напр. у Чеховъ, въ старину употребительнѣе было прилагат. вм. род. сущ.: такъ въ Краледворск. рукописи: k vrchu ku hradovu (къ верху ко градову); uoinow zaboieuich 78 (воиновъ забоевыхъ, вм.

1) Калайдовича Іоан. Екс. Болг. 77.

2) Добровскаго Instit. linguae slavicae 628 и слѣд.

Забоя); въ чешск. Псалт. XIV в: bóh bohový (богъ боговый) вм. déus deorum, v den bojový (въ день боевой) вм. in die belli и пр. 1) Въ нашихъ лѣтописяхъ это правило еще болѣе распространяется: прилагат. употребляется не только вм. род. сущ., но и вм. другихъ падежей: отчего иногда зависитъ сила и краткость. Въ Несп. по Лавр. сп. 75 людье изнемогоша водною жажею; 83 на оученье книжное. Въ Новог. лѣт. 27 про зажьженіе градьное; 114 отъ скорби тоа великія пожарныя, т. е. скорбь отъ пожара. Въ Ипатьевск. 162 изнемогаху жажею водною; 172 отъ ударенья мечеваго; 178 ломъ копейны; 208 пойдоша неволею Татарьскою, т. е. принуждаемые Татарами; 126 преставися князь Изяславъ Глѣбовичь, отъ стрѣлной той раны. Пск. лѣт. 176: и переняша Псковичи полоняную свою вѣсть, т. е. вѣсть о своемъ плѣнѣ. Слѣд. прилагат. употребл. вм. 1) род. подлежащ. или лица дѣйствующаго: копья ломаются—ломъ копейный, 2) род. опредѣл: день боя—день боевой, 3) дополненія: жажда воды—водная, вѣсть о плѣнѣ—полоняная, 4) обстоятельства: рана отъ стрѣлы—стрѣльная, скорбь отъ пожара—пожарная, и пр.

Дательн. падежъ вм. родит. сохраняетъ древнѣйшую особенность языка славянскаго: такъ въ Библіи: отъ отца свѣтомъ Iак. I, 17 (исправл. свѣтовъ), единъ ходатай богу и человѣкомъ 1. Тим.

---

1) Смотр. Шафарика и Палацкаго Die ält. Denkmäl. d. böhmisch Spr. стр. 82.

2, 5 (исправл. бога, человѣковъ 1). Такой дашельный встрѣчается и въ народной поэзіи, напр. Др Рус. Сш. 276, онъ правишель царсшву Московскому, „оберегашель міру крещеному,—и у позднѣйшихъ поэшовъ, напр. у Ломоносова: великое свѣшило міру: выражаешъ болѣе, нежели род. над., ибо означаешъ живѣйшее опношеніе къ лицу.

Какъ особенносшь любопышную слѣдуешъ замѣшишь родит. множ. для означенія фамиліи, напр. Пск. лѣш. 90 князь Иванъ Ивановичь Дябренскихъ князей, ibid. 208. Грамошa упвержденная о избраніи на Россійскій прешолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Ѳеодоровича Романова—Юрьевыхъ (Собр. гос. гр. и дог. I, 599).

Разнообразное упошребленіе швориш. падежа составляешъ искони ведущееся досшояніе славянскаго языка. Творит. придаешъ рѣчи силу, когда упошребляешся: 1) для означенія мѣсша: а Половци негошовами дорогами побѣгоша, Сл. о Полк. Игор. Въ Краледворск. рукописи: 74 postupisie mustuo lesem (поступише мужсшво лѣсомъ); 86 spieie lesem temnim (спѣшишъ лѣсомъ шемнымъ); 88 hradem wezdie bieha (градомъ вездѣ бѣга). Cic. Fam. 10, 9: via breviore equites praemisi. 2) времени: Архангельской городъ древянной однимъ годомъ посшавили И. Г. Р. X, пр. 135. Caes. B. C. I, 47: caesariani milites—quinque horis proelium sustinuerant. 3) качесшва: въ По-

1) Добровскаго Inst. ling. slav. 630.

вѣсти о взятіи Трои, переведенной для Симеона Болгарскаго: сѣдъ главою и брадою кудрявою. (Парисъ) обусѣваа, длъгымъ лицемъ и възнесенома бровма. (Касандра) чиста зело, мужескымъ творомъ. (Поликсена) лѣпа, голената, дѣвою. Іоан. Екс. Болг. Калайд. 182, 183. Suet. Caes. 45: Caesar fuisse traditur excelsa statura, colore candido, teretibus membris, ore paullo pleniore, nigris vegetisque oculis, valetudine prospera. 4) творит. уподобленія: Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Сл. о Полк. Игор. Въ Судѣ Любуши стих. 103: zarve jarym turem (заревѣлъ ярымъ туромъ) 1). 5) творит. образа дѣйствія: въ Краледворск. рукописи: 46 proletie lesi ieleniem skokem (пролетѣ лѣсы оленьимъ скокомъ); 74 i pozrsiesta lisima zrakoma (и позрѣста лисьима зракома); 74 tudi spei lisimi skoki (туда спѣшитъ лисьими скоками). Котоших. 126 а живутъ они своими покоями, на томъ же боярскомъ дворѣ: здѣсь своими покоями обстоятельство не мѣста, а образа дѣйствія, а мѣсто означено предлогомъ на. Котоших. 123 который женится другою женою на дѣвицѣ; слич. лат. ablativus modalis: Cic. Off, I, 13: injuria fit duobus modis, aut vi, aut fraude, и др. 6) творит. также обстоят., вм. падежа съ предлогомъ: Нест. по Лавр. Сп. 31 бѣ тогда Царь имянемъ Цѣмьскии; 37 воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь. Карамзинъ въ И. Г. Р. обыкновенно употребляетъ именемъ вмѣсто по име-

1) Слич. Шафарика и Палацкаго Die ält. Denkmäl. d. böhm. Spr. 82.

ни, отъ имени: какъ свойственъ намъ этотъ оборотъ, видно изъ того; что еще въ Остром. Ев. именемъ употребляется вм. греч. τὸ ὄνομα л. 202, ἐν τῷ ὀνόματι л. 205, и др. 7) творит. причины: Новог. лѣт. 5: а смородъмъ нелга, вылѣзши (варіантъ: а смрады нельзѣ вылѣзти); 6 въ се же лѣто ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю, повелѣніемъ Ярополъцѣмъ; 137 бяше же на души пѣсноша доспѣшными людми. Слич. лат. Nep. 21, I: Darius senectute diem obiit supremum.

ГЛАГОЛЪ.

Прежнее употребленіе глаголовъ было гораздо вольнѣе, гибче и многостороннѣе. Иные глаголы теперь потеряли свою простую форму и требуютъ непремѣнно приставки, напр. выздоровить, поздравить, въ старину и просто: здоровить, здравить; въ Ипат. 87 бѣ тогда Святославъ не сдравуя: вм. нынѣшн. прилаг. былъ нездоровъ. Иные потеряли значеніе залога дѣйствительнаго, которое прежде имѣли, вмѣстѣ съ среднимъ, напр. Псал. 103, 14: прозябаяй траву скотомъ. И наоборотъ: иные упрапили форму среднюю, оставшись только съ дѣйствительной, напр. ополить, а прежде было и ополѣть: двери райскіи ополѣли, Новг. лѣт. 108; гордѣть, а теперь съ *ся* гордиться: нача гордѣти велми, Ипат. 201. Особенно замѣчательно употребленіе среднихъ глаголовъ съ *ся*: падеся церкы, Новог. лѣт. 5, 110. Нѣкоторые изъ этихъ

глаголовъ не успарѣли и шеперь, напр. плакаться, искони употреблявшійся у Славянъ: Несп. по Лавр. сп. 29 плакася по мужи своемъ. Слов. о Полк. Игор. плачется маши Роспиславя по уноши. Глос. Mat. Verb. place se (плаче се) flet, placati se (плакаши се) flere, ubertim lacrimas fundere. Ипат. 217 и плакася по велику. Слич. Новог. лѣт. 59 Литва же начаша бродитися на сю сторону; 103 воевався съ ними.

Управленіе глаголовъ пользовалось большою свободою, напр. учить, кромѣ дат. пад., съ предлогами на, къ, въ: въ Др. Р. Сп. 255 на умъ учить; 47 вшапоры поучился Волхъ ко премудростямъ; 73 учить его во грамотѣ. Псал. I, 2 въ законѣ его поучится день и нощь. говорить, съ дополненіемъ: въ разговоры: Царь съ Царицей въ разговоры говоритъ, Др. Р. сп. 49, и съ обстоятельствомъ: въ разговорѣ: въ разговорѣ говорилъ, И. Г. Р. XI, пр. 153. мыслить съ предл. на, для означенія помышлять на кого войною: нача мыслити на Древляны, хотя примыслити большую дань, Несп. по Лав. 26. воевать, какъ дѣйствит. глаголъ: воеваши Вифаньския страны, Несп. по Л. 18. воеваши Болгарьску землю, ibid. 20; также употребляетъ и Карамзинъ этотъ глаголъ въ И. Г. Р. учинить, учинишься съ предл. надъ: сяко чиниши надо мною, Ипат. 214. сказываете, что надъ Государствомъ Государя нашего по грѣхомъ учинилося, И. Г. Р. X, пр. 78. по грѣхамъ надъ Добрынею учинилося, Др. Р. сп. 62. по грѣхамъ надо мною Княземъ учи-

нилося, ibid. 161; въ старинномъ чешскомъ романѣ, Tkadlič̌ek, стр. 11 и друг.: nademnú učinilo (надо мною учинило). Иногда дополненіе такъ приростаетъ къ глаголу, что вмѣстѣ съ нимъ образуетъ какъ бы одно слово, напр. милости просимъ, цѣловать крестъ; слѣд. надлежитъ отличать позднѣйшее случайное дополненіе къ симъ глаголамъ, отъ сросшагося съ ними первоначальнаго: милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати, Др. Р. сп. 172. на томъ бо цѣловали бяше крестъ къ нему, Ипат. 83. и цѣловаста крестъ межи собою на всей любви, ibid. 84.

Страдат. залогъ употреблялся гораздо чаще и вольнѣй нежели теперешняго, напр. въ Др. Р. Сп. 85 всѣ вы въ Кіевѣ переженены, 113 не корыстна у насъ шутка зашучена, 156 булавами буйны головы пробиваны. Лицо дѣйствующее, кромѣ твор. падежа, ставилось съ предл. отъ, напр. въ Краледворск. рукоп. 70 tobie ot nich dano; въ Др. Р. сп. 347 что быть змѣю убитому „отъ молода Добрынюшки Никитича; 104 потерянъ мой сынъ Царевичь Димитрій Ивановичь „на Угличѣ отъ тѣхъ отъ бояръ Годуновыихъ. Замѣчательно употребленіе среднихъ глаголовъ, какъ страдат., съ творит. лица дѣйствующаго, или съ пред. отъ при лицѣ дѣйств.: вся поднебесная осіяла молніею, Пск. лѣт. 109. залегла та дорога тридцать лѣтъ „отъ того Соловья разбойника, Др. Р. Сп. 357. Еще замѣчательнѣе въ этомъ случаѣ безличная форма глагола съ твор. лица дѣйствующаго: праву водою по рѣкамъ и по

ручьямъ отняло, Пск. лѣт. 104. Сшибло съ головы золото кольцо „тою стрѣлкою каленою, Др. Р. Сп. 99. Такой оборотъ стоитъ на срединѣ между глаголами среднимъ или дѣйствительнымъ, между страдательнымъ, и безличнымъ.

Для безличнаго глагола у насъ двѣ господствующія формы: на -ся (о чемъ говорено въ другомъ мѣстѣ) и страдат. причаст. въ средн. р. Въ старину послѣдняя форма была употребительнѣе шеперешняго, напр. въ Др. Р. Сп. 169 смолоду было много, граблено.84 не упито, не уѣдено, „вкраснѣ хорошо не ухажено, „а цвѣтнаго платья не уношено, „а увѣчье на вѣкъ залѣзено.

Рускій языкъ чрезвычайно бѣденъ формами временъ, имѣя только одну, которую мы употребляемъ и для настоящ. и для будущ. времени. Отсюда, кромѣ вспомогательныхъ глаголовъ, необходимость видовъ, коими мы замѣняемъ многоразличныя отношенія временъ. Уже въ самомъ неокончательномъ наклоненіи выражаемъ мы время, или продолженіемъ—говорить, или началомъ—заговорить, или совершеніемъ—сказать, или усугубленіемъ-говаривать. Къ образованію видовъ весьма много содѣйствуютъ предлоги, отъ того при старинныхъ глаголахъ необыкновенная гибкость въ сложеніи съ предлогами, напр. Ипат. 206 изнайти. Пск. лѣт. 156 изотняша. Коношних. 7. а какъ ѣсиву испостявять. 48 рѣчь по наказу изговорять. Др. Р. Сп. 144 будто зайца въ кустъ изъѣхали. 228 а и сумочки изповѣсили. 106

изподернуты бархатомъ. 227 бѣлыя рученьки изприложены. 386 изпроѣхала. 210 приправилъ онъ своего добра коня, „принастегивалъ богатырскаго. Такъ какъ времена, настоящее и будущее, отличаются только краткостью, а не формою, то весьма легко будущее могло употребляться вмѣсто настоящаго, напр. въ Слов. о Полк. Игор. млъвитъ Гзакъ Кончакови. Др. Р. Ст. 29 и будутъ они въ высокихъ теремахъ, „и ужасается Владимиръ князь. Ипат. 214 будущу же ему ту. Котоших. 17 горе тогда людемъ, будучимъ при томъ погребеніи.

Изъ церковнославянскихъ прошедшихъ простыхъ формъ въ рускомъ нѣтъ ни которой. Наше прошедшее образовалось еллипсисомъ изъ прошедшаго описательнаго, черезъ опущеніе вспомог. глагола: сотворилъ вмѣсто сотворилъ есмь, еси, есть. Описательная форма прош. еще употреблялась въ Др. Р. Ст. 404. еще имали были свои добрые кони. а поѣхали были на своихъ добрыихъ коняхъ. Впрочемъ давно уже употребляется и нынѣшняя еллиптическая форма, напр. въ словѣ о Полк. Игор. заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла. древо с тугою къ земли преклонилось. въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. вступилъ дѣвою на землю Трояню, въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море. Замѣчательно, что опущеніе вспомогательнаго началось съ 3-го лица: при второмъ же лицѣ еще полная форма: ты пробилъ еси, ты лелѣялъ еси, Сл. о П. И. — У насъ прошедшее время употребляется, какъ причастіе,

согласуясь въ родахъ, и не имѣя лицъ: былъ, была, было, были. Впрочемъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, напр. въ польскомъ, къ причастію прибавляется личное окончаніе: для единств. перваго лица -м, для втораго -с, для множ. перваго -смы, втораго -сцѣ: потому польское прошедшее имѣетъ и лица, и рода, образовавшись изъ причастія: напр. ед. 1 лицо муж. byłem, жен. byłam, ср. byłom; 2 лицо муж. byłeś, жен. byłaś, ср. byłoś; 3 лицо муж. był, жен. była, ср. było; множ. 1 лицо муж. byliśmy, жен. и ср. byłyśmy; 2 лицо муж. byliście, жен. и ср. byłyście, 3 лицо муж. byli, жен. и ср. były.

Недостатокъ будущей формы восполняется въ славянскомъ языкѣ описаніемъ, съ вспомогательными: буду, стану, хощу, имамъ. 1) съ вспом. буду futurum conditionale или exactum: въ Рус. Правдѣ: будетъ оубилъ (Рус. Дост. II, 12). у Нестора въ договор. съ Грек., по Лав. сп. 23 аще ли взялъ будетъ. 23 аще ли купилъ буде Гречинъ подъ хрестомь, достоитъ ему да возметъ цѣну свою, елико же далъ будетъ на немь. 24 будетъ створилъ. въ чешск. Псалт. XIV в. aŏ zapomanul budu tebe Пс. 136, 5, у насъ: аще забуду тебе. Въ польскомъ нарѣчіи и теперь употребительна эта форма: będę kochał, będziesz kochał и пр. Условное значеніе этого вспом. глагола особенно тогда явствуетъ, когда онъ — или не согласуется съ главнымъ глаголомъ въ числѣ, напр. у Даніила Заточника: аще ли будетъ родился въ матерь,

и они возросшьши мене продадушъ (Памят. Рус. Лит. XII в. 239) — или споитъ съ глаголомъ будущаго времени, напр. въ И. Г. Р. XII пр. 9: а будешъ Кардиналъ его Папы въ томъ не спанешъ слушашь, и отъ его проклинаешъ. Какъ союзы бы и дабы останошокъ отъ древнѣйшихъ описательныхъ формъ прошедшихъ: былъ быхъ, былъ бы; да быхъ имѣлъ, да бы имѣлъ; такъ буде останокъ отъ будущаго условнаго. 2) спану, спалъ, споль употребительное въ руск. для описательныхъ формъ, и въ другихъ языкахъ является вспомогательнымъ, напр. понѣм. es steht zu hoffen, пофр. j 'ai été, причастіе été образовалось изъ лат. sto; полат. самый глаголъ существовать, быть, existo, состоитъ изъ ex, sto, что видно изъ exstiti. 3) у Нестор. попадается еще старинная болгарская форма описательная съ хощу: люпъ се мужь хоче быти, Лавр. Сп. 41. Рускіе, Богемцы, Поляки употребляютъ буду для описательнаго будущаго, а Сербы хочу, которое у нихъ измѣнилось въ шю, шеш, шѣ: этотъ вспомогат. глаголъ у нихъ или просто присставляется къ неокончат. наклоненію: пѣти шю (пѣти хощу, пѣть буду) пѣти шеш (будешь пѣть), пѣти шѣ (будетъ пѣть); — или присоединяется какъ окончаніе: ора̀шю (ораши хощу, буду пахать), ора̀шеш (ораши хощеши), ора̀шѣ (ораши хощетъ). 4) какъ сербское будущее сливается изъ описательной формы съ хощу, такъ малорусское образуется черезъ присставку вспомогательнаго иму (имамъ, имѣю) къ неокончат. наклоненію: могшиму,

могпи́мешь, могпи́мемъ, т. е. имѣю мочь, имѣешь мочь, имѣемъ мочь, т. е. смогу, сможешь, сможемъ, и пр.; хотя у насъ теперь описат. съ имѣю употребляется только въ высокомъ слогѣ, какъ архаизмъ, однако въ областныхъ нарѣчіяхъ еще сохраняется, напр. въ вологодскомъ: иму дѣлать, Труд. Общ. Л. Р. С. 1822, I, 242.

Глагольные еллипсисы. Распространеннымъ описательнымъ формамъ противополагаются еллиптическія, сокращенныя. Выпускаться можетъ только такое слово, которое, отъ частаго употребленія, или легко можетъ подразумѣваться, или надоѣло и опошлѣло. Живыя, свѣжія изрѣченія опускаться не могутъ. Потому въ рускомъ языкѣ опущеніе вспомогательнаго есмь, еси и пр. составляетъ одно изъ главнѣйшихъ естетическихъ достоинствъ. Въ другихъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ, вспом. есть, отбрасывается только въ пословицахъ 1), напр. besser ein sperling in der hand, als zwei auf dem dach; wie der herr, so der knecht, и пр. Въ рускомъ же опущеніе это входитъ въ образованіе самыхъ временъ, напр. прошедш. сотворилъ; переходомъ къ этому опущенію надобно почесть равнодушіе при употребленіи этого вспомог. глагола: мы ставимъ есть при всѣхъ лицахъ и при множ. числѣ, напр. у меня есть книги, что попадается уже въ Несторѣ по Лавр. сп. 30: се уже есть покорилися мнѣ.

1) Grimm, Deutsch. Gr. IV, 131.

Въ эллипсисѣ кромѣ опускаемаго слова должно обращать вниманіе на противоположное ему, т. е. на восполняющее недостатокъ опущеннаго. Таково у насъ неокончат. наклоненіе. Если это употребленіе разсматривать только со стороны логической, то въ немъ найдешь недостатокъ: ибо неокончат. наклоненіе, какъ форма отвлеченная отъ временъ и лицъ, не соотвѣтствуетъ обыкновенному грамматическому построенію, имѣя смыслъ глагола безличнаго. Въ отношеніи же краткости и выразительности это наклоненіе придаетъ рѣчи большую красоту, и съ давнихъ временъ весьма любезно русскому языку. Оно употребляется: 1) вм. будущаго времени, напр. въ словѣ о Полк. Игор. быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя. Это будущее отличается отъ обыкновеннаго тѣмъ, что содержитъ въ себѣ понятіе о необходимости. 2) вм. настоящаго или прошедшаго, также съ понятіемъ необходимости, что можетъ быть объяснено опущеніемъ словъ льзя, нельзя и т. п.: Инаш. 59 токмо весла видити, а человѣкъ бяшетъ не видити. Пск. лѣт. 154 а во Псковѣ видѣть дымъ и огонь. Слѣд. еще легче употребляться ему. 3) вм. повелительнаго наклоненія, въ Сл. о Полк. Игор. начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени. Въ старинныхъ юридическихъ актахъ повелѣнія выражаются обыкновенно неокончательнымъ: судъ судити Боляромъ и Околничимъ, а на судѣ

быти у Бояръ и у Околничихъ Діакомъ, а посуловъ Бояромъ и Окольничимъ и Діакомъ опъ суда и опъ печалованіа не имати, Закон. Іоан. III, (изд. Калайд. и Спр. 3). Дат. пад. и здѣсь означаетъ отношеніе къ лицу, и потому легко замѣняетъ подлежащее или лицо дѣйствующее. Эллиптическое неокончательное наклоненіе употребляется какъ безличный глаголъ: за царя идти — ей царицей слыть, Др. Р. сп. 137. на Волгѣ жить — ворами слыть, ibid. 114. Въ прошедш. вр.: пѣти было пѣсь (пѣснь) Игореви, Сл. о П. И.; въ будущемъ: моей крови тебѣ не пить будетъ, Др. Р. сп. 208. Хотя неоконч. наклоненіе есть переходъ глагола къ существительному, однако содержитъ въ себѣ бо́льшую силу, выражая видами моменты дѣйствія и дополняя наклоненія означеніемъ понятія необходимости.

Замѣчателенъ эллипсисъ въ соединеніи причастія съ глаголомъ поздравлять: и потомъ бояре и боярыни Царя и Царицу поздравляютъ обручався, Котош. 6. и потомъ протопопъ и свадебный чинъ Царя и Царицу поздравляютъ вѣнчався, ibid. 9. и отцы и матери, и весь чинъ, Царя и Царицу поздравляютъ сочетався законнымъ бракомъ, ibid. 9. Это весьма употребительное и теперь въ разговорѣ словосочиненіе, вѣроятно, основывается на другомъ, правильномъ сочетаніи дѣепричастія съ глаголомъ, попадающемся въ Др. Р. сп., напр. стр. 202: здравствуй, женивщись.

ПРЕДЛОГЪ.

Эмфатическое повтореніе предлога, сполъ употребительное въ Др. Р. сп., напр. 54 во сполъномъ во городѣ во Кіевѣ—принадлежитъ глубокой древности, попадаясь не только въ нашихъ лѣтописяхъ, но и въ древнѣйшихъ памятникахъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, напр. въ Судѣ Любуши 25: ен-же приде с плькы с чеховыми, qui venit cum catervis cum Čechiis. въ Краледв. Рук. 72 powsiech pokrayinach. 86 kuhradu kutwrdu. 96 zadusicu tecie zaotletlu: по всѣхъ по краинахъ, ко граду ко пверду, за душицу за отлетѣлу (за отлетѣвшею душею). въ Несп. по Лавр. сп. 3 Волохомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайския. Ипат. 212 на городъ на Львовъ. Новог. лѣт. 32 послаша по Ярослава по Всеволодиця, по Гюргевъ вънукъ.

1. Старинное управленіе предлогами: *съ* съ винит. вм. род.: Новог. лѣт. 34 съсѣдавъше съ конь. 96 а иныхъ паде съ обѣ стороны Богъ вѣсть. Др. Р. Сп. 220 съ другу сторону. 275 Лишва облегла со всѣ четыре стороны. И. Г. Р. VII, 28 съ очи на очи.

2. Старинное значеніе предлоговъ: въ вм. изъ: и приставиша мастеровъ деньги ковати въ чистомъ серебрѣ Пск. лѣт. 36. и въ томъ камени создаша церковь святый Борисъ и Глѣбъ, ibid. 66. на вм. для: ibid. просить князя на Псковъ. Др. Р. Сп. 10 а корабли его отобраны „на егожъ царское величество. на для означенія штрафа, вм. съ, ошъ.: по

все взяти на виноватомь, Закон. Іоанна III (изд. Кал. и Спр. 13). надъ, употребляющееся съ лицомъ страждущимъ, когда говорится о какой либо неизбѣжной судьбѣ: тогда бяше моръ въ Псковѣ надъ людми железою, Новг. лѣт. 103. Слич. учинить, учиниться съ предл. надъ. объ вм. подъ начальствомъ: объ Александрѣ, объ Іоаннѣ, Пск. лѣт. 28; здѣсь этотъ предлогъ значитъ отдѣльность, сосредоточенность около чего, точно такъ какъ и о: то подѣялъ Стень воевода о своемъ умѣ, Новог. лѣт. 79, болѣе, чѣмъ своимъ умомъ; слич. о собѣ, о себѣ. подъ вм. подъ начальствомъ: Несп. по Лавр. сп. 42 иже суть подо мною Русь. Др. Р. Сш. 244 подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы, по три тысячи.

3. Предлоги, и теперь употребляющіеся въ народномъ языкѣ, попадаются въ старинныхъ памятникахъ: покрай: а и покрай было моря синяго, Др. Р. Сш. 303. покрай рѣки Смородины, ibid. 370. въ Краледв. рук. 4 pokrai lesa. по вм. за: послаша по Ярослава по Всевододиця, Нов. лѣт. 32. про вм. о: и начаша князи про малое, се великое мълвиши, сл. о П. Иг. Въ разговорной рѣчи употребляется сквозь вм. чрезъ; хотя пуристы предписываютъ строго отличать эти предлоги, однако мы читаемъ, въ Сл. о П. Иг: О Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую; въ Ломоносовѣ, ода IX, строф. 18: сквозь степь и блата Петръ прошелъ; въ Карамзинѣ, И. Г. Р. IV, 33 сквозь степи и пустыни достигнувъ до Хапскаго стана: отсюда видно, что сквозь уст-

ливаетъ значеніе предлога чрезъ. Хотя у насъ осталось еще ради въ немногихъ выраженіяхъ, болѣе религіозныхъ, напр. Христа ради, ради Бога; однако исторія языка нашего показываетъ ясно, какъ мало по малу изгонялся этотъ предлогъ, и терялось сочувствіе къ нему: такъ ради стоитъ какъ лишняя прибавка при другихъ предлогахъ: въ Ипат. 182 отъ множества ради. въ Пск. лѣт. 101 за умноженіе грѣхъ ради нашихъ бысть моръ великъ. Др. Р. Сп. 45 а и синее море сколебалося „для ради рожденья богатырскаго.

Нѣкоторые предлоги, теперь только слитные, прежде были отдѣльными, напр. вз, воз: въ Псалм. 34, 12 воздаша ми лукавая возблагая (т. е. возъ благая), по переводу Ломоносова: мнѣ за добро воздашь. въ Краледворск. рук. 22 wzhoru на гору, 24 wzramena на рамена, 26 wzchlumek на холмокъ, 70, 80 wz-wrahi на враги, 80 wz-rucie konie на быстрые кони. Слич. церковнославянск. нарѣчіе вскую образовавшееся изъ взъ кую: кую, вѣроятно, винит. падежъ отъ коя, жен. род. отъ мѣстоименія кой: слѣд. вскую значитъ: начто, почто, зачто, зачѣмъ. Слич. въ Ипат. 206 возверхъ рѣкы Лосны, вм. наверхъ, вверхъ.

Вспарину предложныя нарѣчія вмѣсто, замѣсто раздѣлялись, заключая управляемое въ срединѣ между въ, за и мѣсто; въ Остромир. Еванг. отъ Лук. XI, 11 въ рыбы мѣсто. въ Руск. Правдѣ: оубьютъ во пса мѣсто (Руск. Достоп. II, 39). ИГР.

XI, пр. 56 за города мѣсто было. Иногда управляемое переходитъ въ прилагат. и согласуется съ мѣсто: Ипат. 206 въ мое мѣсто, т. е. вмѣсто меня. Капошних. 5 во отцово и въ материно мѣсто, т. е. вмѣсто отца и матери. Припомнить весьма любопытное раздѣленіе слова внутрь у Ломоносова, ода V, строф. 12: какъ въ тяжкихъ Таврскихъ нутрь горахъ.

С О Ю З Ъ.

Какъ предлоги, въ старину повторялись и союзы: Новог. лѣт. 100 а что около него ни есть, а то тебѣ. ibid. 146 да входя въ ворота да кропилъ святою водою да пошелъ на свой дворъ. Въ Др. Р. сп. союзы прибавляются для стихотворнаго ладу: I высота ли высота поднебесная. 3 есть, сударь, дорога камка, „что не дорога камочка — узоръ хитеръ. 4 хитрости были Царя-града, „а и мудрости Іерусалима. 13 кругомъ двора желѣзный тынъ, „на тынинкѣ по маковкѣ, „а и есть по жемчужинкѣ. 25 онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ, „что у ласкова Князя Владимира. 27 а во Кіевѣ былъ щастливъ добръ „какъ бы молодой Чюрила сынъ Пленковичь. 254 и всѣ то вѣдь дѣти дворянскіе, „еще ли дѣти купецкіе. 363 положилъ его да на сыру землю. Въ Краледв. рук. 6 aiti slunce ai sluneczko „tilisi zalostiuo, ай ты солнце ай солнышко „ты ли си жалостиво.

Такому многосоюзію противополагается безсоюзіе: голова его по себѣ лежитъ, руки ноги разбро-

саны, Др. р. ст. 292. Кажется, что выраженіе добръ здоровъ, добры здоровы, попадающееся въ Ипат. 72, Пск. лѣт. 152, должно быть объяснено не опущеніемъ союза *и*, а замѣною нарѣчія прилагательнымъ, т. е. добро здоровъ, какъ Нов. 5 падоша ници, т. е. ницъ; или какъ Нест. по Лавр. сп. 30 ради даемъ медомь и скорою, т. е. радостно даемъ. Новог. лѣт. 84 радъ иду къ вамъ. Ипат. 168 Конратъ бы радъ милость учинилъ вамъ, 207 а мы ради купимъ, 208 ради дамы. въ народныхъ пѣсняхъ: я бы рада пряла. и я рада бы гадала, „и я рада бы отгадывала. въ Краледв. рук. 102 rada bich iazne-placala, рада быхъ язъ не плакала.

Опущеніе связи въ соединеніи предложеній: а иныхъ паде съ обѣ стороны Богъ вѣсть, Нов. лѣт. 96, т. е, Богъ вѣсть, сколько пало. не бывала пакость такова, и Псковъ сталъ, Пск. лѣт. 41, т. е. пока стоитъ Псковъ. и Псковъ сталъ, не бывало тако, ibid. 160. Соединеніе придаточнаго предложенія съ главнымъ союзомъ сочиняющимъ: Даніилъ Заточн.: видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ, Пам. Лит. XII в. 234, т. е. который не имѣетъ главы. того же лѣта постави преподобныи нареченныи владыка Еуѳимеи полату въ дворе у себе, а двереи у неи 30, Нов. лѣт. III, т. е. у которой 30 дверей.

Старинные союзы: ать вм. чтобы, дабы, да: дай намъ сторожи, ать не избьють насъ, Новог. лѣт. 57. взовита ми Семьюна попа, ать створить молитву, Ипат. 95. ино вм. заключительнаго то: или

о себѣ станемъ жити безъ Государя, ино на насъ гнѣвъ Божій, Пск. лѣт. 177. оно вм. раздѣлительнаго то—то, частію—частію: а дружина его бяшеть оно избита, оно изоймана, Ипат. 65.

Какъ союзы буде, бы, естьли, если, хотя, пусть происходятъ отъ глаголовъ: такъ ино, оно, то, чи (вопросительный), однако, еже или оже, впрочемъ—отъ мѣстоименій и прилагательныхъ. Коренные же союзы самые краткіе, напр. и, а, но, же, ли, да (соединительный). Сложные союзы: или, ежели, если съ ли; дабы, чтобы, еслибы съ бы.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ СТИЛИСТИКИ.

Стилистика необходимо должна основываться на Граммашикѣ, ибо она есть не иное что, какъ та же Граммашика, только въ непрестанномъ примѣненіи къ чтенію писателя и къ собственному сочиненію. Многое, предлагавшееся въ Реторикѣ, какъ собственное ея достояніе, принадлежитъ Граммашикѣ и Словарю: напр. статьи о чистотѣ, правильности языка—идутъ въ Синтаксисъ, Этимологію и Словарь; о синонимахъ—въ Словарь; объ архаизмахъ—въ историческую Граммашику и вообще въ Исторію языка; о провинціализмахъ и варваризмахъ—въ сравнительную Граммашику, и т. д. Только понятіе о слогѣ индивидуальномъ или личномъ выступаетъ изъ области Филологіи: ибо слогъ извѣстнаго писателя опредѣляется характеромъ самого

писателя: здѣсь Филологія граничитъ съ Исторіею и Философіею. Притомъ слогъ индивидуальный видоизмѣняется по содержанію описываемыхъ предметовъ: здѣсь, кажется, уже и предѣлъ Стилистикѣ: иначе бы ей пришлось разсуждать объ Астрономіи, Анатоміи, Физикѣ, Философіи и пр. Впрочемъ оставляю другимъ точнѣйшее опредѣленіе этого предмета. Для гимназиста весьма достаточно будетъ и того, чтобы путемъ практическимъ познакомиться покороче съ слогомъ Ломоносова, Карамзина, Пушкина и нѣкоторыхъ другихъ. Я теперь обращаю вниманіе только на общую часть Стилистики, съ желаніемъ дать ей прочную филологическую основу и не разрывными узами совокупить съ Граммашикой: потому многія статьи Стилистики являются дальнѣйшимъ развитіемъ Синтаксиса, Этимологіи и Словаря.

Въ языкѣ выражается вся жизнь народа; слѣд. разложить на стихіи языкъ также трудно, какъ и характеръ народа. Рѣчь, теперь нами употребляемая, есть плодъ тысячелѣтняго историческаго движенія и множества переворотовъ. Опредѣлить ее не иначе можно, какъ путемъ генетическимъ: отсюда необходимость историческаго изслѣдованія.

Самымъ нижнимъ, во глубинѣ лежащимъ слоемъ языка надобно признать первобытный, родящій насъ съ языками индоевропейскими, и миѳологическій, языческій. Чтобы объяснить миѳологическую ступень въ языкѣ возьмемъ въ примѣръ слово *свобода*: Добровскій производитъ отъ *свой*, черезъ не-

употребительное существительное *своба*. (Гр. яз. сл. I, 341); мнѣнію сему слѣдуетъ и Юнгманъ, давая при томъ значеніе и слову своба: въ глос. Mat verb. zuoba, Feronia, dea paganorum 1). Выраженіе *бить челомъ* теперь употребляется въ смыслѣ кланяться и вмѣстѣ дарить чѣмъ либо: во глубинѣ же стоитъ языческое значеніе: покланяться богамъ 2), въ Краледв. рук. 68: sie biti w cielo pred bohi, се бити въ чело предъ боги (богами). Поговорка: *какъ мертвою рукою обвести* т. е. приворожить, обворожить — идетъ отъ языческаго повѣрія носить съ собою мертвую руку, которою обводили спящихъ, чтобы не проснулись 3). Примѣры общаго индоевропейскаго сродства словъ значенія миѳологическаго: День, лит. diena, греч. δαος, лат. dies, гот. dags, санскр. divas и dinas: „понятія божества, неба и дня, говоритъ Гриммъ, 4) совпадаютъ другъ съ другомъ, что видно изъ словъ: санскр. div или divo (coelum), лат. divum, dium (открытое, вольное небо), санскр. dju, dina (dies), dêvas (deus), лит. diewas, лет. dews, лат. deus, divus (divinus), гр. ζεύς, эол. δεύς, родит. διός, но для отвлеченнаго понятія бога Δ измѣняется въ

---

1) Чешск. словарь IV, 413. Какъ производство Рейфа отъ *свой буду* слишкомъ наивно, такъ Павскаго — натянуто: черезъ слобода отъ корня лоб, гр. λυF, лат. lib, lub, нѣм. laub. Филол. набл. II, 101.

2) Мысль Гримма въ Deutsch. Mythol.

3) Снегирева Руск. въ своихъ пословиц. II, 35.

4) Deutsche Mythologie, стр. 425.

Θ, θεός, слич. θεῖος (divinus) съ чувственнымъ δῖος (coelestis).“ — Солнце, sol, ἥλιος, гот. sauil — sunna — sunno, санскр. sûris (σείριος), sûnas происходитъ 1) отъ санскр. глагола *sur* — бросать копье, метать лучи, *sû* — бросать, метать. У Грековъ Аполлонъ богъ солнца и стрѣлометатель. — Огонь, лит. ugnis, лат. ignis, гот. auhns, гр. αἴγλη, посанскр. Agni — и огонь и богъ огня. Другое семейство словъ, выражающихъ тотъ же предметъ: гр. πῦρ, нѣм. feuer, фр. feu, отъ санскр. корня *pû* — очищать, сроднаго съ лат. purus: припомнимъ огонь, какъ очистительную стихію въ преданіяхъ многихъ народовъ. Этотъ корень, говоритъ Боппъ 2), есть словесный отецъ вѣтру и огню, кои оба представляются очистителями. Санскр. pavana — вѣтеръ, а соотвѣтствующее ему гот. fôna — огонь, что посанскр. pâvoka. Отношеніе готскаго fôna къ санскр. pavana тоже, что лат. mâlo къ mavolo, отъ коего оно произошло. Къ этому древнѣйшему періоду относится символическое сближеніе понятій въ словахъ однозвучныхъ: такъ египетск. sati и seté — змѣя, символъ солнца — слич. съ слѣдующими однозвучными: saté — splendere, flammeus esse, splendor, flamma, ignis; sat и sati — jacere, projicere, expandere: распространеніе свѣта; sati и soté — fléche, trait: лучи солнечные; saat — procedere, transire: періодическое теченіе солнца 3).

---

1) Смотр. Эйгофа Paral. des langu. de l'Eur. et de l'Inde. 148.
2) Bopp, Vergl. Gram. 124 и 125.
3) Goulianof, Archéologie Egyptienne, 1839, II, 279.

Съ основаніемъ Руси вторгаются къ намъ варваризмы: кто бы ни были Варяги—Славяне или Нѣмцы: во всякомъ случаѣ они принесли въ нашъ языкъ, чего не было въ немъ прежде. съ распространеніемъ Христіянства вкрались къ намъ грецизмы и болгаризмы. Церковнославянскій языкъ былъ у насъ въ старину тѣмъ же, чѣмъ въ западной Европѣ латинскій, съ тою только разницею, что ближе къ нашему нарѣчію, нежели латинскій не только къ нѣмецкимъ, но и къ романскимъ. Отсюда начинается и доселѣ продолжается смѣсь нарѣчія церковно-славянскаго съ народнымъ. Мы привыкли считать церковнославянскія формы только архаизмами, а не варваризмами: пусть такъ и останется. Главное, надобно замѣтить то, что старинныя выраженія соотвѣтствуютъ старинному быту народному: отсюда необходимость изслѣдованія архаизмовъ въ связи съ русскими древностями. Такимъ образомъ къ архаизмамъ должно отнести всѣ старинныя выраженія, соотвѣтствовавшія древней русской жизни. Примѣненіе древнѣйшаго къ позднѣйшему составляетъ историческое движеніе архаизмовъ: такъ *стрѣлять* и *лукать* отъ стрѣлы и лука перенесли мы къ ружью, камню: стрѣлять изъ ружья, лукать камнемъ. Такъ баснословные зміи-чародѣи перешли въ названіе воинскаго снаряда: въ Соф. Вр. II, 417: и огненыя пушки и весь снарядъ, такоже и змѣй летячей, и змѣй свертной и прочій снарядъ весь отволокоша. Принятіе Христіянства неминуемо должно было совершить пе-

реворотъ въ значеніи многихъ словъ: такъ язычникъ отъ языкъ—народъ—получило значеніе идолопоклонника; нѣм. der Heide отъ двн. прилагат. heidan — принадлежащій народу (двн. heit, гот. haidus); gentilis отъ gens, paganus — изъ коего фр. payen, наше паганый—отъ pagus. Впослѣдствіи Христіянинъ перешло въ крестьянинъ. — Объ языкѣ должно сказать тоже, что о народныхъ историческихъ пѣсняхъ: какъ къ древнѣйшему преданію о Владимирѣ въ продолженіе столѣтій присовокуплялись различные историческіе факты, напр. Владиміръ воюетъ съ Татарами: такъ и къ чистой струѣ рускаго языка постоянно примѣшивался чуждый наплывъ; какъ одинъ и тотъ же герой въ продолженіи столѣтій дѣйствуетъ въ различныхъ событіяхъ народныхъ, и тѣмъ опредѣляетъ свой національный характеръ: такъ и языкъ, многіе вѣки примѣняясь къ самымъ разнообразнымъ потребностямъ, доходитъ къ намъ сокровищницею всей прошедшей жизни нашей.

Господствующее, центральное нарѣчіе не могло оставаться чуждымъ вліянія областныхъ: отсюда необходимость изслѣдованія провинціализмовъ.

Такимъ образомъ свое разсужденіе подраздѣляю на слѣд. отдѣлы: 1) языкъ народный, 2) архаизмы, 3) варваризмы; 4) провинціамизмы. Хотя всѣ эти стихіи тѣсно соединены въ живой рѣчи, однако наука для большей ясности требуетъ анализа. Словарь и Граммашика проводятся по всѣмъ этимъ четыремъ отдѣламъ: и тѣмъ присовокупляется

Стилистика къ Филологіи. Историческій же способъ изложенія всему долженъ дать строгій незыблемый характеръ науки. Каждый отдѣлъ заключается примѣненіемъ къ современнымъ писателямъ: такимъ образомъ прошедшее связывается съ настоящимъ, и теорія переходитъ въ практику.

Предпосылаю краткое обозрѣніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ, соотвѣтствующее Синонимикѣ, подъ именемъ Ономатики: ибо я распространяю значеніе Синонимики, полагая основою оной историческое и сравнительное изслѣдованіе.

ОНОМАТИКА.

Ономатика 1) содержитъ въ себѣ: Генеалогію, т. е. указаніе корней и словъ производныхъ, съ первоначальнымъ ихъ значеніемъ; Тропологію, изслѣдующую переходъ первоначальнаго значенія къ переносному; и Синонимику, опредѣляющую сродство словъ по мысли, въ противоположность словопроизводству, подводящему къ одному началу слова, сродныя по корню.

Въ языкѣ нѣтъ двухъ или нѣсколькихъ словъ, значащихъ рѣшительно одно и тоже, какъ двѣ капли воды. Даже слова лобъ и чело, глаза и очи, востpый и остpый, вѣнецъ и корона и др., при одинаковомъ значеніи, выражаютъ различные оттѣнки: здѣсь граница между синонимами и между архаизмами, варваризмами, провинціализмами. Хотя опредѣленіе словъ авторитетомъ писателей весьма полезно, однако

1) Mager, Deutsch. Sprachbuch, 1842, 127.

недостаточно: ибо не рѣшается, на какомъ основаніи употребляетъ образцовый писатель то или другое слово. Потому что въ настоящее время болѣе обращаются къ сравнительнымъ и историческимъ Словарямъ, нежели къ Синонимикѣ. Примѣры на опредѣленіе Синонимовъ по употребленію можно найти въ Опытѣ Словаря Росскихъ Синонимовъ, составл. П. Калайдовичемъ, 1818; въ этой книгѣ, кромѣ въ первый разъ напечатанныхъ, собраны изслѣдованія: изъ Собесѣдника любит. рос. слова, 1783, изъ Иппокрены, IX, 1801, Сѣвернаго Вѣстника 1804 — 1805, изъ Сочин. и Перевод. Рос. Академ., 1806, II, изъ Журнала любителей рос. слова, изъ книги: Въ удовольствіе и пользу, 1812, изъ Сына Отечества 1814. Продолженіе Синонимики печаталось въ Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. Всего полезнѣе въ старинныхъ разсужденіяхъ о Синонимахъ — примѣры, особенно если они составлены писателями образцовыми: такъ въ объясненіе словамъ: основать, учредить, установить, устроить — Фонъ Визинъ 1) приводитъ слѣд. примѣръ: Въ Россіи Екатерина II *основала* Общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* Намѣстничества, *установила* Совѣстный Судъ и *устроила* благочиніе.

Основаніемъ опредѣленію значенія словъ полагаю слѣд. начала:

1. Словомъ мы выражаемъ не предметъ, а впечатлѣніе, произведенное онымъ на нашу душу: такъ

1) Полное собраніе сочиненій 1830, IV, 51.

посаскр. слонъ называется *дважды пьющимъ, двузубымъ, снабженнымъ рукою* 1). Слѣд. синонимы должны опредѣляться не по предметамъ, ими означаемымъ, а по точкѣ зрѣнія, съ которой человѣкъ смотрѣлъ на предметъ при сотвореніи слова.

2. Впечатлѣніе предполагаетъ нѣчто дѣятельное, движущееся: потому большая часть словъ происходитъ отъ глагольныхъ корней: шакъ тьма, сербск. шама отъ санскр. корня tam — помрачать; ночь отъ санскр. nac — стирать, разрушать; грѣхъ отъ hri — pudore affici; lupus отъ lû — scindere, vellere, слич. славянск. лупежъ, лупежникъ — грабежъ, грабитель; вода, wasser, unda отъ und — fluere и пр. 2). Гердеръ почитаетъ корнями Еврейскихъ именъ — глаголы.

3. Значеніе словъ физическое древнѣе нравственнаго: напр. коловратный теперь значитъ непостоянный, измѣняющійся, прежде: вертящійся колесомъ: самострѣлы коловратными, Ипат. 226.

4. Физическое значеніе, ближайшее къ живому впечатлѣнію, первобытнѣе: шакъ понятіе звука переходитъ въ понятіе цвѣта: напр. въ нѣм. нарѣчіяхъ: hëllan (sonare) hëll (sonorus, позднѣе lucidus), galan (sonare) gëlo (lucidus, flavus), gold (sonorum и lucidum), gëlp (strepens, потомъ coruscans) 3)

---

1) Humboldt, Ueber die Kawi-Sprache I, CXII.

2) Pott, Etymol. Forsch. I, 209, 218, 242 и Ейгофа Parallèle des langues de l'Eur. et de l'Inde, стр. 148 и слѣд.

3) Grimm, Deutsh. Gram. II, 86 и 87.

и пр. Для объясненія слич. наше быстрый съ сербск. бистар., значащимъ прозрачный, свѣтлый, чистый, напр. о водѣ.

5. Со временемъ живое значеніе слова теряется: впечатлѣніе забывается, и остается только одно отвлеченное понятіе; потому — возстановлять первобытный смыслъ словъ значитъ возобновлять въ душѣ своей творчество первоначальнаго языка.

6. Съ перваго листа Библіи видно, какъ высоко и многозначительно слово: И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро: и разлучи Богъ между свѣтомъ, и между тмою. *И нарече Богъ свѣтъ день, а тму нарече нощь*, Быт. I, 3 — 5. И созда Богъ еще отъ земли вся звѣри селныя, и вся птицы небесныя: и приведе я ко Адаму, видѣти, *что наречетъ я. и всяко еже аще нарече Адамъ душу живу, сіе имя ему.* Быт. II, 19.

1. Слово, поэзія, народъйство, знаніе и пр.

Глубокій разумъ словъ въ языкахъ народовъ даже необразованныхъ даетъ знать о высокомъ происхожденіи языка. Таже творческая сила, которая непрестанно дѣйствуетъ въ природѣ вещественной, создала и языкъ устами цѣлаго народа, ибо: гласъ народа гласъ Божій.

Христіянство даетъ величайшее значеніе Слову, какъ воплощенію Бога. И язычники сознавали таинственное происхожденіе рѣчи и ея высшую

силу. Такъ слова: ба́яшь, говоришь, шепшашь, вѣщашь означаюшъ ворожбу, чародѣйсшво, пророчесшво: обаяніе, заговоръ, нашепшываньe, вѣщунъ.

Къ значенію чародѣя присоединялись поняшія мудреца, поэша, правовѣдца, писца и чшеца, лѣкаря.

Слово *вѣщій* опъ вѣш (от-вѣшишь, при-вѣшишь) значишъ умнаго, хишраго въ эпишешѣ Олегу: „и прииде Олегъ къ Кыеву и ко Игорю, несый злашо, и паволокы, овощь, и вина, и всяко узорочіе; и прозваша Олга Вѣщій: бяху бо людіе погани и невѣгласи.“ (Соф. Врем. I, спр. 22). Опсюда видно, чшо *вѣщій* или принималось въ спарины времена за названіе богопропивное, по мнѣнію христіанъ, ибо его придавали, какъ прозвище, люди пганые, язычники, по своему невѣжесшву: или же означало какое шибудь поняшіе слишкомъ возвышенное, непривычное лицу языческому.

Вѣщій значишъ и поэша: пошому поэшъ Боянъ въ Сл, о П. И. называешся вѣщимъ. Вѣшія (вм. вишія опъ вѣш) въ древнемъ языкѣ поэшъ: „якоже Исшорици и Вѣшія, рекше Лѣшописьци и Пѣснопворци,“ говоришъ Кириллъ Туровскій (Памяшн. Литер. XII в. спр. 74). Такъ какъ проповѣдникъ почелъ нужнымъ объяснишь для своихъ слушашелей слово Вѣшія, шо слѣдуешъ заключишь, чшо значеніе его въ XII в. между народомъ было уже не ясно. Съ поняшіемъ поэша соединялось значеніе колдуна: пошому *вѣшьство*, спаринное слово, означаешъ колдовсшво. (Карамз. И. Г. Р. I, пр. 506); въ глос-

сахъ Mater verborum: чешское wěštba—по переводу Юнгмана wahrsagerei: veschi (lege: wěšŏby), vaticinia, poëtarum carmina. Отъ сербскаго *bjeum*, по переводу Караджитя: der es versteht, geschickt, peritus—происходятъ: вјештина—die geschicklichkeit, scientia; вјештац и вјештица—т. е. колдунъ и колдунья. Равнымъ образомъ и баять—кромѣ колдовства, напр. сербск. бајање—incantatio, бајалица—колдунья, русск. баáльникъ—переходитъ въ значеніе стихотворитъ: такъ въ чешкомъ языкѣ уже въ началѣ XIII в. (1202 г.), въ глоссахъ Mater verborum: baje, baie, fabulas, mitos. Отсюда въ чешск. языкѣ: bagi—поэтъ, bágenj—замышленіе. Сказка, басня, повѣсть. Слич. у Пушкина: Русалкѣ, вѣщей дочери моей; и: словами вѣщаго поэта, въ IX томѣ, стр. 96 и 462.

Начало закона теряется въ испоконныхъ преданіяхъ и обычаяхъ доисторическихъ, освященныхъ благоговѣніемъ. Народъ вѣритъ закону, ибо признаетъ его высшее, божественное происхожденіе, видитъ въ немъ завѣтъ отъ временъ незапамятныхъ 1). Потому древнѣйшія юридическія названія имѣютъ связь съ понятіями волшебства и поэзіи. Въ Судѣ Любуши (IX вѣка) сказано о двухъ дѣвахъ—судьяхъ: Vyučenĕ věšŏbam vitiezovym, въ изданіи Шафарика и Палацкаго (Die ält. Denkmäl. d. Böhm. Spr. стр. 41 и 46) переведено такъ: edo-

1) Смотр. О поэзіи въ правѣ Я. Грамма въ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny etc. 2-er B. 1816.

ctae scientias judiciales—unterrichtet in den Richter-Sprüchen. Слѣд. значеніе вѣщаго распространяется и на право. Отсюда ясно, почему отъ корня вѣт происходитъ вѣче — народное собраніе, и повѣтъ, область, подлежащая суду, вѣдѣнію закона. Переходъ понятія о гаданіи и стихотвореніи къ понятію о формулѣ закона очевиденъ въ латинскомъ carmen: напр. Livius I, 10. lex horrendi carminis. 1, 13. verba carminis. III. 32. rogationis carmen.

Всеобщее преданіе даетъ древнѣйшему періоду письменности характеръ чудеснаго и сверхъестественнаго. Какъ во времена христіянскія переписать книгу считалось дѣломъ богоугоднымъ, такъ и во времена языческія чтеніе и письмо сопровождались понятіемъ о колдовствѣ: что очевидно изъ свидѣтельства Черноризца Храбра (въ половинѣ XIII в.): „прежде оубо Словѣне не имѣхѫ писмен. иѫ чрътами и нарѣзми чтѣхѫ и гадахѫ. еще сѫщи погани," (Ж. М. Н. П. 1843, Іюнь, стр. 147). Слѣд. Славяне язычники гадали чертами. А слово черта—почешск. čára, čárca, вмѣстѣ съ словами черный и чертъ 1), происходятъ отъ чаръ, чары—чародѣйство. (Корнесловъ Шимкевича II, стр. 119, Добровскаго Гр. яз. сл. I, 117 и 223).

Язычество распространяло чарованіе и на врачебное искусство. Потому наше лѣкарь, отъ кор-

1) Я. Гриммъ въ своей Нѣмецкой Миѳологіи на стр. 556 почитаетъ слова черный и чертъ одного корня. А черкать, чертить очевидно происходятъ отъ чер-ный.

ия лѣк, лек (remedium), сродно съ нѣмецкими (mhd.) lâchenoere, lâchenoerinne—волшебникъ, волшебница, (Deutche Mythologie, von Grimm. стр. 668). Заговаривать значитъ не только очаровывать, но и укрощать болѣзнь. Знахарь—вмѣстѣ и колдунъ, и мудрецъ, и лѣкарь.

2. Вещь.

Всякій предметъ существуетъ для человѣка только тогда, когда онъ имъ сознается, когда входитъ въ его мысль и выражается словомъ. Мысль есть основная сущность вещи: потому въ языкахъ названіе вещи происходитъ отъ словъ мыслить, вѣщать. Такъ нѣмецк. ding отъ denken 1); sache отъ sagen; польское rzecz (res) отъ рещи; и наше вещь, можетъ быть, отъ вѣщать, вѣт. (Добровск. Гр. яз. сл. I, 103).

3. Міръ.

Совокупность всего существующаго выражаемъ мы словами: свѣтъ, міръ. Какъ κόσμος собственно означаетъ міръ устроенный, въ мѣру приведенный, и mundus—міръ украшенный, чистый и свѣтлый; такъ и наше *свѣтъ* первоначально означаетъ блистаніе, освѣщеніе, и потомъ уже все открытое, подлежащее свѣту солнечному. Отсюда выраженіе: издать въ свѣтъ—обнародовать. Съ понятіемъ свѣта, равно какъ и дня, соединяется нѣчто божеское:

1) Hegel's Wissenschaft der Logik 1833 I, стр. 29.

общаго поговорки: свѣту божьяго не видать; выдти на свѣтъ божій каждый божій день; но — надобно замѣтить, что божья пьма, божья ночь — не вошли въ поговорку. Словомъ свѣтъ выражаемъ мы нѣжное чувство любви, привязанности; отсюда эпитеты свѣтъ, свѣтикъ. Напротивъ того въ древнемъ египетск., еврейск. и арабск. корень слова, означающій вселенную, переходитъ въ значеніе понятій зла, тлѣнія, осквернения, зловонія 1). Слово міръ менѣе употребляется между народомъ въ смыслѣ вселенной: за то получило характеръ нравственный, означая общество, сборище людей; мірская сходка, рѣшить міромъ, ходить по міру. Любопытно замѣтить, что Я. Гриммъ сближаетъ міръ съ словами миръ и мѣра. (Deutsche Mythologie, стр. 458).

4. *Пространство и время.*

Переходъ понятія времени къ понятію мѣста, замѣченный Я. Гриммомъ въ языкѣ нѣмецкомъ (Deutshe Mythologie, стр. 457; двн. wër-alt, свн. werlt, отъ конхъ welt, первоначально значитъ menschenalter), виденъ въ словѣ *свѣтъ*, которое въ книгѣ Ездры стоитъ вм. вѣкъ: создалъ еси свѣтъ — creasti seculum, сотворенъ бысть свѣтъ — creatum est seculum 6. 55 и 59. (Добровск. Гр. яз. сл. I, 175). Переходъ значенія мѣста къ значенію времени, сохраняется въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, какъ напр.: и съ тѣхъ мѣстъ клобукъ бѣлый въ Новѣгородѣ, Новг.

1) Goulianof, Archéologie Egyptienne, 1839, II, 445 — 452.

лѣш. 140, — покамѣстъ, часъ мѣста. Такъ какъ время и мѣсто равно подлежатъ измѣренію: потому одна и таже мѣра иногда принимается въ языкѣ для означенія и пространства — верста, и времени: Князь Андрей отъ млады версты Христа возлюбивъ, Ипат. III. еще унъ сый верстою, по совершенъ умомъ, Пск. лѣш. стр. 44.

Слово время можетъ быть произведено отъ глагола врѣть, врѣти, означающаго кипѣть, испускать изъ себя жидкость, источать, кипѣть, копошиться во множествѣ. Время есть общее понятіе для словъ, годъ, часъ: ибо година у насъ значитъ вообще время, а у Поляковъ часъ; въ Остром. Ев. тоже зн. часъ и наоборотъ по польски часъ значитъ вообще время; въ нашихъ древнихъ памятникахъ годъ знач. просто пору, время: мразъ поби обиліе (жито) въ жатвеныи годъ, Новг. лѣш. 112. въ годъ вечерній, Ипат. 130. во вторникъ въ торговъ годъ. И. Г. Р. III, пр. 330. А часъ въ смыслѣ поры, времени и теперь у насъ употребляется. Равномѣрно и вѣкъ вмѣсто извѣстнаго, нѣкотораго продолженія времени. Слѣд. обозначеніе извѣстной мѣры времени словами годъ, часъ — есть случайное. Существенное, внутреннее сходство этихъ словъ состоитъ въ томъ, что они происходятъ отъ глаголовъ, означающихъ ожиданіе, угожденіе, надежду, замедленіе. Такъ годъ одного корня съ годить, ждать (г измѣняется въ ж.), а часъ происходитъ отъ чаять. Понятіе о времени переходитъ къ понятію о счастіи, удобствѣ, добротѣ. Потому слова:

безвременье, незгода или невзгодье, годный; отъ пора — спорый, въ пору: въ этомъ послѣднемъ выраженіи съ значеніемъ времени соединяется значеніе мѣры, соразмѣрности. Доба въ другихъ славянск. нарѣчіяхъ знач. пора: отсюда доб-рый, у-доб-ный, з-доб-ный, по-доб-ный: послѣднее слово прежде означало достойный: подобна еси царствовати въ градѣ с нами, Лѣт. Несп. по Лавр. сп. 32. отсюда преподобный.

Названія временъ года также переходятъ отъ одного значенія къ другому: шакъ лѣто означаетъ и вообще годъ, а въ нѣмецк. языкѣ переходитъ къ понятію весны: lenz; и наоборотъ нѣмецк. jêr, jâr (annus) переходитъ къ значенію весны — въ нѣкот. слав. нарѣч. jar, jaro (отсюда яровой хлѣбъ), въ греч. ἔαρ, въ лат. ver. (Grimm, Deutsche Mythologie, стр. 436).

5. *Душа, жизнь.*

Отъ стихіи природы вещественной переходитъ понятіе къ природѣ духовной въ словѣ духъ, воздухъ, отъ глагола дую. Духъ первоначально имѣетъ значеніе самой тончайшей матеріи и движенія оной: воздуха, вѣянія, теплоты, запаху: какъ отъ дуть — духъ, шакъ отъ пахаю, пашу — запахъ. Потомъ воспріятіе и испущеніе воздуха легкими выражается словомъ шого же корня дых-аніе. Дыханіе есть признакъ жизни: отшуда задушить, удушить, душегубецъ, издохнуть. Существо безплотное называется духъ, ибо симъ словомъ выражается и въ

природѣ вещественной самая нѣжная матерія. Духъ, вдохнутый въ животное: душа. Какъ этимологически душа происходитъ отъ духъ, такъ и психологически. Названія многихъ предметовъ дѣйствующихъ отличаются отъ названій предметовъ, подлежащихъ дѣйствію, тѣмъ, что первыя рода мужескаго, вторыя — женскаго: потому духъ муж. род., душа женск. По мнѣнію народа душа присутствуетъ въ горлѣ и груди: потому душа значитъ часть тѣла нѣсколько пониже горла; оттуда одѣяніе, покрывающее верхнія части тѣла — душегрѣйка. Этимъ объясняется и повѣріе въ Словѣ о Полку Игоревѣ: единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. — Этимъ же объясняется и пластическій образъ въ томъ же словѣ: вѣютъ душу отъ тѣла. Слич. въ Соф. Вр. II, 333, о смерти В. К. Василія Іоанновича: и видѣ Шигона духъ его отшедше аки *дымець малъ*. Различіе духа и души въ Ипат. 220: позна въ собѣ духъ изнемогающъ ко исходу души.

Болѣе матеріальное понятіе о бытіи выражается словомъ жизнь, отъ гл. жить; ибо животъ зн. не только жизнь, но и abdomen, какъ источникъ жизни, и имѣніе, достояніе, какъ средства жизненныя. Славяне и сердце почитаютъ средоточіемъ жизни: такъ подревански или полабски сердце называется животокъ (seiwóatak) т. е. маленькій abdomen, Dobr. Slovanka I, 15. Глубокое понятіе о жизни выражается словомъ воскресить:

ибо кресить значитъ и оживить, и высѣчь огонь изъ кремня огнивомъ (Шимкевича Корнесл. I. 117.)

6. Познавательная способность, чувства, искусство, наука.

Для выраженія познавательной способности и дѣйствій ея мы употребляемъ слова: умъ, разумъ, разсудокъ, сужденіе, понятіе, мысль и друг. Отличіе ума отъ разума особенно замѣтно въ прилагательныхъ и глаголахъ: умный можетъ быть и звѣрь, умѣть можетъ и звѣрь; но быть разумнымъ и разумѣть не можетъ. Умѣнье бываетъ и механическое, отъ навыку: разумѣнье предполагаетъ познаніе того, что дѣлаетъ. Можно умѣть что нибудь дѣлать, и не разумѣть, почему такъ дѣлаетъ. Отсюда видно превосходство разума (vernunft) надъ умомъ (verstand). Потому пословицы: умъ безъ разума бѣда, умъ за разумъ зашелъ 1). Такъ какъ обѣ эти способности въ человѣкѣ соединяются, потому и языкъ нашъ соединяетъ оба эти слова въ выраженіи: умъ-разумъ. Очевидно, что въ словѣ разумъ имѣетъ смыслъ увеличенія, превосходства, какъ въ словахъ: тонкій распонкій, расхорошій. Смыслить означаетъ меньшую степень разумѣнія; отсюда: ничего не смыслитъ — сильнѣе, нежели: ни чего не знаетъ, не понимаетъ. Смыслъ имѣетъ два значенія; субъективное — смыслъ въ

1) Противоположное этому мнѣніе смотр. у Фонъ Визина въ IV-й части сочиненій 1830 г. стр. 64.

головѣ человѣка, человѣкъ со смысломъ, смышленый; и объективное — напр. смыслъ басни, слова, т. е. внутреннее значеніе. Совокупность этихъ обоихъ значеній составляетъ понятіе слова смыслъ, происходящаго отъ мысль. Судить выражаетъ болѣе практическую, примѣнительную способность: оттого судъ, судья. Сужденіе предполагаетъ какія либо двѣ стихіи для своей дѣятельности: потому, въ словѣ разсудить, раз означаетъ дѣленіе, разложеніе на составы. Сличить слово urtheil, означающее понятіе о первоначальномъ дѣленіи 1). Напротивъ того „понятіе" выражаетъ дѣйствіе совокупляющее, собирающее: ибо происходитъ отъ по и ять (брать). Человѣкъ изслѣдуетъ и испытываетъ предметы посредствомъ чувствъ. Чуять знач. слышать и обонять: чутье. Слухъ происходитъ, можетъ быть, отъ слую (Добровскаго Грам. яз. сл. I, 181.), и слѣдовательно одного корня съ „слово." Слухъ въ смыслѣ молвы, славы подкрѣпляетъ эту догадку. Такимъ образомъ въ нашемъ языкѣ выражается глубокая мысль о соотвѣтствіи между органами слова и чувствомъ слуха: а на этомъ то соотвѣтствіи и основывается благозвучіе слова. Такое же соотвѣтствіе между чувствомъ и подлежащимъ чувству является въ словѣ обоняніе (об-воняніе), отъ воня, запахъ. Потому обонять прежде употреблялось вмѣсто благоухать: благодаряше Бога въ скорбехъ, и къ томужде своихъ сродниковъ поучаше, аки ливанъ во огни обо-

1) Hegel, Encyclopädie, 1840, I, 326.

няющъ (т. е. благоухающъ) представляя. Патер. житіе Симона Еписк. Благороднѣйшее изъ чувствъ есть зрѣніе: потому видѣть и вѣдать, можетъ быть, одного корня, и сполъ же родственны какъ греч. ἰδεῖν съ εἰδέναι (Добровскаго Etymologikon 1813, стр. 70). Чувства грубѣйшія суть осязаніе (о-сязать, до-сягать, по-сягать) и вкусъ (кусать, кушать). Замѣчательно опять соотвѣтствіе между силою чувства и подлежащимъ оной: вкусъ и искусство (ис-кус-ство) происходятъ отъ одного корня кусити (санскр. куш experiri). Съ понятіемъ искусства соединяется мысль объ обманѣ, прельщеніи, что видно изъ родственныхъ съ нимъ словъ: искусить, искуситель, искушеніе. Такимъ образомъ самый языкъ показываетъ, что поэзія и искусство являютъ миѳологическую, демоническую сторону жизни народной: прелестный первоначально знач. обманчивый; хотя красный имѣетъ смыслъ добрый — красное солнце, т. е. прекрасное, однако его синонимъ червонный, чермный одного корня съ червь 1), подобно слову гадать, можетъ быть, сродному съ гадъ (serpens) 2). Художество отличается отъ искусства происхожденіемъ отъ слова цс. худогъ — смышленый, умный, мудрый, искусный: „кто премудръ и худогъ въ васъ, да покажетъ отъ добраго житія дѣла своя въ кротости и мудрости,“ Іаков. 3, 13. Слич. польское chędogi — по переводу

1) Goulianof, Archéologie Egyptienne, III, 444.

2) Ходаковскаго Историческая система въ Рус. Ист. Сборн. 1838, кн. 3.

Линде—sauber, schön, zierlich. Чувствами мы испытываемъ предметы. Испытать происходитъ отъ пытать—спрашивать: слѣд. опытъ есть обстоятельный (о, об-) вопросъ (-пытъ): опытомъ и наблюденіемъ добываетъ человѣкъ знанія: испытаніемъ и искушеніемъ вкусилъ онъ отъ плода древа познанія добра и зла. Любопытно то, что слово качество, одного корня съ частицами вопросительными: какъ—кач-е-ство. Слѣдовательно мы узнаемъ предметъ сначала по его качеству, по свойству: отъ того то мы и называемъ предметъ по тому признаку, какой въ немъ замѣтимъ, напр. горница отъ горній, свѣтлица отъ свѣтлый Свойство есть принадлежность предмета, его исключительная собственность, ему сродная; ибо сво́йство и свойство́ происходятъ отъ свой. Слич. въ Толкованіи неудобь познаваемымъ рѣчамъ, у Калайд. въ Іоан. Екс. Болг. стр. 196: качьство, естество, *какову* есть; свойство, что имать что *особно*. Свойство отличается отъ признака тѣмъ, что свойство выражаетъ понятіе объективно, т. е. какъ принадлежность предмета, безъ отношенія къ силѣ познающей; а признакъ означаетъ субъективное воззрѣніе наше на свойства предмета: т. е. какъ умъ нашъ признаетъ (при-знакъ), чѣмъ обозначаетъ для себя этотъ предметъ. Качество же, происходя отъ частицъ вопросит. и относит., занимаетъ средину между понятіями свойства и признака: т. е. отношеніе познающей способности къ свойствамъ предмета познаваемаго. Цѣль познанія, изслѣдованія о

предметъ — есть истина. Это слово происходитъ отъ мѣстоименія истый (Добровскаго Гр. яз. сл. I. 130), означающаго *тотъ же самый*. Отсюда видно, что подъ истиною мы разумѣемъ совершенное сходство нашей мысли съ предметомъ мыслимымъ, т. е. когда мы думаемъ о предметѣ то самое, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Думаютъ, что истый не коренное слово и не родственно латинскому iste (ибо оно состоитъ изъ is и te), а происходитъ отъ глагола есмь, есть. (Шимкевича Корнесловъ I, 91). Свѣденія, приведенныя въ порядокъ, составляютъ науку. Это слово происходитъ отъ *укъ*, которое встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и у Карамзина въ И. Г. Р. въ сложномъ словѣ ново-укъ, означающемъ непривыкшаго, неопытнаго: напр. утверждалъ, что мы новоуки въ христіанствѣ, ИГР. IX. стр. 362. Укъ одно и тоже, что выкъ, что очевидно напр. изъ словъ приучить и привыкнуть. Потому первоначально наука и привычка сближались своимъ значеніемъ: это подтверждается старинными словомъ наукъ, смыслъ коего стоитъ между наукою и навыкомъ: напр. письмо Василью въ наукъ пошло. пѣнье Василью въ наукъ пошло. грамота ему въ наукъ пошла. (Древн. Русск. Стих.) Слѣд. слово наука у насъ выражаетъ отношеніе предмета познаваемаго или изучаемаго къ субъективности познающаго. Понятіе же о системѣ не входитъ въ смыслъ этого слова. Систематическое изложеніе есть уже сочиненіе, отъ слова чинъ—порядокъ. Сличить строеніе отъ строй—тоже порядокъ.

7. Понятія нравственныя, правда, вѣра, блаженство.

Все непреложно истинное есть вмѣстѣ и правосудно и благо. Равномѣрно и все праведное есть истинно; потому вм. истина мы иногда употребляемъ слово правда. Замѣчательно, что въ самомъ языкѣ таится понятіе о синонимахъ: такъ народная рѣчь совокупляетъ слова: умъ-разумъ, правда-истина. Слѣдовательно въ понятіяхъ народа представленіе о правдѣ неразлучно съ представленіемъ объ истинѣ. Но правда отличается отъ истины уже самымъ производствомъ отъ правый, коему противоположно виноватый; означаетъ справедливость, въ противоположность кривдѣ, и законъ вмѣстѣ съ исполненіемъ, судный обычай. Отсюда Русская Правда. Правда, какъ понятіе нравственное, стоитъ выше истины; что видно изъ словъ праведникъ, праведный — т. е. Святой. Не истиною святость достигается, а правдою, неразлучною съ дѣлами добрыми. Потому-то правда называется Святою, Божіею. Слич. пословицу: все минется, а правда останется 1). Въ глоссахъ Mat. Verb. правда объясняется такъ: fas, lex divina est; и отличается отъ *право:* ius est humanum. Въ подобномъ же отношеніи истина стоитъ и къ вѣрѣ. Вѣра по производству своему имѣетъ значеніе истины, ибо одного корня съ лат. verus, нѣм. wahr; въ

1) Въ Юридическихъ Запискахъ, статья Снегирева стр. 267, томъ II.

глоссахъ Музейной Псалтири (XII в.): viera veritas. Но въ употребленіи стоитъ выше истины, означая окончательное убѣжденіе въ истинѣ: сличимъ слова увѣренность, повѣрка, вѣрно, въ смыслѣ безошибочно. Кромѣ того вѣра, какъ и правда, имѣетъ нравственное значеніе: вѣрный рабъ — т. е. не только не обманываетъ, но и любитъ своего господина: отсюда довѣренность, вѣрность. Слѣдовательно въ словѣ вѣра къ понятіямъ истины и правды присоединяется понятіе любви.

Заблужденіе съ прямаго пути (отъ правды къ кривдѣ) есть блудъ — въ смыслѣ грѣха вообще: отсюда заблудишься, блуждать 1). Гезеній, въ Lexicon Manuale, цитуетъ ἁμαρτάνω, которое Гомеръ употребляетъ о стрѣлѣ, не попавшей въ цѣль. Грѣхъ (санск. hri—pudore affici), равно какъ и срамъ, стыдъ, означаютъ внутреннее чувство согрѣшившаго; а порокъ — отъ порекать, ругать — дурную молву людей о согрѣшившемъ.

Сила нравственная, двигающая дѣйствіями человѣка, называется волею. Значеніе этого слова стоитъ въ связи съ понятіями власти, приказанія: съ глаголомъ волить сродны: велѣть, повелѣть. Замѣчательно, что мысль о владѣніи выражаемъ мы двумя такими словами, изъ коихъ значеніе одного относится къ понятіямъ силы нравственной, а другаго къ понятіямъ силы умственной: а именно править, управлять—отъ правый, и вѣдать: напр. въ

2) Goulianof, Archéologie Egyptienne, III, 445.

Полтавѣ Пушкина: спокойно вѣдалъ онъ Украйну. Человѣку дана воля свободная: потому слово воля значитъ и свободу: напр. твоя воля, т. е. ты свободенъ, дѣлай что хочешь. Отсюда вольный—свободный. Съ волею не надобно смѣшивать хотѣнія и желанія. Хотѣніе ниже желанія, и направляется болѣе къ предметамъ чувственнымъ: нельзя сказать: желаю ѣсть, пить, а говорятъ: хочу ѣсть, пить. Отсюда похоть. Съ желаніемъ соединяется понятіе ожиданія, привязанности, благосклонности, любви къ ближнему: желать кому чего, желанный, вожделенный. Любовь понимаемъ мы въ смыслѣ чувства свободнаго, подлежащаго вольному избранію: потому любой зн. какой угодно; слич. санскр. lubh, lóbhitum —cupere, desiderare; лат. libet, lubet; нѣм. er-lauben. Милость попольск. зн. любовь; милый также переходитъ въ значеніе чувства нравственнаго, состраданія, благосклонности въ словѣ милость. Какъ истина есть цѣль умствованія, такъ благо есть цѣль дѣйствіямъ воли человѣческой. Какъ за правду человѣкъ становится праведникомъ, такъ и за благо награждается свыше. Потому благой значитъ вмѣстѣ и добродѣтельный и счастливый, отсюда блаженный, блаженство. Блаженство есть самая высшая степень счастія, какъ награда за добро: только благой, добрый можетъ быть блаженнымъ; счастливъ же бываетъ и злодѣй. Счастье предполагаетъ нѣчто случайное, извнѣ пришедшее: происходитъ отъ часть (жребій); слѣдовательно никакъ не можетъ употребляться вмѣсто блаженство.

8. Судьба.

Для означенія провидѣнія употребляемъ мы слова судьба, рокъ, промыслъ. Судьба, отъ судить, выражаетъ понятіе суда, обдумыванія и расправы; первоначально, вѣроятно, имѣло смыслъ фаталізма, что видно изъ словъ суженый, суженая. Судъ принимается въ смыслѣ смерти; напр. въ Словѣ о Полк. Игор.: Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе; въ Духовной Владим. Моном.: брашчю моему судъ пришелъ; въ Екклес. XI, 10: приведетъ тя Богъ на судъ. Рокъ, отъ реку, какъ лат. fatum отъ fari, означаетъ приговоръ, рѣшеніе судьбы. Понятіе о провидѣніи болѣе снисходительное и для человѣка утѣшительное выражается словомъ промыслъ. Происходя отъ про-и мыслить, оно означаетъ предупредительную заботу и попеченіе. Любопытно въ этомъ словѣ наивное сближеніе понятій о судьбѣ и ремеслѣ: ибо промыслъ значитъ и то и другое.

9. Богъ.

Значеніе и производство слова богъ по Юнгману 1): „cf. sanscr, bhaga=felicitas, excellentia, item omnipotentia, summa, divina potestas; bhagah=sol; bhagja=fortuna secunda; cf. pers. bakt=fatum, bona fortuna, item bag=felix, prosper, in nom. pr. Bagapates=felix dominus; armen. pakt=felicitas; cf. nostr.

1) Slownjk cěsco-německý. 1, 200.

(т. е. чешскія) ubohý, nebohý, bohatý; cf. graec, βου, quod significatum auget, igitur praestantiam denotat; cf. phryg. βωγαιον=deus."

НАРОДНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Народный языкъ принимаю я въ противоположность цеперешней рѣчи письменной и употребляющейся въ кругу людей болѣе или менѣе образованныхъ. Въ недавнее время возродившееся стремленіе къ національности возвысило цѣнность народнаго языка. Онъ относится къ языку образованному точно такъ же, какъ самородная литература къ образованной науками и вліяніемъ чужеземнымъ; и какъ теперь нельзя намъ отрѣшиться отъ общеевропейскаго просвѣщенія и сосредоточиться только въ своемъ быту, такъ невозможно и народный языкъ во всей его цѣлости возвесть на степень языка письменнаго, ибо мы принуждены выражать многія понятія, стоящія внѣ круга народной мыслительности. Судей народному языку можно раздѣлить на двѣ стаціи: одни не только равнодушны къ нему, даже его презираютъ; другіе полагающъ въ немъ все спасеніе нашей литературы. Но есть надежда, что современемъ спадетъ чѣпорная важность съ первыхъ, когда перестанутъ слишкомъ завидовать мужикамъ и послѣдніе.

Изученіе народнаго языка не исключаетъ необходимости другихъ стихій нашей рѣчи, во первыхъ уже и потому, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы постоянно сливается онъ съ

варваризмами, съ реченіями церковнославянскими, и пр. Органическая жизнь, которою проникнутъ онъ, даетъ ему характеръ предмета, имѣющаго полное право взойти въ область Филологіи, тѣмъ болѣе, что сочувствіе къ нему мало по малу теряется, такъ что для многихъ этотъ по преимуществу родной языкъ сталъ вовсе чуждымъ.

Филологически началъ разрабатывать нашу народную литературу Снегиревъ въ своихъ сочиненіяхъ: Русскіе въ своихъ пословицахъ, IV части, 1831—1832, и Русскіе простонародные праздники и обряды, IV выпуска, 1837—1839. Я съ своей стороны ограничиваюсь Древними Россійскими Стихотвореніями, обращая преимущественное вниманіе на украшенный синтаксисъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлить нѣкоторые идіотизмы русскаго языка.

1. Тавтологія.

Тавтологія придаетъ рѣчи бо́льшую силу и одушевленіе, или повтореніемъ одного и того же слова, или совокупленіемъ двухъ и трехъ подобозначащихъ. Она весьма употребительна и въ другихъ языкахъ, особенно въ рѣчи безыскусственной, первобытной: такъ Я. Гриммъ въ Deutsche Rechtsalterthümer (стр. 13) приводитъ множество выраженій тавтологическихъ изъ древнихъ памятниковъ нѣмецкаго права. Тавтологія одного языка отличается отъ тавтологіи другаго тѣмъ, что въ одномъ она принята одними словами и понятіями, въ другомъ—другими. Слѣдовательно, чтобы изучить тавтологію русскую

надобно знать тѣ выраженія, въ коихъ она употребляется. Такъ какъ можетъ повторяться или одинъ и тотъ же звукъ, т. е. одинъ и тотъ же корень, или одно и тоже понятіе въ нѣсколькихъ синонимахъ: то и тавтологія можетъ быть или въ звукахъ и корняхъ, или въ понятіяхъ: т. е. или тождесловіе, или подобословіе.

Повтореніе одного и того же звука состоитъ въ томъ, что берется одинъ корень, и отъ него производятся два слова, или глаголъ и существительное, или существительное съ прилагательнымъ и т. п. Повтореніе можетъ быть: въ опредѣленіи: святой святынѣ приложится 167. старину стародавную 315. молодымъ молодицамъ на перенимание 283. Въ дополненіи: а поносъ понесла и дитя родила 45. шутку шутитъ 254. Сыгритъ сыгралъ Царяграда 132. Въ обстоятельствахъ: золотомъ золотилъ 272. черные вороны табуномъ табунилися 288. перекрестился крестомъ своимъ 343. въ полонъ полонитъ 243. какъ бы двухъ коней въ поводу повелъ 212. Въ подлежащемъ и сказуемомъ: шуточка пошучена 99. послы поздоровались, „какъ послы послуются 126. подпись подписана 171. Эта тавтологія въ отношеніи къ слѣдующимъ можетъ быть названа одночленною.

Тавтологія въ совокупленіи словъ подобозначащихъ бываетъ двухчленная и трехчленная. Двухчленная: колыбель люльку дѣлали 293. глубота глубота океанъ море 1. чтобы видѣть при пути

дороженьки 256. кабы прежде у меня не служилъ вѣрою и правдою 90. я сама дѣвица знаю вѣдаю 209. про то не знаешь не вѣдаешь 50. а и жилъ былъ богатый гость 13. Трехчленная: съ кѣмъ побиться подраться поранититься 260. 388. Изъ нѣкоторыхъ выраженій видно, что трехчленная есть развитіе двухчленной, прибавленіемъ къ сей послѣдней третьяго понятія, а именно: а и смилуйся смилосердися, „смилосердися покажи милость 277. она съ вечера трудна больна, „съ полуночи недужна вся 14. осталося житье бытье богатество 345. журишь бранишь, его на умъ учишь 74.

Тавтологія можетъ осложняться слѣдующимъ образомъ: или между синонимами вставляются другія слова: божился добрый молодецъ рядился 372. чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя даришь, „чѣмъ свѣта жаловати 3. Или тавтологія распространяется на цѣлыя предложенія, притомъ двоякимъ образомъ: или части предложеній соотвѣтствуютъ другъ другу, какъ синонимы: а утопшана трава, уполочена мурава 305; или кромѣ этого соотвѣтствія синонимическаго въ каждомъ предложеніи еще соотвѣтствіе звуковое: суженое пересуживаешь, „ряженое переряживаешь 141. суды разсуживаетъ „и ряды разряживаешъ 31. Или, когда говорится о какомъ лицѣ, въ одномъ предложеніи имя, а въ другомъ отчество: отчество соотвѣтствуетъ имени, синонимъ синониму: попъ Наспасья просватана, „душа Дмитревна запоручена 137. Къ тавтологіи предложеній относятся и слѣдующія: становился

стоялъ Персидскій посолъ 109. спановилъ стоялъ молоду жену 100. Здѣсь пождесловіе между предложеніемъ придаточнымъ и главнымъ.

2. Описаніе.

Отъ тавтологіи слѣдуетъ отличать форму описательную, которая состоитъ въ томъ, что понятіе выражается не однимъ словомъ, ему соотвѣтствующимъ, а нѣсколькими, кои всѣ вмѣстѣ взятыя замѣняютъ одно слово. Такъ вмѣсто стоитъ: а куяку и панцырю *цѣна стоитъ* на сто тысячей 203. а куяку и панцырю *цѣна лежитъ* три тысячи 23. Вмѣсто скакатъ: ускоки давать коиные 56. Вмѣсто зашипѣлъ: онъ шипъ пустилъ по-змѣиному 59. Попрудился: что много трудовъ за ихъ положилъ 176. При этой фигурѣ надобно обращать вниманіе на глаголы описывающіе. Такъ описанія съ глаголомъ держать: у себя на умѣ держитъ 39, думаетъ.—въ томъ шапру опочивъ держитъ красна дѣвица 94, почиваетъ.—отвѣтъ держитъ ей князь Романъ 368, отвѣчаетъ.—и жену то во любви держалъ 15, любилъ: а страдательный залогъ этого глагола выражается другимъ описаніемъ: когда тебѣ дѣвица не въ любви пришла 306. Съ глаголомъ водить: не наведи на гнѣвъ князя Владиміра 234. танцы водить 386. приведите, казаки, меня въ вѣру крещеную 108. пиръ навеселѣ, повелъ столы на радостяхъ 38. Вмѣсто пировать употребляется еще описаніе: поднимали пирушку великую 12. Съ глаголомъ чинить: вражбу чинить

48. поѣздку чинятъ 160. обѣдъ чинила 29. у нихъ драка сочинилася 109. Иногда описаніе соединяется съ тавтологіею: съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился — поперекъ словечка не говаривалъ 72.

Выраженіямъ описательнымъ противополагаются въ нашемъ языкѣ краткія предложенія, въ коихъ глаголъ, или прилагательное замѣняются равнозначительнымъ имъ существительнымъ: то похвальба Мастрюку 41—т. е. тѣмъ онъ похваляется. ему вѣра поборошися есть 39—т. е. онъ вѣритъ. у Добрыни вѣжество рожденное и ученое 234. и тамъ быть имъ не въ выдачѣ 336—т. е. ихъ не выдадутъ. быть тебѣ молодцу въ поманьи 377—т. е. тебя поймаютъ. спуску нѣтъ 48. тебѣ, Государю, приносу нѣтъ 157—т. е. тебѣ ничего не принесли. пришелъ-то молодцамъ на выручку 82—выручить молодцовъ. не давались ему на обыскъ себѣ 234. не много житья было—полтора года 222—т. е. не много жили.

3. Эллипсисъ.

Русская рѣчь отличается опущеніями. Какъ скоро мысль понятна и связь мыслей видна сама по себѣ: опущеніе позволяется. Особенно замѣчательно совокупленіе главнаго предложенія съ придаточнымъ безъ всякой видимой связи: увидѣлъ Дурень „медвѣдя за сосной, „кочку роетъ, „корову коверкаетъ 400. увидѣлъ Дурень „четырехъ братовъ — „ячмень молотятъ 392, вм. который роетъ, которые моло-

шящъ, или роющаго, молотящихъ. а шоя-то Камы за синимъ моремъ — „своимъ устьемъ впала въ сине море 24, т. е. которая впала. Опущеніе союза даетъ рѣчи силу: пошащилъ онъ Наспасью, лишь шуфли звенятъ 141 — пропущено: шакъ что. она шѣмъ узда дорога (пропущено: что) „царское жалованье „государево величество 33. а опъ пару было опъ конинаго (шакъ что, по что) „а и мѣсяцъ, солнце померкнуло 242. Опущеніе связи иногда рѣзко опдѣляетъ одно предложеніе опъ другаго, шакъ что они являются двумя частями параллелизма: въ задоръ войду — тебя убью 81. калачикъ съѣшь — больше хочется 27. не дорога камочка — узоръ хищеръ 5. куда ли махнетъ — шупъ и улицы лежатъ, „кудыотвернетъ — съ переулками 250. за царя опдашь — ей царицей слышь 137. а и въ горѣ жишь — не кручинну бышь, „нагому ходишь — не спыдишься 381. на Волгѣ жишь — ворами слышь, „на Яикъ идши — переходъ великъ, „въ Казань идши — грозенъ царь споишъ 114.

Эллипсисъ иногда шакъ сжимаетъ предложеніе, что прудно оное распупашь по синшаксическимъ частямъ: напр. онъ первое ученье ей руку опсѣкъ 71: впрочемъ мысль поняшна, и припомъ сильно выражена, ибо два предложенія не чувспвишельно сливаюшся и взаимными силами усливаюшъ мысль. Гдѣ была рыба красная, „очушились у садки червонцы лежатъ 270: съ перваго разу покажется, будто здѣсь два сказуемыхъ одного и шого же предложенія — очушились и лежатъ — однако

такъ какъ они разныхъ временъ, то смыслъ требуетъ признать два предложенія, но такъ родственно слитыя воедино, что глаголы — очутились и лежатъ — мгновенно выражаютъ одно и тоже представленіе. Прекрасно отдѣляются предложенія безсвязныя различіемъ временъ, въ рѣчи повѣствовательной: только въ чистомъ полѣ наѣхали, „лежатъ при дороги широкія 181.

4. Эпитеты.

Рѣчь народная отличается отъ искусственной постоянствомъ, неизмѣнностью выраженій. Писатели каждый посвоему изъясняютъ одну и туже мысль; отсюда часто изысканность и цѣпочность. Въ рѣчи народной мысль, однажды принявъ на себя приличное выраженіе, никогда уже его не мѣняетъ: отсюда точность и простота. Выраженіе, какъ завѣтная икона, повторяется всѣми, кто хочетъ сказать ту мысль, для коей оно составилось первобытно. На этомъ основывается употребленіе постоянныхъ эпитетовъ, въ которыхъ особенно очевидно постоянство и единообразіе выраженій народной рѣчи. Реченія съ постоянными эпитетами можно уподобить типамъ греческихъ божествъ, которые, однажды создавшись, никогда не измѣнялись, потому что Грекъ не находилъ уже другаго лучшаго и приличнѣйшаго образа для олицетворенія Юноны или Зевса. Русскіе эпитеты бываютъ:

а) Имена прилагательныя: не наѣзживали звѣря прыскучаго 156. не видали птицы перелетныя

156. оставалася матера вдова 72. подломилися поженьки рѣзвыя 8. на крутомъ красномъ берегу, „на желтыхъ разсыпныхъ пескахъ 106. изрублю я „въ мелкія части пирожныя 66. (пирогъ—мелкая дробь монетная) 1). столы бѣлодубовы, столы дубовые 12. терема златоверховаты 6. оружье долгомѣрное 108. звончаты гусли 9. уйми свое чадо милое 79—говорятъ тѣ, кого оно прибило.

б) Имена существительныя въ одинаковомъ падежѣ съ словомъ, при коемъ они эпитетомъ: выѣзжалъ удача добрый молодецъ 22. продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ 24. а Владиміръ Князь едва живъ стоитъ, „со душой Княгиней Апраксѣевной 359. а зовутъ меня Михайлою Казарянинъ, „а Казарянинъ *душа* Петровичь младъ 205 — 206.

в) Имена существительныя съ прилагательными, не согласующіяся съ своимъ опредѣляемымъ, и всегда стоящія въ именительномъ: оберпывашься гнѣдымъ туромъ—золотые рога 47. что Добрыня имъ будетъ десятой туръ, „всѣмъ атаманъ — золотые рога 67. однорядочки-то голубъ скурлатъ 156. обвивается лютой змѣй около чебота зеленъ сафьянъ 45. и на ноги сапоги зеленъ сафьянъ 125. въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ 3. стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ 51. а столы дорогъ рыбій зубъ 109. Словосочиненіе этого эпитета объясняется эллипсисомъ.

---

1) Снегирева Памятники Московской древности, тетр. I, CVIII.

г) Родительный опредѣленія: кровать слоновыхъ костей 9. покрыша сѣдыхъ бобровъ, „„пополокъ черныхъ соболей 14. полъ, середа одного серебра 159.

Надобно отличать эпитетъ постоянный отъ эпитета украшающаго (ornans): послѣдній часто даже во зло употребляется писателями напыщеными и вычурными. Полезно бы собрать всѣ постоянные эпитеты для того, чтобы опредѣлить, въ какіе предметы преимущественно вдумывался русскій человѣкъ, и какія понятія присоединялъ къ онымъ.

Согласованіе и управленіе эпитетовъ украшающихъ и приложеній въ рѣчи народной требуютъ особаго объясненія, ибо подлежатъ законамъ аттракціи 1). Подъ аттракціею разумѣется вліяніе, производимое одною частью предложенія на другую противъ граммматическаго ихъ отношенія. Напр. колоты онѣ (стрѣлы) изъ тростъ дерева 24. началась у нихъ драка—бой великая 78. воротись милъ надежа, воротись другъ 66. Въ первомъ примѣрѣ *изъ* не управляетъ приложеніемъ; во второмъ прилагательное согласуется съ первымъ членомъ тавтологическаго соединенія; въ третьемъ надежа, какъ эпитетъ друга, принимаетъ родъ сего послѣдняго.

Въ названіяхъ водъ приложеніе а) не управляется: изъ устья Ердань рѣки 175. будутъ они въ Ердань рѣкѣ 173. и бросила его въ тое Енисей

---

1) Смотри подробности объ этомъ въ Die Syntax der deutschen Sprache Геринга часть 2, стр. 67.

быстру рѣку 122. и поплыли по Тагиль рѣкѣ 116. а лѣвая нога во Волховъ рѣкѣ 343.—б). И не согласуется: напущалися на той большой Енисеѣ рѣкѣ 122. а на славной на Амурѣ рѣкѣ 321. Израй рѣка быстрая 346. Таковое употребленіе приложеній объясняется весьма легко; стоитъ только соединить въ одно слово имя собственное съ нарицательнымъ, и разсматривать первое, какъ переднюю половину сложнаго слова: Ердань-рѣки, Ердань-рѣкѣ, во Волховъ-рѣкѣ, Израй-рѣка. Эта синтаксическая особенность весьма способствуетъ возбужденію быстраго впечатлѣнія соединеніемъ двухъ близкихъ представленій въ одно. Впрочемъ говорится и: а и гой еси, славный Ильмень озеро 267. и поплыли по той Турѣ рѣкѣ въ Епанчу рѣку 116.

Этому совокупному представленію противополагается раздѣленіе понятія съ его обстоятельствомъ, подчиненіемъ или дополненіемъ на два понятія. Такая фигура называется гендіадисъ (ἓν διὰ δυοῖν), напр. у Вирг. pateris libamus et auro вм. pateris aureis 1). — Али чарой зеленымъ виномъ обносили тебя? 150—вм. чарой зелена вина. выбѣгали, выгребали шридцать кораблей, „шридцать кораблей — единъ корабль I — вм. шридцать одинъ. выпала пороха снѣгу бѣлаго; „по той по порохѣ, по бѣлу снѣгу 139. Гендіадисъ не надобно смѣшивать съ описаніемъ, напр. гады змѣиные 223 вм. змѣи.

1) Die Syntax der deutschen Sprache Герлинга, часть 2, стр. 217.

5. Періодъ

Построеніе періода въ древнихъ стихотвореніяхъ можетъ быть подраздѣлено на три разряда: 1) совершенно правильное и округленное, но простое и безыскусственное, 2) построеніе изъ предложеній, одно съ другимъ не гармонирующихъ ни во временахъ, ни въ видахъ глагола, и 3) построеніе симметрическое; два послѣдніе разряда противоположны другъ другу. Примѣръ перваго:

1 Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
у славнаго Князя Владиміра
2 было пированье, почестный пиръ,
было столованье, почестный столъ
3 на многи Князи, бояра
и на рускіе могучіе богатыри
4 и гости богатые 54.

1 обстоятельства, 2 главныя предложенія, 3 опять обстоятельства, 4 заключеніе метрическое.

Построеніе втораго рода, при видимой своей неправильности, чрезвычайно выразительно для рѣчи повѣствовательной. Хотя въ немъ глаголы не соотвѣтствуютъ другъ другу — напр.: бросится дѣвица испужалася 92; много царевичь не спрашиваетъ, „выходилъ на крылечко на красное 256; оглянется Тугаринъ назадъ себя, „впапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ 193: однако единство изображаемаго дѣйствія и стройность картины нисколько тѣмъ не нарушаются. Надобно только представленіе о времени подчинять краткно-

сши дѣйствія, и отличать дѣйствія главныя отъ побочныхъ: тогда въ этомъ разнообразіи увидишь стройное единство. Такъ предложенія: скочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ 234, молода княгиня испужалася, „а и больно она передрогнула, „посылаетъ стольниковъ и чашниковъ. 230— должны пониматься такимъ образомъ: соскочивъ съ коня, бьетъ—, испугавшись, посылаетъ—. Здѣсь прошедшее время употребляется почти какъ церковнославянское причастіе. Потому прошедшее время съ своимъ предложеніемъ уходитъ вдаль, оттѣняя главное предложеніе съ настоящимъ временемъ:

1 Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
и турій рогъ меду сладкаго въ полтрешья ведра,
подносилъ Михайлѣ Казарянину;
2 принимаетъ онъ Михайло единой рукой,
5 и выпилъ единымъ духомъ 213.

Въ 3 прошедшее выражаетъ совершенное дѣйствіе. Равнымъ образомъ и будущее подчиняется краткости, означая быстрое совершеніе. Слѣд. въ такомъ соединеніи предложеній надобно отличать дѣйствія длящіяся отъ быстрыхъ, начинающихся или совершенныхъ, и дѣйствія перваго плана отъ подчиненныхъ. Тогда будетъ понятна красота историческаго періода въ древнихъ стихотвореніяхъ. Примѣры:

Дружина спитъ, такъ Волхвъ не спитъ: (наст. вр. и главное дѣйствіе, далѣе оно объясняется:)
онъ обернется (мгновенное дѣйствіе) яснымъ соколомъ,
полетѣлъ (вслѣдъ за мгновеннымъ и совершеннымъ — дѣйствіе длящееся, подчиненное) онъ далече
на сине море,

а бьешъ (настоящее дѣйствіе на первомъ планѣ) онъ
гусей, бѣлыхъ лебедей 48.
И только Илья слово выговорилъ, (совершенное окончательное)
оторвется (мгновенно) голова его шапарская,
угодила (подчиненное дѣйствіе, вмѣстѣ съ двумя первыми) на голова по силѣ вдоль,
и бьешъ ихъ, ломишъ, въ конецъ губишъ (дѣйствія главныя) 250.

Разнообразіе временъ и видовъ придаетъ необыкновенную живость и игривость описанію быстрыхъ движеній: напр. борьба съ Мастрюкомъ:

Поганька *справился*, за плеча *сграбился*,
согнетъ кочаргою, *воздымалъ* выше головы своей,
опустилъ о сыру землю—Мастрюкъ безъ памяти *лежитъ* 43.

Этому построенію періода противополагается симметрическое. Оно подобно еврейскому параллелизму, и состоитъ въ томъ, что рѣчь разсѣкается на два члена, соотвѣтствующихъ другъ другу по содержанію и формѣ. Параллелизмы бываютъ трехъ родовъ 1):

а) Парал. Синонимическіе, въ коихъ оба члена выражаютъ одну и туже мысль, только разными словами:

Суженое пересуживаешь,
ряженое переряживаешь 141.
Понѣ Настасья просватана,
душа Дмитревна запоручена 137.

1) Gesenius, Hebräisches Lesebuch, 1834, 79.

б) Парал. противительные, когда члены противополагаются: недорога камочка — узоръ хитеръ 5. нагому ходить — не спыдится 381.

в) Парал. синтетическіе, когда во второмъ членѣ, кромѣ повторенія мысли перваго, есть прибавленіе: куда ли махнешъ — шушъ и улицы лежатъ, „куды оттернешъ — *съ переулками* 250. Дополненіе иногда распространяется и является заключеніемъ параллелизма:

На Яикъ идти — переходъ великъ,
Въ Казань идти — грозенъ царь спойтъ,
Грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичь 114.

6. Сравненіе.

Такъ какъ сравненіе предполагаетъ соотвѣтствіе между понятіями и словами: потому приличнѣйшая форма для сравненія есть параллелизмъ:

Изъ Волхова воды не вышити,
во Новѣградѣ людей не выбити 81.
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
у нихъ по молодцовъ думушки прибыло 82.
Упала звѣзда поднебесная,
потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
не стало царевича у насъ въ Москвѣ,
а меньшаго Ѳедора Ивановича 330.
Ѣдетъ дуга на дугѣ,
шелудякъ на хромой лошади 415.

Русская рѣчь не любитъ длинныхъ сравненій, наблюдая соразмѣрность членовъ сравниваемыхъ: длинное сравненіе иногда выказываетъ изысканность, что

особенно замѣтно въ нашихъ новыхъ писателяхъ. Народная рѣчь говоритъ въ сравненіи столько, сколько нужно объяснить мысль, приставляя сравненіе союзами: что, какъ, какъ бы:

Глаза что часы,
усы что вилы,
руки что грабли 390, 391.
А и ноги, носъ — что огонь горятъ 207.
Спрѣлы летятъ какъ частыи дожди 117.
Какъ бы русая лиса голову клонила,
пошла по Чурилья къ заушрени 383.

Общаго сравненіе бываетъ въ картинѣ краткой, рѣзкой и яркой, напр:

Тугаринъ почернѣлъ какъ осення ночь,
Алеша Поповичъ спалъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ 189.
Тугаринъ пошемнѣлъ какъ осення ночь 190.

Для предметовъ отдаленныхъ или неопредѣленно представляемыхъ и сравненія неопредѣленны, неясны:

Какъ бы бѣль забѣлѣлася, будто чернь зачернѣлася,
забѣлѣлися на корабляхъ парусы полотняные
и зачернѣлись на морѣ шутъ двѣнадцать кораблей 107.

Отрицательныя сравненія подавали поводъ къ многимъ догадкамъ и своевольнымъ толкованіямъ. Одни объясняли ихъ застѣнчивостію народа русскаго, осторожностію; другіе унылымъ характеромъ народной русской поэзіи, и проч. Народная рѣчь такъ проста, что для объясненія оной не надобно прибѣгать къ отдаленнымъ гипотезамъ. Безо всякаго предубѣжденія прочтемъ какое нибудь

отрицательное сравненіе, и поймемъ его грамматически: тогда тотчасъ увидимъ внутренній смыслъ онаго:

Тушъ не черные вороны слетались,
собирались понизовые бурлаки.

Фантазія хотя и сближаетъ въ сравненіи два предмета разнородныхъ, но простой, наивный смыслъ видитъ большую разницу между ними: слѣдовательно сравненіе предполагаетъ и сближеніе и противоположеніе двухъ предметовъ. Это естественное, первоначальное понятіе объ уподобленіи выразилось въ сравненіи отрицательномъ. Бурлаки уподобляются воронамъ, но вороны не бурлаки — наивно говоритъ простой смыслъ народный. Можно назвать уподобленіями въ превосходной степени такія сравненія, гдѣ отрицаніе присовокупляется не къ уподобленію, а къ уподобляемому:

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
изъ за горъ, да горъ высокихъ,
не красно солнце выкатилося,
выкатился бѣлъ горючь камень,
выкатившись, самъ разсыпался
по мелкому зерну, да по маковому (17 удал. пѣсн. у Сахарова).

7. *Фразеологія.*

Мало того, чтобы знать, что такое-то выраженіе подлежитъ такому-то грамматическому или реторическому правилу: надобно возбудить сочувствіе къ правильной и изящной рѣчи, обогатить

память значительнымъ запасомъ самыхъ выраженій. Потому необходима фразеологія, въ которой обращается вниманіе не только на внѣшнюю форму предложенія, но и на содержаніе. Когда учащійся воспитаетъ въ себѣ разборчивое чутье къ русской рѣчи, его уже не увлечетъ вялый и безцвѣтный слогъ какого нибудь новаго сочиненія. Всякій народъ смотритъ на вещи по своему: постановитъ учащагося на точку зрѣнія народную можно только изученіемъ выраженій, въ коихъ высказывается духъ народа, а не общими правилами и отвлеченными законами. Когда нѣтъ словъ и выраженій — правила не дадутъ ихъ. Не эстетическіе законы образуютъ вкусъ, а знакомство съ произведеніями образцовыхъ художниковъ. Правила безсмысленны безъ живаго содержанія. Для ученика не въ примѣръ полезнѣе восчувствовать силу и красоту какого нибудь фигурнаго выраженія, нежели знать въ которомъ параграфѣ учебника объясняются правила этого выраженія. Предлагаю нѣсколько примѣровъ фразеологіи изъ нѣхъ же древнихъ стихотвореній.

Тропы: — выраженіе понятій о жизни духовной: материно сердце распущается 168. замуманилось его сердце молодецкое 232. взяло Добрыню пуще остраго ножа „по его сердцу богатырскому 63. надо мною сердце не изнести 208. едва душа его въ тѣлѣ: полуднуетъ 365. ей Ставровой молодой женѣ „перепала вѣсть нерадошна 125. Понятія о природѣ вещественной: а божьи церкви на дымъ спустишь 47. бока (корабля) взведены по звѣриному

2. трепала (лелѣяла) она рука змѣя Горынчища 71. отъ лица „лучи стоятъ великіе 231.

Отдѣльныя слова и выраженія:

Дѣло въ смыслѣ свойства, вещи, предмета: а наше то дѣло повелѣнное 331—т. е. намъ повелѣли. а и женское дѣло прелестливое, „прелестливое, перепадчивое 69, вм. характеръ. Слич. Котошних. 35 тотъ человѣкъ прикинулся въ болѣзнь нарочнымъ дѣломъ — вм. нарочно.

Перо у растеній вм. лепестокъ: хмѣлево перо 338.

А спань ты подъ башню проѣзжую 267 — черезъ которую проѣзжаютъ въ ворота.

Она (лебедь) черезъ перо была вся золота 217: короче и точнѣе нельзя выразить.

А Иванъ, сударь, Васильевичь, *прозритель* 285.

Топчась по поступкамъ Соловья опознывали II. какъ ты меня не опознываешь? 133. Опознать содержитъ въ себѣ понятіе объ ушайкѣ кѣмъ нибудь того, что я узналъ или нашелъ. Это слово не надобно смѣшивать съ глаголами опознаться (ориентироваться) и обознаться (узнавъ кого нибудь, принять его за другаго). Смотр. Луганскаго Полнора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ, въ Москвитянинѣ за 1842 годъ.

ИСТОРІЯ НАРОДНАГО ЯЗЫКА.

Чтобы узаконить необходимость изученія народнаго языка, слѣдуетъ показать тѣсную связь нашей народной поэзіи съ древнѣйшими памятниками

какъ руской литературы, такъ и прочихъ славянскихъ племенъ, и съ произведеніями новѣйшихъ писателей нашихъ. Для того и другаго достаточно будетъ одного простаго сравненія.

а) Въ Сл. о Полк. Игор.: чрьна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна, тугою взыдоша по руской земли.

Въ Думѣ о походѣ Хмѣльницкаго въ Молдавію: вже почавъ вôпъ землю кôнскими копытами орати, „кровъю Молдавською поливати! Въ другой малоруск. пѣснѣ: выорала вдовонька мыслоньками поле, „чорными очеңьками заволочила, „дрôбными слѣзоньками все поле змочила 1).

Еще полнѣе выразилась мысль Слова о П. И. въ казацкой пѣсни 2):

За славной за рѣченькой Ушвою,
по горамъ было Ушвинскимъ,
по раздольицамъ по широкимъ,
распахана была пашенка яровая;
не плугомъ была пахана, не сохою,
а вострыми Мурзавецкими копьями;
не бороною была пашенка взборнована,
а каневыми рѣзвыми ногами;
не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
а посѣяна была пашенка яровая
казачьими буйными головами;
не поливой она всполивана,

---

1) Максимовича Малорос. пѣсни 1827, стр. 31. 34.
2) Сахарова Сказанія руск. народа I, 243.

ни осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
всполивана была пашенка
казачьими горючьми слезами.

б) Сл. о П. И.: шу кроваваго вина не доспа; шу пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю рускую.

Въ малорус. пѣсни (Максимовича 81, 82): иду я шуды „де робляшь на диво „червóнее пиво „зъ кровй супостатъ. „хибá-жъ ты задумавъ шѣмъ пивомъ упишься? . . . якъ пиръ той минéется —„ вернусь я назадъ!

Прекрасно развита эта же мысль въ казацкой пѣснѣ (у Сахарова, стр. 240): идетъ молодецъ шатается, мать его спрашиваетъ:

Ты за чѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься?
до сырой-то до земли все приклоняешься,
и за правушку за кавылушку все хватаешься?
Какъ возговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся,
напоилъ-то меня Турецкой Царь тремя пойлами,
что тремя-то было пойлами, тремя розными:
какъ и первое-то его пойло — сабля острая,
а другое его пойло — копье мѣшкое было,
его третье-то пойло — пуля свинчашая.

в) Сл. о П. И.: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бобрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ.

Тоже сближеніе Кукушки съ Дунаемъ въ малорус. пѣснѣ (Максимовича 51): ой летѣла зозýленька „черезъ поле, гай; „да й згубила рябé пёрцé (перушко) „ на тихій Дунай.

г) Сл. о П. И.: (Игорь) врѣжеся на брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку и обѣду и ужинѣ.

Удивительное сходство съ дѣйствіями оборотня, въ пѣсни Волхъ Всеславьевичь (Др. Р. сп.):

Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
онъ обернется сѣрымъ волкомъ,
бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью..
онъ обернется яснымъ соколомъ,
полетѣлъ онъ далече на сине море,
а бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
а и сѣрымъ, малымъ ушкамъ спуску нѣтъ;
а поилъ, кормилъ дружинушку хорабрую.

Приведемъ изъ древнихъ памятниковъ нѣсколько синтаксическихъ формъ, сходныхъ съ предложенными выше изъ Др. Р. сп.

Тавтологія. Нест. по Лавр. сп. 6 дань даютъ. 11 до днешняго дне. 21 да не оущитятся щиты своими. 23 да въспятятъ и (его) опять. Въ Краледворск. рукописи 68 obiecati obiet (обѣщать обѣтъ), по мнѣнію Гримма 1), техническое языческое выраженіе для жертвоприношенія, opfer verheissen, widmen. Въ Сл. о Полк. Игор.: моспы мосптити. одинъ свѣтъ свѣтлый. ни мыслію смыслити, ни думою сдумати. Всеславъ Князь людямъ судяше, княземъ грады рядяше. суды рядя до Дуная. Въ Памятн. лит. XII в. 72 на небо небесное. Новог. лѣт. 52

1) Deutsche Mythol. 24.

ошышпша тыномъ. 65 разболѣся болѣзнію. Ипат. 185 побѣдою побѣди. 185 кляпвою клени. 213 а свой полонъ опполонили. 221 милостынею бяше милосшивъ. Пск. лѣш. 23 срокъ соркоша. 124 убѣгомъ побѣже. 148 спалъ спаньямъ на высшоянье (осаждал городъ.) 151 много добышка добыша 177 изволишь волю. Копошних. 23 слова разговорные говорипъ. 110 ранены ранами. 111 шорги своими шоргуюпъ и всякими промыслы промышляюпъ. 125 оправами оправиши.

Формы описашельныя, съ глаголами: положишь: Новог. лѣш. 42 не положи шого въ гнѣвъ. 43 положи на нихъ жалобу велику. Воскр. сп. II, 8, 9: не положихъ бо чести надъ шобою. аще еси на мпѣ честь положилъ и на сполѣ мя еси посадилъ. держашь: Новог. лѣш. 2 рашь дрьжяши. Ипашьевск. 226 любовь держаше съ нимъ велику. Слич. Повг. лѣш. 38 Твьрдиславъ же съшьдъся съ княземъ въ любъвь. водишь: Новог. лѣш. 38 и съведе и владыка въ любъвь. Ипат. 52 введи мя къ ошцю швоему въ любовъ. правишь: Слов. о Полк. Игор. Гзакъ бѣжишъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ правишь къ Дону великому. Ипашьевск. 218 и нача посолъспво правиши.

Весьма любопышна исшорія посшоянныхъ эпишешовъ нашей народной поэзіи: ибо большая часшь ихъ идешъ ошъ глубокой древносши. 1) удалой, удашный, удача молодецъ: въ Краледворск. рукоп. 42 udatna cstmira (удашна Чешмира). Сл. о Полк.

Иг. удалыми сыны Глѣбовы. Ипат. 167 потомъ же Мстиславъ великый удатный князь умре. Древнѣйшее объясненіе этого слова въ чешскихъ глоссахъ Музейной Псалтири (конца XII в): vdatstua virtutis; въ глоссахъ Mater verb: udatstuo, fortitudo, virtus. 2) красная дѣвица: въ Краледворск. рукоп. 94 krasna dieua (красна дѣва). въ Сл. о П. Иг. Готскія красныя дѣвы. 3) милый сынъ, братъ, милая дочь: Краледв. рук. 44 s milu suu dceru (съ милою своею дщерью). Сл. о П. И. жаль бо ему мила брата Всеволода. Ипат. 156 пріялъ бо бѣ Данила како милого сына своего. ibid. 202 и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя. 4) матера вдова: толкованіе въ глоссахъ Mat. verb. прямо объясняетъ этотъ эпитетъ: matera, matrona. Слич. въ Алфавитѣ XVII в.: 42 до 56 го старецъ, по семъ матерство (Востокова Описаніе Румянц. Муз. 4). 5) буйная головушка: Краледворск. рук. 2 v buinu hlauu (въ буйну главу). ibid. 32 nabuinich hlauach (на буйныхъ главахъ). Слич. въ Сл. о П. Иг. за раны Игоревы, буего Святославлича. ibid. высоко плаваеши на дѣло въ буести. лѣтоп. продолж. Нестора 13 младенства ради и буести. Слѣд. это слово первоначально имѣетъ смыслъ удальства, доблести. 6) красная весна: въ проповѣд. Кирил. Туровск. въ Пам. Слов. XII в. 21: весна убо красная вѣра есть Христова. 7) ясное солнце, темная ночь: Краледв. рук. 4 iasne slunecko, 82 temnu nocu. Жаль что ушро потеряло теперь въ нашей поэзіи свои прежніе эпитеты: сѣрое, сѣдое: въ Краледв. рук. 28 iutro se-

го, 82 sedim iutrem: или то и другое вмѣстѣ, въ сложномъ сѣдосѣрое: ibid. 2 k iutru sedoseru. 8) сыра земля, зелена трава, чистое поле, темны лѣса: Краледв. рук. 52 po żelene trawie w siru zemiu tecie (по зеленой травѣ въ сыру землю тече). 96 sira zemie. Сл. о П. И. сплавшу ему зелѣну траву. и поѣха по чистому полю. Крал. рук. 72 les temen. 86 temnim lesem. Но у насъ уже не употребительнѣе постоянный эпитетъ лѣса — черный, какъ въ Крал. р. 66 s czrna lesa, w les czrn. 9) синее море: въ Сл. о П. Иг. въплескала лебедиными крылы на Синѣмъ море. се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ Синему морю. лелѣючи корабли на Синѣ морѣ. 10) тугой лукъ, стрѣлы каленыя: Крал. рук. 26 tuhi luki. 32 kalenich strsiel. Сл. о П. И. стрѣлы каленыя. Ипат. 128 бяху же у нихъ луци тузи самострѣлнїи. 11) питья медвяныя: Крал. рук. 56 pitie medna, въ старину значило не только на меду разсыченныя, но и вообще сладкія: слич. въ чешск. Псалтиряхъ XIV в. medký (suavis). 12) борзый конь, сѣрый волкъ: Сл. о П. И. врѣжеся на бръзъ комонь: значитъ не только быстрый, прекрасный (слич. барзо очень), но и буйный, ярый, соотвѣтственно чешскому эпитету въ Крал. рук. 62 ors (конь) iarobuini.—Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Сл. о П. Иг.

Украшающіе и постоянные эпитеты: золотой и серебряный, съ своими сложными, употребляющіяся и въ Др. Р. сш., напр. 6 терема златоверховаты, принадлежатъ глубокой древности, содержа въ себѣ много первобытной наивности. Такъ

въ Судѣ Любуши; 11 uodu strebropenu воду сребропѣшу. 15 zlatopescu glinu златопещаную глину. 30 u lubusine otne zlate sedle въ Любушинѣ отнѣ (отцовскомъ) златѣ сѣдлѣ (sedes). 64, 108 s otna zlata stola съ отня злата стола (престола). Въ Слов. о Полк. Иг. златъ стремень. своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая. отня злата стола (тоже престола). изъ сѣдла злата. се ли створисте моей сребренѣй сѣдинѣ. уже бо Сула не течетъ сребреными струями. на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, и проч. Сложные: в моемъ тереме златовръсѣмъ. высоко сѣдши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Слич. въ Даніилѣ Заточн. вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего. Памятн. лит. XII в. 229.

Эпитеты, выраженные существительными: въ чешск. пѣсни подъ Вышеградомъ (XIII в.): ha ty naaszye sluncze vysegrade twrd, ой ты наше солнце Вышеграде твердъ. въ Ипат. 172 пріѣхавшимъ же соколомъ стрѣлцемъ. въ Слов. о Полк. Иг. буй туръ Всеволодъ. Слич. съ этимъ эпитетомъ творит. уподобленія, въ Судѣ Любуши 104 zarue iarim turem заревѣ ярымъ туромъ, — коему въ Краледв. рук. соотвѣтствуетъ полное сравненіе 28: Vratislau iak tur iari skoci Вратиславъ какъ туръ ярый скочилъ. Въ Др. р. сп. воспоминаніе этого образа сохраняется въ превращеніи мущины въ тура-золотые рога. Что же касается до турьихъ роговъ, упоминаемыхъ въ Др. р. сп. въ смыслѣ кубковъ, то у насъ есть историческія свидѣтельства на

дѣйствительное существованіе ихъ: (въ 1485 Геннадій) даде въ даръ Псковичемъ шурей рогъ, окованъ златомъ, Пск. лѣт. 164. Эта посуда у Славянъ общая съ Германцами: слич. Цезаря de bel. gal. VI, 28: haec (буйволовы рога) studiose conquisita ab labris argento circumcludunt atque in amplissimis epulis pro poculis utuntur.

Эпитеты изъ имени существ. съ прилагат., несогласующіеся съ своимъ опредѣляемымъ: И. Г. Р. X пр. 118 попонка бархатъ червчатъ гладкой; повяска атласъ золотной. прим. 130 коверъ розные цвѣты съ золотомъ и серебромъ. камка шолкъ бѣлъ да червчатъ. столлъ столъ нѣмецкое дѣло. XI прим. 34 круживо шелкъ черн съ серебромъ. шуба камка адамашка бѣла. прим. 60 башмачки сафьянъ синь. чюлочки шолкъ жолтъ. прим. 65 одѣяло бархатъ червчатъ. Нѣкоторые изъ этихъ эпитетовъ переходятъ здѣсь въ сказаемыя: слич. весьма любопытное словосочиненіе: И. Г. Р. XI пр. 90: а лѣсъ дубъ, вм. дубовый.

Параллелизмъ: въ Краледв. рук. 56. rostupisie sila uudech „rostupisie bodrost wmislech роступисе сила въ удѣхъ (членахъ), роступисе бодрость въ мыслѣхъ. Сравненіе въ формѣ параллелизма: въ Судѣ Любуш. 105, 106 gore ptencem, c nim se zmia unori, „gore musem, im se sena uiade, горе пшеницемъ, къ нимже змія внори (penetrat), „горе мужемъ, имже (дат. множ.) жена владе. Въ Краледв. рук. 6 wstane iedno slunce powsiem nebi, „wstane jarmir nad wsiu zemiu opiet, вставетъ едино солнце по всему

небу, вспанетъ Ярмиръ надъ всею землею опять. Въ Словѣ о Полк. Иг. солнце свѣтится на небеси, Игорь Князь въ Руской земли. Слич. эпитетъ Владимира красное солнышко, и обычныя выраженія въ причитаніяхъ надъ мертвымъ: уже бо солнце наше зайде ны, Ипат. 220 — оплакиваютъ бояра Володимира Васильковича; зайде свѣтъ отъ очію моею, въ Похвальн. слов. Донскому причитаетъ Евдокія.

Отрицательное сравненіе уже и въ Сл. о П. И., и при томъ во всей наивности своей, совершенно согласно съ принятымъ мною объясненіемъ: (Боянъ) помнашетъ бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть і (десять) соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше (тотъ прежде пѣснь пѣлъ), старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не і соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въкладаше, они же сами Княземъ славу рокотаху. Поэтъ сначала замечтался о соколахъ и лебедяхъ, а потомъ оговаривается отрицательнымъ сравненіемъ.

Олицетвореніе бездушныхъ предметовъ, преимущественно рѣкъ, и разговоры съ ними, столь обычные въ нашей народной поэзіи, ведутъ свое начало отъ древнѣйшаго памятника славянской поэзіи, отъ Суда Любуши. Слич. напр. казацкую пѣсню (у Сахарова Сказ. рус. нар. 1, 137):

Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ!
ой, что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течешь?
Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
посередь меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
поверхъ меня, Дона, три рощы прошли, и пр.

съ началомъ Суда Любуши:

Ай Влътаво, че мутиши воду?
че мутиши воду стребропѣну?
. . . . . .
како быхъ язъ воды не мутила,
кегды се вадила (litigant) родна братры.

Таже самая граммашическая форма вопросовъ и отвѣтовъ въ олицетвореніи Пскова, въ Пск. лѣт. 179: о славнѣйшій граде Пскове, великій во Градѣхъ, почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, или како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія! Слич. въ Слов. о Полк. Иг. разговоръ Игоря съ Донцемъ въ формѣ параллелизма: Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ, и пр. Въ глубинѣ поэтическаго олицетворенія рѣкъ миѳологическія преданія.

Повторенія для пѣсеннаго ладу, столь необходимыя въ Др. Рус. сп., попадаются уже не только въ XII в., но даже и въ IX. Такъ въ Др. Р. сп.:

всѣ тутъ князи и бояра разъѣхались,
разъѣхались и пѣшкомъ разбрелись 222.

Слич. со многими почь въ почь такой же формы повторе́ніями въ Судѣ Любуш., напр.:

люпы Хрудошъ на Ошавѣ кривѣ,
на Ошавѣ кривѣ злашоноснѣ 20, 21.
и почеху тихо говориши,
говориши тихо мезу собу (между собой) 79, 80.

или въ пѣсни подъ Вышеградомъ (XIII в.):

pod tobu rzïeka bystra valyesye
valyesye rzeka vhltaua yara

—подъ тобой рѣка быстрая валится, валится рѣка Влтава ярая. Пѣсеннымъ же ладомъ объясняется повторе́ніе одного и того же сущеетвительнаго въ простомъ и въ уменьшительномъ, или ласкательномъ видѣ, напр. въ Др. р. сш. 381 а и горе горе, гореваньице! въ Краледв. рукоп. 98 na iunosi roste dubec dub—на юношѣ ростетъ дубецъ дубъ; ibid. wirazi z iunose dusu dusicu — выразилъ изъ юноши душу душицу.

Вообще надлежитъ замѣтить, что въ старинныхъ памятникахъ нашей литературы народный языкъ постоянно смѣшивается съ церковнославянскимъ, такъ что любая страница лѣтописи предложитъ нѣсколько примѣровъ руссицизмовъ. Отдѣливъ цс. языкъ отъ рускаго, Ломоносовъ обратилъ вниманіе на народныя речепія. Такъ въ его Россійской Граммашикѣ (1755): о род. пад. ед. сущ. муж.: § 167. Происшедшія отъ глаголовъ употребительнѣе имѣютъ въ род. у, и шѣмъ больше оное принимаютъ, чѣмъ далѣе отъ Славенскаго отхо-

дятъ; а Славенскія, въ разговорахъ мало употребляемыя, лучше удерживаютъ а: размахъ, размаху и пр. § 168. Сіе различіе древности словъ и важности знаменуемыхъ вещей, весьма чувствительно, и показываетъ себя не рѣдко въ одномъ имени. Ибо мы говоримъ: святаго духа, Ангельскаго гласа; а не Святаго духу, Ангельскаго гласу. Напротивъ того свойственнѣе говорится: розоваго духу, птичья голосу; нежели розоваго духа, птичья голоса.—О степеняхъ сравненія: § 210. Славенской разсудительной и превосходной степень на-шій мало употребляется, кромѣ важнаго и высокаго стиля, особливо въ стихахъ: свѣтлѣйшій, обильнѣйшій. Но здѣсь должно имѣть осторожность, чтобы сего не употребить въ прилагательныхъ низкаго знаменованія, или въ неупотребительныхъ въ Славенскомъ языкѣ, и не сказать: прытчайшій, препрытчайшій. § 246. Умаленіе прилагательныхъ нерѣдко чрезъ имена существительныя съ нѣкоторыми предлогами изображается: черной, чернь, впрочернь; впробѣль, впрохмѣль, сукрасень. Сіи умалительныя родовъ, чиселъ и падежей не имѣютъ; но какъ нарѣчія употребляются.—О дѣепричастіи: § 351. Дѣепричастія на -ючи приспособнѣе у точныхъ Россійскихъ глаголовъ, нежели у шѣхъ, которые отъ Славенскихъ происходятъ; и напротивъ того дѣепричастія на -я употребительнѣе у Славянскихъ, нежели у Россійскихъ. Напримѣръ лучше сказать толкаючи, нежели толкая; но напротивъ того лучше употребить дерзая, нежели дерзаючи.—О причастіяхъ: § 338.

При семъ примѣчать надлежитъ, что сіи причастія (на-щій, -шій, -мый) только отъ тѣхъ Россійскихъ глаголовъ произведены быть могутъ, которые отъ Славенскихъ какъ въ произношеніи такъ и въ знаменованіи никакой разности не имѣютъ. Употребляются только въ письмѣ, а въ простыхъ разговорахъ должно ихъ изображать чрезъ возносительныя мѣстоименія, который, которая, которое.—Весьма не надлежитъ производить причастій отъ тѣхъ глаголовъ, которые нѣчто подлое значатъ, и только въ простыхъ разговорахъ употребительны: ибо причастія имѣютъ въ себѣ нѣкоторую высокость, и для того очень пристойно ихъ употреблять въ высокомъ родѣ стиховъ. Слич. §§ 435, 437, 438, 448. — О причастіяхъ прошедш. страд.: § 441. Прошедшія неопредѣленныя страдательныя причастія весьма употребительны, какъ отъ новыхъ Россійскихъ, такъ и отъ Славянскихъ глаголовъ произведенныя: вѣнчанный, мараной. Разницу одинъ отъ другаго тутъ имѣютъ, что отъ Славянскихъ происшедшія лутче на-ный, нежели на-ой, простыя Россійскія приличнѣе на-ой, нежели на-ый кончатся. Въ § 422 замѣчается особенность Рускаго языка: глядь, хвать, брякъ. Замѣчательно, что Сумароковъ въ своей статьѣ О правописаніи поноситъ Ломоносова именно за то, что онъ обратилъ вниманіе на народный языкъ: „Грамматика Г. Ломоносова, говоритъ онъ, ни какимъ ученымъ собраніемъ не утверждена, и по причинѣ, что онъ Московское нарѣчіе

въ Колмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка. Напр. вм. *лутшій, лутчей*; слѣд. склоненія прилагат. перепорчены.“ Потомъ особенно нападалъ Сумароковъ на Ломоносова за употребленіе *что* вм. *который*, напр. О шы, что въ горести напрасно и пр. Сумароковъ говоритъ: „а вмѣсто *который, которая, которое*, употребляется *что* или отъ невѣденія, или отъ не разсмотрѣнія, или отъ привычки худова и простонароднаго употребленія.“ Изъ современниковъ Ломоносова всѣхъ болѣе обращалъ вниманіе на народный языкъ и повѣрья Тредьяковскій. „Многодѣльное первое Христіянство наше, говоритъ онъ, хотя искоренило всѣ многобожныя служенія и пѣсненныя прославленія богамъ и богинямъ; однако съ пренебреженія, или за упраздненіями, не коснулось къ простонароднымъ обыкновеніямъ: оставило ему забаву общихъ увеселительныхъ пѣсенъ, а съ ними способъ изложенія стиховъ. Сіе точно и есть первородное и природное наше стіхосложеніе, пребывающее и доднесь въ простонародныхъ, молодецкихъ и другихъ содержаній пѣсняхъ живо и цѣло.“ Въ его Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, 1773, попадаются любопытные намеки на народный языкъ, напр.: шакъ какъ у насъ Донъ Ивановичь и Русь Андреевна, 126 — сей точно Апостолъ (Андрей) почитается Апосполомъ Россійсійскимъ, и по немъ всеконечно, отъ древняго преданія, называется между простыми людьми Россія Андреевною, 144—сей есть сущій нашъ Бова Ко-

ролевичь, да простится мнѣ сравненіе, 31—говорится: царь-колоколъ, царь-градъ, царь-дѣвица, и царь-бобы, 40.—Послѣднее сіе имя (Хвалынское) морю и доднесь въ употребленіи: „синее море Хвалынское поется въ простыхъ пѣсняхъ, 91 — изъ нѣкоторыя нашея площадныя пѣсни: „князь Романъ жену терялъ, и въ рѣку метналъ, во шумль рѣку в Смородину, 175 — безъ сомнѣнія, обыкновеніе называть государей надеждою, было всеобщее и древнее въ Словенскомъ языкѣ: Россійскій нашъ народъ, и при моей свѣжей памяти, называлъ благоговѣя Самодержца своего, надежда Государь, 231, и пр. Тредьяковскій хотя основываетъ свою теорію рускаго стихосложенія на народныхъ, или какъ онъ называетъ, на мужицкихъ пѣсняхъ, однако дичится ихъ и упоминаетъ объ нихъ съ какимъ то пренебреженіемъ: „прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ, но коренныхъ стіховъ," смотр. Сочин. и Перев. Тредьяк. 1752, I, 170.

Державинъ очень многое бралъ изъ народной рѣчи въ свои стихотворенія, напр. въ одѣ На счастіе: ни въ сказкахъ складно разсказать, „ни написать перомъ красиво—и громъ за придевять земель „несетъ на лушо государство—безъ лашъ я горе-богатырь—слети ко мнѣ, мое драгое, „серебряное, золотое: здѣсь прекрасно примѣняются къ счастію эти два народные эпитета. Изъ Царь-Дѣвицы: Царь жила была Дѣвица—если больно разсерчала—камень съ гору самоцвѣтъ—по бедру ко-

ня хлесть заднюю — шасть къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню — вотъ и вспалъ дымъ коромысломъ. Въ Приношеніи красавицамъ: бью стихами вамъ челомъ. Въ Добрынѣ: не сизы соколы по поднебесью, „не бѣлы кречеты подъ облаки, „богатыри слетались русскіе „къ Великому Князю ко Владиміру.— что по гридни Князь, „что по свѣтлой Князь, „наше солнышко Владиміръ Князь похаживаетъ—что у ласпочки, „у косашочки, „алу бѣлу грудь, сизы крылья, посматриваетъ. „Парчевой кафтанъ, „сапоги сафьянъ, „золоту казну и соболи показываетъ. — шы гой еси, удалъ младъ богатырь могучій!—какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ, „сильный, могучь богатырь, „Добрыня-то, братцы, Никитьевичь. „Да ѣдетъ съ нимъ его Топоръ слуга, „и сражается онъ съ Тугариномъ; „у Тугарина собаки крылья бумажныя.—катилося зерно по бархату, и пр.—вьется, вьется хмѣль золотой, и пр.

Мерзляковъ далъ примѣръ греческіе сложные эпитеты прилагательные переводить — по образцу шуръ золотые рога, Дмитрій грозныя очи — существительнымъ съ прилагательнымъ: Гера бѣлыя плечи вм. бѣлоплечая, и т. п.

Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ окончательно узаконили необходимость ввести народный языкъ въ письменный. „Разговорный языкъ, говоритъ Пушкинъ, простаго народа (не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ), до-

стоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.“ — „Альфіери изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.“ Особенно любопытны замѣчанія Пушкина на два стиха изъ Евгенія Онѣгина:

Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ. Гл. V, стр. XVII.

„Въ Журналахъ, говоритъ Пушкинъ, осуждали слова: *хлопъ*, *молвь* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія: „Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ.“ (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*) *Хлопъ* употребляется въ просторѣчіи вмѣсто *хлопанье*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣнія*.

Онъ шипъ пустилъ позмѣиному.
(Древнія русскія стихотворенія).

„Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.“ И въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ онъ: „изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойствъ Русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ 1).“ Почитаю лишнимъ трудомъ приводить здѣсь примѣры народнаго языка изъ Пушкина:

---

1) Сочиненія Пушкина I, 253 — 254 и XI, 214 — 215, 230 — 231.

стоитъ только указать, напр., на его драму Русалка, чтобы найти ихъ сотни.

Лучшіе наши писатели и теперь не перестаютъ изучать поэзію и языкъ народный. Для примѣра предлагаю сличеніе одного мѣста изъ Гоголева Тараса Бульбы съ малорускою думою 1):

Гоголь: Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными и запекшимися въ крови чубами и опущенными книзу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широко и вольно размешавшемся смертномъ ночлегѣ! не погибаетъ ни одно великодушное дѣло и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава .... И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава ..

Малорусская дума:

А що́, якъ наши головы козацьки по степу́-по́лю
поляжуть,
да ще й ро́дною кровью вмыються,
поперероско́лошыми табля́ми покрыються!...
пропаде́, мовъ (будто, точно) порошина зъ дула,
шая козацькая слава,
що по всёму́ свѣту дыбомъ стала,

1) Сочиненія Гоголя II, 225—226, и Украинскія народныя пѣсни, изд. Максимовичемъ 1834, 28.

що по всёму свѣту сте́помъ розлягла́сь, простягла́сь, да по всёму свѣту луго́вымъ го́мôномъ роздала́сь, и пр.

АРХАИЗМЫ.

Сначала обратимъ вниманіе на нашъ старинный языкъ съ точки зрѣнія филологической отъ отдѣльныхъ словъ до цѣлаго періода, а потомъ укажемъ, какъ и сколько употребляются архаизмы у новѣйшихъ писателей. Эта статья такимъ образомъ должна содержать въ себѣ историческую Стилистику или исторію реченій, старинныхъ любимыхъ выраженій, обычныхъ поговорокъ и фигуръ и т. п.

Образованіе народа стоитъ въ явной противоположности къ совершенствованію языка, и чѣмъ болѣе общечеловѣческаго просвѣщенія входитъ въ языкъ, тѣмъ болѣе теряетъ онъ величія и самобытности своей собственной грамматической природы 1). Внутреннюю силу стариннаго языка можно уподобить острому зрѣнію, чуткому слуху, обонянію дикаря, пастуха или охотника, безыскуственно обращающихся въ простой природѣ. Зато новый языкъ яснѣе и опредѣленнѣе. Поэзія проходитъ, проза (въ обширномъ смыслѣ принимаемая) болѣе способствуетъ нашимъ потребностямъ. Поэзія языка состоитъ въ неувядаемой, яркой изо-

---

1) Th. Muntd, die Kunst d. deutsch. Prosa 1837, 19, и предисловіе къ первому изданію Грамматики Гримма.

оразительности, необходимомъ достоянiи древнѣйшаго перiода. Собственно тогда еще и не бываетъ прозы, ибо всякое слово возбуждало тогда поэтическое впечатлѣнiе, всякое выраженiе было творческою попыткою. Со временемъ значительность отдѣльнаго слова пропадаетъ, и настаетъ значительность цѣлаго предложенiя. Какъ цѣнная монета въ обширныхъ расчетахъ замѣняется ассигнацiями и билетами; такъ и живыя впечатлѣнiя въ мышленiи своемъ подводимъ мы къ общимъ мыслямъ и отвлеченнымъ представленiямъ. Рѣчь наша чрезвычайно замедлялась бы, если бы мы постоянно вдумывались въ живое представленiе каждаго предмета и взвѣшивали каждое слово съ такимъ же сочувствiемъ къ нему, съ какимъ оно создавалось въ древнѣйшую пору. Такимъ образомъ потеря чувственной, живучей силы языка есть не иное что, какъ преобладанiе мысли надъ звукомъ и частнымъ впечатлѣнiемъ. Слѣд. мѣсто грамматическаго интереса къ языку выступаетъ интересъ поэтическаго и реторическаго представленiя.

Путемъ науки, разумѣется, только частiю можемъ мы возбудить въ себѣ сочувствiе къ первобытной творческой силѣ языка. Многiя слова и обороты для насъ совсѣмъ умерли: ихъ не воскресить уже и геніальному поэту. Зато мы можемъ сочувствовать такимъ старинным словамъ, звуки коихъ, въ другихъ родственныхъ словахъ, дошли и до нашего времени. Такъ напр. мы говоримъ: невѣста, богъ, божiй, поломанный, семья, звѣрь; но по-

шеряли уже: шуже бѣ и язычьская церквы, уневѣстившъшіяся Христу, Кир. Тур. въ Пам. Слов. XII в. 70; взбоженіе сына швоего, vzboženie syna tvého, das Gottwerden, въ Чешск. молитв. XIV в.; неполомная шея, nepolomná šije, ibid.; крошость человѣческаго естества воззвери, Пск. лѣт. 114; не семьшись и не соединяшися, И. Г. Р. XI, пр. 5. Потому обращаю вниманіе шолько на шѣ слова, кои, употребляясь и шеперь, въ сшарину имѣли иное значеніе, или шеперь осшались шолько въ производныхъ формахъ, зашерявъ сшаринную коренную 1).

1. Ономатика.

Буда, по Карамз. И. Г. Р. III, пр. 23 знач. гробъ, напр. въ Ипат. 115 въ буди, либо си въ гробъ; опсюда уменьшительная форма будка, ошъ глагола будовашь, знач. спроишь, употребляющагося попольски, малоруски.

Варъ, шеперь кипяшокъ, прежде и жаръ вообще: „въ Гундуспани же силнаго вару пѣшъ; силенъ варъ въ Гурмызѣ, да въ Кяшобагрянмѣ.... а въ Хоросаньской землѣ варно, де не шаково; а въ Чегошани велми варно; въ Ширязи, да въ Езди, да въ Кашани варно да вѣшръ бываешъ,“ въ пушешесшвіи Аѳанас. Твер., Соф. Вр. II, 158. Слич. Ев. ошъ Машѳ. 20, 12.

Ведро, шеперь ясная погода, прежде засуха, спрашный жаръ: Новог. лѣш. 52 казнишь Богъ

1) Слич. Шишкова Разсужденіе о сшаромъ и новомъ слогѣ, 1803, 215, и Труд. Общ. Люб. Рос. сл. 1820, XVIII, и 1826, VI.

смерпью, или гладомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или ведромъ; 147 ведро бысть страшно на небесѣхъ и на земли; въ Краледв. рук. 30 ptrpiechom nailuteiei uedro, потерпѣхомъ наилюпое ведро.

Гривна, золотое или серебряное ожерелье, надѣвавшееся на шею въ знакъ отличія, какъ нынѣ орденъ: Бытія XLI, 43 и возложи гривну злату на выю его; Притч. Солом. I, Сирах. VI. Слич. сербск. гривнящъ или гриващъ (?), голубь съ ошейникомъ, чешск. hrziwnač.

Говядо (отсюда говядина) — скотъ въ другихъ славянск. нарѣчіяхъ и у насъ въ старину: въ Руск. Пр. Руск. Достоп. II, 180., въ Ипат. 177 и меду и говядъ и овець доволѣ.

Доить, теперь только о животныхъ: доить корову; прежде значило кормить грудью: взя же отроча на руки жена, и абіе къ ней, яко къ матери своей прилѣпися любезно, она же дояша я, Чет. мин. 22. Воздоить — воспитать: соблюди ми отроча сіе, и воздой ми е, Исход. 2; отдоить — отнять младенца отъ грудей: совѣвори Авраамъ учрежденіе (пиршество) веліе, въ онь же день отдоися Исаакъ сынъ его, Быт. 21.

Дряхлый — печальный: отъ же дряхлъ бывъ о словеси, отъиде скорбя, Марк. X, 22. Слич. у Восп. въ Опис. Рум. Муз. 551: нб о (небо) дряхлуетъ, въ Сборн. 1754.

Дужій — сильный отъ дугъ сила, здоровье, употребляющагося и теперь въ отрицательномъ не-

дугъ; недужій безсильный: мы недужи пропиву вамъ спати, Несп. по Лавр. 40. Слич. народное дюжій—плотный, крѣпкій, здоровый.

Жадный — жаждущій: жадныя и алъчныа насьщая, Ипат. 219.

Жизнь — изобиліе, имѣніе: се есмы села ихъ пожгли вся, и жизнь ихъ всю, и они къ намъ не выйдуть; а пойдемъ къ Любчю, идѣже ихъ есть вся жизнь, Ипат. 37. и всю жизнь нашю повоевали, ibid. 38. вземше подъ нимъ волость его и жизнь его всю, ibid. 82. Не въ этомъ ли же смыслѣ въ Сл. о Полк. Иг. погибашеть жизнь Даждь-Божа внука? Слич. въ Чешск. Псалт. XIV в. (Випенб. и Подебр.): žizn (ubertas), въ глоссахъ Mat. verb. sizn (жизнь) ubertas, habundantia, fecunditas.

Жировать—жить: и не съмѣяху людье жировати въ домъхъ, нъ по полю живяхуть, Новог. лѣт. 22. Какъ жизнь переходитъ въ значеніе обилія, имущества: такъ наоборотъ и обиліе, тукъ, т. е. жиръ (по Добровск. отъ глагола жеру, жирати, Slowank. I, 40) имѣетъ смыслъ имѣнія, состоянія жизни: въ Вологодск. губ. жира—жизнь, жирова—состояніе (Труд. общ. люб. Рос. Сл. 1822, I), посербски жиръ значитъ жолудь. Не объясняется ли значеніемъ жизни, имѣнія—жиръ въ Сл. о Полк. Иг. погрузи жиръ во днѣ Каялы?

Збруя—вооруженіе, воинскіе доспѣхи: Др. р. ст. 262 беретъ онъ Царь свою збрую богатырскую, „беретъ онъ сабельку острую и копье Мурзамецкое.

Квасъ—закваска: малъ квасъ все смѣшеніе кваситъ, 1 Коринѳ. V, 7;—ложное ученіе: блюдитеся отъ кваса Фарисейска и Саддукейска, Матѳ. XVI, 6; въ глос. Mat. verb. quazz (квасъ) frigidaria, sulza; quasu (квашу) conuiuo. Полужицки kwas значитъ свадьба.

Колачь означало не только хлѣбъ, но и подарокъ: глос. Mat. verb. colach (колачь) munera, dona. colacs (колачь) crustula panis.

Лупить—грабить: лупленіе отъ Тверичь. Черньци и черницы все до нагошы излуплено, Нов. лѣт. 90; въ глос. Mat. Verb. lupes (лупежъ) rapina. lupesnik (лупежникъ) pirata.

Норова—капризъ: въ шюжъ зиму пріѣха Владыка Ефимей во Псковъ, мѣсяца Генваря въ 13 день, не въ свой пріѣздъ, не въ свою череду, но норовою, Пск. лѣт. 69. Теперь норовъ употребляется болѣе о живошныхъ, и не такъ смѣло, какъ въ старину.

Порты—вообще одѣяніе, покрывало и т. п.: и шако загорѣся (церковь) сверху, и что бяше внѣ и вну узорочій, и поникадила серебреная, и судъ златыхъ и сребреныхъ безъ числа, портъ шитыхъ золотомъ и женчюгомъ, яже вѣшали на праздникъ въ двѣ верви отъ Золотыхъ воротъ, до Богородицѣ, а отъ Богородицѣ до владычныхъ сѣній во двѣ же верви чюдныхъ, Ипат. 127. Отъ этого слова происходитъ прилагательное портной, употребляющееся существительнымъ.

Почка—самородный кусокъ камня: добраго по десяти рублевъ почка алмазу, Соф. Вр. II, 156.

Прелесть—въ дурномъ смыслѣ, прельщеніе, лесть, обманъ, соблазнъ: прелести безбожія до конца уклонился еси, Служб. Хрисанѳу и Даріи Марта 19. Змій, прельстившій прародителей, называется въ Св. Пис. прелестникомъ. Понеже Рускіе люди прелестны и падки на волхвованіе, Пск. лѣт. 209. а и женское дѣло прелестивое, „прелестивое, перепадчивое, Др. р. сп. 69. сослалъ намъ, Боже, прелестника, „злаго разстригу Гришку Отрепьева, ibid. 102. и здавался на его слова прелестныя ibid. 146. Слѣд. эти слова, происшедшія отъ лесть; льщу, никакъ не должно смѣшивать въ употребленіи съ красота, прекрасный.

Работа—рабство, отъ глагола робить—дѣлать: а другія работѣ предасть мужемъ своимъ, Пост. по Лавр. сп. 31. работныя (взятыхъ въ рабство) свобождая, Ипат. 219.

Сокровище—сокровенныя мѣста и предметы: пришелъ же ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси? Іов. XXXVIII, 22. сидохъ и до скровищь (гдѣ скрыты) плѣньникъ моихъ, Кир. Тур. въ Пам. Слов. XII в. 66.

Спрогій — востpый, отсюда острога́ — шпора, строгать: у Ломонос.: ступаетъ по вершинамъ спрогимъ.

Строю—управляю: Несторъ говоритъ о себѣ, что онъ вступилъ въ монахи: Ѳеодосію строящу

монастырь, т. е. управляющу. И теперь управляющій общежительнымъ монастыремъ называется строителемъ.

Супруги—пара: супруги воловъ оряху, Іов. I, 14. супругъ воловъ купихъ, Лук. XIV, 19.

Трудъ—бѣдствіе, болѣзнь, страданіе душевное: нищь есмь азъ и въ трудѣхъ отъ юности моея, Пс. LXXXVI, 16. беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда, Пс. LIV, 11. Слич. въ Сл. о Полк. Иг. чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено. Слѣд. это слово существенно отличается отъ синонима своего, работы.

Украйна—всякая крайняя страна, въ смыслѣ марки: Дашская украйна, Псковская украйна, Пск. лѣт. 27, 202, 203, 212.

Цѣловашь—привѣтствовашь, здоровашься, отъ цѣлый, какъ здоровашься отъ здоровый: входяще же въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему, Матѳ. X, 12.

Яловый: теперь говорится яловая корова, т. е. холостая, нестельная; яловая рыба; прежде яловый и вообще безплодный: yalowa sterilis, глосс. чешск. Музейн. Псалт. конца XII в.

2. Изобразительныя выраженія.

Какъ отдѣльныя слова въ древнѣйшую эпоху носятъ на себѣ характеръ бо́льшей изобразительности, такъ и въ цѣлыхъ выраженіяхъ мысль высказывается не отвлеченно, а ярко, въ живомъ образѣ. Такъ вмѣсто: много трудился, воевалъ, въ Ипат.

15: Володимиръ самъ собою постоя на Дону, и много попа упеpъ за землю Рускую. Кенигсб. спис. 101: Ярославъ же, сѣде въ Кіевѣ, упеpъ попа со дружиною своею. Вмѣсто голаго исчисленія мѣры времени или пространства и ш. п.—поэтическія описанія: свойство не только поэзіи Гомеровой, но и всѣхъ древнѣйшихъ памятниковъ литературы: Гриммъ находитъ оное даже въ древненѣмецкомъ правѣ 1). Такъ, вм. навсегда, вѣчно, въ Игоревомъ договорѣ: дондеже съятъ солнце и весь миръ спонтъ, Несп. по Лавр. сп. 21; или въ договорѣ Болгаръ съ Владимиромъ: поли не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути, ibid. 52. Описаніе высоты: (церковь) бѣ бо содѣлана при немъ (Мстиславѣ) выше, неже на кони стоячи рукою досячи, Кенигсб. сп. 104. Пространство и вѣсъ: меташа бо каменемъ полтора перестрѣла, а камень якоже можаху 4 мужи силніи подъяти, Ипат. 174. Слич. ibid. 128: бяху же у нихъ луци шузи самострѣлніи, одва 50 мужь можашетъ напрящи. Куры или пѣніе пѣтуха вм. разсвѣта: и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу души, ibid. 220. Въ Новог. лѣт. 69: и скота не оставиша ни рога — вм. оплевеннаго *ничего*. Слич. въ Др. Рус. Сп.: дерево въ охватъ толщины; изба во все дерево; описаніе камня: въ

---

1) Смотр. о поэзіи въ правѣ, статью Гримма въ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, herausg. von Savigny etc. II; 1816.

вышину при сажени печатныя, „а и черезъ его только топоръ подать 170, и проч.

3. *Бытъ воинскій.*

Сначала обратимся къ обычнымъ выраженіямъ жизни воинской. Какъ сочувствовали ей наши предки, мимо множества мѣстъ въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, приведемъ изъ Сл. о Полк. Иг.: а мои ти Куряни свѣдоми къмети, подъ шрубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмленъ, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъостренѣ, сами скачуть, аки сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Слич. подробное описаніе вооруженія и исторію трехъ стрѣлъ въ древнемъ стихотвореніи, Дюкъ Степановичь (стр. 22 и слѣд.). Какъ наши поэты вглядывались въ обычаи воинскіе, показываетъ напр. слѣдующее гомерическое описаніе стрѣльбы, Др. р. стр. 217:

вынимаетъ онъ Потокъ
изъ налушна свой тугой лукъ,
изъ колчана вынималъ калену стрѣлу,
и беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
калену стрѣлу въ правую,
накладываетъ на тетивочку шелковую,
потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
калену стрѣлу семи четвертей,
заскрипѣли полосы булатныя
и завыли рога у туга лука.

Слич. также ibid. стр. 208.

Подвожу нашъ старинный воинскій бытъ къ слѣдующимъ обычнымъ выраженіямъ: 1) *копье:* и взя градъ копьемъ, Несп. по Лавр. 40. взяша градъ Рязань копьемъ, Ипат. 175. Воскр. сп. II, 23: и язъ тогда много послужилъ ему своимъ копіемъ. Въ старину былъ обычай ставить копье на гробѣ умершаго воина; такъ въ Ипат. 73 говоритъ Ярославъ: аче Богъ отца моего понялъ, а мене Богъ на его мѣстѣ поставилъ, а полкъ его и дружина его у мене суть, развѣ одно копіе поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть. Бросаніе копья предводительемъ было символомъ началу битвы: обычай, относящійся еще ко временамъ нашего язычества, и сохранявшійся довольно долго, напр. въ Воскр. сп. II, 17: Андреи же Юрьевичь вземь копие. и еха напередъ преже всѣхъ зломи копие свое. Въ Сл. о Полк. Иг. говоритъ Игорь: хощу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго. Какъ въ Др. р. сп. измѣряется пространство стрѣлою, напр. 183 промежу глазъ калена стрѣла; такъ въ лѣтописяхъ измѣряется и копьемъ: и тако устрои Богъ мьглу, якоже не видѣти никаможе, толико до конець копья видити, Ипат. 63. и бысть въ тъ день мьгла велика, яко не видити до конець копья, ibid. 73. 2) *щитъ:* възяша градъ Кыевъ на щитъ, Новог. лѣт. 26. взяша Всеволожь градъ на щитъ, Ипат. 36. (Псковичи) начаша думати: ставити ли щитъ противъ Царя и запиратися ли во градъ? Пск. лѣт. 176. Припомнитъ древнюю клятву: да не ущитятся щиты своими, Несп. 21. Въ знакъ побѣды Олегъ

повѣсилъ щитъ на врашахъ Царьграда. 3) *мечь*: что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лошыголу, мечемъ, Нов. лѣш. 54, ш. е. что завоевали. Припомнишь спарпшую дань мечами, и кляшву въ догов. Игор.: да посѣчени будушъ мечи своими, Кенигсб. спис. 14 и 39. Слич. въ Соф. Вр. II, 417: поосшри мечь свой на градъ. 4) *шлемъ*: шы бо можеши Волгу веслы раскропишп, а Донъ шеломы (шлемами) выльяшп, Сл. о Полк. Иг. Тогда Владимиръ Мономахъ пилъ золошомъ шоломомъ Донъ, Ипаш. 155, ш. е. ѣздилъ, воевалъ по Дону. 5) *конь*: какъ копье спавилось на гробѣ воина, шакъ въ спарину, по преданіямъ, и конь зарывался съ умершимъ сго всадникомъ; въ Др. р. сш. 223 Пошокъ посаженъ былъ въ могилу жены своей вмѣсшѣ съ конемъ. Лѣшописцы повѣсшвуюшъ, какой шерсши были нѣкошорые княжескіе кони; шакъ у Мсшислава былъ сивый, у Данила гнѣдой, Ипаш. 161: Мьсшиславъ же великую похвалу сшвори Данилови, и дары ему дасшь великыи и конь свой борзый сивый. 174 Данилови же гонящу по Половцехъ, донелѣ же конь его заспрѣленъ бысшь гнѣдый. Князья воздавали чесшь падшимъ конямъ своимъ похоронами: Ипаш. 47 конь же его, язвенъ велми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей, жалую комоньсшва его (вар.: коня своего) повелѣ и погресши надъ Сшыремъ. Какъ пишь шлемомъ значило воевашь гдѣ либо, дѣйсшвовашь, шакъ и поишь коня: не выдадише ли (боляръ), а я поилъ есмь конѣ Тьхверью, а еще Волховомъ напою, Новог. лѣш. 41, ш. е. если не выдадише, я на-

паду на Новгородъ, говоришъ Георгій посламъ новогородскимъ. 6) *кость:* и ту костью падоша, Новог. лѣт. 41, т. е. были побиты. да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели (нежели) на чюжѣ славу быти, Ипат. 155. сша на костѣхъ, Пск. лѣт. 65, т. е. на мѣстѣ битвы. 7) *голова:* можемъ главы своя сложити за тя, Несп. по Лавр. 94. можемъ головы свои за тя сложити, Ипат. 225. и много своихъ головъ подъ городомъ положиша, Пск. лѣт. 185. Очень любопытно сличить въ Сл. о Полк. Иг. слова Игоря: хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону — съ обычными выраженіями въ Ипат. 54: любо голову свою сложю, паки ли отчину свою налѣзу и жизнь (т. е. добуду свою отчину и свое имущество). 68 любо голову сложю, любо палѣзу Галичьскую землю. 72 (Володимиръ рече:) но оже буду живъ, то любо свою голову сложю, любо себе мьщю. въ Кенигсб. сп. 160 говоришъ Василько: да пойду на Половцы, любо собѣ славу залѣзу, а любо главу свою положу за Рускую землю. Голова въ смыслѣ оружія: добылъ есми головою своею Кіева и Переяславля, Ипат. 43; голова вм. человѣка вообще, часть вмѣсто цѣлаго, синекдоха: и головъ (варіантъ: людей) нѣколико истопе въ Волховѣ, Новг. лѣт. 48. много головъ паде, Пск. л. 33. избиша нѣколико головъ, ibid. 32. 8) *рука:* (Псковичи) и воспомянувше крестное цѣлованіе, что не мощно на Государя руки подняти, ни воздвигнути противъ Великаго Князя, Пск. л. 176.

4. Бытъ юридическій. Лѣтопись. Старина.

Таже изобразительность и во многихъ выраженіяхъ быта юридическаго, напр. 1) *голова*: за безчестье отослать головою къ боярину, Копош. 34, т. е. отослать виновнаго къ тому, кого онъ обидѣлъ. въ Др. Р. ст. 33 у котораго жены-то пѣшъ, „того самого головой возьметъ. 2) *лицо*: какъ голова употребляется вмѣсто человѣка, также вмѣсто дѣйствительной явки его, напр. а нынѣ Садко головой пришелъ, Др. Р. ст. 341; такъ лицо вм. вещи: а лодью лицомъ воротити, Руск. Правд. въ Руск. Достоп. II, 59, т. е. отдать лодью. не будетъ лица... ibid., т. е. если же не воротятъ лодьи. 3) *рука* вм. поручительства, обѣщанія, обязательства: Псковичи даша ему на томъ руку, чтобъ добровольно отъѣхати и пріѣхати. тогожъ лѣта по той рукѣ присла Князь Месперъ Рискій своихъословъ, Пск. л. 94. 4) *разуть ноги* вм. выдти замужъ — выраженіе, сохранившее въ себѣ память о старинномъ обрядѣ: онъ же рече дъчери своеи (Рогвольдъ Рогнѣдѣ): хочеши ли за Володимера? она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю, Несп. по Лавр. 45.

Вообще надобно замѣтить, что Филологія нисколько не выступаетъ изъ предѣловъ своихъ, когда при объясненіи древнихъ памятниковъ, беретъ въ соображеніе бытъ юридическій; ибо онъ, какъ одна изъ главнѣйшихъ стихій жизни народной, входитъ не только въ произведенія краснорѣчія, но и

въ поэзію, и кладетъ свой отпечатокъ на языкъ особенными выраженіями. Такъ память о мѣстничествѣ сохранилась намъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ Др. рус. сш., напр. 150 что ты, сударыня, идешъ закручинилася? „али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ? 187 а по имени вамъ точно мѣсто дашь, „по изотчеству можно пожаловати. ibid. по отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ. Все это говорится о мѣстѣ на пирахъ.

Чтобы понять значеніе Лѣтописи, важнѣйшей формы древней нашей Литературы, надобно знать оффиціальный, юридическій смыслъ ея. Въ тяжбахъ и ссорахъ наши предки ссылались на нихъ, какъ на юридическіе акты, что очевидно изъ слѣд. мѣстъ: (1289) и повелѣ писцю своему писати грамоту: Се азъ князь Мьстиславъ, сынъ Королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на Берестьяны и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, а по пятинадцать десятковъ лну, а по сту хлѣбовъ, а по пяти цебровъ овса, а по пяти цебровъ ржи, а по 20 куровъ; а пополку со всякого ста, а на горожанахъ 4 гривны кунъ; а хто мое слово порушить, а станетъ со мною передъ Богомъ. *А вопсалъ есмь въ лѣтописець коромолу ихъ*, Ипат. 225. Іоаннъ III посылаетъ дьяка Бородатаго къ Новогородцамъ: да испроси у матери своей, у великой Княгини, дьяка Степана Бородатаго, умѣющаго воротити (варіантъ: *говорити по*) *лѣтописцемъ рускимъ:* егда, рече, придутъ, и онъ воспомнитъ ему говорити противу ихъ измѣны дав-

ные, кое измѣняли великимъ Княземъ въ давныя времена, отцемъ его, и дѣдомъ, и прадѣдомъ, Соф. Вр. II, 102. Въ описаніи взятія Пскова Василіемъ Іоанновичемъ: наутріяжъ освитающу дни недѣльному позвониша на Вѣче, и собрашася Посадники и всѣ Псковичи, и пріѣха Дьякъ Государевъ, и начаша ему тако говорити: *тако у насъ написано въ лѣтописцехъ*— съ прадѣды и дѣды и со отцемъ его Государемъ крестное цѣлованіе съ Великими Князьями положено, Пск. лѣт. 177. Отсюда и слово *старина* получаетъ обширнѣйшее значеніе, выражая весь стариннный общественный бытъ и юридическія отношенія, напр.: и Генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей *старинѣ* и по своей воли, Пск. лѣт. 178.

5. Бытъ религіозный. Отечество. Честь.

Чувство религіозное глубоко проникаетъ старинныя наши произведенія. Умилительною теплотою согрѣваетъ оно разсказъ лѣтописца и вливаетъ утѣшеніе въ сердце, особенно при описаніи какихъ либо бѣдствій, когда человѣку всего болѣе нужна помощь Божія. Изъ великаго множества примѣровъ тому привожу слѣд.: томъ же лѣтѣ (1233) преставися князь Ѳеодоръ, сынъ Ярославль вячьшіи, іюня въ 10, и положенъ бысть въ манастыри святого Георгія. и еще младъ и кто не пожалуетъ (пожалѣетъ) сего? свашба приспроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть

въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе, за грѣхы наша; иъ, Господи, слава тебѣ, царю небесныи! изволышю ти тако. иъ покои его съ всѣми правьдьными, Новг. л. 49. О Володимирѣ Василъковичѣ надгробное сѣтованіе лѣтописца: возстани отъ гроба твоего, о честная главо, возстани, отряси сонъ: нѣси бо умерлъ, но спиши до общаго возстанія. Возстани: нѣси бо вьмерлъ, нѣсть бо ти умерети лѣпо, вѣровавшу во Христа, всему міру Живодавца; отряси сонъ, возведи очи, да видиши какоя ти чести Господь тамо сподоби, и на землѣ не безъ памяти тя оставилъ брашомъ твоимъ Мьстиславомъ. Возстани, видь браша твоего, красящаго столъ земля твоея; ксему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держить по преданью твоему, како поклоняешься имени твоему, Ипат. 221—222. Прекрасно присоединяется къ такому предчувствію жизни загробной образъ жизни воинской въ причитаніи Евдокіи въ похвалѣ Донскому: крѣпко еси, господине мой драгій, уснулъ; не могу разбудити тебе. съ которыя войны еси пришелъ? истомился еси велми.—Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, какъ блистательно украшалась древняя наша Литература глубокимъ христіянскимъ благоговѣніемъ и высокою нравственностію: въ Поученіи Мономаха, о неистощимой силѣ и безконечномъ многообразіи Божескаго творчества: и сему чуду дивуемся, како отъ перстіи создавъ человѣка, како образи разноличніи въ человѣческыхъ лицахъ, аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лиць

образомъ по Божіи мудрости.—Кир. Тур. (въ Пам. Сл. XII в. 125), о святыхъ причастникахъ: и вѣнчаетъ же Святый Духъ, яко почиваетъ на святыхъ причастницѣхъ, уже бо я обрѣте себе достойны сосуды, и вселися въ ня; измыша бо храмъ его слезами, посплаша люботрудными молитвами, украсиша добродѣтелію, кадиша чистыми въздыханьми.—Умильный плачь о преставленіи Невскаго (Соф. Вр. I, 273): горе тебѣ бѣдный человѣче, како можеши написати кончину господина своего, великого Князя Александра Ярославича? како не испадета зѣници твои вкупѣ со слезами? како ли не разсѣдеся сердце твое отъ многыя тугы? отца бо человѣкъ можетъ забыти, а добра господина, аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ.—Изъ рукописи объ осадѣ Тихвинск. монастыря въ 1613 г. (Повг. лѣт. 284), о зависти и корыстолюбіи: увы, ненасыщаемое дно человѣческихъ очей!—Необходимость присоединенія чувства національности къ благочестію религіозному весьма рано пробудилась у насъ: уже у Нестора въ похвалѣ Ольгѣ: мы же рцѣмъ къ ней: радуися, Руское познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Русские сынове, аки началницю; ибо по смерти моляще Бога за Русь. Припомнимъ Даніила Паломника, затепливша свѣчу передъ гробомъ Господнимъ, отъ всей земли Рускои.—Во Псковѣ и Новѣгородѣ, черезъ вѣче и вѣчевой или вѣчный колоколъ, висѣвшій при главномъ городскомъ соборѣ, понятіе о городѣ и бытѣ общественномъ такъ тѣс-

но связано было съ чувствомъ религіознымъ, что вмѣсто Пскова говаривали Св. Троица, вмѣсто Новагорода Св. Софія: не учалъ добрахошѣти Живоначальной Троицы и мужемъ Псковичѣмъ, Пск. л. 175, ш. е. Пскову. да Государь нашъ хочетъ побывать на поклонъ къ Троицы во Псковъ, Пск. л. 177, ш. е. просто пріѣхать во Псковъ. Впрочемъ и Аѳанасій Никитинъ пишетъ: поидохъ отъ святаго Спаса Златоверхаго, Соф. Врем. II, 145, вм. изъ Твери. Этимъ объясняется обычная форма речей Мстислава къ Новогородцамъ, и національное, не только религіозное, но и политическое значеніе упоминаемой въ нихъ Св. Софіи напр.: (1218 г.) съзва Мьстиславъ вѣцѣ, на Ярославль дворъ, рече: кланяюся святѣй Софіи, и гробу отця моего, и вамъ, хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду: дай Богъ леци у отця у святѣи Софіи, Новг. л. 36. Вѣчевой колоколъ былъ символомъ соединенія Православія съ старинным бытомъ и порядкомъ общественнымъ: и генваря въ 13 день спустиша колоколъ Вѣчной у Святыя Троица, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря, плакати по своей старинѣ и по своей воли,—такъ описываетъ Пск. л. 178 конечное паденіе Псковской самобытности. Пѣснь о колоколѣ, подобная Lied von der Glocke Шиллера, имѣла бы глубокое значеніе въ Псковѣ и Новѣгородѣ. Нѣкоторыя иносказанія или притчи въ рѣчахъ нашихъ предковъ объясняются религіозными обрядами, такъ напр. Левъ говоритъ Владиміру черезъ посла: а бы ты, брать мой, не изгасилъ свѣчѣ надъ гробомъ стрыя своего

и братьи своей, абы далъ городъ свой Берестій: то бы твоя свѣща была. Володимеръ же бѣ разумѣя притчѣ и темно слово, Ипат. 218.

Христіянское благочестіе нашихъ предковъ выразилось многими обычными выраженіями, изъ коихъ нѣкоторыя намекаютъ на древнѣйшіе обычаи, и повѣрія, другія же кажутся только поговорками: 1) крестное цѣлованіе вмѣсто клятвы, обѣщанія и т. п. 2) о мысляхъ и намѣреніяхъ человѣка: какъ Богъ по сердцу положитъ, Пск. л. 177, т. е. чего пожелаетъ. 3) о судьбѣ: а тогда како ны съ ними Богъ дастъ, Ипат. 53, т. е. какъ наша судьба рѣшится съ ними. 4) Богъ вѣсть вм. неизвѣстно: а иныхъ паде съ обѣ стороны Богъ вѣсть, Новг. л. 96. 5) обычное выраженіе о богатыряхъ, вступающихъ въ гридню Князя Владимира: „онъ молился Спасу со Пречистою, „поклонился Князю со Княгинею, „на всѣ четыре стороны, Др. р. сш. 26. 6) о войнѣ: се уже мы идемъ на судъ божій, Ипат. 62. 7) о судѣ: а хто мое слово порушитъ, а станетъ со мною передъ Богомъ, ibid. 225. 8) о смерти: Всеволодъ во день святыхъ Маккавей пошелъ къ Богови, Ипат. 143, т. е. умеръ, и мн. др.—Чувство религіозное возвысило нашихъ предковъ до истиннаго понятія о душѣ: такъ вм.: мы не можемъ измѣнить даннаго слова, говаривали: а душею не можевѣ играти, Ипат. 42. Душа вм. человѣка относится къ понятіямъ христіянскимъ: когда у гражданъ все сгорѣло, сказано въ Новг. л. 87: городчане только душею осташася; болѣе грубый от-

тѣмокъ той же мысли выражается словомъ голова: и тутъ судно наше меншое пограбили, и четыре головы взяли Рускіе, а насъ отпустили голыми головами за море, Соф. Вр. II, 146. Понятія о славѣ и чести, столь краснорѣчиво выразившіяся еще въ рѣчи Святослава къ дружинѣ, приличныя воинскому обычаю нашихъ предковъ, еще болѣе утвердились чувствомъ національнымъ, нераздѣльнымъ съ религіознымъ благоговѣніемъ. Обычное выраженіе въ Сл. о П. Иг. — ищучи себѣ чти, а князю славы — объясняется многими мѣстами лѣтописей, напр. Ипат. 145: думай, гадай о Руской земли и о своей чести и о нашей, — и особенно нѣкоторыми сказочными подвигами нашихъ древнихъ богатырей: такъ Илья Муромецъ совершаетъ чудеса храбрости надъ разбойниками: тѣ покоряются ему и готовы на все, чего онъ ни пожелаетъ: ему же кромѣ чести и славы, ничего не надо: а и гой еси, братцы, станишники! говоритъ онъ: „поѣзжайте отъ меня во чисто поле, „скажите вы Чурилѣ, сыну Плешковичу, „про стараго козака Илью Муромца, Др. р. сп. 420.

6. *Бытъ семейный и общественный.*

Семейныя и общественныя отношенія некогда строго опредѣлялись у насъ, чему свидѣтельствомъ языкъ. Степени родства во всей подробности обозначаются порусски особенными названіями, которыя, къ сожалѣнію, болѣе и болѣе теряются въ памяти людей образованныхъ, такъ что теперь не только япровь, уй, свѣсть и др. суть архаизмы,

но даже устарѣли въ образованномъ языкѣ и золовка, шесть, своячиница и друг. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на имена родни 1). Старинное названіе родства или свойства было ужичество; въ повѣсти о взятіи Трои, переведенн. для Симеона Болгарскаго: отъ ужичества си (Калайд. Іоан. Екс. Болг. 179); ужикъ, ужика — сродникъ, сродница, ibid. стр. 180, Нест. по Лавр. 76. Родители и родственники вступившихъ въ бракъ взаимно называются свашъ, свашья. Свекоръ, санскр. svasour, гр. ἑκυρὸς, лат. socer, нѣм. schwieger — мужинъ отецъ; свекровь, древн. свекры, лат. socrus, въ глос. Mat. verb. zvecri (свекры) — мужина мать. Тесть, въ Остромиров. Еван., листъ 177, тьсть, глос. Mat. verb. test — женинъ отецъ; теща, въ Остромир. Еванг. л. 63 тьща — женина мать. Зять, санскр. djamatri, лат. gener, польск. zięć. глос. mat. verb. zet — мужъ дочери, сестры, золовки; сноха, санскр. snushâ (nurus)— сыновняя жена. Деверь, санскр. dèvri, dèvara, гр. δαήρ, лат. levir, гл. Mat. verb. dever — мужинъ братъ; золовка, гр. γάλως, лат. glos, чешск. zelwa, польск. zelw, въ гл. Mat. verb. zelva — мужина сестра; свѣсть idem, Кормч. 244 л.; невѣстка — деверняя жена, ятровь — idem, Руѳ. I, 15., санскр. iâtri; гр. εἰνάτειρ. Шуринъ — женинъ братъ, свякъ — своячиницынъ мужъ, своячина —

---

1) Это особенно полезно и необходимо для тѣхъ, кто выросъ на Французскомъ языкѣ, который чрезвычайно бѣденъ названіями родни.

женина сестра, ятровья idem. Стрый — дядя по отцѣ, Ипат. 203, но уже въ Никон. лѣт. II, 288 объяснлется: быспь подобенъ спрыю своему сирѣчь дядѣ; уй — дядя по матери: Несп. по Лавр. 52 съ Добрыною съ оуемъ своимъ. Брашучадъ, брашучадо — сынъ браша, племянникъ: ИГР. III, пр. 194; брашучада — брашнина дочь, племянница: ИГР. IV, 45. Брашанъ, брашаничь, брашеничь — брашнинъ сынъ; Прол. Ноябр. 26, Ипат. 93, Быт. XIV, 14, Новг. лѣт. 103.; сыновецъ idem: Ипат. 208, 209, 214.; брашанна — брашнина дочь, Кормч. 2, 203. Сестреничь сестричищъ— сестринъ сынъ; сестрична—сестрина дочь, Кормч. 5. л.; нешій тоже что сестреничь, но древнѣе сего послѣдняго, ибо въ Никон. лѣт. V, 88: Волкъ же служа царю Мусулемаку съ нешіи своими, рекше съ сестреничи. Любопытно сложное брашъсестръ вм. брашъ и сестра, попадающееся въ Остром. Еван. л. 228: евлампа и евлампя присныма брашъсестрома. Наслѣдственное неподвижное имѣніе искони называлось производными отъ дѣдъ и отецъ, дѣдина (еще въ Судѣ Любуши) и отчина: что указываетъ на древнѣйшее утвержденіе права собственности родствомъ. Равномѣрно и престолонаслѣдіе выражалось словами дѣдній, отній, отечній, кои были постояннымъ эпитетомъ стола или престола: и благодаря бога внидѣ въ Киевъ и сѣде на столѣ дѣдъни отечьни, Воскр. сп. II, 36. Окончаніе -ичь, означающее сына, сверхъ того и потомка, изстари было у Славянъ: въ Суд. Любуш. спорятъ за дѣдину брашья

Кленовичи; Радимичи и Вятичи, по преданію, отъ Радима и Вятки. Потомки Олега и Мономаха, Олеговичи и Мономаховичи, въ продолженіи столѣтія ведутъ наслѣдственную войну, раздѣлялись отческими именами своихъ предковъ. Впрочемъ и тѣ и другіе никогда не забывали, что они одного племени, внуки одного дѣда, Ярослава: такъ Ольговичи говорятъ Мономаховичу Всеволоду (1195); мы есмы не Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци, Инат. 146. Кромѣ родства кровнаго въ старину свято соблюдалось родство условное, духовное, т. е. усыновленіе и побратимство: символомъ послѣдняго была мѣна крестами; въ Др. р. сп. 185 Тугаринъ говоритъ Алешѣ Поповичу: семъ побратуемся съ тобой. Пріязнь къ ближнему доселѣ выражается въ народѣ тѣмъ, что вовсе не родню называютъ батюшкой, матушкой, дядюшкой, братомъ и др.: обычай не чуждый и другимъ народамъ; смотр. Грим. нѣм. Грам. IV, 316 и его же изданіе Reinhart Fuchs, XXVIII. Это просподушное чувство любви къ ближнему украшаетъ обычными выраженіями рѣчи нашихъ предковъ: Доманитъ же рече Псковичемъ: Братья мужи Псковичи, кто старъ, то отецъ; а кто младъ, той братъ; слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ. Се же, братія, намъ предлежитъ смерть и животъ: братія мужи Псковичи, потягнете за Святую Троицу, и за святыя церкви, и за свое отечество, Пск. л. 13. Псковичи собираются на битву; помолившись и простившись другъ съ другомъ, говорятъ: братія мужи Псковичи, не посрамимъ отецъ

своихъ и дѣдовъ; кто старъ, то отецъ; а кто младъ, братъ. ibid. 26. Подобныя выраженія остались теперь только въ сказкахъ, напр. у Пушкина: коль ты старый человѣкъ, „дядей будешь намъ навѣкъ; „коли парень ты румяный, „братецъ будешь намъ названый; „коль старушка, будь намъ мать и пр. Дружество и согласіе на миру выражались обыкновенно такъ: цѣловаша крестъ ко всему Новугороду за единъ человѣкъ, Новг. л. 77. есмь съ ними одинъ человѣкъ, ibid. 105. Новогородци цѣловаша крестъ за единъ братъ, ibid. 110. быти всимъ за единъ братъ, Ипат. 39. за единъ мужь быти, ibid. 73. Хотя въ старину бесѣдующіе не употребляли нынѣшнихъ мѣстоименныхъ вѣжливостей вы, они вм. ты, онъ, однако названіями родственными и именами увеличительными, ласкательными и уничижительными 1) удачно умѣли оттѣнять свои общественныя отношенія: такъ скромность и униженіе требовали, чтобы говорящій или пишущій назвалъ себя полуименемъ, или именемъ уничижительнымъ: вотъ какъ говорятъ Псковичи В. К. Василью: а мы сироты твои преже сего и нынѣ не отступны были отъ тебя Государя и не противны были тебѣ Государю; Богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами *людишками* своими, Пск. л. 176. Аѳанасій Тверитянинъ въ описаніи своего путешествія: ту

1) О соотвѣтствіи мѣстоименныхъ вѣжливостей съ именами родственными и ласкательными смотр. Гримма Deutsch. Gr. IV, 317.

же окаянный азъ *рабище* Офонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по Христьяньской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣйнѣхъ (говѣньяхъ, постахъ) святыхъ Отець устроенныхъ, по заповѣдехъ Апостолскыхъ, и устремихся умомъ поити на Русь, Соф. Вр. II, 162. Состраданіе и ласка выражались ласкательными именами: все могилье воскопано бяше по всѣмъ церквамъ; а гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу и женѣ, и ту съ нимъ положатъ малыхъ дѣтокъ семеро или осмеро головъ во единъ гробъ, Пск. л. 26. Презрѣніе выражалось именами уничижительными, напр. въ житіи Кирилла, помѣщенномъ въ Прологѣ: *Ѳедорца* же, за укорізну тако нарицаема (т. е. уменьшительно, уничижительно), сего блаженный Кириллъ отъ Божественныхъ писаній ересь обличи и прокля его. Даже названіямъ животныхъ и предметовъ бездушныхъ, близкихъ быту домашнему, вспарину любили давать дружественный оттѣнокъ ласкательнымъ окончаніемъ, что и до сихъ поръ частію сохраняется въ языкѣ народномъ, напр. хлѣбецъ, денекъ, лошадушка. Что теперь болѣе и болѣе притупимъ мы сочувствіе къ такимъ словамъ, лучшимъ доказательствомъ служатъ слова уменьшительныя, какъ напр. соли-це, вовсе потерявшія теперь свой прежній оттѣнокъ. Замѣчательны слова Гримма 1): „Уменьшительная форма выражаетъ понятіе не только немногаго и малаго (μείωσις), но и

1) Deutsche Gram. III, 664.

любезнаго, ласкательнаго (ὑποχόρισμα). Потому умéньшительную форму придаемъ мы и великимъ, возвышеннымъ, священнымъ и даже страшнымъ предметамъ, для того чтобы довѣрчиво къ нимъ приблизишься и снискать ихъ благосклонность. Особенно въ словахъ послѣдняго рода первопачальное понятіе уменьшенія со временемъ утрачивается и становится нечувствительнымъ: такъ фр. soleil, слав. солнце, слова уменьшительныя, хотя въ теперешнемъ ихъ употребленіи уменьшенія и не чувствуется.“ Однако, затерявъ сознаніе къ прежней уменьшительной формѣ, мы образовали другую: солнышко.

7. *Языческій взглядъ на природу физическую. Языческая Символика. Миѳологія, Поэзія, игры.*

Наши древніе писатели не любили попусту описывать красоты природы и восхищаться ими. Можетъ быть, лучше нашего въ простотѣ своего сердца сочувствовали они ей; но, не зная ея законовъ, всѣ явленія приписывали силамъ сверхъестественнымъ. Потому обращали они вниманіе только на такіе феномены, которые, по ихъ понятію, имѣли таинственное отношеніе къ жизни народа: описанія различныхъ знаменій, затменій и т. п. дышатъ неподдѣльною поэзіею, украшенныя свѣжимъ воображеніемъ и проникнутыя живымъ сочувствіемъ, то радостью, то боязнію, то сомнѣніемъ. Напр. Новог. л. 5: почя убывати солнця и погыбе все. о великъ

страхъ и тьма бысть! и звѣзды быша и мѣсяць. и паки нача прибывати, и въбързѣ напълнися; и ради быша вси по граду. Ипат. 90: въ то же время бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ въстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и (варіантъ: ея, въ Воскр. сп. II, 59) убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудно, черно, (замѣчательный варіантъ въ Воскр. сп. II, 59: яко сукно чрно) и паки бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лици имущи, одино зелено, а другое желто, и посредѣ ея яко два рашьная сѣкущеся мечема, и одиному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко шечаше; сему же рекоша спаріи людіе: „не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть“—еже бысть. Пск. л. 207: тоежъ осени явися знаменіе въ Юрьевѣ въ Ливонскомъ два мѣсяца на небеси въ нощи, и ударилися вмѣстѣ, и одинъ у другова хвостъ отшибъ, и тотъ мѣсяцъ отшибеной хвостъ приволокъ къ себѣ, и знаши спало на мѣсяцы томъ, какъ перепояска. Ипат. 7: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголютъ невѣгласи: снѣдаемо солнце. Софійск. Времен. I, 158: предъ симъ же временемъ и солнце пременися, и не бысть свѣтло; но яко мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущу. Сія же знаменія бываютъ не на добро—(языческое преданіе о съѣденіи солнца и мѣсяца). ibid. I, 159: и паки солнце безъ лучь сіяше — по семъ бо крамолы и умершвія быша человѣкомъ. ibid. I,

175: предивно бысть въ Полотьсцѣи: въ мечтѣ бываше въ нощи шушень (спукъ, громъ, подземный шумъ), стонущь по улицамъ, яко человѣци рыщущи бѣси.—Бѣдствія Игоря, описанныя въ Сл. о Полк. Игор., кажутся оправданіемъ зловѣщаго предзнаменованія, описаннаго и въ самомъ словѣ: погда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: браціе и дружино! луцежъ поиіяту (убиту) быти, неже полонену быти,—и у Лѣтописца еще яснѣе, подъ 1185 г., Ипат. 130: идущимъ же имъ въ Донцю рѣкы, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видѣ солнце стояще яко мѣсяць, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: видите ли что есть знаменіе се? Они же узрѣвше, и видиша вси и поникоша главами, и рекоша мужи: княже! се есть не на добро знаменіе се. Игорь же рече: братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творець Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити.—Въ какомъ отношеніи такія примѣты стояли къ поученіямъ пастырей церкви, видно изъ Слова о злыхъ дусѣхъ въ сборникѣ XV в. (Москвит. 1844, № 1): Егда ли что ны на пути зло створится, то учнемъ дружинѣ своей глаголати, почто не вратихомся, а не безлѣпа ны пошка (встрѣча) не додяше поити, а мы ся не послушахомъ. о злое наше безуміе! самахоть (самохотно, своевольно) лишаемся Господа и къ поганымъ прилагаемся. Слич. XII-е слово Кирил-

ла Туровскаго въ Пам. Сл. XII в. стр. 92 и слѣд. 1)

Впрочемъ, не смотря на ограниченный кругъ воззрѣнія лѣтописцевъ на природу, самый языкъ древній, свѣжестью и живостью впечатлѣній, способствовалъ живописи природы, напр. Новг. л. 5 паде мяшыль (мяпель) *густъ* по земли и по водѣ и по хоромомъ. Только въ сравненіяхъ представлялся старинным писателямъ случай описывать природу: но лѣтописцы, когда только не вдаются въ пищетное витійство, весьма скупы на сравненія; если и употребляютъ изрѣдка, то очень краткія, какъ напр. Новг. л. 34 вышли есте аки рыбы на сухо. Ипат. 2 выступиша яко борове велиціи. Соф. Врем. I, 225 и сотвориша брань велику, и досѣкошася и до шоваровъ; Князь же Юрій и Ярославъ, видѣвше акы на нивѣ класы пожинаху. ИГР. VIII, пр. 62 Царь же Казанской, яко змій вынырнувъ изъ хврастія, приде безвѣстно Генв. въ 15 подъ Муромъ.— Собственно старинной нашей поэзіи принадлежатъ живописующія природу уподобленія, напр. въ Др. Р. стр. 167: какъ вьюнъ около ее увиваешся, (сынъ около матери) „просишъ благословеніе великое. 128 она по двору идетъ, будто уточка плывешъ. Въ Краледв. рукоп. стр. 34 Ярославъ, гонящійся за врагами, сравниваешся: iako lew drazliui „kdiz mu

1) Смотр. объ языческомъ періодѣ нашей Литературы вторую лекцію Шевырева въ Москвитянинѣ за 1844 № 2.

teplu krew sie uda zrsieti „kehdi nastrsilen zalowcem zene: какъ раздраженный левъ, когда удалось ему узрѣть щеплую кровь, подстреленный гонится за ловцомъ.

Какъ описанію небесныхъ и другихъ знаменій лѣтописцы придавали таинственное значеніе, такъ и поэтическія украшенія, описанія природы, живописныя уподобленія побольшой части имѣли въ старину миѳологическій смыслъ. Кромѣ Др. Р. см. и Сл. о Полк. Игор., въ старину вѣроятно было у насъ довольно поэтическихъ произведеній, ибо свидѣтельствуютъ о томъ древніе памятники: такъ въ Ипат. 180 упоминается какой-то знаменитый пѣвецъ Митуса: словутьного пѣвца Митусу, древле за гордость не восхотѣвша служити Князю Данилу, раздраного аки связаного приведоша. Замѣчательно, что Данилу же пѣли какую-то пѣснь избавленные имъ отъ плѣна: Ипат. 186 — 187: оттуда же Князь Данилъ приде ко Визьнѣ и прейде рѣку Наровь, и многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и пѣснь славну пояху има, Богу помогшу има. Въ Словѣ о Полк. Игор., кромѣ пѣсенъ и музыки Бояна, упоминаются пѣсни рускихъ женъ, готскихъ красныхъ дѣвъ, дунайскихъ дѣвицъ, Нѣмцевъ, Венедицевъ и пр., приводится пѣсня Ярославны. Но Христіянское благочестіе чуждалось тогда свѣтскихъ пѣснопѣній, ибо поэзія связывалась съ языческими повѣріями и древнѣйшею Миѳологіею: такъ старинный нашъ поэтъ Боянъ въ Сл. о П. Иг. называется внукомъ Велеса или

Волоса, въ Краледв. рук. 68—70 упоминаются два славянскіе поэта язычники, древнѣйшій Люмиръ, позднѣйшій Забой, и попадается едва ли не поговорка языческая: pieuce dobra miluiu bozi, пѣвца добраго милуютъ, любятъ боги. По мнѣнію нашихъ предковъ, пѣсни столь же противны церкви, какъ и идолослуженіе; пѣснопѣнія вмѣнялись въ грѣхъ, равный идолослуженію, такъ въ одной рукопис. 1523 года: того ра(дн)не подобаеть кр(с)тьяномъ игоръ бесовьски(х) играти иже е(с) пляс́ба гуд́ба пѣсни бѣсовъскыя и жертва идоская(л) и ѡгневи молятся по ѡвии(д) и виламъ (русалкамъ) и мокоши и симу реглу и перену (Перуну), и проч. Опис. Румянц. Муз. Восток. 229. Пѣсни, наровнѣ съ зельемъ, почитались чародѣйскимъ средствомъ привораживать: такъ въ Ипат. 155 Сырьчанъ, посылая нѣкотораго гудца (поэта, музыканта) въ Обезы, говоритъ: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ. Поэтическія произведенія стояли наровнѣ съ еретическими книгами, которыя еще въ XII в. обрекались на сожженіе, какъ видно изъ вопросовъ Кирика 1). Въ 1410 году Митрополитъ Фотій убѣждаетъ Новгородскаго Архіепископа Іоанна въ своемъ посланіи къ нему: „учите, чтобы басней не слушали.“ Стоглавъ (1551)

1) Памятн. Рос. Словесн. XII в. стр. 189.

кладетъ зарокъ на ложныя книги: „тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли.“ Въ спашьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, и о суевѣріяхъ 1) свидѣтельствуется, что у насъ въ старину были многіе Сборники такихъ ложныхъ книгъ. Вотъ замѣчательнѣйшее мѣсто о суевѣріяхъ изъ этой спашьи: сіе есть мудрованіе тѣхъ, ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу: первая книга Пларѳолой, рекше Острологъ, 2 Остропомія, 3 Землемѣріа, 4 Чаровникъ, въ нихже суть вся двнадесять опромешныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ, се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и яспребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ люшымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ, 5-е Громникъ, 6-е Молнія, 7-е мѣсецъ окружится, 8-е Коледникъ, 9-е Метаніе, 10-е Мысленикъ, 11-е Сосудецъ, 12-е Волховникъ, волхвующе птицами и звѣрми, еже есть храмъ трещитъ, ухозвонъ, воронграй, курокликъ, окомигъ, огнь бучитъ, песъ воетъ, мышепискъ, мышъ порты грызетъ, жаба воркочетъ, кошка въ окнѣ мышьца держитъ, сонъ страшенъ, слѣпца стрѣпитъ, изгоритъ нѣчто, огнь пищитъ, искра изъ огня, кошка мявкаетъ, падетъ человѣкъ, свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ на волъ, попочникъ различныхъ птицъ, пчела, рыбы (варіантъ: пчела поетъ, рыба воспрепещетъ), трава

1) Калайдовича Іоаннъ Екс. Болгарск. 208 — 212.

шумитъ (древо о древо скрыпитъ, листъ шумитъ), сорока пощекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ, гость пріидетъ, стѣнощелкъ, лопаточникъ, волхованія различная.—Если такимъ образомъ самыя незначительныя явленія природы имѣли встарь такое суевѣрное значеніе, то весьма понятно, почему набожные предки наши почитали поэзію дѣломъ языческимъ.

Для объясненія старинныхъ поэтическихъ выраженій сличимъ нѣкоторые пункты этой сказки съ соотвѣтствующими имъ мѣстами въ Сл. о Полк. Игор.

1) пчело свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ. Въ Сл. преданіе о Всеславѣ оборотнѣ: скочи отъ цихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда... скочи влъкомъ до Немегы... а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше... великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Творительный сравненія есть переходъ отъ языческаго суевѣрія къ поэтическому украшенію: полечю, рече, зегзицею (кукушкою) по Дунаеви. (Игорь) скочи съ него (съ коня) босымъ влъкомъ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, шруся собою студеную росу.

2) Сносудець ... сонъ страшенъ. Таковъ въ Сл. *мутенъ сонъ* Святослава. Бояре судятъ его не къ добру; и самъ сочинитель. Слова связываетъ этотъ сонъ съ зловѣщимъ затменіемъ, разсматривая оба эти случая несчастными предтечами Игоревой гибели.

3) вороногpай. Зловѣщіе вороны играютъ большую роль въ Сл.: всю ночь съ вечера босови врани възграяху. Этотъ вороногpай былъ также предвѣстникомъ зла, состоя въ связи съ затмѣніемъ и сномъ Святослава.

4) курокликъ. Курій или пѣтушій кликъ является важнымъ обстоятельствомъ въ разсказѣ о Всеславѣ: ибо Всеславъ долженъ былъ изъ Кіева въ Тмутороканъ рыскать волкомъ до куръ, т. е. до пѣтуховъ. Курокликъ или просто куры въ старину означало полночь, разсвѣтъ: и бысть въ четвергъ на ночь поча изнемогати, и яко бысть въ куры, и позна въ собѣ духъ изнемогающь ко исходу души. Ипат. 220.

5) волхвующе птицами и звѣрьми . . . трава шумитъ, сорока потекочетъ, дятель, желна, волкъ воетъ. Этимъ обвинительнымъ въ суевѣріи пунктамъ соотвѣтствуютъ въ Сл. поэтическія мѣста, хотя вышекшія изъ души сочинителя отъ сочувствія съ природой, однако частію не чуждыя суевѣрнаго убѣжденія о тайномъ сношеніи человѣческой участи съ предметами неразумной природы: кликну, стукну земля, въшумѣ трава. ничитъ трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось. а галици свою рѣчь говоряхутъ. Вотъ какъ сама природа сочувствуетъ счастію Игоря: тогда врани не граахутъ, галици помлъкоша, сороки не троскоташа, полозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Напрошивъ того тѣже жи-

вощныя иначе являются передъ войною: „щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди,“ тогда и: „влъци грозу въсрожатъ по яругамъ.“ Слич. въ Словѣ о злыхъ дусѣхъ изъ сборника XV в. (Москвитян. 1844, N 1): Вѣруемъ въ пошкы (вспрѣчи) и въ дашля и въ вороны и въ синици. Коли гдѣ хощемъ поити, которая переди погрѣшь, но спанемъ послушающе, правая ли или лѣвая. Уже Кириллъ Туровскій (Пам. Сл. XII в. 95) нападалъ на эти суевѣрія, осуждая ихъ заодно съ музыкою и поэзіею: всяка ересь, и вѣруютъ въ спрѣчю, въ чехъ, въ полазъ (въ Сл. о П. И: полозію ползоша) и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни баютъ и въ гусли гудутъ.

Къ этимъ пяти присовокупляю еще три сличенія съ Сл.: одно изъ лѣтописи и два изъ сербскаго Громовника XVI в. 1):

6) не дошедшимъ же воемъ рѣки Сяну, сосѣдшимъ же на поли воружиться, и бывшу знаменію надъ полкомъ сице: пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко оболоку велику, играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъщущимъ и плавающимъ криломы своими и воспромепающимъся на воздусѣ, якоже иногда и николи же не бѣ; и се знаменіе на добро бысть, въ Ипат. 183, подъ 1249 г. Въ Сл. же другое знаменіе было орлами, не на добро: орли клектомъ на кости звѣри зовутъ.

7) ангель магла (мгла) низу паде. то рать (рать, война) многа будетъ, Громовн. Въ Сл. передъ бит-

1) Строева Описаніе Памятн. Сл. р. Лит. 1841, 125.

вою: мъгла поля покрыла, щекотъ славій успѣ. пороси (прахъ, туманы) поля прикрываютъ.

8) ащель потутнитъ (застучитъ), то прьмененіе Кнезомъ. и страни тои мятежь, Громови. Въ Сл: земля тутнетъ, кликну, стукну земля, въ тумѣ трава. Въ Мамаев. побоищѣ Димитрій съ Волынцемъ слушаютъ землю.

Кромѣ поэзіи, символическое значеніе природы входило и въ юридическія отношенія, напр. символъ соломы, въ Ипат. 218: посемъ же посла Володимеръ слугу своего, доброго, вѣрного, именемъ Рачтьшю, ко брату своему Мьстиславу, тако река: „молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновець мой Юрьи, просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни города, ни села; а ты, рци, не давай ничегоже," и вземъ *соломы* въ руку отъ постеля своеѣ, рече: „хотя быхъ ти, рци, братъ мой, тотъ *вехоть соломы* далъ, того не давай по моемъ животѣ никомуже. Такой юридическій обычай существовалъ и въ древнемъ Нѣмецкомъ Правѣ, смотр. Гримма Deutsche Rechtsalterthümer, 1828, 121.

Къ существамъ одушевленнымъ, къ звѣрямъ, птицамъ, гадамъ, разумѣется, еще большее питалось въ старину сочувствіе, нежели къ природѣ неодушевленной. Одаренныя свободнымъ движеніемъ и многоразличными голосами, животныя казались человѣку какъбы товарищами и соучастниками одной общей жизни, въ противоположность царству растительному, въ безгласной тишинѣ покоящемуся.

Особенно для выраженія разнообразныхъ криковъ ихъ богаты были наши предки словами, которыя теперь, по хладнокровію нашему къ природѣ, болѣе и болѣе теряются, напр.: воронъ: врани граяхутъ, Сл. о П. И.; воропограй, въ спашьѣ о книг. исп. и ложн. у Калайд. Іоан. Екс. Бол. 211. гусь: гусь кокочетъ, Сборн. 1754 г. въ Опис. Рум. Муз. Восп. 551. жаба: жаба воркочетъ, у Калайд. ibid. звѣрь: (Соловей разбойникъ) а впрешьи зрявкаетъ по звѣриному, Др. Р. Сп. 353. ласточка: и отъ ласточищѣ не вѣроуеши ли, даже оу тебѣ щьбьчетъ вьсе лѣто зѣло красьнѣ? Приклади ѡ въспании, въ Іоан. Екс. Бол., Калайд. 137. лисица: лисици брешутъ, Сл. о П. И. медвѣдь: чревашы жены медвѣдю хлѣбъ даютъ изъ руки да рыкнетъ дв ц а будетъ, Сборн. 1754 г. у Восток. ibid. 552. орелъ: орли клекотомъ на кости звѣри зовутъ, Сл. о П. И. орломъ же клекъщущимъ, Ипат. 183. сорока: а не сороки впроскопаша; сороки не проскопаша, Сл. о П, И. сорока пощекочетъ, въ сп. о книг. исп. и ложн. у Калайд. 211. ушка: оушица крякнетъ, Сборн. 1754 у Восп. ibid. 551.

Не одна человѣку подобная наружность животныхъ, блистаніе глазъ, соразмѣрная полнота и красота членовъ, привлекали къ нимъ; но и замѣчаемыя въ нихъ побужденія и желанія, способности, страсти и страданія: такъ что первобытной просподушной фантазіи было легко представить себѣ животное говорящимъ и дѣйствующимъ

человѣчески 1). Пѣнье птицъ въ средніе вѣки называлось языкомъ латинскимъ, какъ всякій непонятный языкъ латинскимъ или волошскимъ. У насъ въ Сл. о П. И.: говоръ галичь, галици свою рѣчь говоряхуть; въ похвальномъ словѣ Донскому: сладкоглаголивая ласточица; въ Др. Р. стр. 208 говоритъ черный воронъ, и пр. Таковъ естественный переходъ отъ первобытнаго воззрѣнія на природу къ баснѣ о животныхъ (thierfabel). Какъ языкъ даетъ предметамъ бездушнымъ и отвлеченнымъ родъ, такъ и поэзія приписываетъ животнымъ различныя похожденія и исторіи. Въ древнѣйшей баснѣ предметы неодушевленные отличаются отъ животныхъ: не говорятъ и не дѣйствуютъ. Такъ въ чешской баснѣ O lisce a o čbánu 2)—о лисѣ и жбанѣ или горшкѣ (первой четверти XIV в.), лиса говоритъ и хлопочетъ, а „горшку нельзя было молвить, ибо изъ глины былъ слѣпленъ: čbánu lze mluwiti nebĕsse, „nebo z hliny slepen bĕsse. Даже между животными наблюдается замѣчательное различіе: малыя не столь удобны для басни, ибо менѣе выказывается ихъ характеръ, впрочемъ не безъ исключеній: стрекоза или муравей играютъ побочныя роли. Также и птицы должны уступить право первенства млекопитающимъ, ибо онѣ менѣе схожи съ нами, и обладая полетомъ, дѣйствуютъ не въ той области, гдѣ мы съ звѣрьми. Притомъ и изъ звѣ-

1) Grimm, Reinhart Fuchs.

2) Ганки Starobylá skládánie 1817, I, 202 — 206.

рей обыкновенно выступаютъ въ народной баснѣ своеземные: иноземные далеки и чужды фантазіи. Главными дѣйствующими лицами въ нѣмецкой древней баснѣ лиса, волкъ и царь медвѣдь 1). Лиса по цвѣту шерсти *красный* звѣрь: потому der rôte Reinhart, Reinh. 284. 1463. le gorpil, rous ot le poil comme Renart, Ren. 101. le rous, ros Ren. 463 и пр. У насъ въ Др. р. сш. 383 какъ бы русая лиса голову клонила, „пошла-то Чюрилья къ заушрени. Замѣчательно, что красный цвѣтъ выражаетъ понятіе о злобѣ и невѣрности, приписываемыхъ лисѣ: ze rôt, Reinh. 284 значитъ zu böse, treulos 2). Любопытно замѣтить, что у насъ въ Шенкурскомъ уѣздѣ красной, равно какъ и дикой, зн. глупый, дуракъ 3). Слич. въ Краледв. рук. 74 i pozrsiesta lisima zrakoma; 74 tudi spei lisimi skoki. Изъ Новагорода почти по всей Россіи распространилось прозвище человѣку хитрому Лиса Патрикѣевна; такое воспоминаніе оставилъ по себѣ князь Патрикій съ 1384 года, см. ИГР. V, стр. 92, 4). Пословицы пре-

---

1) Есть весьма любопытная лужицкая пѣсня о животныхъ, Zwjerina, въ которой между прочими животными первую роль играютъ волкъ и лиса, см. Haupt u. Schmaler, Volkslieder der Wenden, 1841, I, 116.

2) Grimm, Reinhart Fuchs, XXX. — Goulianof, Archéologie Egyptienne, III, 444. — Слич. ниже, стр. 184.

3) Отечественныя записки за 1844, No 2.

4) Ходаковскаго Отрывокъ изъ путешествія по Россіи въ Рус. Истор. Сборн. 1839, томъ III, кн. 2.

достерегаютъ отъ красныхъ или рыжихъ: hombre *roxo* y hembra barbuda de lexos los saluda, *rothbart* nie gut wart. Даже есть глаголъ лисить вм. хитрить, лукавить.—Волкъ называется *сѣрымъ*: въ Сл. о П. И.: сами скачуть, акы сѣрыи влъци въ полѣ. Уже у греческихъ поэтовъ онъ πολιός (hymn. in Vener. 70), въ Renart называется онъ le *chanu*, въ Reinardus: *canus* et absque fide 3, 100; клянется онъ per *canos* hosce *seniles* I, 375, per caput hoc *canum* I, 693, потому онъ называется также senex, senior, и съ этимъ въ связи сплятъ многія обстоятельства басни. Едва ли справедливъ Пушкинъ, назвавъ волка, въ поэмѣ Руслань и Любмила, бурымъ, а не сѣрымъ: въ шемницѣ шамъ царевна тужитъ, „а бурый волкъ ей вѣрно служитъ. Притомъ и вѣрность не йдетъ волку, вору и разбойнику: что уже видно изъ самаго производства: волкъ посанск. vrkas, позенд. vĕhrkô 1) переходитъ въ altn. vargr lupus, latro, exsul, въ ags. vearh furcifer, въ ahd. warc exsul, sceleratus, и въ слав. *врагъ*, означающее не столько непріятеля, но и убійцу, и дьявола 2). Мы переносимъ отъ человѣка къ волку глаголы *рвать*, *зарвать*, и обыкновенно употребляемъ ихъ вм. растерзать когтями. Слич. въ Др. р. сп. 354 брань: а ты волчья сыть.—Въ старину, кажется, назывался у насъ волкъ *лютымъ звѣремъ*: въ Сл. о П. И.: (Всеславъ) скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи,—и вскорѣ за шѣмъ:

1) Bopp, Vergl. Gram. 175.
2) Grimm, Reinh. f.

а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше. Мономахъ, въ своемъ поученіи, говоря объ охотѣ на различныхъ звѣрей, о волкахъ не упоминаетъ: за то говоритъ: лютый звѣрь ко мнѣ скочилъ на бедры, и конь со мною поверже. Слич. въ Др. р. стр. 139 а другой слѣдъ лютаго звѣря. Замѣчательно, что наше *лютый* переходитъ въ литовск. lutas, означающее льва 1): а лит. lutas и лат. lupus, оба, происходятъ отъ санскр. корня lû—scindere, vellere. Волкъ выходитъ на добычу ночною порою (ἀμφιλύκη νύξ у Гомера); политовски žwĕris (звѣрь) преимущественно наз. волкъ: отсюда звѣзда hesperus именуется žwĕrinnĕ. Съ восходомъ этой звѣзды, по литовск. преданію, *звѣрь* или волкъ выходитъ на ловъ. Слич. чешск. zwěřenice, zwiřetnice —hesperus; въ томъ же значеніи попадается *звѣряница* въ одномъ старинномъ западнорускомъ переводѣ Іова, 38, 32. Въ старину волку приписывали особенную быстроту и стремительность: въ Сл. о П. И: (Игорь) връжеся на брѣзъ комонь, и скочи съ него *босымъ* влъкомъ. коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомъ потече 2). Въ баснѣ первое, въ подраженіе быту общественному, человѣческое учрежденіе есть царская власть. Въ древнѣйшихъ преданіяхъ орелъ называется уже царемъ, или — гдѣ ему придаютъ женскій родъ—царицею: οἰωνῶν βασιλεύς. Aeschyl. Agam. 113

---

1) Ейхгофа Paral. des langu. de l' Eur. et de l' Inde; слич. ниже, стр. 172.

2) Донесеніе Прейса въ Ж. М. Н. П. 1841, Февр.

(Wellauer.) αἰετὸς—ἄρχος οἰωνῶν. Pind. Pyth. I, 18. οἰωνῶν βασιλῆα δίδυμον. Pind. Ol. 13. 30 Орелъ, царь птицъ, птица Юпитера, царя боговъ. Не столь высокой древности достигаетъ царствованіе льва: древнѣйшее свидѣтельство о немъ у Оппіана и Эліана. У насъ въ старину, и теперь въ суевѣрныхъ обрядахъ, эпитетъ *царь* происходитъ отъ воззрѣнія миѳологическаго, а не эпическаго: Царь-огонь, Царь-водица употребляются въ языческихъ обрядахъ какъ очистители 1). Вѣроятно, этотъ обычай стоитъ въ связи съ судебнымъ испытаніемъ огнемъ и водою, встрѣчающимся уже въ Судѣ Любуши, въ коемъ эти царственныя очистительныя стихіи называются: plamen praudozuesten—ignis juris nuntius, zuatocudna uoda — sancte purgans aqua 2).

Наша старина не оставила намъ басеннаго эпоса, спокойнаго эпическаго разсказа о подвигахъ животныхъ. Только тамъ и сямъ мелькаютъ недосказанные намеки на какія-то полузгладившіяся преданія, то въ поэтическомъ сравненіи, то въ метафорѣ. Что же касается до зміевъ чародѣевъ, оборотней, вѣщихъ вороновъ и т. п.: то они уже выступаютъ изъ области басни, примыкая къ миѳологическимъ вѣрованіямъ и составляя такъ называемое чудесное въ нашихъ старинныхъ эпиче-

1) Ходаковскаго Отрывокъ изъ путешествія, въ Рус. Истор. Сборн., 1839, томъ III, кн. 2. Снегирева Рус. Простон. Праздн. и Обр. IV, 22.

2) Шафарика и Палацкаго Die alt. Denkm. d. böhm. Spr. 41, 99.

скихъ пѣсняхъ. Рускія народныя сказки: о волкѣ и лисицѣ, о курѣ и льстивой лисицѣ, о бѣлой кошкѣ, о медвѣдѣ мѣдномъ зубѣ, о ершѣ ершовичѣ и др.—предлагаютъ богатый матеріалъ для разсужденія о народной баснѣ. Въ нѣкоторыхъ, напр. въ сказкѣ о ершѣ ершовичѣ, видны живые историческіе слѣды 1).

Такъ какъ мірское поэтическое одушевленіе нашихъ предковъ питалось Миѳологіею, потому надобно показать связь оной съ произведеніями искусства и съ художественною жизнію народа. Привожу изъ Густинскаго списка XVII в. О идолахъ Рускихъ (Ипат. 256—257):

Здѣ пѣчшо скажемъ о богахъ Рускихъ, не яко доспойни суть воспоминанія, но да увидимъ, каковою слѣпотою иогда діаволъ помрачилъ бяше человѣки и въ шаковое безуміе приведе, яко нешокмо не знаху истиннаго Бога, но еще приведе ихъ въ се, яко и худымъ и бездушнымъ вещемъ и спихіямъ богоподобную честь воздаваху. Вопервыхъ Перконосъ, си есть Перунъ, бяше у нихъ спарѣйшый богъ, созданъ на подобіе человѣче, ему же въ рукахъ бяше камень многоцѣнный аки огнь, ему же яко Богу жершву приношаху и огонь неугасающій зъ дубового древія 2) непрестанно паляху; аще ли бы случилося за нерадѣніемъ служащаго іерея когда сему огню угаснупи, шаковаго іерея безъ всякого

1) Сахарова Русскія народныя сказки, 1841.
2) О дубѣ смотр. ниже, стр. 114.

извѣща и милости убиваху. Вторый Волосъ, богъ скотій, бяше у нихъ во великой чести. Третій Позвиздъ, Ляхи его нарицаху Похвистъ; сего вѣрили быти бога аеру, си есть воздуху, а иныи погоды и непогоды, иныи его вихромъ нарицаху, и сему Позвизду, или вихру 1), яко Богу кланяющеся моляхуся. Четверты Ладо (си есть Pluton), богъ пекелный; сего вѣрили быти богомъ женитвы, веселія, утѣшенія и всякого благополучія, якоже Еллины Бахуса; сему жертвы приношаху хотящіи женитися, дабы его помощію бракъ добрый и любовный былъ. Сего Ладона, бѣса, по нѣкакихъ странахъ, и донынѣ на крестинахъ и на брацѣхъ величаютъ, поюще своя нѣкія пѣсни, и руками о руки или о столъ плещуще, Ладо, Ладо, приплетающе пѣсни своя, многажды поминаютъ. Пятый Купало, якоже мню, бяше богъ обилія, якоже у Еллинъ Цересъ, ему же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу, бѣсу, еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, начинше Іюня 25 дня, въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадъ, обоего полу, и сплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомого зелія, или кореніа, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь 2), инде

---

1) О вѣтрахъ ibid. стр. 119.

2) Миѳологич. значеніе огня, въ связи съ очищеніемъ, ibid. 167.

же поставляютъ зеленую вѣтвь, и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ онаго огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ презъ оный огонь прескакуютъ, оному бѣсу жертву себе приносяще. Шестый Коляда, ему же празникъ пресквернный бяше декаврія 24. Сего ради и нынѣ, аще и благодать Рождествомъ Христовымъ осія насъ и идолы погибоша, но единаче діяволъ еще и доселѣ во безумныхъ память свою удержа: сему бѣсу въ память простая чадъ сходятся въ навечеріе Рождества Христова, и поютъ пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминаютъ, но болѣе Коляду бѣса величаютъ. И негодѣ бысть безумнымъ людемъ сихъ боговъ: не довѣряху бо имъ, пиже смѣяху положити на нихъ совершенную надежду, и въ лѣпоту не бысть бо на кого уповаши; но имѣяху еще и болѣй боговъ, си есть, Хорса 1), Дажбога, Стрибога 2), Семаргла 3), Мокоша, иныи же кладяземъ, езеромъ, рощеніямъ 4) жертвы приношаху. Отъ сихъ еди-

---

1) Хорсъ — солнце, см. донесеніе Прейса въ Ж. М. Н. П. 1841, Февраль.

2) Смотр. ниже, стр. 62, о значеніи обоихъ сихъ названій.

3) Это слово, вѣроятно, надобно разложить на два, смотр. Восток. Опис. Рум. Муз. 228: и въ сима и въ рьгла.

4) Смотр. ниже, стр. 114, 116—118. Слич. Прав. церк. въ Рус. Досп. I, 94 еже жроуть бесомъ и болотомъ и колодяземъ?

пому нѣкоему богу на жертву людей попяху, ему же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшеся юніи и играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, яко вомешаемыи во воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою бливаютъ но единаче тому же бѣсу жертву сотворяютъ.

Изъ этой чрезвычайно любопытной статьи извлекаются слѣд. выводы:

1. Сличивъ это мѣсто съ Несторовымъ описаніемъ идоловъ, видимъ, что до XVII вѣка не только не утратилось въ народѣ преданіе о богахъ языческихъ, но даже неразрывно связалось съ суевѣрными обычаями и съ поэзіею.

2. Наши старинные писатели сравнивали свою Миѳологію съ древнеклассическою, и тѣмъ придавали своимъ божествамъ эстетическій колоритъ греческихъ. Это велось отъ XII в., ибо въ глоссахъ Mater verborum славянскія божества переводятся грекоримскими. Въ старину языческое соединялось съ Еллинскимъ, напр. въ Правилѣ Митрополита Кирилла (XIII в.): такы же оувѣдѣхомъ бесовьская еще дьржаще обычая прекляныхъ еллинъ, въ божествьныя праздьникы позоры нѣкакы бесовьскыя творяще. Рус. Дост. I, 114.

3. Согласно съ свидѣтельствомъ предложенной статьи, до сихъ поръ находимъ мы въ нашихъ пѣ-

сняхъ, какъ непоняшные архаизмы, миѳологическія воспоминанія, а именно: а) Лада: въ одной старинной пѣснѣ: у меня Ладо змѣя скороспѣя;—въ другой: не упай, молодое, да что перва Лада? „ой Дидъ и Ладо! да что перва Лада?—„какъ перва-то Лада, золотъ съ руки перстень, и пр. 1) Въ глос. Mat. verb. lada, uenus, dea libidinis, cytherea, отсюда ladni, nitens, serenum. Слич. въ Судѣ Любуши 48 ot sasaui ladni (отъ Сазавы ладны), знач. чистый, быстрый—эпитетъ рѣки: отсюда Лада, имя рѣкъ и источниковъ, напр. въ Польшѣ, въ Псковск. губ. притокъ Великой и др. 2) Ладный значитъ и вообще прекрасный: въ чешск. Псалт. XIV в., Пс. 92, 1 decor переводится словомъ ladnost 3). Такимъ образомъ мы постоянно видимъ, что понятія о прекрасномъ выражаются словами отъ корней значенія языческаго и недобраго. Вѣроятно и музыкальный *ладъ* ведетъ свою исторію отъ Лады. б) Купало: согласно съ свидѣтельствомъ текста, также сохранился въ пѣсняхъ, соединяясь съ Иваномъ: „Купало на Ивана, „купался Иванъ, ша въ воду упавъ 4). Замѣчательно, что, въ одной купальской пѣснѣ Купало присовокупляется къ слову *Дивъ*: ходили дивочки коло

1) Сахарова Сказанія Русскаго народа.

2) Ходаковскій думаетъ и Ладогу производитъ отъ Лады, см. Рус. Историч. Сбор. том. III, кн. 2.

3) Шафарика и Палацкаго Die ält. Denkm. d. böhm. Spr. стр. 52.

4) Снегирева Руск. простонар. праздн. и обряды, вып. IV, 45.

мареночки, „коло *дива*—купалы 1). Миѳологическое существо Дивъ попадается въ Сл. П. И.: дивъ кличетъ врѣху древа; велитъ послушати земли незнаемѣ. Отъ Купалы названіе растенія, *купальница* (лютикъ, ranunculus acris) 2): Купальницею же именуется и день Св. Агриппины, 23 іюня. в) Коляда: напр. въ одной колядской пѣснѣ: коляда, коляда! „пришла коляда „наканунѣ Рождества; „мы ходили, мы искали „коляду *святую*, и пр.; въ другой колядской пѣснѣ воспѣвается языческое жертвоприношеніе 3), совершаемое подъ пѣсни Колядѣ. г) Поклоненіе водамъ сохранилось въ пѣсенномъ припѣвѣ: Дунай мой, Дунай, Силивановичь Дунай 4). Слич. въ Сл. о П. И. полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ. На потопленіи въ жертву водамъ основывается все старинное наше стихотвореніе: Садковъ корабль спалъ на морѣ, Др. р. сп. 337. д) Исчисляя остатки язычества въ пѣсенныхъ припѣвахъ, почитаю не лишнимъ обратить вниманіе на остроумную догадку Коллара, который въ святошной припѣвкѣ *слава*, напр. идетъ кузнецъ изъ кузницы — слава, — видитъ существо миѳологическое 5).

4. Въ связи съ древнимъ язычествомъ стоятъ суевѣрные обряды. Нѣкоторые изъ нихъ доселѣ

---

1) Рус. Истор. Сборн. 1838, томъ, III, кн. I, стр, 118.
2) Карамз. И. Г. Р. I, 90.
3) Снегирева Руск. пр. пр. и обр., II, 68, 69.
4) Смотр. ниже стр. 117.
5) Sláwa Bohyně 10 — 21.

сохранили характеръ чародѣйства и ворожбы, другіе, потерявъ свое первобытное значеніе, перешли въ народныя игры. Игры, наровнѣ съ поэзіею и ворожбою, почитались языческою забавою и предавались проклятію, напр. въ Сборникѣ 1754 г. въ Рум. Муз. 1): аще золото хоронитъ или жмурками играютъ или поддверию и ѡкномъ слушаютъ, или лица своя сажами мараютъ, или трепицами главу свою мочатъ, или жгутами биются, и въ гоусли и домры и сопѣли и вбубны и ле́нки ша́хматами и зернію и картами . . . . или громъ слыша валяются, или жаворонка, или на ростанѣхъ слушаютъ, или снѣгъ по́лютъ . . . . или сапоги мечютъ за ворота̀, и пр.; далѣе слѣдуютъ примѣты, какъ въ выше приведенной статьѣ о суевѣріяхъ, напр.: и морѣ дичитъся и вѣтры сухие или мокрые тянутъ, и т. п. Въ пѣсни „И я золото хороню" миѳологическій архаизмъ: въ коей рукѣ былица, „змѣиныя крылица?

Въ лѣтописяхъ и въ древней поэзіи нашей весьма любопытно обратить вниманіе на отношеніе нѣкоторыхъ языческихъ повѣрій къ Христіянству. Такъ въ Соф. Вр. I, 164—165 говорятъ волхвы: вѣдаемъ, како есть человѣкъ сътворенъ . . . . Богъ мывся отреся ветхемъ, и сверже съ небеси на землю; и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и сътвори діяволъ человѣка, а Богъ душу вложи въ онь; тѣмъ же аще умреть

1) Опис. Восток. 551 — 552.

человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу. ibid. 166, говоритъ Кудесникъ Новогородцу христіянину: бози наши живутъ въ безднѣ, суть же образомъ черни, и крилаши, и хвостны имуще; въсходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небесѣхъ суть, и аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умираетъ, то носимъ есть нашимъ богомъ въ бездну. Такимъ образомъ уже въ древнѣйшихъ легендахъ языческія божества перешли въ демоновъ. Замѣчателенъ архаизмъ въ употребленіи слова: боги 1), напр. въ Др. р. стр. 405: а и теща къ обѣдни пошла — „что идетъ помалешеньку, „ступаетъ потихошеньку, „съ ноги на ногу поступываетъ, „на башмачки посмашриваетъ, „чеботы покалачиваетъ. „Всѣ *Боги* теща прошла, „а зашедъ-то Николѣ челомъ, „а Николѣ Мясницкому. Отношеніе Христіянства къ искусству, въ Др. р. стр. 341—342:

И развалялся Садко, и пьянъ онъ спалъ,
и уснулъ Садко купецъ, богатой гость;
а во снѣ пришелъ Святитель Николай къ нему,
говоритъ ему такови рѣчи:
гой еси ты, Садко купецъ, богатой гость!
а рви ты свои струны золоты,
и бросай ты гусли звончаты,
разплясался у тебя Царь морской:
а сине море всколебалося,
а и быстры рѣки разливалися,
топятъ много бусы, корабли,

1) Каторскаго Начертаніе Словянской Миѳологіи, 1841.

тонямъ души напрасныя
того народу православнаго.
А и шутъ Садко купецъ, богатый гость
изорвалъ онъ струны золоты,
(и бросаетъ гусли звончаты;)
перестаялъ Царь морской скакать и плясать:
ушихло море синее,
ушихли рѣки быстрыя.

Такимъ образомъ искусство жертвуется чувству религіозному, предписывающему добродѣтель. И у насъ, какъ въ западной Европѣ, къ чудесному языческому присовокупилось Христіянское.

8. Христіянскій взглядъ на природу физическую. Христіянская Символика. Краснорѣчіе.

Христіянству надлежало не только очистить грѣховнаго человѣка, но и освятить природу неодушевленную, осквернену язычествомъ. Древнее духовенство наше входило въ малѣйшія подробности въ разсужденіи предметовъ чистыхъ и нечистыхъ, что видно изъ Вопросовъ Черноризца Кирика (Пам. Слов. XII в. 175—203), напр.: а пърть (одежды) дѣля, въ чемь хощяче ходити? Нѣшть бѣды, хотя и въ медвѣдинѣ. — Такой вопросъ набожныхъ предковъ нашихъ весьма естественъ, ибо звѣри были осквернены языческими повѣрьями. Или еще любопытнѣе, ibid.: аще случится плать женьскый въ портъ въшити попу, достоитъ ли въ томь служити порткѣ? И рече: достоить, ци погана есть жена? —Однако строгость Христіянскаго

благочестія не только не заглушила въ человѣкѣ нѣжнаго сочувствія къ природѣ, но еще большую глубину и ясность придала ему: напр. въ тѣхъ же Вопросахъ Кирика: зашедшю солнцю, недостоитъ мертвеца хоронити, не рци шако: борзо дѣлаемъ, нѣли како успѣемъ до захода; но шако погрести, яко и еще высоко, како и вѣнець ещь (еще) не сыймешься съ него; *то ба послѣднее видить солнце до общаго воскресенія.* Христіянскій символическій взглядъ на природу весьма рано перешелъ къ намъ изъ Византіи 1). Въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго (XII в.) вся видимая природа является непреложнымъ знаменіемъ судебъ Христіянства, осязаемымъ символомъ таинъ Божіихъ. Отъ уподобленія символъ отличается тѣмъ, что въ уподобленіи свободная фантазія по своей волѣ сближаетъ два разнородныхъ предмета: символъ же въ вещественномъ, въ видимомъ образѣ указываетъ необходимый и непремѣнный смыслъ духовнаго и таинственнаго. Если

1) Художникъ Византійской школы хотѣлъ, напр., выразить, что Крестъ Господень есть древо жизни, отъ коего питаются всѣ твари земныя, и которое подъ своимъ кровомъ содержитъ все живущее: и отъ Животворящій Крестъ съ Распятіемъ является блистательнымъ и плодотворнымъ цвѣтомъ царственнаго древа, отъ корня же его истекаетъ живоносный родникъ въ упоеніе жаждущимъ, а многоцвѣтныя вѣтви вьются кругами и разстилаются по церковному своду, объемля собою многоразличныхъ звѣрей птицъ и людей. Такова, напр., мозаика въ старинной церкви Св. Климента въ Римѣ.

уподобленія и тропы разсматривать исторически, то символъ можно назвать первобытнымъ, архаическимъ періодомъ языка украшеннаго. Въ примѣръ Символики византійской привожу отрывокъ изъ Слова Кирилла Туровскаго въ новую недѣлю по Пасцѣ, о поновленіи Въскресенія и о апостолѣ и о Ѳоминѣ испытаніи ребръ Господень, Пам. Сл. XII в. 20: Проповѣдникъ бросаетъ символическій взглядъ на наступающую весну: Днесь вешхаа конець пріаша, и се быша вся нова, видимаа же и невидимаа. Нынѣ небеса просвѣтишася, отъ шемныхъ облакъ яко врепища съвлекъшися, и свѣтлымъ въздухомъ славу Господню исповѣдаютъ; не сію, глаголю, видимаа небеса, нъ разумнаа, Апостолы, иже днесь на Сіонѣ вшедша къ нимъ познавше Господа, и всю печаль забывше и скрѣбь Іудейска страха отврьгше, Святымъ Духомъ осѣнившеся, Въскресеніе Христово ясно проповѣдаютъ. Нына солнце красуяся къ высотѣ въсходитъ и радуяся землю огрѣваетъ, възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ. Нына луна съ вышьняго съступивъши степени, болшему свѣтилу честь подаваетъ; уже вешхый законъ, по Писанію, съ субботами преста и Пророкы Христову закону съ недѣлею честь подаетъ. Нына зима грѣховная покаяніемъ преспала есть и ледъ невѣрія богоразумѣемъ растаяся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемъ и Христовою вѣрою преспала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовъ (Христовыхъ) ребръ растаяся.

Днесь весна красуется, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзуютъ и земля сѣмена пищающе зеленую праву ражаетъ. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемь поражаетъ (пораждаетъ) человѣческое акы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотворений помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзуютъ: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ. Ныня новорожаеміи агньци и унци, быстро пущь перуще, скачютъ, и скоро къ матеремъ възвращающеся веселяшься, да и пастыри свиряюще веселіемь Христа хваляшь. Агнеца, глаголю, кротькыя отъ языкъ люди, а унца кумирослужителя невѣрныхъ странъ, иже Христовомь вѣчеловѣченіемь и Апостольскымь ученіемь и чюдесы, скоро по законъ емъшеся, къ святѣй церкви възвратившіеся, млеко ученія ссушь (сосутъ); да и учители Христова стада о всѣхъ молящеся, Христа Бога славяшь, вся волкы и агньца въ едино стадо собравшаго. Ныня древа лѣпорасли испущаютъ и цвѣти благоухація процвитаютъ, и се уже огради (огороды) сладъкую подаваютъ вонь, и дѣлатели съ надежею шружающеся плододавеца Христа призываютъ. Бѣхомъ бо преже акы древа дубравная, не имуще плода, ныня же присадися (привилась) Христова вѣра въ нашемь невѣрьи, и уже держащеся корене Іосѣева, яко цвѣты добродѣтели пущающе, райскаго пакыбытья о Христѣ ожи-

дають; да и святители о церкви тружающеся отъ Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова, словесныя уньца къ духовному ярму приводяще, и крестьное рало въ мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаанія почертающе, сѣмя духовное въсыпающе, надежами будущихъ благъ веселяться. Днесь ветхая конець пріяша, и се быша вся нова, въскресенія ради. Ныня рѣкы Апостольскыя наводняються, и язычныя рыбы плодъ пущають и рыбари, глубину Божія въчеловѣченія испытавъше, полну церковьную мрежю ловитвы обрѣтають: рѣками бо, рече Пророкъ, расядеться земля, узрять и разболяться нечестивіи людіе. Ныня мнишьскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показающи, вся удивляеть; якоже бо они въ пустыняхъ самокърміемь живуще, Ангелы и человѣкы удивляють, и си на цвѣты излетающи, медвеныя сты стваряеть, да человѣкомъ сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковьныхъ ликовъ гнѣздящеся веселяться: и птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себе, олтаря твоя, и свою каяжьдо поющи пѣснь, славить Бога гласы немолчьными. Съ этимъ Словомъ слич. у Калайд. въ Іоан. Екс. Болг., 137 Приклади ѡ въстании, т. е. примѣры, воскресеніе объясняющіе, изъ списка Богословія начала XII в.: Многамъ соущи притъчамъ, изборъ сътворьше ѿ ниихъ малъ, съкажемъ о въстании, невѣроующиимъ рекоуще. И отъ ластовицѣ не вѣроуеши ли, ꙗже оу тебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ? и зимѣ пришьдъши ѿидеть ѿ те-

бѣ, и за короу залѣзъши приплашишьшисѧ доубоу, и перье съврьжешь; годоу же весньноуоумоу пришьдъшоу пакы сѧ обьржешь перьемь, ꙗко и навь из гроба исходѧщи, весна бо ѥи въспание припесешь, и много пакы пришьдъши г л҃ть и щьбьчешь, шъкмо не рекоущи: ч л҃вчине! ѡ҃ мене вѣроуи ѡ въскрьсении. И дроугааго съмотри чрьви, иже изъ себе свилоу (шолкъ) шочишь, и обьзаѧ шѣми нишьми домъ сѧ съшворишь и гробъ, съпроспа же рещи всеи емоу плъши шоу съѣхъшисѧ; годоу же пришьдъшю весньноуоумоу пакы опъ же ѡбразъ древльнии иж него приимешь, и пакы шѣжде живошъ боудешь ..... А о сѣмени жишьнѣмь и ѳочивьнѣмь чшо хощу г л҃ти, самѣмъ вы добрѣ вѣдоущемъ: аще зрьна не падоушь въ браздѣ, и ꙗко въ гробѣ не погребѕшьсѧ и раскыдаюшьсѧ разгшивающа, шо не могоушь прозыбноуши, ни класа съшворити.

9. *Зодчество, ваяніе, живопись, музыка.*

Изъ всѣхъ искуѳствъ наши предки болѣе сочувѳшвовали зодчеству, и притомъ преимущѳшвенно храмовому. Лѣтописцы любяшъ въ подробносши описываши церкви, напр. въ Ипат. 111 — 112: (Андрей) уподобися царю Соломону, ꙗко домъ Господу Богу и церковь преславну свяшыя Богородица Рожесшва, посредѣ города, камену, созда въ Боголюбомъ, и *удиви* ю паче всихъ церквій, подобна шоѣ Свяшая Свяшыхъ, юже бѣ Соломонъ царь премудрый создалъ. Тако и сій князь благовѣрный Андрей сошвори церковь сію въ памяшь собѣ, и укра-

си ю иконами многоцѣньными, златомъ и каменіемъ драгымъ и жемчюгомъ великымъ безцѣньнымъ, и устрои ѣ различными цяшами (денарій; у окладныхъ образовъ подвѣсокъ полумѣсяцемъ при вѣнцѣ) 1) и аспидными цашами украси, и всякими узорочьи *удиви* ю, свѣтлостью же не како зрѣти, зане вся церкви бяше золота; и украсивъ ю и *удививъ* ю сосуды златыми и многоцѣньными, шако яко и всимъ приходящимъ дивитися, и вси бо видивше ю не могуть сказати изрядныя красоты ея: златомъ и фиништомъ и *всякою добродѣтелью* и церковнымъ спроеніемъ украшена, и всякыми сосуды церковными, и ерусалимъ златъ, съ каменьи драгими, и рѣпидіи (рипида — вѣяло, круглый на рукояти образъ херувима) многоцѣньными, каньдѣлы различными, изъ дну (въ варіантѣ правильнѣе: извну) церкви отъ верха и до долу, и по стѣнамъ и по столпомъ ковано золотомъ, и двери же и ободверье церкви златомъ же ковано, бяшеть же и сѣнь (навѣсъ надъ престоломъ и царск. врашами) златомъ украшена отъ верха и до деисуса (икона Спасителя между Богородицею и Іоан. Кресп., отъ надписи δέησις) 2), *и всею добродѣтелью церковною исполнена, изъмечтана всею хытростью.* Князь же Андрей бѣ городъ Володимерь силно устроилъ, къ нему же вороша Златая доспѣ, а другая серебромъ учини. И доспѣ церковь каме-

---

1) Добровск. Instit. linguae Slav. 99.

2) Снегирева Памятн. Моск. древности, въ примѣч. къ Опис. Благовѣщ. Собора.

ну сборную святыя Богородица, прекюдну велми, и всими различными виды украси ю отъ злата и сребра, и 5 верховъ ея позолоти, двери же церковныя проѣ золотомъ устрои, каменьемъ дорогымъ и жемьчюгомъ украси ю многоцѣньнымъ, и всякыми узорочьи *удиви* ю, и многими паникандѣлы золотыми и серебряными *просвѣти* церковь, а онъбонъ (амвонъ) отъ злата и серебра устрои, а служебныхъ судъ (сосудовъ, посудъ) и рипидьи и всего строенья церковнаго, златомъ и каменьемъ драгимъ и жемчюгомъ великимъ, велми много, а прiе ерусалими велми велиціи, иже отъ злата чиста отъ каменья многоцѣньна устрои, и всими виды и устроеньемъ подобна быста удивленiю Соломоновѣ Святая Святыхъ; и въ Боголюбомъ и въ Володимерѣ городѣ верхъ бо златомъ устрои, и комары позолоти, и поясъ (шябла или пояса, т. е. ярусы Икопостаса назывались праотеческими, пророческими, апостольскими и праздничными, Деисусомъ и мѣстными образами) златомъ устрои, каменьемъ *усвѣти* и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же пошкы (варіантъ: шпахы) золоты и кубкы и вѣшрила золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около. — Обратимъ вниманіе на прекрасныя выраженія курсивомъ; касательно слова *измечтана* надобно замѣтить, что мечта, мечтаніе, мечтать съ одной стороны у насъ употреблялись для выраженія художественнаго понятія, а съ другой для означенія чего-то дьявольскаго, ворожбы, гаданія языческаго, напр. Софійск. врем. I, 175: пре-

дивно бысть въ Полотьсцѣи: въ мечтѣ бываше въ нощи шушенъ, стонущь по улицамъ, яко человѣци рыщущи бѣси. Ипат. 184: . . . и Чигизаконова мечтанья, скверная его кровопитья, многыя его волъшбы. Въ молитвѣ мы просимъ Бога дать намъ сонъ безмечтанный 1). Еще описаніе церкви, Ипат. 196, построенной въ Холмѣ при Даніилѣ: (1259) созда же церковь святого Ивана, красну и лѣпу; зданье же еѣ сице бысть: комары 4, съ каждого угла преводъ, и столпье ихъ на четырехъ головахъ человѣцскихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3 украшена стеклы Римьскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла камени, и на нею комара, и выспрь же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутрьнии же ей помостъ бѣ слитъ отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещашися яко зерцалу; двери же ей двоя украшены каменьемъ Галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскымъ, шесанымъ, узоры шѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдьемъ, прилѣпы отъ всихъ шаровъ и злата, напреди ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ а на полунощныхъ святый Иванъ, якоже всимъ зрящимъ дивитися бѣ.—Нѣкоторыя названія частей церкви и хоромовъ перенесены отъ частей тѣла, напр. шея, глава, лобъ, плечи и др.: побиша лобъ у Святыя Троица желѣзомъ, Пск. лѣт. 102. видяху многажды изо лба церковнаго Преподобнаго Варлаама велію стрѣльбу бываюшу, ibid. 233. у каменой церкви верхъ огорѣлъ

---

1) Слич. ниже, стр. 184.

рѣлъ до плечь, Новог. лѣт. 150. у Іоанна Святаго маковица огорѣла да и плеча, ibid. 152. повѣсиша колоколъ на персѣхъ на новой стѣнѣ, Пск. лѣт. 102. и постави его на крилѣ церковномъ, Матѳ. 4, 5.

Нѣсколько указаній для старинной художественной терминологіи: постави владыка Іоанъ теремецъ каменъ, идѣже воду священють на всякый мѣсяць, и пекелницу камену, Новг. лѣт. 103. постави архіепископъ Новогородскіи владыка Еуѳиміи ключницу хлѣбную камену, ibid. 112. духовницу камену, ibid. 114. Въ Ипат. 113: медуша. Въ Лѣтоп. Арханг. (Князь великій) выйде отъ него въ повалушу, а Князю Андрею повелѣ себѣ ждати, и бояромъ его повелѣ итти въ столовую гридню. Слич. старую пословицу: теремъ высокъ, а повалуша выше. Въ Пск. лѣт. 224: буя полата (при церкви: вѣроятно выносились въ нее мертвыя тѣла). — Палатами 1) назывались каменныя зданія, хоромами — большія деревянныя, съ теремами, вышками, гриднями, повалушами и сѣнями. Палата попадается уже у Нестора. Срубить городъ — техническое выраженіе для постройки города. Способъ строенія деревянныхъ домовъ былъ: въ обло; въ лапу, или въ замокъ; сковородникомъ; въ присѣкъ, или въ крюкъ; въ охрянку, или скобой. Крыши о двухъ скатахъ назывались двускат-

1) Смотр. Снегирева Памятники Московской древности, тетрадь первую.

ными, а на всѣ стороны скатомъ — шатровыми, или епанчею. Храмы строились: крещатые—т. е. по греческому кресту, коробовые—т. е. полукруглые, и наконецъ стрѣльчатые или монастырскіе, введенные въ Россіи съ XV в. Своды сводили, или собирали сводомъ зданіе: собирая сводомъ сошвориши ковчегъ, Быт. 6, 16. Своды въ церквахъ были стрѣльчатые, копловые и коробовые; въ нихъ дѣлались голосники; верхи ихъ сводились въ три яруса теремами и закомарами, кои осѣнялись главами.— Иконописцы по различію дѣлопроизводства различно назывались: знаменщики—дѣлали абрисъ, личевщики—писали лица, доличные—писали одежду. Иконное письмо раздѣлялось на крупное и мелочное, собственно иконное, стѣнное и правное: послѣднее состояло въ расписаніи стѣнъ травами и цвѣтами. По числу листовъ накладываемаго на доску золота иконы именовались пятницами (или пятилистовыми), шестилистовыми, осмилистовыми. Названія для частей иконы: въ лицахъ ошживка, или блики; на высокихъ мѣстахъ подпробѣлки, замѣнившія прежнюю костоватость; въ одеждахъ волосъ подрусники и просѣдинки, въ доличномъ или въ драпировкѣ гвенты; лица писались прямолично (en face); съ XVII в. на иконахъ появляется зашинка, соотвѣтствующая свѣтлотѣни. Художественный стиль назывался *пошибомъ*. Иконописцы подлежали вѣдомству Оружейной серебряной палаты *иконнаго воображенія* (т. е. изображенія).—Оброчная или сканная работа литая называлась и вольячной, т. е. массивной; противопо-

лагалась тощей или дупой, испуканной и выбойчатой, или басменной, которая называлась и басмою.

Для старинной музыкальной терминологіи, именно церковной, источниками могутъ служить стихирари (рукописи съ XIV в., смотр. Востокова Описан. Румянц. муз. стр. 650 и слѣд.), или сборники церковныхъ пѣснопѣній съ крюковыми нотами, или знаменіями. Изъ многихъ названій этихъ нотъ, нѣкоторыя весьма любопытны, напр. змиика, голубчикъ, стопица, стопица съ очкомъ, чашка, крюкъ съ облачкомъ, с подчашіемъ, стрела, поводная, поездная, мрачная, свѣтлая, громная, громная свѣтлая, крижь (крестъ), мечикъ, паукъ, лошадка, перевязка, ѳита двоечелная, приспрѣлная, громогласная, дубинка, колчанецъ, недоскокъ, перескокъ, колыбелка, тужливая ковычка, кудри, и проч.

Музыка называлась гудьбою, отъ глагола гудѣть, откуда и гудокъ, и погудка, и гусли (л въ окончаніи означаетъ орудіе), употребительнѣйшій и древнѣйшій у Славянъ инструментъ. Подъ 591 годомъ Ѳеофилактъ упоминаетъ о шроихъ Славянахъ, имѣвшихъ при себѣ не оружіе, а инструменты въ родѣ гуслей. У Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ были съ пляскою и пѣснями игрища, на коихъ совершались языческія свадьбы. Свидѣтельство о древнѣйшихъ родахъ нашей музыки въ Др. р. сш. 132—133:

И зачалъ шутъ Скавръ поигрывати:
сыгрищъ сыгралъ Царя-града,
танцы навелъ Іерусалима,
величалъ Князя со Княгинею,

сверхъ того игралъ Еврейской стихъ; —
посолъ задремалъ и спать захотѣлъ.

Слѣд. у насъ пѣлись и игрались: 1) Византійскій сыгришъ, 2) Іерусалимскія танцы, можетъ быть, пенцоны — драмматическія пѣсни, 3) величанія князьямъ, подобныя пѣснямъ о Владимирѣ, 4) Еврейскіе стихи, т. е. Псалмы, сполъ любимые нашими предками 1).

10. Предложеніе, пословица, періодъ, рѣчь.

Не надобно думать, что въ старину наши писатели не умѣли связывать словъ въ стройныя предложенія и періоды. Поговорки и пословицы 2), сохранившіяся въ древнихъ памятникахъ, суть не иное что, какъ лучшіе, избраннѣйшіе отрывки рѣчи нашихъ предковъ, служащіе намъ примѣромъ тому, какъ прежде строились у насъ предложенія и періоды. Еще Преподобный Несторъ обратилъ вниманіе на народныя пословицы, или притчи, какъ онъ называетъ ихъ; и приводитъ слѣд.: есть притъча в Руси и до сего дне: погибоша аки Обре, Лавр. 7. есть притча и до сего дне: бѣда аки в Родинѣ, 46. тѣмь и Русь коряшся Радимичемъ, глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгаютъ, 51—52. Пословицами и обычными поговорками объясняются и слѣд. выраженія въ Несторѣ: да будемъ золоти (жолты) яко

1) Смотр. въ Очеркахъ Россіи Пассека, III, 64.
2) Смотр. Снегирева Русскіе въ своихъ пословицахъ 1831 4 части.

золото — клятва; аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо — говорили Древляне объ Игорѣ; Руси есть веселье пить, не можемъ без того быти,—сребромь и златомь не имамъ налѣсти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато — говорилъ Владимиръ. Послѣднюю пословицу повторяетъ Даніилъ Заточникъ такимъ образомъ: мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти. Сочинитель Слова о Полк. Игор. приводитъ припѣвку вѣщаго Бояна: ни хытру, ни горазду, ни пытцю горазду суда Божіа не минути. Здѣсь припѣвка имѣетъ значеніе пословицы, т. е. мудраго изрѣченія; собственно же припѣвка есть прелюдія, какъ напр. въ началѣ древнихъ стихотвореній:

Высота ли высота поднебесная,
глубота, глубота океанъ море;
широко раздолье по всей земли,
глубоки омуты Днѣпровскіе.

Такое безотчетное возвышеніе и углубленіе выражаютъ полетъ творческаго воодушевленія, и, какъ увертюра передъ оперою, отвлекаютъ читателя или слушателя отъ прозаическаго быта и пріуготовляютъ къ поэтическому разсказу. Не характеризуется ли подобная припѣвка въ началѣ Сл. о Полк. Иг.: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити: то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы? Отъ пословицы поговорка отличается тѣмъ, что означаетъ вообще какой нибудь удачный оборотъ рѣчи: слово имѣетъ высшій смыслъ, и даже упо-

требляется какъ общее названіе для рѣчи, проповѣди, сочиненія; говоромъ же называется и крикъ животныхъ, напр. въ Сл. о П. И. говоръ галокъ. Такъ поговоркою можно назвать причитанье Русскихъ женъ, плачущихъ по мужьяхъ своихъ въ Сл о П. И: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати. Пословица распространяется иногда до полнаго силлогизма придачею меньшей посылки, или частнаго случая къ общей мысли, выражаемой пословицею, ibid: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы, Руской земли безъ Игоря — т. е. пословица: тяжко головѣ безъ плечь, зло тѣлу безъ головы; примѣненіе: Руси безъ Игоря. — Пословицы въ лѣтописяхъ: копая подъ другомъ яму самъ ся въ ню въвалить, Новг. л. 56. не идеть мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту, Ипат. 65 — сказалъ Изяславъ, узнавши, что сынъ его побѣжденъ. браше! миръ стоить до рати (войны), а рать до мира, ibid. 65 — выражаетъ воинскую жизнь нашихъ предковъ. не вѣдуще глаголемаго: идѣ же законъ, ту и обидъ много, ibid. 115 — гражданскія отношенія. О разореніи Бѣльза Даніиломъ въ одну ночь: сію же паречютъ Бѣлжане: злу ночь; сіи бо нощь злу игру имъ сыгра, ibid. 163. Слич. подобную этой: Скыршъ рѣка злу игру сыгра гражаномъ, шако и Днѣспръ злу игру сыгра Угромъ, ibid. 170—о погибели Венгровъ на Днѣспрѣ, поговорка въ игрѣ словами. Романе, лихимъ живеши, Литвиномъ ореши (пашешь) — о жестокости Романа Волынскаго съ

плѣнными Литовцами. господине! не погнѣшии пчелъ меду не ѣдашь, Ипат. 171—говоритъ сотскій Микула Даніилу Романовичу иносказательно, чтобы онъ притѣснялъ бояръ для своей пользы.—Оставляя множество другихъ пословицъ, разсѣянныхъ по древнимъ памятникамъ, обращаю вниманіе на Слово Даніила Заточника, почти все сложенное изъ поговорокъ и изреченій: ихъ же ризы свѣтлы, пѣхъ и рѣчь честна. никто же можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села. безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся ражаютъ. какъ во ушелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ не надобе злато и сребро, ни безумному мудрая словеса: ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати. глаголетъ бо въ міръскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь въ звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нопопырь. глаголетъ бо въ міръскихъ притчахъ: рѣчь продолжна не добро, продолжена паволока, и пр. Памят. Рос. Сл. XII в. 229 — 240 1). Вотъ какъ въ

1) О древнихъ пословицахъ у славянскихъ племенъ см. Maciewskaго Pamiętniki 1839, II, 83.

старину изъ пословицы развивался цѣлый періодъ и образовывался слогъ. Такое историческое изслѣдованіе пролагаетъ путь и къ научному изученію теперь употребляющихся пословицъ. Однако надобно замѣтишь, что нынѣ не можемъ уже мы такимъ образомъ начинивать свою рѣчь поговорками: что встарь было простотою и безыскусственностью, то покажется теперь намѣреннымъ, тяжелымъ педантствомъ.

Построеніе періодовъ въ нѣкоторыхъ древнихъ произведеніяхъ чрезвычайно правильно: такъ въ Словѣ Даніила Заточника всѣ пословицы и поговорки слиты въ стройныя формы періодовъ, а періоды по большой части примыкаются другъ къ другу; составляя не разрѣшимую цѣпь. Вотъ примѣры періодовъ: 1) *противительный*, заключающійся пословицею: богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Обращишь вниманіе на соотвѣтствіе предложеній и словъ въ частяхъ втораго періода: богатъ—вси—и; убогъ—вси—и. 2) *сравнительный*: птица бо радуется весне, а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможь погружаеми.—Яко же бо неводъ не удер-

жишъ воды, но точію едины рыбы: шако и шы, княже господине, не воздержи злата и сребра, но раздай людемъ. паволока, испещрена многими шелки, красно лицо являетъ: шако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ. 3) *относительный:* но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе, а мене помяни шеплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. егда лежиши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ плашомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе. коли пожретъ синица орла, коли каменіе восплыветъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, шогда безумный уму научится. 4) *винословный*, связывающій нѣсколько пословицъ: злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Обѣ части этого періода идутъ параллельно, состоя изъ соотвѣтственныхъ уподобленій. 5) *условный*: или ми речеши: отъ безумія ми еси молвилъ: шо не видалъ есми неба полъстяна, ни звѣздъ луговяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще. или ми речеши: солгалъ ми еси аки песъ: добраго бо пса князи и бояре любятъ. или ми речеши: солгалъ ми еси аки шашь, аще быхъ умѣлъ красти, толико бы не скорбѣхъ. Всѣ эти три условные періода соединяются другъ съ другомъ союзами *или*, и потому всѣ вмѣстѣ представляютъ какъ бы одинъ

періодъ раздѣлительный. 6) Соединеніе сравнительнаго періода съ винословнымъ: гусли бо строяшися персты, а тѣло основаешся жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: шако и градъ нашъ крѣпится твоею державою: зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ.

Уже въ Сборникѣ Святославовомъ 1076 года встрѣчаются правильные періоды, напр. въ Словѣ нѣкоего Калугера (καλογέρων, добрый старецъ, монахъ) о чтеніи (чтеніи) святыхъ книгъ, въ оригинальномъ славянскомъ, по мнѣнію Востокова, произведеніи, періоды сравнительные: рекоу же, уозда копеви правитель есть и въздьржании: правьдьникоу же книгы. Не съставишь бо съ корабль безгвоздии, ни правьдникъ беспочитании (безъ чтенія) книжьнааго: и ако же плѣньникомъ оумъ споить оу родитель своихъ, шако и правьдьникоу о почитаньи книжьнѣмь. красота воиноу ороужие. и корабля вѣприла: шако и правьдьникоу почитание книжьное. (Въ Славянск. Христ. Пеннинскаго, 1828, стр. 249). Замѣтишь въ этихъ періодахъ симметрическое соотвѣтствіе сравниваемыхъ понятій.

Еще любопытнѣе для насъ такіе періоды, въ коихъ ясно отношеніе внутренняго содержанія къ грамматической формѣ, напр. *символическіе* періоды, въ трепьемъ словѣ Кирилла Туровскаго (Памят. Слов. XII в. стр. 21): „Ныня солнце красуяся къ высотѣ въсходишь и радуяся землю огрѣваешь, въ-

зиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ.“ Части періода относятся другъ къ другу, какъ члены параллелизма, ибо символизмъ предполагаетъ параллельное соотвѣтствіе между таинственною мыслію и образомъ; солнцу соотвѣтствуетъ Христосъ; къ высотѣ восходитъ — возиде отъ гроба; землю огрѣваетъ — вѣрующая спасаетъ. „Нына зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразумiемъ растаялся; зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовъ ребръ растаялся.“ Это періодъ изъяснительный, ибо во второй части объясняются и распространяются слишкомъ сжатыя символическія выраженія первой части. Такъ какъ объясненіе предполагаетъ во второй части развитіе той же мысли, что и въ первой: потому здѣсь части періода соотвѣтствуютъ другъ другу, какъ члены параллелизма синонимическаго: зима грѣховная покаяніемъ престала есть — зима убо язычьскаго кумирослуженія Апостольскымъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть. Какъ первый членъ первой части соотвѣтствуетъ первому второй части, такъ второй — второму. Зима грѣховная, ледъ невѣрія — символич. опредѣленіе, и родит. падежъ символа. „Днесь весна красуется, оживляюще земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобзуютъ и земля сѣмена пипающе зелену траву ражаетъ. Весна убо красная вѣра есть Христова, яже крещеніемъ поражаетъ человѣчьское па-

кы естьство; бурніи же вѣтри грѣхотвореній помысли, иже покаяніемь претворшеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобьзуютъ: земля же естьства нашего, акы сѣмя Слово Божіе пріимши, и страхомь его присно болящи, духъ спасенія ражаетъ.“ Въ первомъ періодѣ проповѣдникъ представляетъ каршину природы, бросаетъ взглядъ на природу очами внѣшними; въ слѣдующемъ же періодѣ оживляетъ эту каршину внутреннимъ, символическимъ значеніемъ: весна — вѣра Христова, бурніи вѣтри — грѣхотвореній помысли, земля — земля естества нашего, т. е. душа. Каршинѣ природы въ первомъ періодѣ соотвѣтствуютъ символическія представленія втораго періода: весна оживляетъ природу — Христіянская вѣра человѣческое естество; тихіе вѣтерки лелѣютъ плоды — добродѣтель возращаетъ спасеніе души; земля, пиная сѣмена, праву изводитъ — душа человѣка, пріявъ слово Божіе, болящая страхомъ Божіимъ, рождаетъ духъ спасенія. Таково символическое соединеніе двухъ періодовъ.

Теченіе оратарское также наблюдалось и въ старину, напр. въ Сл. о Полк. Иг. 1) симметрическая постановка глаголовъ на концѣ предложеній: заря свѣтъ *запала*, мъгла поля *покрыла*, щекотъ славій *успѣ*, говоръ галичь *убуди*. Рано еста начала Половецкую землю мечи *цвѣлити*, а себѣ славы *искати*. нъ нечестно *одолѣсте*: нъ не честно бо кровь поганую *проліясте* (и стройный прошивительный періодъ). ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ *скована*, а въ буести *заколена*. Всеславъ князь

людямъ *судяше*, княземъ грады *рядяше*, а самъ въ ночь, влъкомъ *рыскаше*. Стройность послѣдняго періода дополняется плеоназмомъ судяше — рядяше, и дактилическимъ окончаніемъ рыскаше. 2) глаголы въ началѣ предложеній: *стоиши* на борони, *прыщеши* на вои спрѣлами, *грѣмлеши* о шеломы мечи харалужными. Тоже съ дактилическимъ окончаніемъ. 3) въ противительномъ соединеніи слѣдующее предложеніе начинается тѣмъ же словомъ, которымъ оканчивается предыдущее: Немизѣ кровавѣ брези не бологомъ бяхуть *посѣяни*, *посѣяни* костьми Рускихъ сыновъ. 4) періодъ оканчивается обращеніемъ съ звательнымъ падежемъ: велиши послушати земли незнаемѣ, Вльзѣ, и поморію и посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ! — не былонъ (не было оно) обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрѣный воронъ, поганый Половчине! 5) повтореніе при исчисленіи дней до третьихъ суткъ: бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы. Слич. въ Краледв. рукоп. 66 i minu den prui i minu den vteri „i kdaz za trsietem luna wnoci biese—и минулъ день первый, и минулъ день второй, когда же за третьимъ луна въ ночи была; ibid. 72 i minu den i minu den vteri „i po trsietiem dni kehdisie zatemnise noc — и минулъ день, и минулъ день второй, и по третьемъ днѣ когда затемнѣла ночь. 6) дактилическія окончанія періодовъ: орьтъмами и япончицами и кожухы пачаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узо-

рочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьсла́вличю. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону вели́кому. Попытки разложить Слово о П. Иг. на стихи только частію удавались: по крайней мѣрѣ никто не отвергнетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соотвѣтственнаго, симметрическаго теченія предложеній:

Высоко плаваеши на дѣло въ бу́ести
яко соколъ на вѣтрехъ ширя́яся,
хотя тицю въ буйствѣ одолѣти.
суть бо у ваю желѣзныи па́порзи,
подъ шеломы лати́нскими.
тѣми тресну земля и многи стра́ны.

7) риѳмы въ періодахъ, составленныхъ изъ пословицъ, напр. въ Сл. Даніил. Заточн.: — а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущь каменны не *лзя пити*, ни коня *напоити*.

Рѣчи нашихъ предковъ отличаются краткостью, напр. Новог. лѣт. 48 или вы собѣ, а мы собѣ. 50 придоша кождо десятыи въ домы своя. Пск. лѣт. 217 а наши головы въ ихъ головы. Закон. Іоан. III: и та отпустнаа грамота въ отпустную. та грамота не въ грамоту (изд. Калайд. и Строев. 8). Самое соединеніе предложеній, при видимой неправильности, много способствовало краткой выразительности: Новог. 60 а Юрьи Князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть. 70 избиша Корѣла городчанъ, кто былъ Руси въ Корѣльскомъ городкѣ. Въ послѣдствіи времени витіеватость и претензіи на образованность

испортили старинный періодъ: разительный примѣръ тому предлагаетъ начало Грамоты о избраніи Михаила Ѳеодоровича: Великого Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣте неприступнемъ, въ превелицей, и въ превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славе величествія Своего, седящаго на престоле Херувимстемъ съ превѣчнымъ и единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя Троица, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольные, и равно сильныя и равно совѣшныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя и сприсносущныя, и собезначальные и единоначалные, и присоставные и нераздѣлные, въ трехъ составехъ единаго Божества, Царя царствующимъ и Господа господьствующимъ, непреодолѣннаго и всякие силы крепчайшаго, Имъ же Царие царствуютъ и велицыи величаются, сего въ Троице присно-славимаго Бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами, и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко создание отъ небытия въ бытие создаваетца, и отъ несущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него жъ приимша земля наша Руская своими Государи обладаема быти, ихъ же великихъ Государей, Царей Россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго Цесарского престола, и прекрасноцвету-щаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обла-

дающаго всею вселенною 1).—Такимъ образомъ, кромѣ періода библейскаго, надобно отличать народный безыскусственный, и въ послѣдствіи витіеватый, напыщенный, отягощенный иностранною конструкціею. Ломоносовъ далъ искусственную, классическую раму неустроенному періоду: преобразованіе это въ отношеніи къ періодамъ варваризмамъ было благодѣтельно; въ отношеніи же къ народной безыскусственной рѣчи—вредно. Надобно было возвратиться къ древнѣйшему построенію рѣчи старинныхъ нашихъ памятниковъ: это совершено было уже Карамзинымъ въ И. Г. Р.

ИСТОРІЯ АРХАИЗМОВЪ.

Какъ въ старинныхъ памятникахъ церковнославянскихъ, въ лѣтописяхъ, посланіяхъ и особенно юридическихъ актахъ, постоянно попадаются рускія рѣченія между церковнославянскими: такъ и въ народной рѣчи, какъ архаизмы, разсѣяны славянизмы, напр. въ Др. Руск. Стих. *звуки*: е вм. о: единъ, я вм. ѣ: ясти, щ вм. ч: хощетъ, и пр. *Склоненія*: ед. им. маши 373. ед. род. женск. со тыя горы со высокія 210. только ты дай мнѣ загонъ земли, „пепаханыя и неораныя 5. Цс. звател. вм. имен., и Цс. винительн. а то коли тебѣ Господи дочерь дастъ 253. мѣстн. падежъ: на славной Волгѣ рѣкѣ на верхней, „изголовѣ на Бузанѣ острове 106. а въ другомъ мѣстѣ уже предложн. въ тѣхъ устьяхъ

1) Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ, I, 599.

Тобольскіихъ на изголовѣ становилися 116. множ. швориш. со вдовы чесшны, многоразумными 8. двойств. число: двумя брашцами родимыми, „дву удалыми Борисовичи 34, шакже 35. а приемъ шолько было козаковъ на дву коломенкахъ 122. сесшра шебѣ Волга челобишье посылаешъ двою 267. — *Спряженія*: неоконч. наклоненіе весьма часшо на—и: спали пиши, ясши, прохлаждашися 154. сужено поняши, „подъ злашъ вѣнецъ спаши, „законъ Божій пріяши, „любовно жиши, „дѣшей сводиши 397. прошедш. описан. еще имали были свои добрые кони 404, а поѣхали были на своихъ добрыихъ коняхъ ibid. Цс. безличн: не подобаешъ шебѣ въ деревнѣ жишь 163. NB: на спр. 186 убихъ — вѣроятно ошибка. — Архаизмы въ часшицахъ: и паче мнѣ браша родимаго 75. Князю дары полюбилися, „а Княгинѣ паипаче шого 5. и шому Тапары дивуюшся паипаче шого 117. почшо увезъ шы Наспасью Дмишріевну? 142. почшо онъ плашье снимаешъ? 43. вельми онъ Иванъ закручинился 137. а Ивашушки пономаря здѣ же нѣшъ 384. ради корысши своея 109. и буде же я васъ побью 78. а есшь ли бо не дождешься въ шесшь лѣшъ, „шо жди меня въ двѣнадцашь лѣшъ 198: не испорченное ли *если бы*?

Ломоносовъ опдѣлилъ церковнославянскій языкъ опъ Рускаго 1): „Россійскій языкъ чрезъ упошребленіе книгъ церковныхъ по приличносши имѣешъ разныя спепени, *высокой*, *посредственной* и *низкой*. Сіе

1) О Пользѣ книгъ церковныхъ.

происходищъ ошъ трехъ родовъ реченій Россійскаго языка. Къ первому причитаются, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще употребительны, напр. *Богъ*, *слава*, *рука*, *нынѣ*, *почитаю*. Ко второму принадлежатъ, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ; однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напр: *отверзаю*, *Господень*, *насажденный*, *взываю*. Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда выключаются, какъ: *обаваю*, *рясны*, *овогда*, *свѣнѣ* и симъ подобныя. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ оспашкахъ славенскаго языка, т. е. въ церковныхъ книгахъ, напр: *говорю*, *ручей*, *которой* 1), *пока*, *лишь*." Изъ перваго роду реченій, по Ломоносову, составляется слогъ средній, изъ втораго — высокій, изъ третьяго — низкій: слѣд. церковнославянскій языкъ входитъ въ рускій, какъ стихія, образующая высокій слогъ. Архаизмы въ одахъ Ломоносова: вся шварь со многимъ страхомъ внемлетъ. вѣщаетъ Вѣтхій деньми къ ней. мой гнѣвъ на кротость преложила. пробавилъ милость въ людяхъ сихъ. посли святую благодать. полки противныхъ отжени. уже со многими народы. избавльшія богини зракъ. гордыню сопостатовъ стерши. и время Твоея державы „да ублажатъ раби Твои. внуши народовъ многихъ гласъ. и пр.

Жуковскій, кромѣ Цс. брегъ, глава, крилѣ (двойств. числ.) и др., употребляетъ слѣд. архаизмы:

---

1) *Который* попадается въ Остромир. Евангеліи.

защитой *бо* града единый былъ Гекторъ; дат. самостоят.: смотритъ (судно) въ глубокой долъ, въ глубокую мглу Ахерона; „вдругъ съ волной упадаетъ, и, *кругомъ взгроможденному морю*, „видитъ какъ будто изъ адскія бездны далекое небо (Цеиксъ и Гальціона). Но... *богамъ отвратившимся*, поздно ввѣряться надеждѣ: т. е. когда отвратились боги, не ввѣряйся надеждѣ. Слич. Мерзлякова въ переводѣ Идилліи Мосха, Европа: *власамъ распущеннымъ*, трепещуща блѣдна, „кличетъ подружекъ. У Пушкина, въ Борисѣ Годуновѣ: *никая* казнь меня не устрашитъ. *да* правлю я во славѣ свой народъ. Царь Іоаннъ искалъ успокоенья „*въ подобіи* монашескихъ трудовъ. Царю *едино зримый*. *зане* святый Владыка предъ царемъ „во храминѣ тогда не находился. на *нѣкое* былъ посланъ послушанье. буду царемъ *на* Москвѣ. ты мнѣ была единственной святыней, „предъ *ней же я* притворствовать не смѣлъ. Слич. въ Фаустѣ: таковъ вамъ положенъ предѣлъ, „*егожъ* никто не преступаетъ. Въ подражаніи Данту: и полныя святыни *словеса*. Въ Исторіи Пугачевскаго бунта: подкопъ былъ приведенъ въ *дѣйство*; бѣдствіе разгорѣлось съ *вящшею* силою; *обще* съ Капитаномъ; неоднократно употребляются *дабы*, *таковой* и проч. У Лермонтова въ Героѣ нашего времени: я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, *ибо* со мной былъ чугунный чайникъ.

Съ большей подробностію предлагаю извлеченіе архаизмовъ изъ ИГР., подъ коими разумѣю намѣренно заимствованное Карамзинымъ изъ старинныхъ на-

шихъ памятниковъ 1). Въ этихъ выраженіяхъ надобно обратишь вниманіе на народный складъ въ древней формѣ, на переходъ архаизмовъ къ рѣчи народной.

1. образованіе словъ: а) съ краткими окончаніями: новоукъ V, 56. IX, 362. примыслъ V, 221. разсудъ VIII, 249. прыскъ IX, 179. б) съ особенными окончаніями: женище IX, 274. в) сложныя слова: скородомъ X, 271. двоемысліе XII, 96: слич. Ипат. 192 Андрееви же надвое будущу, ibid. 218 я не двоюрѣчю.

2. значеніе словъ: а) архаизмы: обручи I, 154. изводъ II, 65. рошники III, 275 и мн. др. б) рускія слова взамѣнъ варваризмамъ: смиренное платье вм. прауръ IX, 139. копашь борозды вм. весши пранши IX, 331 и 332. кувшины съ зельемъ вм. гранаты IX, 337, и пр. в) народныя слова: прохлада вм. удовольствія и удобства жизни IX, 6. г) слова, разширяющія свое значеніе: разводъ VII, 42. урокъ VIII, 20.

3. описательныя формы: держашь страхъ вм. страшишься V, 201. водишь круги вм. кружишься VIII, 164.

4. постоянные эпитеты: къ милымъ ближнимъ I, 139—изъ договора Олега съ Греками, въ коемъ сказано: да возвратитъ имѣніе къ милымъ ближникамъ въ Русь, по Кенигсб. сп. 31. Въ подлинникѣ лучше, ибо вмѣсто двухъ прилагательныхъ стоитъ существительное съ прилагательнымъ.

---

1) Слич. извлеченіе, предложенное въ I-й части.

5. украшающіе эпитеты: сабли свѣтлыя VI, 308, когда онѣ блещутъ во время битвы. Слич. постоянный эпитетъ въ обычномъ выраженіи у Лужичанъ: ze swjetłym meδom zejhrawaδ 1).

6. тавтологія: возить повозъ I, 244. судилъ и рядилъ землю VII, 181.

7. обычныя выраженія: отъ мала до велика XII, 257.

8. изобразительныя выраженія вм. отвлеченныхъ: отеръ потъ вм. успокоился отъ трудовъ II, 19.

9. выраженія, соотвѣтствующія древнему быту: а) старина въ смыслѣ древнихъ обычаевъ и правъ. б) бытъ воинскій: седлами закидаютъ III, 156. стояли всю ночь за щитами III, 157. взявъ ихъ землю на щитъ IV, 128. стояли Россіяне на костяхъ IV, 101. V, 72. племянникъ куетъ копіе на дядю V, 217. унять мечь. в) миръ и согласіе: князья Ростовскіе и Ярославскіе со мною одинъ человѣкъ V, 42. г) понятія нравственныя: не можемъ играть душею II, 232. связать душу Васильеву крестомъ и Евангеліемъ V, 325.

10. выраженія соотвѣтствующія нѣкоторымъ историческимъ фактамъ: съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось заразомъ III, 278. голодъ названный въ лѣтописяхъ рослою рожью IV, 241. легатъ отъ ребра Апостольскаго V, 292. (Греки) замѣшали Русскую землю VII, 181 и мн. др.

---

1) Haupt u. Schmaler, Volkslieder der Wenden, 1841, I, 319.

Карамзинъ такъ остороженъ въ своихъ частыхъ выпискахъ изъ древнихъ памятниковъ, что по большой части объясняетъ ихъ для читателя, изъ боязни быть непонятымъ: отъ того бываетъ иногда неловкость, особенно если филологическое толкованіе вкладывается въ уста историческаго лица: не заплатилъ ли я ему выхода или царской пошлины? IV, 179. Гораздо лучше объясняется это слово въ Др. Рус. стп. 32 наборомъ синонимовъ: дани, невыходы, „Царски невыплаты.

Если мы сличимъ архаизмы у Ломоносова, у Карамзина и у Пушкина: увидимъ естественную послѣдовательность, съ какою вкоренялись они въ письменный языкъ. Старинныя формы въ одахъ Ломоносова и въ ИГР. иногда останавливаютъ читателя, ибо не вездѣ связываются органически съ предыдущимъ и послѣдующимъ: Пушкинъ внутреннею, живою связью связалъ славянизмы съ народной рѣчью.

СТИХИ ЧУЖЕЗЕМНЫЯ.

Языкъ есть выраженіе не только мыслительности народной, но и всего быта, нравовъ и повѣрій, страны и исторіи народа. Единство языка съ индивидуальностью человѣка составляетъ народность. Искреннія, глубочайшія ощущенія внутренняго бытія своего человѣкъ можетъ выразить только на родномъ языкѣ. Внутренняя нераздѣльность языка и характера народа особенно явствуетъ изъ отношенія языка къ народной образованности,

которая есть не иное что, какъ непрестанное развитіе духовной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языка 1). Если образованность вышла не изъ внутренней потребности народа, а привита извнѣ; то и въ языкъ вмѣстѣ съ понятіями входитъ множество словъ чуждыхъ, невразумительныхъ для народа, отягощающихъ рѣчь какъ лишній наростъ. Простой народъ никогда не понимаетъ этихъ иностранныхъ, или же на иностранный образецъ сработанныхъ словъ, и употребляетъ ихъ некстати и невпопадъ. Сличите новые технические термины съ простонародными названіями ремесленными или земледѣльческими: въ первыхъ напряжка, условное значеніе, неясность, вялость; въ послѣднихъ легкость, простота, глубина и жизнь. Все, что развивается въ языкѣ органически само изъ себя, есть выраженіе народнаго ума и быта, и потому удобопонятно само по себѣ: занесенное же и насильственно изобрѣтенное умствующимъ разсудкомъ содержитъ въ себѣ, подобно монетѣ, только условное значеніе. Слова заимствованныя, какъ поддѣльные цвѣты, не укореняются въ языкѣ, ибо народъ не знаетъ ни роду ихъ, ни племени, не сочувствуетъ корню, отъ котораго они происходятъ; стоятъ они, какъ сироты, не будучи окружены производными отъ себя, или сродными по корню. Впрочемъ наука запрещаетъ пристрастно нападать на варваризмы, и упрямо изгонять ихъ изъ всеобщаго

1) Слич. Беккера Organism der Sprache § 6.

употребленія, замѣняя ихъ своими словами вовсе обветшалыми, и слѣд. непонятными, или же словами родственныхъ намъ племенъ: напр. у Чеховъ есть прекрасныя слова для элемента, эпохи—живелъ, доба: но кто же ихъ пойметъ поруски кромѣ занимающагося филологіею? Какъ приторны въ новѣйшемъ слогѣ мужицкія поговорки, такъ же несносны и педантскіе варваризмы, которые противны читателю наровнѣ съ непонятными архаизмами и провинціализмами. Только геніи и великіе писатели даютъ иностраннымъ словамъ право гражданства смѣлымъ нововведеніемъ. Дѣло науки опредѣлить значеніе варваризмовъ въ историческомъ развитіи языка.

Исторія варваризмовъ стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею народа. Позднѣйшіе народы по неволѣ должны заимствовать образованность у предшествовавшихъ: потому, къ внутреннему развитію присоединяется чуждое вліяніе, къ народному языку варваризмы. Историческіе перевороты сближаютъ одинъ народъ съ другимъ враждебно или дружественно, и заставляютъ ихъ мѣняться мыслями и словами: опять втѣсняются варваризмы. Но такъ какъ въ языкѣ есть особенная живительная сила, потому всякій варваризмъ онъ старается подчинить своему собственному организму звуковъ; такъ напр. въ иностранныхъ словахъ 1) нетерпимые нами ф и ѳ замѣняемъ мы зкуками сродственными п и т: Степанъ вм. Стефанъ, театръ вм. ѳеатръ. 2) тонкій гласный звукъ вм. г съ гласнымъ; Юрій вм. Георгій, Гюргій. 3) въ избѣжаніе стеченія гласныхъ

вставляемъ в: Иванъ вм. Іоаннъ, или 4) употребляемъ тонкій гласный вм. і съ гласнымъ: ердань вм. Іорданъ, Ерусалимъ вм. Іерусалимъ. 5) отбрасываемъ начальный гласный: напрахиль вм. епипрахиль, въ старину пискупъ вм. епископъ, 6) отбрасываемъ окончательный с, напр. Христа, Христу вм. Христоса, Христосу. 7) я вм. а послѣ і: Христіянскій вм. Христіанскій. 8) измѣняемъ дебелый гласный въ тонкій, послѣ дебелаго: Генуя вм. Генуа. 9) одинокій звукъ вм. удвоеннаго: субота вм. суббота. 10) измѣняемъ р въ м, н, для избѣжанія двухъ р въ одномъ словѣ: ярмонка вм. ярмарка; Февраль вм. Февраръ, и проч.

До сихъ поръ еще не рѣшено строгимъ филологическимъ изученіемъ, сколько вошло въ старинный нашъ языкъ изъ нѣмецкихъ нарѣчій, изъ языка половецкаго, татарскаго и друг. По крайней мѣрѣ положительно означены грецизмы въ Славянской Граммашикѣ Добровскаго. — Собственныя имена иностранныя вторгаются къ намъ вмѣстѣ съ первыми Князьями варяжскими. Около половины X в. на Руси говорили уже на двухъ языкахъ: Константинъ Багрянородный въ книгѣ О правленіи сообщаетъ имена Днѣпровскихъ пороговъ на *Славянскомъ* и *Русскомъ* языкѣ: по-славянски: 1й назывался эссупи (нессупи, не спи), 2й островуни прагъ (островный прагъ), 3й геландри (поисландск. зн. шумящій?), 4-й неасипитъ (неясыть, или пеликанъ), 5-й вульнипрагъ (вольный прагъ), 6й веручи (βερουτζη, quasi dicas aquae scaturigo: ручей. вертящій?), 7й напрези (напрягай?); по-руски: 1й также эссупи, 2й ульворси (гульвор-

си? сканд. гольмъ — островъ, форсъ — порогъ?), 4й аифаръ (древненѣмецк. aeifar — аистъ), 5й варуфоросъ (сканд. var — тихій, смирный, fors — порогъ?), 6й леанши (отъ глагола lain, lein — течь сильно, кипѣть?), 7й спрувунъ (готск. stroup-on — навязывай?) 1).

Христіянство нанесло рѣшительный ударъ грубой древнѣйшей народности нашей, ниспровергнувъ старобытныхъ боговъ, чтимыхъ и любимыхъ народомъ 2). Эти боги тѣсными узами связывались съ преданіями, обычаями, законами; имъ посвящены были лѣса и воды; имена ихъ возникли въ языкѣ народномъ и срослись съ нимъ. Отъ всего этого надобно было отказаться передъ лицемъ новой религіи, и даже признать смертнымъ грѣхомъ то, что недавно почиталось великимъ и правымъ. Но древнѣйшее, первобытное несполна погибло въ народѣ: оно замѣнило ему поэзію, и стало темной стороною вѣрованія — демонологіею. Такимъ образомъ, поразивши старобытную народность, Христіянство не уничтожило ее; выступивъ впередъ своимъ божественнымъ свѣтомъ, оно только оттѣнило ее, отодвинуло вдаль: сліяніе Христіянства съ народностію набросило на характеръ народа гармоническую свѣтлотѣнь. Названія и выраженія, вошедшія къ намъ съ Христіянствомъ изъ Византіи, не могли долго оставаться чуждыми для народа: церковь и

---

1) Карамз. ИГР. I, пр. 102.

2) Смотр. Гримма Deutsche Mytholog. 3 и слѣд.

молишва отъ раннихъ лѣтъ сродняли Рускаго съ грецизмами. Притомъ надобно замѣтишь, что древнѣйшіе переводчики Св. Писанія берегли чистоту языка славянскаго, и хорошо понимали отличіе его отъ греческаго, чему служатъ свидѣтельствомъ слова Іоан. Екс. Болг. 1): небо равьнѣ ся можеть присно полагати Елиньскъ языкъ въ инъ прелагаемъ, и всякому языку въ инъ прелагаему тоже бываеть. Небоиъ иже глаголъ въ иномь языцѣ красьнъ, що въ друзѣмь некрасьнъ; иже въ иномь страшьнъ, що въ друзѣмь нестрашьнъ; иже въ иномь чьстьнъ, що въ друзѣмь нечьстьнъ... небо есть льзѣ вьсьдѣ съмошрити Елиньска глагола, иъ разума нуждя блюсти; придеть бо другойди мужьско имя Грьчьскы, а Словеньскы женьско, да преложьше мужьскомь имешьмь, якоже лежить Грьчьскы, на велику исказу придеть преложенье. — Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ дѣйствительно находимъ въ древнѣйшемъ языкѣ, при удивительной гибкости, самостоятельную, неподатливую упругость, при переводѣ съ чужаго языка. 1) въ отдѣльныхъ словахъ: вотъ какъ мѣтко и народно переводятся латинскія слова славянскими въ Глос. Mat. Verb.: cridlatec (кридлашецъ), pegasus. lada, venus, dea libidinis, cytherea. morana, Ecate, trivia, hecate. perun, iupiter. peuci (пѣвцы), lirici, poete dicti. poludnice, Driades, deae siluarum. premena (премѣна), metonomia. prenozz (преносъ, переносъ), metaphora. pretvora, metamorphosis. prizloue

1) Издан. Калайдовича, стр. 10.

(присловіе), proverbia, adagia. radihost, mercurius. sytiwrat, saturnum pagani illum esse aiunt. scladane (складаніе), poema. zmutna (смутна). tragedia. suatovyt (сватовитъ), Ares, bellum, mauors. trenosca (треножка), tripodes. trezubec (трезубецъ), tridens. velless, pan, ymago hircina. vitez, heros, victor. zuoba (своба), feronia, dea paganorum. siua (жива), Dea frumenti, ceres. 2) Граммат. построеніе 1): а) мѣстоимен. *ся* при глаголахъ относится ко всѣмъ тремъ лицамъ: не могу аз ѡ себѣ творити ничесѡже, Іоан. 5, 3. ѡ себѣ ἀπ' ἐμαυτοῦ. Марка поем приведе съ собою 2 къ Тим. 4, 11. съ собою μετά σεαυτοῦ. всегда бо нищих имате с собою, Матѳ. 26, 11, с собою vobiscum μετ' ἑαυτῶν. б) равномѣрно и притяж. *свой*: умерщвляю тѣло свое, I къ Кор. 9, 27, исправл. *мое*. простру руку свою, Іезек. 25, 13, исправл. *мою*. в) двойное отрицаніе, напр. въ Остром. Еванг. л. 2: и без него ничьтоже *не* бысть; въ нынѣшнемъ же исправленномъ текстѣ: и без него ничтоже бысть, — согласно съ подлинникомъ: καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἕν. г) родит. над. при дѣйствит. залогѣ съ отрицаніемъ, тогда какъ по-гречески винит: ниже имам душе моее честны себѣ, Дѣян. 20, 24, οὐδὲ ἔχω τὴν ψυχήν μου τιμίαν ἐμαυτῷ, но послѣ въ Остромск. и въ исправлен. сходно съ греческ.: душу мою честну. д) прилагат. притяжательное вм. греч. родит. существит.: Драгомирск. код. любы мирскаа вражда божіа есть,

1) По Слав. Грам. Добровскаго.

Iак. 4, 4. ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἔχθρα τοῦ θεοῦ ἐστιν. е) дат. вм. греч. родит.: свѣтъ вьсемоу мироу, Остром. Еванг. л. 55. τὸ φῶς τοῦ κόσμου. ж) дат. самостоят. вм. греч. родит.: дню же бывшу, Матѳ. 11, 7, ἡμέρας δὲ γενομένης, die exortò. з) творит. вм. имени или мѣстоименія съ предлогомъ: егда званъ будеши кым (ὑπό τινος) Лук. 14, 8. і) порядокъ словъ въ древнѣйшихъ спискахъ также болѣе отступаетъ отъ греческаго: суху руку имый, Матѳ. 12, 10, τὴν χεῖρα ἔχων ξηράν, а въ позднѣйшихъ уже: руку имый суху, и проч.

1. Грецизмы въ церковномъ языкѣ.

Грецизмы въ Св. Писаніи: 1) единств. число глагола при множ. сред. р. подлежащаго: вся, елика аще творитъ, успѣетъ (κατευοδωθήσεται). 2) иже, яже, еже для выраженія греч. члена: во еже быти ми служителю, къ Рим. 15, 16, εἰς τὸ εἶναι με. Слич. внегда глаголаша имъ мнѣ, Псал. 41, 11, ἐν τῷ..., вм. егда глаголаху мнѣ, какъ въ Вен. Псалт. 3) именит. пад. вм. творит.: еда и вы хощете оученици его быти, Остром. Ев. л. 40, μὴ καὶ ὑμεῖς θέλετε αὐτῦ μαθηταὶ γενέσθαι. 4) винит. вм. творит., напр. чашу вм. чашею: ниже колижъдо напоитъ единого отъ мальихъ сихъ чашѫ студены воды, Остром. Ев. л. 68, καὶ ὅς ἐὰν ποτίσῃ ἕνα τῶν μικρῶν τούτων ποτήριον ψυχροῦ ὕδατος. напоитъ вы чашѫ воды, ποτίσῃ ὑμᾶς ποτήριον ὕδατος, ibid. л. 249. 5) греческій винит. пад.: окроплени сердца, измо-

вени тѣлеса, въ старин. издан. къ Евр. 10, 22, 23, ἐρραντισμένοι τὰς καρδιας, λελουμένοι τὸ σωμα, и проч.

2. Время.

Къ древнѣйшимъ варваризмамъ принадлежатъ названія мѣсяцовъ: уже въ Остром. Еванг. Априля л. 270, Февруара л. 264. Изъ этого памятника ясно видно, какъ иностранныя названія мѣсяцовъ объясняются еще своими собственными: до мца авгоста рекомааго зарева л. 210, мца еноуара просиньца рекомааго л. 256. Должно замѣтить къ чести нашихъ предковъ, что они долго удерживали славянскія названія, такъ въ Обиходѣ, рук. XIII в. 1):

септябрь	ркомыи		рюинъ
октябрь	—	—	листопадъ
ноябрь	—	—	груденъ
декабрь	—	—	студенъ
генварь	—	—	просинечь
феврарь	—	—	сѣченъ
мартъ	—	—	сухии
априль	—	—	брезозоръ
маи	—	—	травенъ
июнь	—	—	ізокъ
июль	—	—	червенъ
августъ	—	—	заревъ.

Тѣже самыя славянскія имена мѣсяцамъ въ Синодальномъ Евангеліи 1144 года.

1) Восток. Опис. Рум. Муз. стр. 404. Слич. стр. 175.

Примѣч. значеніе Славянскихъ названій 1): 1) *рюенъ* сентябрь, иллир. rujan отъ глаг. рюю, чешск. řige, о крикѣ оленей, ибо тогда олени въ течкѣ, бѣгаются и *ревутъ*; впрочемъ не худо обратишь вниманіе на слѣд. мѣсто въ одномъ старомъ переводѣ Византійской лѣтописи: по сихъ же просѣдошася нашествія варварская, и паки дохнувша вихри отвсюду и шумы воспущаху и *руяния* творяху; — по Раковецкому въ Rusk. Prawd. 57 знач. плачущій, влажный, слич. рус. рюмить; слич. сербск. руйно вино — желтоватое вино, въ глос. Mat. verb. ruien и чешск. нынѣшн. řigen — октябрь. 2) *листопадъ* октябрь; сохранился не только въ Славоніи и Далмаціи, но и въ Богеміи: только въ послѣдней, равно какъ въ Малорус. и Польшѣ, означаетъ ноябрь. 3) *грудень* ноябрь, можетъ быть отъ груды, смерзшейся земли; въ лѣтоп.: пойдоша на колѣхъ, *а* по *грудну* пути (хотя на колесахъ, однако по снѣгу): бѣ бо мѣсяцъ *грудень*. ИГР. II, пр. 182; — у Славянъ Паноніск. зн. сентябрь; въ Кроац., Крайн., Польш. зн. декабрь; у Чеховъ и январь. 4) *студеный* декабрь; по Фойгту, Славонцы называютъ этимъ именемъ ноябрь. 5) *просинецъ* январь, по Добровск. отъ просить; по Карамзину отъ проса; по Раковецкому отъ синій, синевы небесной; или можетъ быть отъ иллир. prosinieti — illuminare, ибо въ этомъ мѣсяцѣ прибавляется день; почешски зн. декабрь. 6) *сѣ-*

---

1) Смотр. Добровскаго Slowanka I, 70 и слѣд., Карамзина ИГР. I, пр. 159. Юнгмана Чешскій Словарь.

нень февраль, по Добровск. отъ сѣку; сохранился у Крапщевъ, Иллирійцевъ; у Поляковъ styczeń — январь; почешск. этотъ мѣс. наз. aunor или unor, въ глос. Mat. Verb. unor, — производятъ отъ нора, норишься. 7) *сухой* мартъ, покроатски szusseczz, покраински sushez. 8) *брезозолъ*, *березозолъ* апрѣль, по Добровскому, отъ бреза или береза и непонятнаго золъ, можетъ быть сроднаго съ зелье, зеленый; по другимъ отъ прилагат. bŕezj — беременный, сѣтельный; въ Богеміи bŕezen мартъ, еще въ глос. Mat. Verb.; малорус. тоже мартъ. 9) *травенъ* май; у Кроатовъ traven апрѣль (mali traven малый травенъ), у Крапщевъ также mali travn, а май weliki travn. Иллиры въ Далмаціи, Славоніи называютъ апрѣль travan, а май svibań. 10) *изокъ* іюнь: Добровскій не знаетъ происхожденія этого слова, и ждетъ отъ Рускихъ производства его. Калайдовичъ полагаетъ, что была птица изокъ, основываясь на текстѣ изъ Іоан. Екс. Болг.: егда слышимъ пѣснивые птице, различными гласы поюще пѣсни красные: славіе же поюще, косы же и сое, влъгы и жлъны, щоры же и *изоки*, ласточицы же и сковраньце, и ины птице. Должно замѣтить, что изокъ значитъ у насъ еще кузнечикъ, стрекоза, une cigale. 11) *червенъ* іюль, по Добровскому отъ червь, по другимъ отъ червоный, красный; и у Богемцевъ прежде červen, weliký červen, а потомъ červenec; помалорус. червецъ и попольск. czerwiec зп. іюнь. 12) *заревъ* августъ, по Добровск. отъ реву (объ оленяхъ), частица *за* — означаетъ начало;

по другимъ сродно съ зарницею; у Богемцевъ zařj, zařig сентябрь, въ глос. Mat. Verb. zarui, september mensis.— Добровскій предполагаетъ, что всѣ эти названія первоначально принадлежали Паннонскимъ Славянамъ, отъ коихъ черезъ Кирилловскія литургическія книги перешли и къ другимъ Славянамъ. Обращишь вниманіе на то, какъ одно и тоже названіе по различнымъ славянскимъ племенамъ давалось различнымъ мѣсяцамъ: причиною тому разность въ природѣ и временахъ года. Кромѣ этихъ названій, есть еще многія другія, смотр. Alters Beitrag zur prakt. Diplomatik für Slawen, 1801 стр. 98 — 110; Eccardi hist. stud. etymol. Ling. germ. 275 — 305; Карамз. ИГР. I, пр. 159. Надобно замѣтишь, что у насъ гораздо менѣе переворотовъ случилось съ названіями недѣльныхъ дней; покрайней мѣрѣ не можемъ исторически опредѣлишь, какія были въ періодъ языческій.

3. *Науки и Искусства.*

Вмѣстѣ съ религіею въ нашу вообще книжную ученость изстари вошло множество иностранныхъ словъ и оборотовъ. Граммашическіе, риторическіе, философскіе и др. термины суть варваризмы.

Еще Іоаннъ Екс. Болг. съ греческаго перевелъ граммашическую терминологію: имя ὄνομα, рѣчь (глаголъ) ῥῆμα, причастіе μετοχή, различіе (членъ) ἄρθρον, мѣстоимене ἀντωνυμία, предлогъ πρόθεσις, нарѣчіе ἐπίῤῥημα, съузъ σύνδεσμος 1). У Максима Грека

1) Издан. Калайд. стр. 76.

членъ вм. различія, вмѣстоимень вм. мѣстоимене, прирѣчіе вм. нарѣчіе 1), и проч. Изборникъ Святослава (1073) даетъ матеріалы для реторической терминологіи 2): Георьгия Хоуровьска о образѣхъ. Творьчьстии образи сѫть к҃з. 1) инословиѥ 2) прѣводъ (метафора) 3) напотребиѥ 4) прияти ѥ 5) прѣходьноѥ 6) възвратъ 7) съприятиѥ 8) съняти ѥ 9) именотвориѥ (onomatopeia) 10) сътворениѥ 11) въименомѣстьство 12) отъимениѥ (метонимія) 13) въспятословиѥ 14) окроугословиѥ 15) нестатъкъ 16) издрядиѥ 17) лихорѣчьѥ 18) притъча 19) прикладъ 20) отъдани ѥ 21) лицетворьѥ 22) сълогъ 23) пороуганіе (иронія) 24) видъ 25) послѣдословиѥ. Для образца приводимъ опредѣленіе одного изъ этихъ творческихъ образовъ: инословиіе оубо ѥсть ино нѣчто г҃лютти, а инъ разоумъ оуказаіѫтти, яко же ѥже ѥ речено отъ Б҃а къ змии: проклята ты и отъ всѣхъ звѣрий: слово бо акы змии ѥсть, на диявола же ино рѣчьнѣ змьѥмъ нарицаѥма разоумѣваѥмъ.—Философская и филологическая терминологія ведетъ свое начало отъ Іоанна Екс. Бол., отъ его перевода Философіи Дамаскина; напр. о синонимахъ: о многосъименныхъ: многоименна же суть, елика убо уставомъ пріобщаются, именомъ же разнствуютъ, сирѣчь егда тажде вещь мнозѣми нарицается именми, якоже мечь, мечиць, бръдунь (вар. бредунь), сабля, кордъ, ножь: вся бо сія имена единъ

1) Востокова опис. Рум. Муз. стр. 370.
2) Ж. М. Н. П. 1836, N 2.

предѣлъ пріемлетъ, рекше желѣза обоюдникъ, еже есть желѣзо обоюду наострено. Тотъ же Изборникъ Святослава содержитъ въ себѣ много философскихъ названій, напр. 1): Маѯимово о различии соуштиꙗ и ѥстьства по вънѣшьнимъ. о ѥстьствѣ. о собьствѣ. о лици. о различии. о сълоучании. о количьствѣ и о мѣремыихъ. о качьствѣ и о творитвьнѣѣмь. о сѫпротивьныихъ. о оглаголемыихъ. о съименьнѣѥмь и ѥдиноименьнѣѥмь оглаголании. о ѥдинородьныих и ѥдиновидьныихъ и инородьныихъ и иновидьныхъ і к8пьнособьныхъ и проч. Слово историкъ было уже у насъ въ XII в. Кир. Тур. объясняетъ его своимъ слушателямъ: Историци и Вѣтія, рѣкше Лѣтописьци и Пѣснотворци.—У Курбскаго о жизни Іоанна Грознаго: кольми паче намъ грѣшнымъ подобаетъ ужасатися, таковую *трагедію* возвѣщати! ibid. о зломъ совѣтѣ Вассіана Іоанну: и сеце соплете *силлогизмъ* сатанинскій. Отъ пребыванія въ Литвѣ Курбскій привыкъ ко многимъ полонизмамъ, напр. наилѣпшій; о приставкѣ *най*— говоритъ Ломоносовъ въ своей Грам. § 211: новыя превосходныя, съ Польскаго языка съ приложеніемъ *наи*, *наилутчій*, *наичистѣйшій*, Россійскому слуху непріятны.—Многія изъ техническихъ названій художественныхъ старинные варваризмы, напр. комары κομάραι, стропилы στρωτῆρες, лобъ церковный μέτωπον, ключь въ сводѣ κλεῖς и мн. др.

---

1) Востокова описан. Рум. Муз. стр. 502 и слѣд.

4. *Алфавиты.*

Наши старинные грамотѣи съ древнихъ временъ начали уже составлять словари непонятныхъ для нихъ словъ, между коими, кромѣ варваризмовъ, хотя попадаются архаизмы и реченія другихъ славянскихъ племенъ, однако и тѣ и другія казались въ старину варваризмами, что можно видѣть, напр., изъ слѣд. рукоп. 1282 года 1): рѣчь Жидовьскаго языка преложена на Роускоую, неразоумно на разоумъ:

Жидовьскы:	Роускы:
адамъ	земля въплощена.
шовола	пища.
череща	коуща.
исполинъ 2)	силныи.
ковъ	лесть.
бриппва	спрыголникъ.
пеключно	ненадобѣ.
шина	грязь.
зѣло	велми.

1) Калайд. I. E. Б. 193.

2) *Исполинъ* происходитъ отъ народа Spalorum, у Іорнанда; какъ чешское obr, попадающееся уже въ Виттенб. Пс. XIV в., Пс. 18, ст. 6: iako obr—ut gigas, — отъ народа Обровъ (Avarus, Abarus). Едва ли справедливъ Шафарикъ, производя obr отъ кельтск. ambro, потому что тогда по-польски было бы abr, а не obrzym, какъ попадается въ Псалт. Королевы Маргариты.

соусана	сборище.
адъ	тма.
бисеръ	камень ч҃тьнъ.
гоусли	ѕзыкъ.
тоумпанъ	гласъ.
конобъ	водоносъ
ликъ	мысль.
ѡлтарь	точило.
рогъ	сила.
ѡтоци	ѡколо море.
алѣлоугиа	хвала Б о҃у.
аминь	право.
і҃с ъ	с п҃с ъ
степень	лѣствица,
и мн. др.	

Изъ рукоп. 1431 года 1): тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемъ, понеже положены сѫть рѣчи въ книгахъ отъ началныихъ преводникъ ово словенскы, и ино сръбскы, и другаа блъгарскы и гръчьскы, ихже неудоволишася преложити на рускый. Изъ этого заглавія явствуетъ, что наши предки сербизмы и болгаризмы ставили въ одну категорію съ грецизмами. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ словъ: васнь — мню. качьство — естество, каковому есть. количьство — мѣра есть колика. свойство — что имать кто ѡсобно, а иньга не има. тризна — страдальство, подвигъ. по строю, по устрою — по

1) Изъ Калайд. I. Е. Б. 196, сличенная съ Восток. Опис. Рум. Муз. 267, 269.

смотрѣнію. хѫдожъство—хытрость. непщуѫ—мню. еша—еще. таимичище, таймичищь, копеличище—иже не отъ законныя жены отроча. бѣгунъ—ходець, отходецъ. смерчь, піавица — облакъ кои дьждь узносить; облакъ дъждевенъ, иже водѫ отъ морѣ възимаеть, яко въ гѫбѫ и пакы проливаеть на земля; слич. объясненіе Памвы Берынды: сморщь есть сикавка, или оболокъ, которы з неба спустившися, воду смокчетъ; въ Сл. о Полк. Иг. сморцы. ипостась—съставъ. тезъ—едино. жупелъ—сѣра. доблесть—крѣпость или мужьство. пронирство — лукавьство. кыченіе—высокорѣчіе славы ради. презь—чрезь. гаданіе—съкръвенъ глаголъ. суетно—кромѣ потребы нѣкоея, бываемое праздно: яко имя убо есть, вещь же нѣсть. самолюбіе—еже къ тѣлу страсть и угодное тому. великодушенъ есть — иже на въсѣкѫ скръбь приражающѫяся могый понести.—Нѣкоторыя изъ этихъ объясненій чрезвычайно замѣчательны своею оригинальностью и многозначительностью. Такіе словари непонятныхъ словъ продолжаются у насъ до XVIII ст., подъ именемъ Алфавитовъ. Кромѣ матеріаловъ для исторіи варваризмовъ и архаизмовъ, они любопытны для насъ, какъ энциклопедическіе сборники: ибо вмѣстѣ съ словами объясняются въ нихъ и самые предметы.

5. *Варваризмы въ лѣтописяхъ.*

Кромѣ грецизмовъ, въ наши лѣтописи и другіе старинные памятники вошли и иныя чужеземныя

реченія. Мономахъ въ своемъ Поученіи пишетъ о Всеволодѣ: отецъ мой дома сѣдя изумѣяше пять языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Въ Сл. о П. Иг. упоминаются какія то пѣсни иностранцевъ, бывшихъ въ Кіевѣ: ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря. Рускому и славянскому въ старину противополагались нѣмой, нѣмецъ: Югра же суть языкъ нѣмъ, Кенигсб. спис. 146. Любопытно объясненіе Нѣмца въ глос. Mat. Verb.: nemec, barbarus, tardus, obtundus, imperitus, stolidus etc. etc. Слич. въ глос. Музейн. Псалт. XII в.: nesmluwneho — barbaro. Наши предки сильно чуждались нѣмецкаго языка, разумѣя подъ языкомъ вмѣстѣ и народъ; изъ множества примѣровъ вотъ одинъ: у насъ по писаное дѣло, что Нѣмецкой языкъ Словенскому языку никакъ добра не смыслитъ: и намъ какъ котораго Нѣмчина взять собѣ за Государя? И. Г. Р. X, пр. 166. Примѣры варваризмовъ изъ лѣтописей: изъ Новог. 89 кумепдери, по Карамзину командоры. 111 мастеры дѣлали Нѣмецкіи, изъ заморіа, съ Новогородскыми мастеры. 112 (Исидоръ) нача звашися Легатосомъ отъ ребра апостольскаго сѣдалища Римскія власти. Изъ Ипат. 133 Половци напилися бяхуть кумыза. 158 и возвратишася во колымагы свои, рекше во станы; слич. 186 во день воскресенія, рекше недѣлю. 183 керелешь поюща (варіант. корелесь, киреілейсонъ). Эту греческую молитву въ старину у насъ пѣвали: ibid. 64: и тако възваша кирелѣисонъ вси полци радующеся, пол-

кы ратныхъ побѣдивше, а князя своего живого вѣдяче. ibid. 154 и мняться яко аера достигше; слич. въ Похв. словѣ Димитрію Донскому: егда же успе вѣчнымъ сномъ великій царь Дмитрій Рускыя земли, аэръ възмутися. Геній языка, не терпя иностранныхъ словъ, коверкаетъ ихъ на свой ладъ: такъ изъ испорченнаго керелеть, корелесь образовался глаголъ куралесить. Или же, не понимая ихъ даетъ имъ свое произвольное значеніе: такъ въ Уставѣ церковномъ, писан. въ 1608 г., осуждается ложное толкованіе слова — кустодія — слѣд. образомъ: что нарекоутъ коустодію пилатову девицу клюницу то есть ере все то не было коустодія есть воиновъ полкъ рекше рать. Вост. Опис. Рум. Муз. 717.

6. *Варваризмы въ народномъ языкѣ.*

Варваризмы въ Др. Рос. стих. 111 капралъ. 111 гвардія. 117 баталія. 118 манеръ. 126 свита. 247 лагери. 270 монеты. 285 кононеры. 288 рота. 289 солдатъ. 302 шкарбъ. 314 со драгунами. 315 маіоръ, генералъ, лагерь, рапортуетъ. 319 карты, тавлея, губернаторъ. Стихотворенія самыя обильныя варваризмами сочинены уже послѣ преобразованій Петра Великаго, каковы Борисъ Шереметевъ 314, Князь Репнинъ 318. Нѣкоторыя иностранныя слова обрусѣли, мѣшко соединившись съ извѣстными опредѣленіями, напр. 264 мастеръ заплечной, 293 плотники мастеры, — или съ постоянными эпитетами, напр. ярлыки скоропищатые.

7. *Исторія варваризмовъ отъ Петра Великаго.*

Со временъ Петра Великаго начинается новый періодъ для исторіи варваризмовъ. Они вторгаются толпами и неуклюже громоздятся въ руской рѣчи. Любопытно было бы прослѣдить всѣ преобразованія Петра Великаго въ параллели съ вторженіемъ варваризмовъ, и такимъ образомъ показать, сколько каждое изъ нихъ привело съ собою варваризмовъ, и изъ какой страны. Весьма поучительно чтеніе книгъ того времени, потому что указываетъ съ одной стороны насильственную порчу нашего языка, а съ другой богатство и силу его: ибо возлѣ каждаго иностраннаго слова ставилось и руское, разумѣется для того, чтобы чтецы поняли варваризмъ, такъ что тогдашняя книга заключала въ себѣ, кромѣ какого нибудь своего содержанія, и вокаблы. Замѣчательно отношеніе отечественныхъ реченій къ варваризмамъ: иные варваризмы дошли и до насъ, вытѣснивъ переводъ рускій, ибо и самый переводъ былъ варварскій; иныя рускія реченія не допустили укорениться варваризму, задушивъ его тогда же. Примѣры привожу изъ Устава Воинскаго: піониры (или работники). корволантъ (сирѣчь легкій корпусъ). отдеташовано (или отдѣлено). добраго кондувита (сирѣчь всякія годности). квалитеты (или качества). ауторитетъ (или власть его). лагеръ (или станъ). по инструкціямъ (порядкамъ). рендеву-плацъ (или зборное мѣсто). ливрантовъ (сирѣчь подрядчиковъ).

ваканцъ (или порожнія мѣста). маркетентерамъ (или харчевникамъ). въ медицинѣ (докторствѣ). навербованъ (набранъ). по билетамъ (цыдуламъ). чародѣйство (чернокнижество). о рефреширѣ (или объ освѣженіи людей). въ ордеръ де баталіи стать. яко корпусъ де баталіи. въ полѣ (или въ лагерѣ). о ревеліяхъ (или побудкахъ). у барьеру (сирѣчь у крайнихъ или внѣшнихъ карауловъ). о экзекуціи (или вершеніи). апшиду (отпуску). салвусъ кондуктусъ (безопасная грамота). секунданта (или посредственника). дать тринкгелдъ (или на пропой). о процессѣ (или тяжбѣ). принимаетъ по вся вечеры пароль (или слово). въ ретирадѣ (или отводѣ). — Изъ Разсужденія о причинахъ войны съ Карломъ XII: дедикація или приношеніе. ідеи или мыслеи. портовъ, въ выноскѣ: пріставіщь. дівулгованы (разглашены). на нѣмецкомъ языкѣ штілізованы (сочінены). патріотъ (отечества сынъ). трібутаріи (данніки). акты (записки). зѣло куріозного или любопытного содержанія. амбиціи (честолюбіе). первого міністра (бояріна). супсідіи или помощные денги. поссесію (владѣніе). въ секвестръ (въ залогъ). трактаты (договоры). коммунікаціи (сообщенія). максимы (или правила). экзерціціа (обученія). Европейскіе політізованныя (обученныя) Государства, и проч. —

Отъ этихъ варваризмовъ нужно отличать варваризмы переводные и неологизмы. Разительнымъ примѣромъ ихъ вторженія въ нашъ языкъ служитъ Тредьяковскаго слово о мудрости, благоразуміи и добродѣтели, въ которомъ рускіе философскіе тер-

мины сопровождаются на поляхъ выставленными латинскими и греческими: бытность existentia. естественность essentia. разумность intelligentia. чистый разумъ purus intellectus. чувственность sensatio. разсуждение judicium. самозрительное intuitivum, умствователное discursivum. счетание мыслей combinatio idearum. умозрительныя theoretica, дѣятельныя practica, достовѣрныя certa, вѣроятныя probabilis. Философія умственная rationalis, нравственная moralis, естественная naturalis. ученіе о повсемственныхъ universalia. сущее ens. подлежащее subjectum, присвояемое attributum. Геометрія, которая тройное распростертіе (extensio) тѣлъ размѣряетъ чертами (linea), и ограничиваетъ очертаніями (figura). предлежащее objectum. постигаемъ свойства и совершенства Божія, самостоятельныя (absoluta) и возносительныя (relativa). естественное напеченіе influxus physicus. рыбы живородные (vivipari) и яицеродныя (ovipari). обоюду жительныя amphibia, чрепокожныя testacea. право естественное jus naturae. безстрастіе ἀπάθεια. мѣростраститіе μετριοπάθεια. общество societas. провидѣніе providentia. искусство experientia, и проч. Доказательствомъ тому, какъ боялся Тредьяковскій, что его рускихъ терминовъ не поймутъ, еще приложенный на концѣ разсужденія словарь латино-французскій тѣхъ же терминовъ.

Уже Сумароковъ жалуется на варваризмы, въ спорѣ о истребленіи чужихъ словъ изъ Русскаго языка: „восприятіе чужихъ словъ, а особливо безъ

необходимости, есть не обогащеніе, но порча языка . . . честолюбіе возвратитъ насъ когда нибудь съ сего пути несумнѣннаго заблужденія, но языкъ нашъ толико сею зараженъ язвою, что и теперь уже вычищать его трудно; а ежели сіе мнимое обогащеніе еще нѣсколько лѣтъ продлится, такъ совершеннаго очищенія не можно будетъ надѣяться." Вотъ нѣкоторые варваризмы, кои онъ желалъ бы истребить: фрукты вм. плоды, сюртутъ вм. верхнее платье, супъ вм. похлебка, гувернанта вм. мамка, мокероваться вм. насмѣхаться, еложь вм. похвала, пахтишъ и тоалетъ вм. уборной столъ, пансивъ вм. задумчивъ, жени вм. остроуміе, бопсанъ вм. разсужденіе, деликатно вм. нѣжно, пассія вм. страсть, манификъ вм. великолѣпно, и проч. Въ связи съ нападками на чужія слова надлежитъ разсматривать статью Сумарокова о коренныхъ словахъ Русскаго языка, въ которой онъ доказываетъ древность и превосходство славянскаго языка передъ нѣмецкимъ. Исторія рускаго корнесловія тѣсно связывается съ исторіею варваризмовъ. Нѣмцы, оправдывая сильное вліяніе своего языка на нашъ, производили рускія слова отъ нѣмецкихъ: такъ Шлецеръ въ свой Грамматикѣ Россійской производитъ дѣва отъ dieb (воръ) и другихъ, король отъ kerl, князь отъ knecht. Ломоносовъ 1) ставитъ ему эти производства въ уголовное преступленіе, точно также какъ Миллеру мнѣніе о происхожденіи Руссовъ отъ Шведовъ. Какъ Байеръ ведетъ Русь отъ пле-

1) Пассека Очерки Россіи, книга II, стр. 45.

менъ нѣмецкихъ и производитъ многія наши слова отъ нѣмецкихъ; такъ Тредьяковскій, въ Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ, множество европейскихъ географическихъ именъ съ величайшими натяжками *присиливаетъ* языку славянскому.

Насмѣшки надъ варваризмами и неологизмами постоянно попадаются въ лучшихъ старинныхъ журналахъ; напр. въ Живописцѣ (1772 г.) пародируется тогдашній языкъ въ письмѣ одной дамы; вотъ нѣсколько выраженій: mon coeur, живописецъ! ты, радость, *безпримѣрный* авторъ — *по чести* говорю, *ужесть какъ ты славенъ!* Читая твои листы, *я безподобно утѣшаюсь*; какъ все у тебя *славно*. слогъ *разстеганъ*, мысли *прыгающи*. *По чести* скажу, что твои листы *вѣчно меня прельщаютъ*: *клянусь*, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *диетракціи*, и проч. Сличимъ подобное же письмо одной дамы въ Собесѣдникѣ Любителей Россійск. Слов. (1783), часть I, стр. 82 — 87: mon mari мнѣ такъ надоѣлъ, что мочи нѣтъ; онъ такъ скученъ; такъ не важенъ.... онъ конечно видитъ, что въ хорошихъ сосѣствахъ.... не слушаетъ резону... спектакль, и проч. Вмѣстѣ съ порчею языка постоянно охуждаются и нравы: и дѣйствительно, когда рѣчь безъ нужды искажается варваризмами, тогда слово теряетъ свою органическую жизнь, оскорбляется природа, несмысленнымъ произволомъ губитъ въ себѣ человѣкъ даръ Божій; а такъ какъ языкъ есть вы-

раженіе духа народнаго, но, разумѣется, неестественное состояніе перваго есть слѣдствіе втораго.

Дѣятельность Шишкова противъ варваризмовъ объясняется дальнѣйшимъ развитіемъ мнѣній предшествовавшихъ поборниковъ за чистоту русскаго языка. а) Шишковъ точно такжe связываетъ вопросъ объ языкѣ съ вопросомъ о нравственности, упрекая нововводителей стараніемъ „умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ, и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что совлеченная единожды съ прямаго пути она непремѣнно должна попасть въ оныя.“ 1) Хотя Дашковъ 2), знаменитый противникъ Шишкова, осуждаетъ его за сближеніе языка съ нравственностью; однако едва ли не правъ Шишковъ. б) Слѣдуя Ломоносову, Шишковъ ищетъ спасенія отъ варваризмовъ въ церковнославянскомъ языкѣ. „Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ, говоритъ Ломоносовъ 3), сроднаго намъ кореннаго Славенскаго языка купно съ Россійскимъ, отвращаяся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ Греческаго, и то еще чрезъ Латинской. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ

1) Соч. и Перев. Рос. Акад. V, 263. 2) О легчайшемъ способѣ возражать на критики, 1811.

3) О пользѣ книгъ церковныхъ.

чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ, и къ упадку преклоняютъ." Но, исключивъ изъ теперешняго употребленія выраженія устарѣлыя и непонятныя, Ломоносовъ опредѣленно указалъ, какіе славянизмы терпимы въ языкѣ нашемъ. Для Шишкова же всякое славянское слово хорошо: въ своемъ разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ — въ противоположность варваризмамъ — предлагаетъ онъ славянскія реченія: вервь, гобзованіе, лысно, нещеватъ и др. Притомъ Ломоносовъ ясно отдѣлилъ языкъ русскій отъ церковнославянскаго; Шишковъ смѣшалъ ихъ другъ съ другомъ: „какъ! нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ*?" восклицаетъ онъ въ критикѣ на Дашкова: „да что такое нашъ Руской языкъ *самъ по себѣ*? гдѣ онъ? возьмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотъ два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это Славянское, а это Рускоe?" в) По примѣру Сумарокова и Тредьяковскаго, Шишковъ защищаетъ отечественный языкъ отъ варваризмовъ корнесловіемъ, и точно также, какъ они, любитъ производить иностранныя слова отъ рускихъ, чтобы тѣмъ возвысить достоинство языка своего; такъ нѣм. schornstein производитъ онъ отъ черная стѣна, gatte (мужъ) отъ хотѣть, zinn (олово) отъ синь; nox, nacht, νύξ, ночь отъ *нѣтъ очей*; garderobe отъ *городить* и *рубъ*, отъ коего рубище, рубаха, и т. п.

Въ такомъ отношеніи стоитъ Шишковъ къ своимъ предшественникамъ; что же касается до своей современности, то онъ принесъ великую пользу, ибо нападалъ на варваризмы, которые Карамзинъ съ своими послѣдователями вносилъ въ нашъ языкъ въ первомъ періодѣ своей дѣятельности. Предлагаю извлеченіе для исторіи варваризмовъ изъ Разсужденія Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ, 1803: одни ... безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, такихъ напр. какъ *моральный, эстетическій, эпоха, сцена, гармонія, акція, энтузіязмъ, катастрофа* и тому подобныхъ. Сіи суть самыя новомодныя слова, и для того въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются онѣ почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣются также и обвѣтшалыя иностранныя слова, напр. *авантажиться, манериться, компанію водить, куры строить, комедь играть* и пр. Сіи прогнаны уже изъ большаго свѣта и переселились къ купцамъ и купчихамъ, 24. Другіе изъ рускихъ словъ стараются дѣлать нерускія, какъ напр. вмѣсто будущее время, говорятъ *будущность*, вмѣсто настоящее время, *настоящность* и пр. 24. Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на Рускій языкъ... напр. influance переводятъ *вліяніе*, и не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской Граммашикѣ, ставя его по свойству ихъ языка, съ предлогомъ *на*: fai-

re (sic! вм. avoir) l'influance sur les esprits, *дѣлать вліяніе на разумы.* Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ, развитіе, утончанный, сосредоточить, трогательно, занимательно,* и множество другихъ, 25 и 26.

Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *подпирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злословія* и пр.? Не есть ли это рабственный переводъ съ Французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les êsprit, un trait de satire? 46.

Доколѣ буду жить, богини милыя, клянуся васъ любить, и въ другомъ мѣстѣ: *часто начиналъ онъ говорить о безсмертіи, милой надеждѣ своей....* весьма пристойно говоришь: *милой другъ, милое личико,* напрошивъ того весьма странно и дико слышашь: *милая богиня, милая надежда безсмертія!* 180 и 181.

Народъ не думая о предметѣ кровопролитія въ изступленіи своемъ веселился общимъ бѣдствіемъ: слово предметъ хотя шакже есть новое и переводное; ибо нигдѣ въ спарипныхъ книгахъ нѣтъ онаго; однакожъ оно довольно знаменашельно, шакъ что съ успѣхомъ въ языкъ нашъ принято быть можетъ; но при всемъ томъ и оное часто заводитъ насъ въ несвойственныя языку нашему выраженія. Въ вышесказанной рѣчи *предметъ кровопролитія* есть нѣкая загадка, или излишняя кудрявость мыслей 187.

Однако сіе радостное упоеніе вскорѣ прервано было чертою вѣроломства: опять черша, и еще шакая, которая прерываешъ упоеніе! 195.

Одѣваться со вкусомъ есть также несобственное наше выраженіе; ибо мы не говоримъ, или по крайней мѣрѣ не должны говорить: *плакать съ горестію, любить съ нѣжностію, жить съ скупостію*; но между тѣмъ, какъ свойство языка нашего во всѣхъ другихъ случаяхъ велитъ намъ говорить: *плакать горько, любить нѣжно, жить скупо*, въ семъ единомъ нельзя сказать: *одѣваться вкусно*. 203 и 204.

По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ когда мнѣ говорятъ: *ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*; напротивъ того я весьма охотно слушаю, когда въ простой пѣснѣ поютъ:

Заплещися, плещень, заплещися,
Ты развѣйся камка хрущатая, 302.

Умереть грѣху (être mort pour le péché) значило: отрещись на вѣки отъ грѣха; подъ словами же: *жить Богови* (vivre pour dieu) разумѣлось: посвятишь навсегда жизнь свою Богу. Нынѣ по примѣру чужихъ языковъ объясняемъ мы сію мысль словами: *умереть для грѣха, жить для Бога*. 234

Изложивъ полемику Шишкова, почитаю излишнимъ говорить о галлицизмахъ Карамзинской рѣчи. Да и не слѣдуетъ о нихъ слишкомъ много распространяться, ибо они малозначительны въ сравненіи съ великими красотами И. Г. Р., заимствованными изъ старинной нашей литературы.

Въ настоящее время иностранныя выраженія встрѣчаемъ мы не только у писателей посредствен-

ныхъ, но даже у самаго Пушкина, напр. въ Исторіи Пугачевскаго бунта: Пугачевъ... стрѣлялъ по крѣпости, особенно по Спаскому монастырю, *занимающему* ея правый уголъ *и коего* ветхія стѣны едва держались. Въ самомъ дѣлѣ, Пугачевъ, *негодуя* на свои неудачи, не шерялъ *однакоже* надежды одолѣть наконецъ Михельсона. Сіи гласныя извѣстія *сдѣлали* въ Петербургѣ глубокое *впечатлѣніе*. Въ это время Пугачевъ занялъ Соколову гору, *господствующую* надъ Сарапуловомъ. Или у Крылова въ баснѣ Плотничка:

Хошь я и не пророкъ,
Но, *видя* мошылька, что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество почти всегда мнѣ *удается*.

Слич. у Державина въ Водопадѣ:

Пустыня, взоръ *насупя* свой,
Утесы и скалы — *дремали*.

Любопытна исторія впорженія въ нашъ языкъ именъ греческихъ и римскихъ божествъ. Собственно начинается она съ Петра Великаго, хотя и находимъ еще въ Мамаевомъ побоищѣ: сія повѣдай, Ураніе, како случися брань на Дону. У Ломоносова и Державина являются эти божества во всей классической своей важности. Пушкинъ же употребляетъ ихъ имена по большой части только въ шутливомъ смыслѣ, и этимъ примиряетъ варваризмы съ народнымъ духомъ.

ПРОВИНЦІАЛИЗМЫ.

Изученіе народнаго языка и языка древнихъ памятниковъ само собою предполагаетъ уже и изу-

ченіе областныхъ наречій. И въ старину, какъ теперь, руской народъ, заселяя огромное пространство, раздѣлялся на областныя наречія: рѣчь Псковская отличалась отъ Кіевской или Владимірской. До насъ дошли памятники литературные изъ разныхъ мѣстъ Россіи: мы пользуемся ими и въ нынѣшнемъ слогѣ: значитъ, вносимъ въ слогъ провинціализмы. Мы изучаемъ языкъ народный: гдѣ онъ? Въ Кіевѣ, Вологдѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ: слѣд. вмѣстѣ изучаемъ и провинціализмы.

Въ древнихъ памятникахъ провинціализмы оказываются уже измѣненіемъ самыхъ звуковъ, напр. въ Руской Правдѣ: чѣломудръ вм. цѣломудръ, цлятею вм. чашею, личемь вм. лицемь, Русск. Достопам. II, 2, 31, 34. У Нестора по Лавр. сп. 3. по разрушеньи, по раздѣленьи: изъ новыхъ писателей Гоголь весьма удачно употребляетъ *ь* вм. *і* въ окончаніяхъ, подобныхъ симъ. Въ Новог. лѣт. 2 въ пятницю вм. пятницу, 3 Половчѣ вм. Половцы, Цьрниговѣ вм. Чьрниговѣ, 5 черкы вм. церкы, посадницашь вм. посадничашь, черезъ вм. черезъ, 6 Володимиричь вм. Володимиричь, 7 Черниговчи вм. Черниговцы. Въ Ипат. 36 у веселыи вм. въ веселыи. 37 узвратися вм. взвратися. 181 вѣнечь вм. вѣнецъ, 205 моцно вм. мочно или мощно. 207 къ чѣлому (варіантъ: цѣлому) и пр.

Многія слова, попадающіяся въ древнихъ памятникахъ, доселѣ сохраняются въ областныхъ наречіяхъ, напр. Новог. лѣт. 63 бысть опшеплье;

роспо́лися вода; Ипат. 37 а семо ся за нами Днѣпръ роспаливаетъ: въ Сибири до сихъ поръ говорится *распалиться* — о рѣкѣ, когда опять прибылой воды усилится въ ней теченіе, или она выступитъ изъ береговъ. Новог. лѣт. 105 иде вода на възводъ: слич. Сибирское *взводень*. Ипат. 115 паробьци твои: въ Малороссіи и теперь. ibid. 112 ворота злаѣныя доспѣ: въ Камчаткѣ всегда *доспѣти* вм. сдѣлать: вечёрку доспѣть. Пск. лѣт. 20 и выѣха Александръ изо Пскова пословно съ Псковичи: въ Сибири *послóвна* говорится о собакѣ, вм. послушна. Въ Бѣлорускомъ нарѣчіи 1): баня—верхъ, куполъ церковный, иногда и паша баня; банный—банѣ принадлежащій: по свидѣтельству Нестора, Ефремъ, Епископъ Переяславскій, построилъ въ 1090 году *банное* строеніе. глумиться—смѣхотворить: въ томъ же значеніи и въ древнихъ нашихъ книгахъ. госпинецъ—большая дорога (польск. gościniec): толкователи неправильно понимали въ Руск. Правдѣ: оже погубитъ слѣдъ на гостинцѣ на великой (въ спискѣ XIII в.: на госпинци на велицѣ), а села не будетъ, или на пустѣ, гдѣ не будетъ ни села ни людій: и Карамзинъ ошибочно перевелъ *гостинница*. испобка: у Нестора: испопка, испобка: въ Нов. лѣт. истьба. коло — телѣга, дроги: у Нестора: (Владиміръ) повелѣ пристроити кола. лѣзть—войти куда либо: у Нестора: яко полѣзѣ въ двери. омыл-

---

1) К. Калайдовича о бѣлорусскомъ нарѣчіи въ Трудахъ Общ. люб. Рос. Слов. 1822, I.

ка—ошибка: въ томъ же значеніи въ Руской Правдѣ: промиловался. осочить — сыскать, найти: въ Руск. Правдѣ: а не осочать отъ себе слѣду. попріять—подружить: у Нестора: попріяй ми. пуща—лѣсъ, особенно густой, непроходимый: въ поученіи Владимира Мономаха: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ. рогъ — уголъ, говоря объ улицѣ: въ Псалм. 117, 27: составите праздникъ во учащающихъ до рогъ олтаревыхъ. ролейный — пахатный, отъ роля—пашня: въ Руск. Правдѣ: а иже у господина ролейный закупъ будетъ. ссташокъ—скотъ: въ Руск. Правдѣ въ смыслѣ имѣнія: иже смердъ умретъ безъ дѣтей, то ссташокъ его Князю.

Провинціализмы въ Древн. Руск. Стих. 48 а бьетъ онъ звѣри сохатые (Сибир.). 88 вотъ де те, Дунаю, будетъ паробочекъ. 115 а на другой сторонѣ было у нихъ плодбище. 156 на твоемъ государевомъ займищѣ (въ Сибир. болото). 269 деньги дробныя. 292 домовище вм. гробъ. 302 ѣздили за звѣрями обловами (въ Сибири особый родъ охоты). 402 и подъ кокору бросили (въ Яросл. кривое дерево) 419 наѣхали на стараго станишники, „по нашему рускому разбойники. Сами стихотворенія свидѣтельствуютъ о вошедшихъ въ нихъ областныхъ нарѣчіяхъ: 67 по нашему - то сибирскому словетъ полгода. 73 а и нѣтъ *у насъ* такого пѣвца, „во славномъ Новѣгородѣ. Слич. 383.

Какъ архаизмы стоятъ въ связи съ Исторіею народа, такъ провинціализмы съ его Географіею и

Спаписпикою. Не надобно жаловаться на то, будто у насъ недосшаешъ многихъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ поняшій о природѣ, напр. горной или приморской. Они у насъ есшь, и прекрасныя, только разсѣяны по разшымъ концамъ Россіи. И безразсудно было бы шребоваш, чшобы въ Московскомъ нарѣчіи нашли мы слова для выраженія явленій природы, бывающихъ на Уралѣ или на берегахъ Охошскаго моря. Ошвращеніе опъ провинціализмовъ есшь спарипный реторическій предразсудокъ, кошорый особенно неумѣсшенъ у насъ: ибо „народъ Россійскій, говоришъ Ломоносовъ 1), по великому проспранспву обишающій, не взирая на дальное разсшояніе, говоришъ повсюду вразумишельнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напропивъ шого въ нѣкоторыхъ другихъ государсшвахъ, напр. въ Германіи, Баварской крессьянинъ мало разумѣешъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хошя всѣ шого жъ нѣмецкаго народа.“ Какъ изученіе спарипнаго нашего языка роднишъ насъ съ нашими предками, шакъ изученіе провинціализмовъ сближаешъ и дружишъ насъ съ нашими соошечесшвенниками всѣхъ концовъ Россіи. Наука никакъ не можешъ предписашь, сколько и что можешъ и должно войши въ языкъ письменный изъ обласшныхъ нарѣчій: руское чушье всякаго оцѣнишъ по досшоинсшву каждый провинціализмъ, а геніальный писашель можешъ внесши въ

1) О Пользѣ книгъ церковныхъ.

письменный языкъ со всѣхъ сторонъ нашего отечества столько выраженій, что мы и представить себѣ не можемъ.

Примѣры провинціализмовъ у писателей нашихъ: у Державина въ Царь-дѣвицѣ: въ царствахъ *иншихъ* повторяли: въ Малороссіи, равно какъ и въ Польшѣ, инцій вм. иной. Слич. Ломоносова Од. 4, строф. 8. подъ *инну* Трою вновь приступишь. У Пушкина въ Исторіи Пугачевскаго бунта: онъ намѣренъ былъ обнаружить себя по выступленіи казацкаго войска на *плавню* (осеннее рыболовство). Мятежники, безопасные въ десяти саженяхъ отъ крѣпости, и большею частію *Гулебщики* (охотники). Прибѣжалъ изъ города въ крѣпость *малолѣтокъ*: Пушкинъ объясняетъ въ примѣчаніяхъ: недостигшій 14-ти-лѣтняго возраста. Въ Капитанской дочкѣ: матушка, знавшая наизусть всѣ его *свычаи и обычаи*: звычаи и обычаи—Польская поговорка; она попадается и въ Сл. о П. Иг.: кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовны, *свычая и обычая*? У Марлинскаго въ Страшномъ гаданьи: вихорь гналъ мятель по *насту*: употребляется въ Сибири и въ Др. Рус. ст. 49 а и буйны вѣтры по насту шянутъ.—Гоголь приложилъ Словарь малорускихъ словъ къ первымъ двумъ частямъ своихъ сочиненій.

Привожу для примѣра нѣсколько провинціализмовъ, руководствуясь небольшими Словарями въ Труд. Общ. Люб. Рос. Слов., въ Москвитянинѣ, 1842, No 3 и 11, въ Отечеств. записк., 1844,

No 2, 3, въ Русск. Историч. Сборн. 1839. том. III, кн. 2.

1. Въ Вологодской губерніи.

блазнишъ—мерещится, представляется какое нибудь привидѣніе. id. въ Арханг.

вещепинье—лѣкарство: связь понятій лѣкаря и вѣщаго, вѣшьства и пр. Слич. стр. 174.

вишень—плеть, вица—прутъ, лоза: отъ глаг. вить. вицы въ Арх. и въ Сибир.

вожжица—нитка, на которой пускается змѣй.

волочуга—маленькій возъ сѣна или соломы.

деревеникъ—червь, точащій дерева.

деревня—не только порядокъ избъ, но и безъ строенія пахатныя земли съ угодьями.

дошлой—смышленый, бывалый.

жадашь—желашь: употребл. въ старину.

живонь—маленькая рыбка, которую садятъ на крюкъ для приманки большой.

живулька—плотоядное насѣкомое.

жира—жизнь, жирова—состояніе; жировать вм. жить употребл. въ старину. Слич. стр. 232.

казакъ, казачиха—работникъ, работница. id. въ Ряз., Арх.

калита—карманъ; малорус. калитка; употр. въ старину: Іоаннъ Калита.

кипина—гороховина, вырванная пучкомъ; малорус. кипиця кисть: въ этихъ словахъ сохранился корень слова кисть: кип.

колесница—на дорогѣ выбой отъ колесъ.

кошка—большое дерево, вырванное водою съ корнями и занесенное на мель.

курица—кривое дерево. id. въ Ярос.л.

кушузъ—кружевная подушка.

лихоманъ — непріятный человѣкъ: слич. лихоманка.

ляды—пряское, зыбкое мѣсто; заросшее кустами болото. Исаіи V, 6: и взыдетъ на немъ, якоже на *лядину*, терніе.

маніитъ—чудится какое нибудь привидѣніе.

Мо́лёный, умолёный, бласлявленный — слова, употребляющіяся въ привѣтствіяхъ: здорово, бласлявлёный, малёный; въ этомъ же смыслѣ употребляется между женщинами: христо́вушка.

на зубъ поставишь — твердо выучишь.

набируха—корзинка для ягодъ и прочаго.

нарядишь избу — отдѣлашь ее начисто внутри, отесашь стѣны, лавки, и пр.

не усамишь—не приноровишь.

оболочка—одежда, оболочься одѣшься. id. въ Арх.

овьедень — одного дня, овыденный — обыденный.

одрецъ — телѣга съ столбиками для сноповъ и сѣна.

омелье—косперя льняная.

опихашь—обдирашь песпами въ ступѣ отъ шелухи рожь, пшеницу.

осѣкъ—огородъ, коимъ отдѣляется подножный кормъ отъ „заосѣка“, гдѣ бываютъ покосы. id. въ Арх.

охвостье—самыя мелкія и при вѣяніи далеко падающія хлѣбныя зерна.

парга—мелкое льняное волокно, къ прядешію не годное.

пачеси—очески льну.

перева́ла—облако съ грозою.

перестороna—неопредѣленное количество овса, въ одинъ разъ исполченное.

плёсо—отливъ воды; слич. пословицу: рыбакъ рыбака далеко въ плёсѣ видитъ. Еще у Плинія встрѣчается peiso вм. pelso или pleso. id. въ Ярос.л. и др.

полотница—мякина, коею пересыпаютъ яица.

польга—польза: корень въ прилаг. *легкій*; слич. у Кантемира сат. II, сш. 31 и несильно принести мнѣ никакой польги. id. въ Тверск., Влад. и др.

поросъ—некладеный быкъ и боровъ; слич. порося.

пословенъ—послушенъ; въ старину, и теперь въ Сибири.

робить—работать. id. въ Малорус. и др.

сиверно—холодно, въ другихъ мѣстахъ говорится сиверко.

страда́—крестьянская работа, когда сбираютъ хлѣбъ; въ Арханг. сѣнокосное время. Слич. въ Прол. Апр. 22: нанимашеся на дневную страду по сребренику на день взимаше. въ Правил. Митроп. Кирилла (XIII в.): или челяде дроуча голодомъ и наготою, страдою насильѣ творя. Рус. досп. I, 111.

сшибокъ—пиръ. id. въ Ярос.л.

хвостаться—парится; въ Несторе по Лавр. сп. 5: (Апостолъ Андрей) приде въ Словѣни, идеже нынѣ Новъгородъ, и видѣ шу люди сущая, како есть обычаи имъ, и како ся мыють, хвощются, и оудивися имъ.

хилокъ—вѣшерокъ, id. въ Яросл.; въ Малорус. хили́ти клонить; корень въ прилагат. *хил-ый*. Слич. въ Мамаев. побоищѣ: егда похилитъ ихъ вѣтръ съ юга или съ запада.

шаспать — просѣвать сквозь рѣшето немолотую рожь, пшеницу.

ѣздить съ лучемъ — съ остроrой рыбу ловить на лодкѣ, въ коей на придѣланной у кормы желѣзной рѣшоткѣ горятъ щепки, „смолью“ называемыя.

языкъ на зговорѣ — выраженіе, употребительное въ Сольвычегодскѣ, еще по старинѣ, въ договорахъ и условіяхъ, болѣе словесныхъ, чѣмъ письменныхъ.

2. Въ Архангельской губерніи, преимущественно въ Шенкурскомъ уѣздѣ.

биль — чистое моховое мѣсто безъ лѣсу.

богода́нный,—ая,—свекоръ и свекровь въ отношеніи къ невѣсткѣ. Слич. въ Др. Рус. стп. 408: а и зять на нее поглядѣлъ, „господинъ слово выговорилъ: „теща ты, теща моя, „богоданная матушка.

бо́льшина—воля.

воронецъ—полка посреди избы, вдоль ея всей; перекладина, на которой кладутся палати. id. въ Яросл.

вы́скорь—пень, вырванный изъ земли бурею.

дикой—глупый, дуракъ. красной id.

дубяни́цы—родъ грибовъ.

езъ—плотина изъ сосновыхъ бревенъ съ отверстіемъ, въ которое вставляется „морда,“ плетеный изъ ивовыхъ прутьевъ мѣшокъ для ловли рыбы.

живо́шникъ—кто женившись переходитъ жить въ домъ своей жены.

зарóдъ—большая куча сѣна, жердями раздѣленная на „промéжки.“

исáди—отмель, песчаный берегъ рѣки.

кокóра—пень лежащій на днѣ рѣки. Слич. въ Др. Рус. сш. 402: шупъ ему Дурыню „голову сломили, „и подъ кóкору „бросили.

кремлёвникъ—лѣсъ, растущій на мховомъ болотѣ: происходитъ отъ какого-то стариннаго слова кремль (?).

куржеви́на — шкура звѣриная.

кýрживѣть — индевѣть. id. въ Сибир.

кýрья—пересыхающій заливъ рѣки: отсюда, вѣроятно, Шенкурскъ, т. е. Шены курье.

лиси́ца — лѣсина, дерево.

лиственякъ—лиственный лѣсъ.

людно—много.

медуница—пчела.

пельга—нельзя, одного корня съ легкій и польза.

повина́—расчищенная земля подъ посѣвъ хлѣба.

óберегъ—нашептанная збруя для лошадей подъ свадебный поѣздъ: нашептывается будто для того, чтобы не текли у нихъ послѣ свадьбы три года слезы.

обмѣнёна — вообще брань: происходитъ отъ повѣрья, будто бы дьяволъ иногда подмѣниваетъ новорожденнаго младенца другимъ.

обокóнье—нижній косякъ у окна.

остáньё — заборъ, огородъ для сбережеоія правы или сѣна отъ скота.

пóршно — холстъ: въ старину поршъ зн. всякое одѣяніе. Слич. Добр. Inst. ling. slav. 119: Carniolis et Croatis *pert* est pannus lineus.

поѣзжáна — жениховы гости.

прóстины — прощанье: какъ имен-ины.

прочéстье — особенный обрядъ, когда женихъ, отправляясь подъ вѣнецъ, слѣзаетъ изъ повозки и зоветъ шестя и тещу отькушать хлѣба-соли.

рóспань — мѣсто, гдѣ одна дорога дѣлится на двѣ.

свѣсти — сестры невѣстины: древнее слово.

суслóпъ — куча сноповъ. id. въ Тверск.

угóръ — пригорокъ.

улка — улица: Новог. лѣт. 22 въ Чьгловѣ улки.

хлѣбины — угощенье новобрачныхъ у родителей молодой въ первый разъ послѣ вѣнца.

чýже, чýжанинъ: такъ невѣста называетъ жениха.

3. По Волхову, въ окрестностяхъ Полоцка, Смоленска, Новгорода Сѣверскаго и Гродка.

брыли — кружева при повойникахъ, головномъ уборѣ женскомъ; брылъ въ Бѣлой и Малой Руси зн. шляпу.

варяги, уменьш. варяжки — проворные, ловкіе, острые: можетъ быть остатокъ памяти о Варягахъ.

вѣжа — на Ильмени зн. аршель въ 16 человѣкъ, употребляемыхъ для большаго невода: см. грамоту 1697 г. 13 Марта, данную Юрьеву монастырю.

вѣшохъ—мѣсяцъ на ущербѣ: употреблялось въ старину; И. Г. Р. IV, пр. 245: осенняго перваго мѣсяца, четвертаго вешха. будетъ на другомъ мѣсяцѣ, на вешху (ш. е. на ущербѣ луны—говоритъ Карамзинъ); слич. И. Г. Р. VI, пр. 628.

загоза, уменьш. загозка—кукушка; слич. малорус. зозуля и въ Сл. о П. Иг. зегзица.

зимнякъ—восточно-южный вѣтеръ.

каршоша — лицитація, публичный торгъ; каршомить — лицитовать.

коккуй—купало, сельская игра 23 Іюня: Ходаковскій производитъ отъ кокую, ш. е. пою кукушкою.

лайва — чухонское судно на озерѣ, и рѣкѣ Невѣ; Лотвяки подъ Ригою называютъ свои барки тоже лайвэ: попадается въ старину, И. Г. Р. IV, пр. 214: ходили (въ 1310) Новгородцы въ лодьяхъ и въ лойвахъ въ озеро (Ладожское). Слич. о названіяхъ судовъ стр. 125 — 127.

Листопадная колотуха — осенняя лихорадка: остатокъ стариннаго названія мѣсяца листопада. Слич. о лихорадкахъ стр. 130 и 131.

молодзикъ (молодикъ) и новецъ—молодой мѣсяцъ.

мѣженецъ — сѣверовосточный вѣтеръ.

мѣжень — самая жаркая часть лѣта: въ старину меженина — жара, И. Г. Р. IV, пр. 322: въ лѣто 6840 (1332) бысть меженина велика въ землѣ Русской, дороговь и гладъ хлѣбный.

наволокъ — мысъ.

новожонный — недавно женившійся; польск. nowozeniec.

обжа—оглобли въ сохѣ: очень часто попадается въ древнихъ памятникахъ.

облецъ, облой — мокрый снѣгъ.

овошъ — яровая рожь.

окрупники — замаскированные; окрупишься — нарядишься, слич. И. Г. Р. II, пр. 266. Около Москвы „окрупишь невѣсту“ значитъ послѣ вѣнца надѣть на нее кокошникъ.

опава, опаева — трава выросшая осенью послѣ покоса: употребляется и въ друг. мѣстахъ, но въ Сибири, согласно съ природою, зн. поблеклая трава подъ снѣгомъ,

припечекъ — очагъ.

розбрызги свѣша, розбрызгиваешъ—свѣшаешъ.

русіи—родъ мережи у Ладожскихъ рыболововъ: не сродно ли съ русло и русалка?

сѣверомъ съ глубника—названіе вѣтра отъ лѣтняго запада.

шоча, шочиво — холстъ.

усамишь — самостоятельнымъ быть, или дѣлать самимъ собою.

хлѣбозоръ, зоряница — сухая молнія, которая обѣщаетъ хорошую погоду.

хованы—опборные люди, гвардія: слич. польск. wychowany вскормленный, воспитанный.

шапромъ, епанчею крытый домъ, т. е. крыша опущена на всѣ четыре стороны. Слич. стр. 288.

шеломомъ—когда крыша опущена на двѣ стороны.

шелонинъ — югозападный вѣтеръ, дующій отъ рѣки Шелони.

шишко — чортъ.

Слова этаго 3 го отдѣла Ходаковскій относитъ къ нарѣчію Кривицкому, т. е. древнихъ Кривичей. Періоды въ немъ оканчиваются дѣепричастіями на -ши: онъ былъ шогда пришедши, уполъ поѣвши. Татарскихъ словъ почти нѣтъ: всегда говорятъ конь вм. лошадь, рынокъ вм. базаръ; сопка, могила вм. курганъ, поясъ чаще нежели кушакъ.

4. Въ Ярославской губерніи.

божашой, божашая — отецъ и мать крестные.

бечевникъ — пологой берегъ рѣки, по коему можно тянуть барки веревкою.

бѣль — всякая мелкая рыба.

верея — столбы въ воротахъ при крестьянскихъ избахъ: употребляется и въ друг. мѣстахъ и въ народн. пѣснях.

верста — на каменной мостовой крайніе ряды изъ большихъ камней.

домовище — гробъ: и въ друг. мѣстахъ.

душичка — мотылекъ, бабочка.

заводье — заливъ рѣки, въ Малорус. заводы, въ Др. Рус. стр. 207 и поѣхалъ къ морю синему, „что на теплы, тихи заводи.

заселье — село не на большой дорогѣ.

завозъ: тянуть барку завозомъ на якорѣ, когда берега рѣки крутыя.

лапа — дерево, вырубленное съ корнемъ.

паволокъ, полива—мѣсто поемное, сѣнокосное.

наказъ — проповѣдь: древнее слово.

огнища, драки, копань, паль — вновь расчищенное мѣсто изъ подъ лѣсу.

омолишвишь — дашь имя младенцу.

оповодъ—ворота на проѣзжихъ дорогахъ, огороженныхъ плетнемъ, попадающіяся почти на каждой полуверстѣ.

пупаница — лапша

роговикъ—младенецъ, котораго еще изъ рожка кормятъ.

сборъ — ярмонка

смыслушка — пиръ.

сорвачи — щипцы.

5. Въ Костромской губерніи.

баклуши бишь — съ здоровыхъ деревъ скалывашь бока или *заболонки* для дѣланья мелкой деревянной посуды: эти заболонки наз. баклушами. Въ общемъ же употребленіи это выраженіе принимается въ смыслѣ бездѣльничашь, болтать.

блесна—оловянная рыбка съ удочкою изо рта: ею по Волгѣ ловятъ рыбу; блеснишь — ловишь блесною.

выжаровишь — выровнять: плотничье слово.

губка — руль на мелкихъ судахъ.

косякъ — канатъ.

ложки — блоки на канатахъ, коими оснащена мачта.

оболоко — сало, плавающее на щахъ.

окидь — ипей.

окинуло мѣсяцъ — ущербъ мѣсяца.

плынь подачею — противъ воды тянуть судно, вытягивая изъ воды канатъ, на коемъ впереди судна закинутъ якорь.

порубень — весло на носу большаго судна.

рыскать по Волгѣ — тоже что плынь подачею, только по водѣ.

шаланить — гребле́ю въ весла пятить судно назадъ.

6. *Въ Тверской губерніи.*

богашырь — картина.

буйвище — открытое мѣсто вокругъ церкви; въ Пск. лѣт. 52: тогожъ лѣта повелѣ Посадникъ Ѳеодосей и весь Псковъ намостити буевище и около церкви Святѣй Троицы и тынъ отынища около церкви.

веснина — баранья шерсть, стриженая весною.

вёшонъ—на весну оставшаяся изъ подъ снѣгу прошлогодняя трава.

дьякъ—учитель руской грамоты. Слич. чешск. žak (жакъ) отъ греч. διακονος, знач. ученикъ, учитель, пѣвчій; въ Соф. Вр. II, 21 тогда Бискупъ начнетъ велегласно Латынскымъ языкомъ, и жакомъ ихъ поющимъ не мало.

жадный, жадобный, ровно какъ и желанный,— любезный, милый: древн. глаголъ жадать—желать.

згибень — пирогъ безъ начинки; о книгѣ народная загадка: идетъ ни мужикъ, ни баба, несетъ ни сгибень, ни пирогъ.

зимникъ — восточный вѣтеръ.

зобащь — ѣсть, говоря о птицѣ или скотѣ. id. въ Влад.; Сербск. зобъ — овесъ.

изгреби — очески льна, остающіеся послѣ перваго чесанія.

кужель — очесанный чистый ленъ.

курицы — родъ сѣтей.

куръ — пѣтухъ: попадается въ Остромир. Евангеліи.

липвинъ — овсяная скирда.

лонщакъ — прошлогодній жеребенокъ: отъ лонись — прошлаго года, — употребляющагося въ многихъ мѣстахъ Россіи.

лука — заливъ: слич. лукоморье.

межшокъ — проливъ тѣснучій.

мокрикъ — западный вѣтеръ.

моль — мелкая рыба.

носъ — острый конецъ яйца, пупка — тупой.

образовавшцы — между любящимися даютъ клятву передъ образами на бракосочетаніе. id. въ Тульск.

осенчина — сѣно поздно осенью косимое.

па́морокъ — частый и очень мелкій дождь въ видѣ тумана.

пачесы — очески льна, остающіеся послѣ послѣдняго чесанія.

погали — послѣднее время передъ первымъ зимнимъ путемъ.

пошёмокъ: плотники, вырубая верхній косякъ, оставляютъ на боковомъ косякѣ закраину (пошёмокъ), которая не допускаетъ просвѣчивать въ щель, образующуюся отъ ссыханія дерева.

принять скопину — зарѣзать скопину.

пупина — путь, совершаемый на баркахъ каналами и рѣкою Мстою.

райдуга — радуга: не льзя ли приставкою *рай* объяснить это слово?

рогъ — мысъ, выдавшійся въ воду.

сокрашить — погасить горящую передъ образомъ свѣчу или лампаду.

суіомъ — общественное собраніе, сходка: сродно съ сонмъ и сеймъ.

сумешъ — сугробъ.

супрядка — посидѣлки, на которыхъ прядутъ.

ушлый—худой, испорченый.

ушрище — уширальникъ, полотенце.

челядня — большая семья.

шапунъ — сосновый лѣсъ, не самый высокій.

шеломъ— конекъ на кровлѣ: въ старину значило не только шлемъ, но и гору.

щепь — щетка, которою чешутъ ленъ.

яснецъ — ледъ не покрытый снѣгомъ.

7. *Во Владимирской губерніи.*

аршусъ — сокровище.

баранъ—повѣшенный на веревкѣ рукомойникъ.

брашина — большая чаша: есть и въ друг. мѣстахъ.

глумлюся—смѣюсь: древнее слово.

досягаю—снискиваю: древнее слово.

дубецъ—прутъ.

испылъ — умеръ, околѣлъ.

ладонь—гладко убитое мѣсто для молотьбы.

марка—полтина.

пашура—паука.

ошанушь—какъ вѣшерокъ, тихо прикоснушься къ тѣлу чѣмъ либо мягкимъ и легкимъ.

пожня—сѣнокосъ.

по муромщику, по касимовщику—по Муромской, по Касимовской дорогѣ.

рымъ—домъ.

ходьба — торговые люди, переѣзжающіе съ мѣста на мѣсто.

8. *Въ Тульской губерніи.*

верхъ, вершина — оврагъ.

гуляшь въ окно — смотрѣшь изъ окна на улицу, говоря о женщинахъ.

лоскъ—лощина: коренное слово: ск измѣнилось въ щ. id и въ друг. мѣстахъ.

обапола—кругомъ.

охвостье—мякина.

развилье — непроворный, слабый.

раздряга—разслабленный.

свейки—мякина.

сшыдь—холодъ.

сухмень — сухая погода.

яругъ—ручей, буеракъ: въ Сл. о П. Иг. яругы имъ знаеми. Въ Курск. губ. еруга.

9. Въ Рязанской губерніи.

бучило—скрытая яма въ рѣкѣ или озерѣ бездонная пропасть.

гуменце — темя на головѣ.

жишникъ—крыса. Въ Яросл. зн. ячмень.

жишочикъ—мышь.

закутье—чуланъ; кутъ — задняя часть избы.

зябра — отлогая лощина, въ коей временемъ бываетъ вода.

комель — конецъ срубленнаго дерева съ корня, также ручка у вѣника.

корь—корень; родит. падежъ кря.

куря — мятель, вьюга.

кушишъ — идетъ большой снѣгъ.

лавы — мостъ для пѣшихъ изъ плетня или тонкихъ досокъ.

лажокъ — низменное луговое мѣсто.

плетень — подошва у лаптя.

побабить—женить.

пообрачить — наложить оброкъ.

приволочка — небольшое судно.

призарить—прельстить.

прорва — протокъ рѣки.

рашь—непріятель.

рукоятка — толстая и коротkая палка.

сухостой — засохшее дерево.

сходцы — лѣстница.

прудень — боленъ; запрудился — заболѣлъ.

10. Въ Сибири, преимущественно въ Камчаткѣ.

Въ бо́льшей подробности привожу провинціализмы Сибирскіе, съ цѣлью, чтобы ярче показать, какъ выражается въ областныхъ нарѣчіяхъ мѣстная природа и мѣстная жизнь.

а) *Суровая природа.*

бродовщи́къ — который прокладываетъ вновь дорогу по снѣгу на лыжахъ или на лапкахъ. Напр. послать впередъ бродовщиковъ.

бусъ — самый мелкій, едва примѣтный дождичекъ, иногда весьма продолжительный. (Бусая кошка — у которой шерсть бусаго, дымчатаго цвѣта). Бусить — идетъ мелкій дождь при постоянной пасмурной погодѣ.

грива — не широкое, но длинное возвышеніе, идущее между двухъ логовъ или пропастей (въ сѣверовосточн. Сибири).

дымокуръ — курящійся отъ малаго огня навозъ или гнилое дерево, для отогнанія комаровъ.

зло́бчикъ (взлобчикъ) — пригорокъ, подымающійся круто.

заспруга — весьма твердыя волнообразныя неровности снѣга, дѣлающіяся послѣ сильнаго вѣтра.

зимни́къ — дорога, по которой ѣздятъ только зимой, въ противоположность лѣтнику.

коренна́я вода — послѣдняя весенняя высокая вода въ рѣкахъ, отъ растаявшихъ въ вершинахъ снѣговъ.

кормови́ще — пастбище для скота.

ку́рчажина — углубленіе, вымытое водою; рытвина.

ку́ржевѣть — индевѣть, облипнуть замерзлыми парами; куржевина — замерзшія испаренія. id. въ Волог.

ку́хта — рыхлый снѣжокъ отъ испареній и тумановъ, пристающій къ деревьямъ иногда во множествѣ.

кухта валится — снѣгъ падаетъ хлопьями съ деревьевъ въ ясную погоду, отъ собственной тяжести, или отъ вѣтерка.

лыжница — слѣдъ по снѣгу отъ лыжъ.

ма́рево — мракъ на небѣ и болѣе по горизонту отъ густоты воздуха при сухой, ясной погодѣ.

мо́рокъ, мо́рочно — пасмурность, мракъ, пасмурно, мрачно по небу; морока́етъ — становится пасмурно передъ ненастьемъ.

мохови́ще — пространство, покрытое мохомъ, тундра, гдѣ пасутся олени. Напр. моховище перемѣнить — перейти съ оленями на другое мѣсто.

на́кипень — вода, вытекающая зимою изъ ключа и плотно замерзающая по мѣрѣ выступленія.

на́кипь — снѣгъ, пристающій комками къ санным полозьямъ въ сырую погоду.

на́ледь — вода, выступившая сверхъ льда, незамерзлая.

ныро́къ: 1. ухабъ, выбоина на зимней дорогѣ; 2. особая порода утки.

падь, паду́шка — разлогъ, ложбина, углубленіе въ горахъ, иногда долина между горами; напр. дорога падью; спускаться, ѣхать по пади.

палъ, палы пускать—выжигать, палить весною праву на сѣнокосѣ.

перено́га — слѣдъ звѣря по вновь выпавшему снѣгу. Переногу гнать, за переногой ходить—ходить зимой на промыслъ за звѣрями по свѣжему снѣгу.

по голу ѣхать — весною ѣхать на саняхъ по землѣ, а не по снѣгу.

поднавѣсъ—навѣсъ снѣга съ горы или съ упесистаго берега.

прижимъ—морской ледъ, принесенный вѣтромъ и примкнувшійся къ берегу.

припа́екъ—ледъ, примерзшій къ берегу. Напр. ѣхать по припайку, по прибрежному морскому льду. По вскрытіи рѣкъ у береговъ остаются припайки.

пропа́рина — полынья въ рѣкѣ.

пу́рга — вьюга, мятель, ненастье, вѣтеръ со снѣгомъ. Пурги́ть—дѣйствіе пурги; напр. на дворѣ шибко пуржитъ. id. въ Перм. и Вяцск.

пустопле́сье — мѣсто безлѣсное, открытое со всѣхъ сторонъ (охотск.).

развóдъ—о снѣгѣ, когда весною въ ясный день послѣ утренняго наста онъ растаетъ, и не поднимаетъ ни человѣка, ни собакъ. Говорятъ: развело т. е. снѣгъ растаялъ, сдѣлался жидкимъ, напр. ѣхать по разводу.

разсóлъ, расóлъ—морская вода поверхъ льда.

разсóшина — истокъ рѣки, когда она составляется отъ соединенія двухъ или болѣе меньшихъ; говорятъ: „у этой рѣки двѣ разсошины“ т. е. она имѣетъ начало изъ двухъ рѣкъ.

рѣзунéцъ—самый тонкій, чистый, прозрачный осенній ледъ на рѣкахъ и озерахъ. Онъ бываетъ ровной, одинаковой толщины и покрываетъ иногда значительное пространство по всей поверхности водъ.

рѣзýнъ — ледяныя иглы, образующіяся весной изъ тающаго снѣга.

рѣкоставъ — время, когда становится рѣка.

сопка, сопочка—огнедышущая и всякая отдѣльно стоящая или островерхая гора, даже и не горѣлая.

сполóха—1, сѣверное сіяніе и 2, свѣтлыя фосфорич. полосы на водѣ, встрѣчаемыя иногда ночью въ Охотскомъ морѣ.

шóросъ, шорóсовато—льдина, торчащая стоймя, не ровно покрывшаяся льдомъ вода, когда льдины становятся не гладко, движимыя вѣтромъ или теченіемъ, и взворачиваются одна на другую въ разныхъ положеніяхъ; напр. море стало (покрылось льдомъ) шоросовато; дорога шоросоватая.

шýндра,-очка,—безлѣсное, ровное, мокрое или сухое, обширное пространство земли, иногда покрытое мохомъ или травою; и то, что въ Европейск. Россіи назвали бы лугъ или поле. Это самое слово въ

Камчаткѣ не употребительно, по неимѣнію хлѣбопашества. Различается мокрая, сухая, моховая тундра.

убо́й — снѣгъ, шуго убитый сильнымъ вѣтромъ.

убро́дъ — рыхлый, глубокій, недавно выпавшій снѣгъ; говорятъ: ѣхали по убою, или по уброду, въ убродъ, т. е. по твердому или рыхлому снѣгу.

ува́лъ — долгій, невысокій пригорокъ, косогоръ.

улово — мѣсто на быстро текущихъ водахъ, гдѣ у береговъ теченіе закруживается: су́вошь — въ Астрахани; напр. въ у́лово попалъ.

хіу́зъ — рѣзкій холодный вѣтерокъ зимой, и отъ того нарѣчіе хіузно.

хламни́къ — лѣсъ, деревья, съ сучьями, накиданныя на берега или принесенныя на отмѣли рѣкъ; напр. эта протока хламниста и заломиста, т. е. по ней много нанесено лѣсу, кокоръ.

шахма́ или сакма́ — слѣдъ отъ саней по снѣгу.

шуга́ — появляющійся осенью на рѣкахъ ледъ, или обмерзлые комья снѣга, называемые на Невѣ сало, а на Волгѣ ша́ушъ. Шуга толще рѣзунца.

щёки — горныя ущесы на обѣихъ сторонахъ рѣки: такіе есть на рѣкахъ Ленѣ и Камчаткѣ.

б) *Море, вода, берега и т. п.*

буру́нъ — прибрежное волненіе моря, бывающее и въ тихую погоду.

бычёкъ — небольшой порогъ, или сильная быстрина на какомъ нибудь мѣстѣ рѣки, примѣтная по всегдашнему тутъ волненію.

взво́день — зыбь на морѣ послѣ сильнаго вѣтра или при перемѣнѣ періодическаго теченія моря; волненіе на отмеляхъ; напр. взводень ходитъ.

выкидни́къ — лѣсъ выкинутый на берегъ моря; напр. изъ выкидника строено.

выкидъ—морское животное, выкинутое на берегъ, напр. китъ, бѣлуга морская. Къ выкиду ѣздили

дури́тъ рѣка — когда она отъ прибылой съ горъ воды разливается и выступаетъ изъ береговъ.

зала́вокъ — вымытое водою подъ берегомъ мѣсто, гдѣ можетъ скрываться рыба.

ке́куръ—высокій, иногда тонкій, отдѣльно стоящій камень на берегу или въ морѣ.

кулшу́къ—узкая часть залива въ самомъ концѣ его; другой меньшій заливъ, выходящій изъ большаго. id. на Касп. морѣ.

курья—долгій заливъ рѣкъ, въ которыхъ нѣтъ теченія; бывшій проливъ, замешанный сверху. id. въ Арх.

ла́йда — иловатая мель, обсыхающая въ малую воду, во время морскаго отлива. id. въ Арх.

лопа́тка: 1. всякій выдавшійся въ море плоскій мысъ на концѣ земли, напр. Камчатскою лопаткою называется южной конецъ полуострова; Олюторская лопатка; островная лопатка на Курильскихъ островахъ. 2. Гадать на лопаткѣ: очищеную оленью лопатку кладутъ на горячіе уголья, и послѣ снявъ и смотря на трещины, предсказываютъ будущее.

матера́я — матерой берегъ, земля за моремъ. Такъ говорится на островахъ о твердой землѣ. Выд-

ши на машеру́ю, значитъ придши изъ Камчатки или съ осптрововъ въ Охотскъ.

не́пропускъ — каменный утесъ берега, мимо котораго нельзя пройти внизу возлѣ воды; непроходимое мѣсто по берегу у воды; тамъ, гдѣ утесы спускаются прямо въ воду.

аппрядьпь — кекуръ, каменный столбъ въ морѣ близъ берега.

переборъ — 1. мелководье, банка при устьѣ рѣки, боръ. 2. Шенъ въ танцахъ (chaine).

поливно́й камень — покрываемый водою только во время морскаго прилива (въ Америкѣ).

пошайни́къ — подводный камень; напр. пошайникъ играетъ, когда въ тихое время на подводномъ камнѣ вдругъ поднимается бурунъ или всплескъ, весьма опасный для гребныхъ судовъ.

сулой — неправильное большое волненіе отъ двухъ съ противныхъ сторонъ идущихъ спорныхъ теченій, встрѣтившихся въ проливѣ; бываетъ при перемѣнѣ приливовъ и отливовъ моря. id. въ Арх.

шивера́ — быстрина воды въ рѣкѣ, на мелкомъ каменистомъ мѣстѣ.

в) *Собаки, пъзда на нихъ, сани.*

а̀локъ и а̀ликъ — упряжь собачья, наподобіе лямки, на какой тянутъ суда.

во́льница — собаки, бѣгающія по волѣ, никому не принадлежащія, не извѣстно чьи.

во́йдишь — обливать теплою водою на морозѣ санные полозья, чтобы они покрылись тонкимъ слоемъ льда, для лучшей кашкости. (въ Ижигѣ).

вышь — доля назначаемая въ пищу собакамъ на одинъ разъ; слич. И. Г. Р. IX въ прим.

звѣро́вая — собака охотничья, ѣздовая.

каюра, -ъ, -щикъ — кучеръ, управляющій собаками. Каюрить — управлять санками и собаками.

не́йма — собака, не дающая себя скоро поймать.

переде́вка, передовая — ѣздовая собака, которая бѣжитъ впереди.

послу́вна, ая — послушна, говоря о собакѣ.

по́шягъ — длинный, толстый и крѣпкій ремень у саней, по числу запрягаемыхъ собакъ. Къ нему припрягаются собаки попарно, какъ лошади по обѣ стороны дышла.

г) *Охота и дикіе звѣри.*

ва́женка — оленья самка, а самецъ наз. быкъ.

до́шлая лисица — взрослая, старая, которая всегда хитрѣе молодой. До́шлая отъ не́долиси отличается тѣмъ, что оконечность хвоста у взрослой всегда бѣлая.

дра́нка — пораненый, котораго медвѣдь дралъ, это имя остается уже на всю жизнь.

духъ забра́ть — о звѣрѣ, когда онъ почуетъ охотника, или о собакахъ, когда онѣ услышатъ звѣ-

ря и побѣгутъ изъ всѣхъ силъ, такъ что трудно ихъ удержать; тогда говорится: собаки на духахъ понесли.

душевре́дно—смертельно, гибельно, опасно ранишь, говорится болѣе о раненомъ звѣрѣ; напр. попалъ, да не душевредно.

дымлёнина—выдымленая, копченая, держанная въ дыму оленья шкура безъ шерсти; она не твердѣетъ, не скорбнетъ отъ мокроты.

жирова́ть — ѣсть убитыхъ на мѣстѣ звѣрей, иногда нѣсколько дней сряду; ѣсть вдоволь нѣкоторое время; утопать въ изобилiи, въ роскоши.

кулёмка — ловушка для промысла малыхъ звѣрей: соболей, горностаевъ.

ку́ренга — тѣло звѣря, съ коего сняша шкура, одрань.

ма́шка, — очка. 1. самка живопнаго; напр. бобровая машка 2. компасъ, компасикъ.

машу́ха—медвѣдица, особенно же когда она съ дѣтьми.

медвѣдка—молодой бобренокъ, не черный шерстью.

мѣсто: 1. ящикъ, сума, кипа съ товаромъ; 2. шкура соболя или лисицы; говорятъ: на два мѣста купилъ, разумѣя подъ этимъ шкурки двухъ звѣрей.

не́дорослъ — шкура со взрослаго оленя, на которой новая шерсть послѣ линянiя не выросла еще въ надлежащую величину.

досше́ля—шкура взрослаго звѣря съ шерстью.

при́пускъ — о звѣряхъ, когда ихъ появляется много. Въ такомъ-то году былъ припускъ медвѣдей, лисицъ.

при́ступъ—собаки лаютъ на приступъ, т. е. съ лаемъ рвутся съ цѣпей, и вскакиваютъ на задніе ноги.

пыжикъ — шкура оленьяго теленка.

ро́вдуга (въ Охотскѣ болѣе ро́гдуга) — выдѣланная оленья кожа безъ шерсти, замша.

свѣжевать — потрошить, вскрывать, вычищать убитое животное: напр. свѣжевать оленя. Свѣжина — свѣжее, сырое мясо.

сиводушка, сиводущатая лисица — лисица, составляющая средину между красной и чернобурой. Шерсть ея на задней части, на брюхѣ и лапахъ бываетъ темнаго цвѣта. Въ торговлѣ она цѣнится выше красной, а ниже черной. Изъ вида красныхъ лисицъ извѣстны еще: огнёвка и крестовка.

сохатой: 1. лось, дикій большой олень. 2. созвѣздіе большой медвѣдицы.

сѣка́чь — кобель некладеный, и вообще самецъ, говоря о звѣряхъ, напр. о сивучахъ.

шулунъ,—чикъ — шкура, цѣликомъ снятая съ животнаго, защитая и надутая воздухомъ, или чѣмъ нибудь наполненная. Телячій шулунъ.

убо́ина — убитая скотина, или олень; напр. убоинка у меня.

убойное мѣсто — у звѣря, опасное для раны; напр. сердце, голова.

узе́щить — увидать, говорится о животномъ, и болѣе о медвѣдѣ, когда онъ увидитъ человѣка.

укéнчина — плохая, дрянная оленья кожа безъ шерсти; иногда и нарочно приготовленная, служащая для покрыванія чего нибудь отъ сырости и мокроты.

ушканъ, - чикъ — заяцъ (во всей Сибири).

чумъ — нѣсколько оленьихъ кожъ, сшитыхъ вмѣстѣ, покрывающихъ кочевую юрту, и отъ того прокопченыхъ дымомъ.

шепунъ — медвѣдь, который долго ходитъ осенью, не ложась въ берлогу.

Кромѣ того многія названія одежды, сдѣланной изъ оленьей и друг. шкуръ.

д) рыбная ловля, какъ одинъ изъ господствующихъ промысловъ:

бережникъ — веревка у одного конца невода, остающаяся на берегу, когда неводъ завозятъ для мешанія.

запóръ (рыболовный) — деревянная постройка, дѣлаемая на рѣкахъ изъ кольевъ и жердей для промысла рыбы.

икрянка, искряная — рыба съ икрой, самка.

кислая рыба — прошухлая, вонючая, испортившаяся рыба.

корыпо или плавежный запоръ — особаго рода устроеніе на рѣкѣ для промысла рыбы.

крючка́пь — ловить или вынимать рыбу изъ лодки, поддѣвая ее крючкомъ, насаженнымъ на коротшкую рукоятку.

лёжбище, лёжбище сивучей — мѣсто, гдѣ располагаются и ложатся сивучи; обыкновенно на ушесахъ.

лощалая, лошалая рыба — старая, избившаяся рыба, у которой на бокахъ красноватыя не правильныя пятна; впослѣдствіи въ вершинахъ рѣкъ, къ осени она становится почти бѣлою.

ма́рикъ — подвижной на длинномъ шестѣ крюкъ, которымъ колютъ и ловятъ рыбу.

носо́къ — дротикъ съ желѣзнымъ копьецомъ; имъ колютъ нерпъ.

не́рпа — тюлень.

11. Въ Малороссіи

Напротивъ того провинціи южныя предлагаютъ много словъ, выражающихъ понятія о природѣ болѣе умѣренной; напр. въ Малороссіи 1) названія растеній и ш. п.

барвинокъ — трава vinca pervinca.

блекота́ — дурманъ трава, бѣлена.

бринѣю — созрѣваю, собств. тѣмнѣю.

будякъ — чертополохъ.

буркунъ — ворчунъ; трава донникъ, melilotus.

волошка — растеніе василекъ, centaurea cyanus.

---

1) Труд. Общ. Люб. Рос. Сл. 1823, III; Максимовичемъ издан. Малорос. пѣсни, 1827.

гичка — листы свекольные.

глыва — баргамотъ.

гу́бы — грибы вообще.

дяглица — снить трава.

жировати — ѣсть плоды, говоря о птицахъ; съ сербск. жи́рити — ѣсть жолуди, ибо жи́рка или жиръ посерб. и малорус. жолудь.

жерлуха́ — кресс - салатъ.

журавли́на — клюква.

збожье — разнаго рода хлѣбъ, въ полѣ растущій: почешски имѣніе, богатство: корень *богъ*.

каменица — костяника.

кисли́ца — кислое яблоко и дерево, на которомъ растутъ кислыя яблоки.

колоколу́ша — черемха.

косови́ца — время сѣнокоса.

любка — растеніе orchis bifolia.

нечуй-вѣтеръ — трава, которую даютъ свиньямъ для жиру.

очеретъ — тростникъ arundo phragmies.

паляни́ця — хлѣбъ изъ гречневой муки.

петровы батоги — дикій цыкорій.

печерица — шампіонъ, agaricus campestris.

полови́ца — клубника.

поло́ва — мякина. половѣе жито — рожь созрѣваетъ, покрывается мякиною.

порѣчки — красная смородина.

ряска — трава lemna.

сто́крашки — маргаритки.

суни́ца — земляника.

сѣножать — лугъ, гдѣ бываетъ сѣной покосъ.

проянда — роза.

узваръ — сухіе плоды.

хрущъ — насѣкомое, поѣдающее цвѣты на плодоносныхъ деревьяхъ.

червецъ — канцелярское сѣмя.

яловéцъ — можжевельникъ.

Нарѣчія малоруское и бѣлоруское разсматриваются какъ отдѣльныя отъ великорускаго, самостоятельныя, и потому реченія ихъ болѣе чужды намъ, нежели остальныхъ провинцій. Такъ въ малоруское вошло много иностранныхъ, нами не принятыхъ словъ, напр. вирша — поздравительная рѣчь. кадукъ — падучая болѣзнь. каламаръ — чернилица. каплица — часовня. конвалѣя — ландышь. коштовать — отвѣдывать. крейда — мѣлъ. левада — огороженный сѣнокосъ. лыхтарь — подсвѣшникъ. муръ — каменная стѣна. розинки — изюмъ, и проч. Впрочемъ весьма многія реченія вовсе не чужды и намъ, напр. гукъ — эхо, отголосокъ; гробовище — кладбище, дó-свѣтки — время передъ свѣтомъ, задвóрокъ — задній дворъ; названія пастуховъ: овчаръ, скотарь, стадникъ, и проч. Точно такжe надобно отличать и въ другихъ провинціализмахъ чисто руское отъ шапарскаго, финскаго и пр.

Со временемъ, когда издадутся литературные памятники областныхъ нарѣчій, можно будетъ разсуждать о провинціализмахъ въ предложеніяхъ и въ построеніи рѣчи. Впрочемъ, на первый разъ, уже и

Ономашика провинціальная предлагаетъ весьма важные результаты: 1) нѣкоторыя провинціальныя реченія попадаются почти во всѣхъ областяхъ Россіи: слѣд. они теряютъ характеръ мѣстнаго провинціализма, составляя общее достояніе всего народа. 2) многія древнія слова и обороты, совершенно для насъ понятные, сохранились только въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ: слѣд. и ихъ не льзя назвать провинціализмами. 3) областныя нарѣчія предлагаютъ множество мѣткихъ выраженій такимъ понятіямъ, для коихъ нѣтъ словъ въ языкѣ письменномъ: спрашивается: можно ли отвергнуть такіе провинціализмы, какъ никуда негодный хламъ? 4) въ провинціализмахъ выражается жизнь народа рускаго во всемъ ея неистощимомъ разнообразіи: а разумѣется необходимо изучать жизнь своего народа, и наука имѣетъ благородную цѣль—сблизить людей образованныхъ съ ихъ соотечественниками, разсѣянными по всей Россіи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ спорѣ о народномъ языкѣ знакомимся мы съ идіотизмами рускаго языка. Въ архаизмахъ языкъ неразрывными узами связывается съ древнимъ бытомъ, съ жизнію воинскою, гражданскою, художественною, словомъ со всѣми сокровищами нашей старины. Исторія варваризмовъ идетъ рука объ руку съ народною образованностію: вопросъ объ языкѣ тѣсно присовокупляется къ вопросамъ нрав-

сшвеннымъ, и разрѣшается борьбою народнаго съ чужеземнымъ. Какъ архаизмы и варваризмы совпадаютъ съ Исторіею народа: такъ провинціализмы можно назвать филологическою Географіею и Статистикою: они знакомятъ насъ съ природою и жителями Россіи.

Народный языкъ сохранилъ въ себѣ многія формы церковнославянскія, и наоборотъ въ церковнославянской литературѣ постоянная примѣсь рѣчи народной. Провинціализмы суть не что иное, какъ развѣтвленіе народнаго языка: изъ нихъ онъ слагается: потому, какъ существенная стихія, входятъ они и въ архаизмы. Древнія славянскія формы стоятъ между архаизмами и варваризмами.

Въ каждой изъ этихъ стихій языка есть своя крайняя, негодная сторона: народность граничитъ съ невѣжествомъ; архаизмы надуваютъ слогъ напыщеными фразами; варваризмы, въ ущербъ самостоятельному мышленію, прикрываютъ не переваренныя въ головѣ мысли непоняшными и по большой части не поняшыми словами; провинціализмы унижаютъ слогъ до площадной брани. Я разсматривалъ эти стихіи во всей обширности, стараясь показать необходимое и разумное значеніе ихъ въ языкѣ.

Авторитетъ новѣйшихъ писателей, отъ Ломоносова до Пушкина, неоспоримо великъ: но только имъ однимъ ограничиться ни коимъ образомъ не возможно; ибо языкъ непрестанно движется и живетъ своею мощною жизнію въ лонѣ народномъ.

Образцовые писатели даютъ рѣчи учащагося складъ и связь, и указываютъ путь, какъ пользоваться языкомъ народа. Стилистика древнихъ языковъ стоитъ въ предѣлахъ классическихъ писателей: Стилистика новыхъ, и преимущественно рускаго, Литература коего только что разцвѣтаетъ, должна разширить свои границы.

Какъ слово и предложеніе составляютъ существенную стихію всякаго словеснаго произведенія, такъ и Грамматика является необходимою частью Стилистики. Стилистика отъ отдѣльныхъ словъ и выраженій была общественнаго или религіознаго доходитъ до построенія оратерской рѣчи, отъ грамматическихъ родовъ до басни, отъ символики въ отдѣльныхъ словахъ и грамматическихъ формахъ до чудеснаго въ поэмѣ, и пр.

Каждому языку свойственъ особенный складъ рѣчи, именуемый слогомъ: Стилистика Руская отъ первой страницы до послѣдней должна быть *генетическимъ* опредѣленіемъ рускаго слога.

КОНЕЦЪ.

2007055486